

МЕМОУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

А. Х. БЕНКЕНДОРФ

ВОСПОМИНАНИЯ
Том II. 1826—1837

DirectMEDIA

А. Х. Бенкендорф

Воспоминания

Том II
1826–1837

Москва
Берлин
2020

УДК 94(47).07
ББК 63.3(2)52-9
Б46

Бенкендорф, А. Х.

Б46 Воспоминания. В 2-х т. Т. II 1826–1837 /
А. Х. Бенкендорф. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа,
2020. — 552 с.

ISBN 978-5-4499-0454-6

Долгие годы Александра Христофоровича Бенкендорфа (1782–1844 гг.) воспринимали лишь как гонителя великого Пушкина, а также как шефа жандармов и начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. И совсем не упоминалось о том, что Александр Христофорович был боевым генералом, отличавшимся смелостью, мужеством и многими годами безупречной службы, а о его личной жизни вообще было мало что известно. Представленные вниманию читателей мемуары А. Х. Бенкендорфа не только рассказывают о его боевом пути, годах государственной службы, но и проливают свет на его личную семейную жизнь, дают представление о характере автора, его увлечениях и убеждениях.

Материалы, обнаруженные после смерти А. Х. Бенкендорфа в его рабочем столе, поделены на два портфеля с записями, относящимися к времени царствования Александра I и Николая I.

Во второй том воспоминаний вошли материалы, относящиеся к периоду правления Николая I (1826–1837 гг.).

Издание снабжено богатым иллюстративным материалом.

УДК 94(47).07
ББК 63.3(2)52-9

Между тем, первые известия об этом, появившиеся в Петербурге, вызвали большую тревогу. По ним еще нельзя было судить о размерах заговора, ожидалось, что к нему присоединятся другие полки и другие командиры, тем более что одним из самых активных участников заговора был признан князь Волконский, который был адъютантом императора Александра и командовал бригадой. Этот недостойный был осыпан милостями почившего императора, он был арестован и привезен в Петербург, где он проявил столько малодушия, что вызвал ярость и скверное к себе отношение в среде заговорщиков против своего государя. Вскоре, однако, все успокоились, убедившись по показаниям и накалу противостояния, что главари и большая часть заговорщиков находились в наших руках. Следственный комитет, который собирался в одном из помещений Дворца, перенес свою работу в крепость, где были заключены виновные. Работа Комитета шла со всей энергией, которую только можно было себе вообразить, и продолжалась до июня месяца. Обвиняемые могли пользоваться всеми юридическими возможностями и имели большой выбор способов защиты.

Вскоре общественное мнение, возмущенное этим подлым заговором, и испуганное было двумя бунтами, которые кровью отметили свою опасность и ужасность, ослабило свое внимание к этому делу с тем, чтобы присмотреться к событиям нового царствования, отличительными чертами которого уже стали деятельность, лояльность и настойчивость.

Через несколько дней после своего восшествия на престол, император принял весь дипломатический корпус. Таким образом, он хотел продемонстрировать сразу всей Европе свои намерения и политику, движущими силами которых были искренность и лояльность. Со знанием дела он

говорил о вещах, удививших самых искушенных дипломатов. Они вышли тронутые и потрясенные тем, что только что слышали из уст молодого и начинающего государя, который в начале своей деятельности продемонстрировал столь резонные и справедливые взгляды, которые он высказал с умеренностью, столь редкой для его возраста и огромного могущества империи, которой он призван был управлять.

Смерть императора потрясла и огорчила всю Европу потому, что ему удалось восстановить европейское равновесие. Он был личным другом многих государей, был защитником Франции после падения Наполеона, надеждой на восстановление порядка и главным элементом системы, которая гарантировала мир и независимость народов. Австрийский император и прусский король искренне оплакивали потерю своего союзника и друга, немецкие принцы сожалели о милостивом защитнике. Все европейские правительства старались опередить друг друга в выражении сожаления от только что понесенной Россией потери, и своего равнодушного отношения к молодому наследнику его могущества.

Для выражения соболезнования король Пруссии прислал своего сына принца Вильгельма, Австрия направила эрцгерцога Фердинанда, Англия поручила эту миссию маршалу Веллингтону, Франция доверила ее маршалу Мармону, герцогу Рагузскому, Бавария прислала маршала Вреде, все они выразили слова сочувствия и уважения.

День и ночь император занимался государственными делами, он работал с министрами, чтобы войти в курс всех отраслей обширной системы управления своей империей, он решал все дела, которые были собраны либо в кабинете императора Александра в бумагах, которые были присланы из Таганрога, либо в различных министерствах. Он думал о восстановлении флота, который сократился после многих лет существования, и который был полностью уничтожен

в порту Кронштадта в наводнение 1824 года. Он внимательно занимался вопросами образования молодежи, принципиально реформировав и улучшив кадетские корпуса, питомники наших офицеров и генералов. Это столь жизненно важное для будущего России дело находилось в неумелых или в пассивных руках. Во многих учебных заведениях, даже в Царскосельском лицее, перед глазами императора, внедрялись или, по меньшей мере, не искоренялись самые подрывные принципы.

Молодой государь, который раньше занимался почти исключительно военным делом во всех его подробностях, должен был начать изучение законов, финансов и системы управления в тот момент, когда он стал арбитром и судьей всех этих различных отраслей управления. Он не испугался, а противопоставил всем трудностям, даже некомпетентности людей, которых он нашел во главе различных отраслей, настойчивость, деятельность, старание и мудрость, которая была выше всяческих похвал.

Бывший всемогущий первый министр граф Аракчеев, который сосредоточил в своих руках почти все дела, в память об императоре Александре сохранил все свои звания и награды. Он был просто удален от дел, которыми раньше ни под каким видом не занимался, и которые лишь благодаря доверию и дружбе почившего императора постепенно перешли под его влияние. Через некоторое время после смелой и неуместной публикации и особенно перевода личной переписки, которой его удостоил император Александр, его наследник, возмущенный такой неделикатностью, запретил ему заходить в резиденцию¹.

Известно, что императрица Елизавета проявила самую трогательную заботу о своем царственном супруге во время

¹ Имеется помета, возможно, рукой Николая I: «Это неправда».

его болезни, именно она сообщила императрице-матери о его смерти словами, которые так хорошо характеризовали только что понесенную ею утрату, она сказала: «Наш Ангел — на небе». Она не на много пережила его, и умерла во время возвращения в Петербург от болезни, которая долгое время отравляла ее жизнь.

Тело императора Александра было медленно перевезено к месту погребения его предков. По всей дороге люди приходили выразить его памяти самую искреннюю и поразительную дань сожаления и уважения. Его проезд по Москве вызвал настоящий траур, люди падали на колени и пытались опередить друг друга, чтобы поклониться и поцеловать гроб, заключавший останки государя, которого Москва видела столь добрым, столь желавшем ей добра. Наконец, кортеж приехал в Царское Село, которое в последние годы было излюбленным местом пребывания императора Александра. Император и мы все поехали ему навстречу. Жители стояли на коленях и плакали, молились за душу своего почившего Хозяина. Императрица-мать и молодая императрица ожидали в дверях дворца, и гроб с рыданиями был внесен в дворцовую церковь. Там он стоял несколько, затем его перенесли в Чесменский дворец, где свинцовый гроб с телом поместили в более роскошный, приготовленный тем временем в Петербурге. Войска, все гражданские власти и остальные участники погребальной церемонии, этого последнего знака уважения к императору, а также почти все население царской резиденции вышли встретить останки императора Александра и заполнили все улицы и окна. Погребальная процессия остановилась у Казанского кафедрального собора, в котором под величественным и мрачным катафалком гроб был выставлен для выражения знаков уважения и преданности представителей всех слоев общества.

«Наш ангел на небесах»

Через 10 дней участники погребальной церемонии вновь надели траур, войска заполнили улицы, народ толпился в местах проезда кортежа. Тело почившего императора было вновь помещено на повозку, которая и доставила его к месту вечного упокоения — в крепость, где смерть воссоединила его с уже захороненными царственными предшественниками. В тот момент, когда пушечные залпы возвестили всем, находящимся снаружи, о том, что тело императора опущено в могилу, в тот момент, когда все, присутствовавшие в храме, увидели, как драгоценные останки любимого императора были спущены под землю, мы все зарыдали и одновременно упали на колени, воздав должное чувствами искреннего уважения и благодарности останкам монарха, человека, который нас любил, и который в течение 25 лет обеспечил нам славу и благополучие.

Его царственной супруге, до сего места следовавшей за ним, вскоре суждено было лечь в могилу, приготовленную для нее в этом же храме. Императрица Елизавета была красива, любезна и духовна. Она проявила твердость характера в те времена, когда захваченная честолюбием Наполеона империя грозила всем трусливым и малодушным людям полным разрушением. У нее были ошибки и вина перед своим супругом, впоследствии она играла всегда интересную роль брошенной жены, усердной патриотки, однако ее холодность и удаление от общества в последние годы вызвали безразличное отношение к ней почти всего народа. В конце жизни император, пресыщенный удовольствиями и суетностью мира, оказался во власти мистицизма и вернулся к своей жене с тем, чтобы позаботиться о душе и искупить свою вину перед ней. Его пребывание в Таганроге укрепило нити дружбы и доверия, которые были почти полностью порваны между супругами событиями бурной молодости и исполнением государственными обязанностями.

Вся жизнь императора Александра была странным смешением чувственных начал и противоречивого поведения. Выросший под влиянием развращенных нравов азиатской роскоши и победного престижа эпохи Екатерины, воспитанный якобинцем Лагарпом, он был смущен строгостью отца еще наследника престола. Имея перед глазами ангельскую добродетель своей матери и интриги фаворитов своей бабки, призванный быть самодержцем и вскормленный на опасных идеях французской революции, он обладал горячим сердцем. Вдыхая во дворце воздух галантности, будучи скромным вплоть до неверия в собственные замыслы, он был храбрым, но опасался несчастий войны.

Таким образом, он был готов к восприятию самых разных впечатлений, готов был увлечься любыми страстями.

Он начал царствовать в 24 года в окружении льстецов, женщин и интриг, но у него хватило сил на то, чтобы всегда оставаться человечным и благожелательным. Вначале он был привержен либеральным и конституционным идеями, направляя в них принципы управления, он искал изменений, полагая, что находил улучшения. Он предавался любви. Ему нравилась политика, но она не стала для него главным занятием. Он позволил вовлечь себя в войны и завоевания, хотя всячески стремился их избежать. Он искал славы и оваций либеральной Европы. Он даровал конституции Польше и завоеванной Финляндии, раздражая свой собственный народ и сея зерна оппозиции и недовольства у своих подданных. Затем он вернулся к принципам деспотизма, гипертрофированной религиозности, сектантским взглядам, к мистицизму.

Недовольный настоящим, неуверенный в будущем, строгий к самому себе, он стал несчастливym, потерял вкус к жизни и к своему могуществу. Он умер в скорби о потерянных иллюзиях и в предвидении будущих бедствий.

* * *

Император всеми способами пытался вырвать корни тех злоупотреблений, которые проникли в аппарат управления, и которые стали явными после раскрытия заговора, обогатившего кровью его вступление на престол. Исходя из необходимости, организовать действенное наблюдение, которое со всех концов его обширной империи сходилось бы к одному органу, он обратил свой взгляд на меня с тем, чтобы сформировать высшую полицию с целью защиты угнетенных и наблюдения за заговорами и недоброжелателями. Число последних угрожающе увеличивалось с тех пор, как в России получили распространение подрывные идеи французской революции. Они проникли с целой толпой французских

авантюристов, которые занимались воспитанием молодежи, и особенно после общения наших молодых офицеров во время последней войны с либералами разных европейских стран, куда войска вошли благодаря нашим победам. Я не был готов к исполнению такого рода службы, о которой у меня было самое общее представление. Но осознание благородных и спасительных намерений, которые требовали ее создания, и мое желание быть полезным моему новому государю заставили меня согласиться и принять это новое место службы, которое его высокое доверие пожелало организовать со мной во главе.

Таким образом, было принято решение о формировании корпуса жандармов, начальником которого я стал. Империя была разделена на 7 округов, во главе каждого был поставлен генерал, в подчинении у которого находились старшие офицеры, располагавшиеся в каждой губернии. Создание дополнительных структур было отложено на значительно более поздний срок и должно было исходить из тех требований, которые будут указаны практикой. Под моим управлением было создано 3 отделение собственной его императорского величества канцелярии, которое стало центром этой новой организации и центром секретной полиции. Они должны были создать негласные связи и оказывать помощь в работе и в намерениях жандармерии. С тем, чтобы сделать эту службу для меня более приятной, император милостиво добавил к ней должность начальника его главной квартиры.

Я немедленно принялся за работу и, с Божьей помощью, вскоре усвоил мои новые обязанности и принялся осуществлять их к удовлетворению императора и без осуждения общественным мнением. Я был вполне счастлив, имея возможность делать добро, оказывать услуги многим людям, вскрывать много злоупотреблений и, особенно, предотвращать много несчастий.

Во многих губерниях обманутые недоброжелателями или обольщенные ложными надеждами крестьяне посчитали возможным требовать себе свободу и отказывались повиноваться своим владельцам². Во многих местах бунты даже приняли характер насилия, что могло бы оказаться опасно, если бы не было сразу ликвидировано. Император сразу же приказал применять в подобных случаях смертную казнь, и вскоре, благодаря твердости и бдительности правительства, такого рода беспорядки удалось потушить.

Наконец, через пять месяцев упорной работы следствие по делу заговора было закончено, и это большое дело было возвращено в руки правосудия. Желая дать этому делу полную законность и общественную гласность, император создал Верховный трибунал, членами которого стали все сенаторы, министры, члены Государственного Совета и наиболее отличившиеся военные и гражданские лица, которые в это время находились в столице. Никогда еще суд не был столь представительным и независимым.

После ознакомления со всеми обвинительными документами, свидетельскими показаниями и признаниями обвиняемых, трибунал сформировал две комиссии для пересмотра всех бумаг и для того, чтобы каждому обвиняемому одному за другим задать вопрос, не хотят ли они что-либо добавить в свою защиту, желают ли подать какую-либо жалобу на проведение следствия или не имеют ли возражений против того или иного члена комиссии. Обвиняемые заявили, что использовали все способы оправдаться, и что им осталось только поблагодарить за предоставленную им свободу действий с целью защиты.

Тогда Верховный трибунал начал готовить приговор по делу всего заговора и по той или иной степени виновности

² На полях помета — «крестьянские бунты».

каждого его участника. Все были убеждены в высшей степени предательства: большая часть преступных замыслов посягала на жизнь государя и членов императорской семьи. Все признали, что их намерения и действия были общеизвестны. Таким образом, оставалось только определить вину каждого и найти наказание, предусмотренное законом за их преступления. Желание судей, а также и императора заключалось в том, чтобы наказывать мягко, ведь все заслуживали смерти. Военный кодекс, также как и гражданские законы предусматривал наказание смертной казнью.

После того, как были определены категории преступлений, император внимательно изучил приговор Верховного трибунала. Он изменил строгость законов: только пятеро были приговорены к повешению, другие — к пожизненной каторге, менее виновные — к различным срокам каторжных работ, некоторые ссылались в Сибирь в качестве колонистов, самое слабое наказание было в виде нескольких лет или месяцев заключения в крепости. Предписанный законами приговор был зачитан виновным, затем им объявили о его облегчении, продиктованном великодушием императора.

Приведение приговора в исполнение было назначено на 13 июля на 3 часа утра. Я приехал в крепость для того, чтобы вместе с ее комендантом отдать некоторые приказания. Тем, кто должен был заплатить жизнью за преступный заговор, была дана возможность исполнить свой церковный долг. Остальных отвели в церковь. Далее все собрались на крепостной площади в окружении батальона Павлоградского полка, я приблизился для того, чтобы посмотреть на них и выслушать их последние слова.

Я был полон сострадания — это были в большинстве своем молодые люди, дворяне, почти все из хороших семей, многие из них служили со мной, а некоторые, как князь Волконский, были моими товарищами. Вначале я сострадал,

но вскоре возмущение и отвращение переполнили меня, их грязные слова и членство в этом ужасном обществе изгнали из моей души все чувства жалости, которые были порождены несчастьем стольких семей. Я видел, что ничто не могло излечить или привести к изменениям в этих головах, переполненных подрывными помыслами, и невосприимчивых к стыду от бесчестья. От всех гвардейских полков по одному отряду выстроились на крепостной площади, в 4 часа утра туда прибыли генерал-губернатор и другие военные власти. Приговоренных привели всех вместе, за исключением тех пятерых, которые должны были подвергнуться высшей мере наказания. Казнь этих пятерых должна была состояться на валу передового укрепления. Каждого офицера гвардейских полков провели перед строем отряда соответствующего полка,

Император Николай I

поставили на колени и зачитали каждому его приговор, после чего палач сломал у них над головой шпагу и сорвал эполеты, которые были брошены в огонь. Других приговоренных, которые не принадлежали к расположенным в Петербурге полкам, поставили на колени посреди площади и подвергли такому же позорному наказанию, после чего их развели по камерам. Затем под виселицей появились несчастные полковники Пестель и Муравьев, подпоручик Бестужев-Рюмин, литератор Рылеев и убийца графа Милорадовича Каховский. На головы им надели белые колпаки, и смертельная петля обвила их шеи. По данному сигналу из-под их ног была убрана доска, и они повисли. К несчастью, веревки троих приговоренных порвались, и они упали на землю. Их подняли и казнили вторично. Вскоре после этого их тела сняли для того, чтобы представить публике это грустное зрелище. Остальные были успешно доставлены в Сибирь и в другие места, предназначенные для их содержания.

Через несколько дней после этого грустного и заключительного эпизода наиболее бесчестного и преступного заговора, император и императрица направились в Царское Село для того, чтобы присутствовать на церковной службе во искупление грехов бунта, опозорившего мостовую перед Сенатом, и в память о тех жертвах, которые в день 14 декабря были принесены преданности и чести. Двор, высокопоставленные лица и вооруженные войска заполнили площадь, украшенную статуей Петра Великого. Его внучатый племянник, наследник могущества, созданного его созидательным гением, коленопреклоненно поблагодарил Всевышнего и молился за души графа Милорадовича и всех тех, кто погиб с честью.

* * *

Двор готовился выехать из Петербурга в Москву на коронацию императора и императрицы. Туда же уже направилась

часть гвардии, дипломатический корпус, чрезвычайные посланники и большая часть знати. Императрица мать, отправившаяся навстречу императрице Елизавете, но не заставшая ее в живых, на протяжении двух месяцев уже обосновалась в Москве, где, так же как и в Петербурге, ее благодеяния нашли широкое поле для применения. В обеих столицах она руководила многочисленными воспитательными и богоугодными заведениями. Так, особенно заслуживали ее заботливо-го внимания и неустанных трудов многочисленные дома для брошенных детей.

Волнения и опасности, которые сопровождали восхождение на трон, были забыты, и все приготвилились к праздникам и удовольствиям. Император, его царственная супруга и вся императорская семья, прибыв к древней столице империи, по обычаю остановились вне города в Петровском дворце. Их ожидала толпа народа. Подступы к дворцу были украшены лагерем 4 корпуса и корпуса гренадер, которые оживляли эти окрестности Москвы. В городе и вблизи него расположились прибывшие из Петербурга эскадроны и батальоны гвардии.

На третий день во главе всего кортежа и приветствуемый войсками, выстроенными по пути его проезда, император верхом въехал в Москву. За ним следовали императрица-мать, царствующая императрица и наследник, который единственный ехал в карете своей матери. Вокруг кортежа и вслед за ним двигались двор и императорская прислуга. Огромные толпы народа заполнили улицы и подступы к городу. У городской черты своего нового государя встретили генерал-губернатор и городские власти, жители города по обычаю преподнесли ему хлеб и соль. В тот момент, когда государь вошел в городские ворота, слышались громогласные крики «Ура!» Яркое солнце освещало этот величественный въезд. В городе толпа стала еще гуще, у всех окон

и на всех крышах толпились люди, которые с радостью повторяли крики приветствия молодому и красивому монарху. У Иверских ворот император спешил, императрицы и наследник вышли из кареты, и приветственные восклицания были прерваны самым глубоким молитвенным сосредоточением. Императорская фамилия преклонила колени перед иконой Богородицы, и весь народ, созерцавший эту молитву, казалось, принимал в ней участие.

Крики возобновились и усилились при въезде кортежа в Кремль, этот центр России. Здесь толпа уже представляла собой единую и огромную массу, которая махала шапками и заставляла воздух дрожать от своих длительных и согласованных криков. Архиепископ встретил государя у входа в собор и указал ему путь среди императорских храмов.

Император с членами своей семьи остановился в Чудовом монастыре, в котором он уже жил, будучи великим князем, императрица-мать была единственной, кто расположился в Большом Кремлевском Дворце. Главная площадь, разделявшая эти два жилища, весь день была наполнена людьми, надеявшимися разглядеть в окнах кого-нибудь из членов семьи своего государя. Во все дни пребывания императора в Москве, особенно по утрам, эта площадь заполнялась огромным количеством народа, не прекращавшем приветствовать продолжительными криками «Ура!» каждое появление императора.

Вот уже во второй раз за 25 лет я присутствовал в Москве на церемонии коронации. Двадцать пять лет назад я был здесь совсем молодым, только вступающим в мир человеком. Во второй раз я наблюдал все это в возрасте 45 лет, познав все удовольствия и все тяготы активной службы. В первый раз я был мальчиком, во второй раз я был мужем и отцом семейства.

С каждым днем Москва наполнялась любопытными и прибывшими по делам службы представителями всех слоев общества от всех народностей и из всех уголков необъятной России. Различная публика, иностранные послы приготовились к праздникам и церемониям, сопровождающим торжественное вступление на престол. Но император был далек от того, чтобы воспользоваться моментом и отдохнуть, он был занят новой и неожиданной заботой.

На протяжении долгих лет Персия находилась с нами в состоянии полного мира. Теперь она решила воспользоваться безопасностью, которую давали нам трактаты, для того, чтобы нарушить их неожиданно и без объявления войны. Во многих пунктах персидские войска нарушили наши границы и подняли против нас горцев Кавказа и правоверных жителей Армении. Возможности грабить было для них достаточно, чтобы они верно и поспешно последовали за персидскими войсками, которые наследник престола шахов лично вел против российских солдат. Многие города и деревни Грузии подверглись нападению, были разорены и разорены. Наши войска, захваченные врасплох и рассеянные во многих приграничных пунктах, были вынуждены стремительно отступать. Командовавший войсками на линии Кавказа, Грузии и Астрахани генерал Ермолов, который всегда умел предсказать войну и которому в соответствии с его просьбами постепенно выделялись средства обороны, командовал войсками, вдвое превосходившими по численности, ранее находившиеся в распоряжении его предшественников. Тем не менее, все произошедшее было для него неожиданным. В крепостях не хватало припасов, войсковые командиры не располагали инструкциями, не знали пунктов сосредоточения, одним словом, он правил как деспотичный и непредсказуемый паша. Его рапорт был продиктован малодушием

и колебаниями, он до такой степени потерял голову, что даже допускал возможность вынужденного оставления Грузии и уступки ее столицы Тифлиса персидским войскам. В то же время, он просил прислать генерала для командования частью войск, полагая себя слишком занятым для того, чтобы лично руководить военными операциями, которые он уже считал безнадежными. Этот же самый Ермолов, пользовавшийся репутацией, частично созданной ему хвастовством, постоянно критиковал поведение своих предшественников по управлению Грузией, и обещал чудо. Своей суровостью и высокомерием, полностью противоположным тем инструкциям, которые направлялись нашим представителям в этих землях, он восстановил против себя соседние народы.

Вскоре император приказал одной пехотной и одной кавалерийской дивизиям двигаться в Закавказье, и направил туда генерала Паскевича, уже известного своей храбростью и военными талантами. Он командовал 1 армейским корпусом. Он должен был под руководством генерала Ермолова командовать войсками, дав возможность главнокомандующему заниматься решением управленческих и политических дел на этих предоставленных его управлению землях. Генерал Паскевич поспешил принять новое назначение, не сомневаясь, что оно станет блестящим началом его славной репутации и будущих очень нужных побед.

Церемония коронации была назначена на 22 августа. За два дня до этого к удивлению всех и к удовлетворению и к чести императорской семьи внезапно приехал великий князь Константин. Он спустился к императору, который вышел встретить своего старшего брата, того, кого он первый признал своим государем. Этот приезд великого князя стал ярким и публичным доказательством его подчинения новому государю и добровольного отречения от престола.

В то же время он стал драгоценным свидетельством счастливой гармонии, которая на благо империи объединяла всех членной царствующего дома. Публика была в восторге, дипломатический корпус успокоился. Это присутствие на торжестве коронации великого князя Константина должно было придать ей еще больше торжественности и заслуживает внесения в анналы истории как единственный в своем роде и замечательный пример. Народ выразил ему свое удовлетворение единодушными восклицаниями, высокопоставленные лица и все присутствующие выказали ему самое глубокое уважение. В день коронации великий князь, имевший звание генерал-адъютанта, выразил желание быть назначенным в качестве дежурного при особе императора.

С раннего утра войска заняли в Кремле свои места, колокольный звон возвестил столице о начале торжественного дня. Все население стояло вокруг собора, двор, участники церемонии, члены императорского дома, представители высшего общества, послы, иностранные представители, все поспешили занять полагавшиеся им места. Во всех местах, где должен был проехать кортеж, были возведены трибуны, все они были заняты. Все с нетерпением ожидали начала церемонии. Ее открыла императрица-мать, которая под балдахинном спустилась по ступеням Красной лестницы, и торжественно заняла приготовленное для нее место в соборе. За ней следовал наследник и другие члены императорской семьи. Затем появились император с императрицей, которые в окружении вельмож, военных и гражданских чинов направились в церковь. Этот национальный и религиозный праздник проходил при самой замечательной погоде. Император и императрица оба были молоды, красивы, любезны; величественные костюмы участников церемонии, изысканные туалеты дам, украшенные трибуны, все это способствовало

проведению самого прекрасного и самого впечатляющего представления, которое только можно было себе представить.

Во время священной церемонии великий князь Константин, исполнявший обязанности генерал-адъютанта, заслужил всеобщее одобрение своими неустанными и трогательными заботами об одеянии императрицы в тот момент, когда она принимала императорскую пурпурную мантию, и о шпаге императора, когда он принимал причастие и должен был расстаться с ней. Глубочайшее молчание царило под древними сводами собора, который на протяжении веков видел здесь стольких государей, принимавших корону и преклонявших колени перед Всевышним. Эта священная тишина нарушалась только молитвами церковнослужителей и мелодичным пением придворной капеллы. После окончания церемонии пушечные залпы, колокольный звон крики «Ура!» народа и войск возвестили о выходе из собора новокоронованных особ. Эти крики, подобно раскатам грома, сопровождали их при проходе через толпу вплоть до того, как они поднялись на самый верх Красной лестницы. Вид императора ослеплял красотой под драгоценностями бриллиантовой короны. Императрица и наследник, находившиеся возле императрицы-матери, также привлекали взгляды собравшихся. Невозможно было себе представить более прекрасную семью, их вид вызывал подлинный восторг. Согласно обычаю, император и обе императрицы обедали в Грановитой палате под балдахином, им прислуживали высшие придворные чины. Затем в старинном Посольском зале обед был накрыт для дипломатического корпуса. Вечером Кремль и весь город были расцвечены огнями с той величием, которая объяснялась затейливыми контурами кремлевских зданий и храмов и других сооружений древнего города. Огромное количество людей наполняло улицы и двигалось в разных

направлениях, масса экипажей проезжало вплоть до глубокой ночи, все это заставляло опасаться драк и беспорядков. Тем не менее, ни единый случай не побеспокоил и не омрачил этот великолепный народный праздник. Повсюду на этих многочисленных сборищах царствовали приличия и порядок. Даже на народном празднике, устроенном за пределами города, где собрались более 100 тысяч человек, разгоряченные раздаваемым бесплатно и в огромном количестве вином, где играла музыка, и разыгрывались самые различные представления, к большому удивлению иностранцев, при приближении императора народ выказывал уважение.

Люди собирались и толпились вокруг него, не затрудняя его проезд, не совершая насилий и не пользуясь сложным положением и бессилием полиции с тем, чтобы обворовать или оскорбить кого-нибудь. Такое поведение было бы сложно повторить европейским народам, которые считали себя цивилизованными и полагали, что наш народ достаточно далек от того уровня цивилизации, которого они уже достигли. Именно то, что русский народ еще богобоязнен, и сохранил уважение к своему государю и его власти, которая исходит от господ, то, что это глубокое чувство живет почти во всех русских сердцах, является гарантией порядка и безопасности. Гарантией более солидной и более надежной, чем то ощущение, которое обозначают кисельные берега народного суверенитета, равенства и всех шатких, слабых и кровавых догм французской революции.

Почти каждый день устраивались балы, которые, соревнуясь, друг с другом, демонстрировали наиболее богатую и утонченную роскошь. Балы у послов Франции и Великобритании соперничали в великолепии. Балы у графини Орловой и у князя Юсупова превзошли их показом местных красот и богатством обстановки. Наконец, праздники и развлечения были завершены фейерверком перед зданием кадетского

корпуса. Все было сделано для того, чтобы это зрелище стало одним из самых прекрасных, какие только можно было увидеть. Только заключительный его залп включал в себя до 140 тысяч выстрелов. Казалось, что атмосфера раскололась и земля содрогнулась от чудовищного сотрясения, сопровождавшего залп 100 орудий.

Император разделял с публикой удовольствия, праздники и балы. Одновременно он работал с той же энергией, которая отличала его с момента вступления на престол. Кроме прочего, он старательно посещал все учреждения Москвы и отдавал необходимые приказания по улучшению их деятельности, каждое утро он являлся на парад, ежедневно привлекавший огромное число зрителей, несколько раз он проводил военные учения, в которые привнес ту суровую требовательность, пунктуальное исполнение которой до сего момента отсутствовала. После пребывания в Москве в течение нескольких недель, великий князь Константин вернулся к исполнению своих обязанностей в Варшаве.

К концу пребывания в Москве с персидских границ пришло важное известие о решительной победе генерала Паскевича над неприятелем. Эта победа полностью подтвердила выбор императором именно этого генерала. Не успел он приехать в Грузию, как генерал Ермолов, как всегда обеспокоенный персидской опасностью, поручил ему командование частью войск, оставив себе большую их половину для наблюдения за движением неприятеля. Паскевич отважно атаковал персов в районе Елизаветполя, (Гянджа) несмотря на их численное превосходство в четыре раза. После того, как он выдержал и успешно отразил несколько храбрых атак кавалерии наследника престола Аббас-Мирзы, который лично командовал войсками, после введения в дело своей артиллерии, Паскевич вывел свою пехоту с примкнутыми штыками на расстояние выстрела. Неприятель не смог выдержать эту

решительную атаку, дрогнул и начал отступление, которое вскоре превратилось в общее бегство. Несмотря на свою малочисленность, наша кавалерия преследовала персов и захватила большую часть их военного снаряжения. Это поражение заставило Аббас-Мирзу вернуться на свои территории, в течение зимы обе стороны получили время подготовиться к новым сражениям.

Таким образом, пребывание в Москве окончилось известием о победе. Часть знамен, взятых в сражении при Елизаветполе, была доставлена в столицу и положена в церкви монастыря, где жил император. Этим достойным актом были завершены празднования в честь коронации.

* * *

Все приезжие, которых привлекли в Москву служебные обязанности или любовь к коронационным торжествам, направились обратно в Петербург. Императора и императрицу встретили здесь с истинной радостью.

Между тем, персидская война привлекла все внимание правительства, позднее начальник Генерального штаба граф Дибич был направлен в Тифлис с тем, чтобы восстановить согласие между генералами Ермоловым и Паскевичем. Первый завидовал столь легко одержанной победе второго, это сильно унизило репутацию и гордость Ермолова. Дибич был уполномочен решить на месте, кому из двоих соперников доверить ведение войны и управление землями по ту сторону Кавказа. Туда же для самого активного использования был направлен и мой брат. Благодаря своей неустрашимости и деятельности, он за свою службу в 1812–1814 гг. пользовался хорошей репутацией.

Как только он прибыл в Грузию, даже до того, как таяние снегов сделало возможным переход через горы, которые отделяют Грузию от равнин Армении, во главе двух казачьих полков и каких-то 5 пехотных батальонов мой брат двинулся к монастырю Эчмиадзин, религиозной столице всех армян, где заседало их политическое руководство. Опасались, как бы враг, захватив Эривань и зная о важности этого монастыря, прочно не обосновался бы там и, тем самым, не получил бы преимущества в определении судеб армянского народа. Мой брат преодолел все препятствия, которые природа и время года возвели у него на пути. По указанию престарелого и почтенного армянского архиепископа Нарсеса, он пересек покрытые снегом горы и появился перед Эчмиадзином. Занимавшие окрестности монастыря персы были оттуда изгнаны, а монастырские ворота открылись перед русскими, которых встретили как освободителей. Тем временем, император, постоянно недовольный самоуправным и нерешительным поведением генерала Ермолова, отозвал его и заменил Паскевичем.

В Петербурге зимнее время прошло блистательно. Императрица Александра полностью восстановила состояние здоровья, подорванного потрясениями, предшествовавшими и сопровождавшими вступление на трон. Своим присутствием она украшала и оживляла балы в царской резиденции. Уже давно так искренне не развлекались, в последние годы царствования императора Александра, развлечения не были многочисленны. Своим удалением от общества, строгостью и верой в мистицизм он изгнал праздники и внушил обществу своего рода строгость и лицемерие, которые останавливали проявления радости молодежью и разделили петербургское общество на маленькие группы. Все как будто пробудились

от грустного и монотонного существования и предались танцам и свободе больших собраний, которые поддерживались двором, и для которых самым лучшим примером стало благоволение императрицы и простота поведения императора.

В то же время, государь, не отказываясь от развлечений, продолжал свою активную и полезную деятельность. Еще в качестве великого князя он был шефом инженерного ведомства, которое, благодаря его неустанным заботам, вышло из полной нищеты. Несмотря на огромный груз государственных дел, он продолжал с интересом следить за работами этого важного рода войск. Он пожелал лично осмотреть, как продвигаются работы по сооружению крепости Динабург, которыми он лично руководил на протяжении многих лет. Итак, он выехал в эту крепость, взяв с собой только графа Дибича. Оттуда он направился в Ригу, где ему был оказан самый радушный прием. Со времен Петра Великого Ливония была счастлива под скипетром российских государей, которым была искренне предана. Она не имела другого желания, как только оставаться в том счастливом положении, в котором она пребывала вот уже 150 лет.

За время своего пребывания в Риге, император получил несколько трофеев, отбитых у вероломных персов. Император оставил их в городе с тем, чтобы сохранить в кафедральном соборе, где уже находились доспехи и щиты древних рыцарей крестоносцев, которые, в конце концов, были побеждены русскими и предками этого самого дворянства, которое с этих пор влилось в ряды нашей армии, где служило храбро и преданно. Из Риги император направился в Ревель, куда мне было приказано прибыть. Такой же приказ получил князь Петр Волконский, бывший при императоре Александре начальником Генерального штаба, а теперь являвшийся министром императорского двора. Ревель был счастлив видеть своего молодого государя. Здесь, как и в Риге,

он интересовался малейшими деталями военного и гражданского управления, в частности, он направлял свой внимательный и проницательный взор на вопросы воспитания молодежи, на те улучшения, которые требовала работа Ревельского порта. Он соблаговолил принять приглашение на обед, который был дан в его честь дворянством, и на бал, устроенный горожанами или низшим сословием.

После возвращения в столицу император деятельно занялся реорганизацией на флоте. Он поставил адмирала Крузенштерна во главе морского кадетского корпуса. Подобный выбор стал дополнительной гарантией морального воспитания и научного образования этих молодых людей, Крузенштерн как умелый моряк уже пользовался общеевропейской известностью, а качества его характера сделали его наиболее подходящим человеком для воспитания офицеров. Никогда не мечтавший стать моряком князь Меншиков, который недолгое время учился заниматься морскими делами, был вначале назначен в Адмиралтейство с целью внедрить там тот порядок, который был им наведен в канцелярии Главного штаба. Некоторое время спустя, он был назначен начальником Главного морского штаба. Император обладал талантом предсказывать, кто будет ему полезен на этом новом посту, и, конечно, он сам мощно помог в восстановлении порядка в разрушенном управлении морским делом, и в извлечении его из того забвения и нищеты, в котором оно оказалось в последние годы царствования императора Александра.

Ближе к лету император отправился в Вязьму для того, чтобы провести смотр 2-му армейскому корпусу под командованием князя Щербатова. Его сопровождали граф Петр Толстой, исполнявший обязанности начальника Главного штаба армии во время пребывания графа Дибича в Грузии, и развлекавший Его Величество в Вязьме, а также граф Чернышев и я. После представления на параде, войска два дня

были на маневрах, которыми император остался полностью удовлетворен. Он раздал награды военным и предоставил городу Вязьме компенсацию потерь, понесенных ее в 1812 году, во время наступления и стремительного отступления армии Наполеона.

Между тем, персидская кампания продолжилась. Практически отрезанные в монастыре Эчмиадзин силами втрое превосходящей неприятельской кавалерией, войска под командованием моего брата, восстановив силы и припасы, решились дать сражение. Казаки были испуганы превосходством персов, которые их постоянно преследовали. Противник имел превосходство, как в численности, так и в качестве лошадей и снаряжения. Брат придумал поддержать казаков пешими егерями, которые должны были повторить их маневры и направиться прямо на противника. Встав во главе казаков, брат лично подал сигнал к атаке и стремительно обрушился на основные силы персидской кавалерии. Первой же атакой персы были смяты и обратились в бегство. Неприятельский командир был взят в плен, много прекрасных кавалеристов было повержено, остальным же удалось спастись только стремительным бегством. Этот блестящий успех в начале кампании вернул казакам их отвагу, позволил моему брату восстановить свои коммуникации и даже приблизиться к Эриваньской крепости, которая считалась неприступной, и которую охранял многочисленный гарнизон. Он организовал блокаду крепости в тот момент, когда генерал Паскевич со своей небольшой армией вышел из Грузии и уже нагнал страху на персов, которые столь опрометчиво бросили перчатку России. Большие трудности, которые противостояли на этих землях нормальному снабжению и регулярным перевозкам, сильно препятствовали первым действиям Паскевича. Будучи столь же осторожен, сколь и храбр, он ничего

не желал предоставить случаю, и не хотел наносить удар, не имея уверенности, что сможет развить успех.

Персы воспользовались зимним временем для того, чтобы усилить свои оборонительные возможности, и призвать на помощь курдов, дикую народность, известную своим мужеством, которые продавали свои услуги то персам, то туркам. Они посеяли смуту в горах Кавказа, которые омывает Каспийское море. Там жили мужественные лезгины, которые не осмелились подняться против нас, но это население всегда было готово к грабежам и к борьбе против русских, которые на протяжении 40 лет подавляли и наказывали их бунты на плодородных землях Грузии.

Аббас-Мирза, которому его отец шах доверил руководство этой войной, сделал все для того, чтобы победить нас с выгодой для себя. Но вместо того, чтобы нападать, он, после сражения под Елизаветполем, был вынужден заботиться об обороне. Эривань и другие крепости, как Сардарабад, затрачивали огромные усилия для обороны. Армянское население, которое, как было известно Аббасу-Мирзе, желало быть частью России, уходило вглубь Персии, их жилища были разрушены, а урожаи разграблены или сожжены. Регулярные полки, сформированные в последние годы с помощью английских офицеров, получили подкрепление, артиллерия увеличилась, ничто не было упущено для того, чтобы придать этой войне необходимую энергию. Ведь ее результатом должно было стать завоевание у Грузии Имеретин и Мингрелии и полное изгнание русских из Закавказья.

Несмотря на свою гнусную скупость, шах не берег ничего, чем бы он мог усилить армию, он опустошил свои хранилища, его резиденция превратилась в мастерскую по производству пушек, ружей, военного снаряжения и обмундирования. Казалось, вся нация стремилась помочь его завоевательным

планам, народ стал вооружаться, шахские вельможи уже оспаривали друг у друга трофеи, которые им должна была дать победа.

Россия, со своей стороны, приготовила для сражений армию общей численностью свыше 30 тысяч человек, которая должна была охранять наши земли, защищать их со всех сторон от враждебных и воинственных племен, которые нас окружали. Для сообщения с остальной Россией наша армия располагала только узкой и извилистой тропинкой, идущей через пропасти и снега, а также мимо всех разбойников кавказских гор. Конечно, персы могли лелеять некоторые надежды на победу, если бы еще свежие сохранившиеся в их памяти примеры не подтверждали, что горстка русских солдат весьма часто разрушала все препятствия и побеждала превосходящего по численности противника.

* * *

Обе армии были разделены стремительным как всегда в начале лета течением реки Аракс. Персидский авангард расположился в районе крепости Сардарабад и предпринимал попытки форсировать реку для того, чтобы снять осаду с важной для них Эриваньской крепости. Как только мой брат получил соответствующие инструкции, он во главе 2 пехотных батальонов и тысячи казаков направился навстречу противнику. Персидская кавалерия силой до 4 тысяч всадников уже пересекла Аракс, но, увидев, что ее маневр раскрыт, вернулась на другой берег и заняла позицию там, где небольшая речка Санги впадает в Араке. Было почти невозможно пытаться пересечь Аракс под огнем превосходящего по численности неприятеля. Оставив часть пехоты перед персидскими позициями, мой брат двинулся вверх по реке Аракс и, находясь вне пределов досягаемости неприятельского

огня, с риском утонуть, переправил часть своих людей на другой берег. Казаки быстро осуществили этот смелый переход, и построились на фланге неприятеля, который был защищен еще небольшой речкой Санги. Оставшаяся на другом берегу пехота подошла к реке Аракс и начала стрельбу в тот момент, когда мой брат с войсками частично вброд, частично вплавь переправился через речку Санги и атаковал персидскую конницу. Не ожидавший столь отважного нападения противник оказал лишь слабое сопротивление, и начал в беспорядке отходить к Сардарабаду, бросив свои обозы, палатки, около 100 убитых и раненных всадников, знамена и несколько сот армянских семей, угнанных персами из деревень приграничных районов.

Эта блестящая победа вырвала из вражеских рядов одно из варварских племен, которое на следующий день под руководством своего султана Аслана присоединилось к нам и принесло присягу на верность российскому императору. Отряд моего брата, который блокировал Эривань и занимал Эчмиадзинский монастырь, где был оставлен гарнизон, находился на правом фланге нашей операционной линии, опиравшейся, также на гору Арарат. У подножия этой горы возвышался Эчмиадзинский храм, одна из первых святынь христианской религии. Наш левый фланг (опиравшийся на небольшую крепость Шушу, которая во время прошлогоднего неожиданного рейда Аббас-Мирзы чудесным образом сопротивлялась ему) состоял из отрядов под командованием князя Мадатова и генерала Панкратьева. Оба начали кампанию с того, что полностью очистили наши границы от вражеских частей, которые занимались разбоем и грабежом. Многие семьи из вюртембергской колонии, которые уже более десяти лет обосновались на этих азиатских землях с мягким климатом, оказались жертвами начавшейся войны. Часть из них увели вглубь персидской территории,

и освобождены они были только после окончания войны, другая их часть была освобождена генералом Панкратьевым.

В Эривани неприятель начал ощущать недостаток продовольствия, его неоднократные попытки осуществить прорыв были успешно отражены. С каждым днем строгая блокада все больше и больше отнимала надежду у гарнизона. Наконец, 21 мая генерал Паскевич собрал все силы, наладил коммуникации и перешел через знаменитую гору Безобдал, которая два месяца назад оказалось столь серьезным препятствием на пути отряда моего брата. В это время он стремился захватить наиболее отдаленные районы для того, чтобы обеспечить себя припасами. Видя, что вражеский туземный отряд приблизился к реке Кирк Буру, он послал туда 400 черноморских казаков во главе с храбрым майором Вербицким. Ему удалось опередить туземцев, которые после слабого сопротивления сдались в плен или обратились в бегство. Так как пленные оказались из того же племени, которое вместе со своим султаном Асланом перешло на нашу сторону, то мой брат отпустил их на свободу, показав столь необычным для этих азиатских мест способом, что сдача к нам в плен не грозит никакими опасностями. Через несколько дней мой брат с пехотным батальоном, двумя пушками и 1000 казаков направился к Сардарабаду, куда с берегов Аракса пришел один из кавалерийских командиров Гасан-хан. Храбрый Вербицкий с двумя сотнями казаков был направлен в разведку, атаковал приблизительно равный ему по силе отряд персов и опрокинул его. Но, увлеченный погоней, его слабый отряд попал в засаду, где был окружен и расстроен. Он сам заплатил жизнью за свою неосмотрительность. Около половины его отважных казаков была разбита в пух и прах после безнадежной защиты. Они все погибли бы, если бы не подоспело подкрепление, отправленное моим братом для их спасения. Зная о движении

Персидский наследный принц Аббас-Мирза

русского отряда, Гассан-хан отступил под защиту пушек Сардарабада, а мой брат вернулся к осаде Эриваня. Вскоре различные туземные племена, обманутые блестящими обещаниями персов, начали разочаровываться в союзе с ними и задумались о присоединении к русским. Так, со стороны Дагестана во главе более трех тысяч человек генералу Панкратьеву сдался Мехти Кули-хан, которого у нас приняли со всем вниманием и заботами, на которые этот новый подданный мог рассчитывать для себя и своих соплеменников. Не успел генерал Паскевич дойти до Эчмиадзинского монастыря, как брат султана Аслана поздравил его и принес от имени воинственного и весьма многочисленного племени шадлинцев присягу на верность. Наша армия продолжала движение в направлении Нахичевани. У Эриваня и Эчмиадзина моего брата сменил генерал Красовский, который

дал энергичное и весьма кровопролитное сражение войскам Гассан-хана, но, в связи с движением армии Паскевича, последний был вынужден очистить территорию. В результате многочисленные туземные племена объявили о своей верности России. Узнавший о продвижении нашей армии Аббас-Мирза направился во главе 16 тысяч человек и почти всей конницы ей навстречу, но не сумел остановить наши войска, которые заняли Нахичевань, где и стали лагерем. Сильная жара, нехватка воды и защиты от солнца сделали этот марш от Эчмиадзина крайне тяжелым, тем более что он был осуществлен за шесть дней безо всякой остановки. Часть войск была направлена к крепости Абасабад и без промедления приступила к ее осаде. Едва начали рыть траншеи, как 7 июня стало известно, что для освобождения местности сюда направляется армия в 40 тысяч человек, которую возглавлял лично шах, наследник престола Аббас-Мирза, Гассан-хан и другие персидские полководцы. Не колеблясь ни минуты, Паскевич оставил часть своих войск для продолжения осадных работ, а сам быстро двинулся навстречу врагу. Впереди пехоты шел полк Нижегородских драгун, уланы, казаки и грузинская конница.

Враг вышел навстречу нашего движения и начал сражение. Наша кавалерия, которой командовали мой брат, князь Эристов и генерал Иловайский, встретила его неоднократно ружейными залпами. Численное превосходство персов позволило им опрокинуть наше правое крыло и, казалось, командовавший этой многочисленной и прекрасной кавалерией Аббас-Мирза получил заметное преимущество. Персы заняли выгодную позицию перед Джеванбуло и начали разворачивать свои войска. Массой кавалерии они угрожали левому флангу нашей армии. Паскевич приказал моему брату опрокинуть их, что и было с успехом и тщательно исполнено в тот момент, когда пехота с артиллерией впереди двигалась

прямо в центр вражеской позиции. Дело длилось недолго, персы начали отступать, и нашей кавалерии осталось лишь преследовать их. Шах со своей пехотой отступил в самом начале боя, Аббас-Мирза был обязан своим спасением лишь быстроте ног своей лошади, многие командиры попали в руки нашей кавалерии, которая окончила преследование лишь на расстоянии 15 верст от поля боя. Главное неприятельское знамя, называвшееся непобедимым, оказалось в числе трофеев этого дня, успех которого объяснялся только стремительностью действий генерала Паскевича по предотвращению планов неприятеля. Не дав отдыха солдатам, уставшим от боя, 35 верстного перехода и невыносимой жары, наш молодой и горячий генерал не пожелал отказываться от плодов победы и сразу же вернулся под стены Абасабада, где потребовал открыть ему ворота. Узнав от пленных о поражении своего единственного спасения, на которое он рассчитывал, комендант крепости немедленно предоставил главнокомандующему ключи от города, доверенного его защите. На утро следующего дня составленный из регулярных войск гарнизон прошел перед Паскевичем и сложил свое оружие в центре нашего лагеря. Батальоны московской гвардии и корпуса гренадер, сформированные после восстания 14 декабря из всех виновных солдат этих двух полков, и направленные в Грузию заслужить прощение своих ошибок, вошли парадным маршем в Абасабад.

Победа у Джеванбуло имела еще один важный результат — объявление о добровольной покорности России туземного населения Карабаха. Они даже послали специальную делегацию с тем, чтобы предложить свою активную помощь в борьбе с их бывшим государем — персидским шахом. Более тысячи армянских семей запросили сопровождение для отправки вплоть до нашей границы. Оно было им

предоставлено, и они отправились, не опасаясь персидских частей, которые были слишком слабы для того, чтобы попытаться отбить у наших войск сопровождения это население, уводимое из-под самого носа их армии. С другой стороны, генерал Сипягин сообщил, что куринцы и мокразы, это лезгинское население, жившее в почти неприступных горах Дагестана, также обратились с выражением своей покорности.

Между тем, Аббас-Мирза не был человеком, так легко отступавшим от своих планов. Придя в себя после поражения, он собрал свои войска и даже пожелал беспокоить линии коммуникаций нашей армии и поддержать Эривань, блокада которого осуществлялась лишь слабым отрядом. Вскоре, оставив в районе Абасабада часть войск под командованием князя Эристова, генерал Паскевич с остальной армией произвел маневр с тем, чтобы расстроить прекрасно согласованные планы Аббас-Мирзы. Последний находился в это время около Сардарабада. Вскоре там появился Паскевич, и, так как персы не мешали ему подойти к крепости, главнокомандующий решил атаковать ее. Наконец, к Эчмиадзину подошла осадная артиллерия, прибытие которой было сильно затруднено переходом через горы. С самого начала войны по дальновидному приказу императора осадная артиллерия была перевезена из Киева в Тифлис. Из-за больших трудностей при переходе кавказских гор даже полевой артиллерии, мысль о перевозке осадных орудий никогда не возникала. Но был получен приказ императора, он был исполнен, и мы увидим то преимущество, которое, благодаря этому, будет получено в ходе этой войны. Именно эту артиллерию ждал главнокомандующий для того, чтобы победоносно закончить осаду Эриваня. Он был слишком осторожен для того, чтобы двинуться вглубь Персии, не будучи уверен в своих

коммуникациях, а Эривань был ключевым их звеном не только с точки зрения военной, но и моральной. Персы, местные народности и даже армяне рассматривали эту крепость как неприступную и как назначенную судьбой стать могилой для русских.

Паскевич осуществил все необходимое для этой осады и для подвоза припасов, сформировав транспорт для продолжения операций. Со всех сторон в его лагерь прибывали армяне для того, чтобы продать там своих животных и зерно. После того, как он убедился в наличии запасов провизии для солдат, Паскевич приказал перевезти под Сардарабад часть осадной артиллерии. Эта крепость была защищена древними стенами, бастиянами и 3 тысячами человек под командованием Фетали-хана. Батареи были построены, и началась бомбардировка. В течение трех дней гарнизон оказывал отчаянное сопротивление, но, видя, что разрывами бомб стены разрушены, а их дома разбиты, защитники попросили три дня для подготовки капитуляции. Наш ответ был следующим: «Если в течение часа городские ворота не будут открыты нашим войскам, то гарнизон будет ходить по лезвию ножа» и обстрел будет возобновлен с еще большей силой. После этого персы в беспорядке бросились вон из города через ворота, находившиеся с противоположной стороны от тех, которые мы осаждали, и рассеялись по прилегающей местности. Наша пехота разбила ворота и стала хозяйкой в городе. Мой брат и генерал Розен во главе уланского, драгунского полков и казаков были направлены на преследование убегавших, и настигли несколько батальонов. Тех, кто оказывал сопротивление, зарубили, остальных взяли в плен. Сам Гассан-хан был покинут в Сардарабаде, с ним осталось всего около 100 кавалеристов, которые под покровом следующей ночи сбежали в Эривань. В городе мы нашли

запасы провизии достаточные для того, чтобы прокормить всю нашу армию в течение месяца, много пороха и 20 артиллерийских орудий.

Не успел пасть Сардарабад, как Паскевич поспешил атаковать Эривань. Батареи были установлены, вскоре летучие отряды доставили их почти к самым укреплениям. Все войска были исполнены мужества и отваги. День и ночь продолжались работы, огонь наших батарей достигал всех уголков города. В надежде спасти Эривань, Аббас-Мирза всеми своими силами атаковал Нахичевань. Князь Эристов вышел ему навстречу и заставил персов вернуться на свои прежние позиции. Стены Эриваня, обстрелянные в двух местах ядрами большого калибра, начали шататься. Неприятельские батареи были снесены, амбразуры разбиты, на откосах появились наши укрытия, самые храбрые офицеры уже начали измерять глубину рва. В этот момент многие жители, убегая от опасности, спустились через проломы в стене и укрылись в нашем лагере. Благодаря этому, наши офицеры убедились в возможности проникнуть в город и сообщили эту новость главнокомандующему. Все схватили оружие и начали подниматься к проломам, пока с другой стороны подрывали ворота. Со всех сторон мы стали проникать в город. Схватка продолжалась несколько часов, захваченные врасплох персы оставили укрепления и укрылись в мечетях и в домах. С новой силой сражение продолжилось во всех кварталах города. С несколькими сотнями солдат Гассан-хан занял оборону и оказывал отчаянное сопротивление. Во главе роты солдат генерал Сухтелен пробился в это укрепление и собственноручно разоружил этого одного из самых ожесточенных военачальников персидской армии. Плодами этого блестящего штурма стало пленение командиров различного уровня, 3000 человек, захват более 60 орудий, знамен и большого количества самого разного снаряжения. Едва было

подавлено сопротивление, как в наших славных войсках были восстановлены дисциплина и порядок. Ничто не было разграблено, никто из местных жителей не пострадал.

* * *

В Эривани Паскевич оставил четыре полка во главе с генералом Красовским с тем, чтобы быть уверенным в обладании этой важной крепостью, так и для того, чтобы обеспечить тылы своей армии. Стремясь воспользоваться тем впечатлением, которое должно было произвести на персов падение Эривани, он сам без промедления направился к Тебризу, резиденции Аббас-Мирзы и прежней столицы Персии. Перед ним двигался отряд князя Эристова, авангардом которого командовал генерал Панкратьев. Он нашел противника в укреплениях, защищавших дорогу к Маранду. С ходу неприятель был атакован, опрокинут, и он вошел в Маранд, жители которого встретили его проявлениями радости, как если бы он был их освободителем.

Переселение армян из Персии в Россию. 1828

В Тебризе царил полнейший беспорядок. Командовавший гарнизоном Алаяр-хан приготовился к обороне, но к счастью жители города были предупреждены о дисциплине наших войск и, будучи уверены в полной бесполезности сопротивления, открыто воспротивились сражению. Напрасно Алаяр-хан угрожал и демонстрировал суровость командира, столь возмущенного трусостью. Никто не подчинялся его приказам, и в результате он мог рассчитывать только на небольшое количество регулярных войск, находившихся в городе в качестве гарнизона.

Даже Аббас-Мирза был покинут сарбазами, которых он так заботливо организовывал и обучал в течение нескольких лет, они побросали оружие и разбежались. Он был вынужден удалиться от своей резиденции, имея не более 3 тысяч кавалеристов, которые сохранили ему верность. Зная о положении дел, Паскевич ускорил свое движение, 14 октября князь Эристов подошел к Тебризу и расположил свои войска в пушечном выстреле от города. Для начала атаки были выделены два батальона под командованием генерала Панкратьева. Защищавшие подходы к городу небольшое количество войск не стали дожидаться атаки, а спаслись бегством. Тогда во главе с мусульманскими священнослужителями к нашим солдатам вышли горожане. Они выказали в некотором роде удовлетворение и сердечность, которые не оставляли сомнения в их миролюбивых настроениях и свидетельствовали о плохом управлении и тиранстве со стороны Аббас-Мирзы. Без колебаний генерал Панкратьев принял приглашение жителей и с музыкантами впереди вошел в эту древнюю и густонаселенную столицу Персии. Народ окружал и выступал впереди наших войск так, что можно было бы сказать, что это был национальный триумф. В каком-то опьянении народ бросился к дворцу Аббас-Мирзы и начался грабеж. Но русская гвардия ринулась вперед с тем, чтобы предотвратить

это народное возмездие, спасти и сохранить богатства и обстановку того самого Аббас-Мирзы, который столь бесчестно нарушил договоры, грабил и разорял границы нашей империи. Покинутый всеми губернатор Алая-хан скрылся в одном из пригородных домов, в котором он надеялся спрятаться и от русских и от персов, но был выдан одним своим соплеменником, казачий офицер схватил его в этом укрытии. В Тебризе мы нашли 40 артиллерийских орудий, тысячи ружей и склады, заполненные боеприпасами и провиантом. Видя, как рухнуло его могущество, как пала его резиденция и разбежалась армия, Аббас-Мирза поспешил направить генералу Паскевичу свои поздравления и условиться о встрече, в ходе которой начать обсуждение условий мира.

В Тебризе и на всех захваченных территориях главнокомандующий назначил временное правительство, составленное из трех русских генералов и из наиболее высокопоставленных чиновников Тебриза, которые раньше участвовали в управлении. Все старались поддерживать в прежнем порядке, особо защищали мусульманскую религию. Паскевич и его армия дали персидскому народу пример уважительного отношения и доверия к шаху, делалось все, чтобы не нанести вред авторитету государя, которого народ ненавидел за его обиды и самоуправство. Паскевич направил отряд для занятия небольшой крепости Аланджи, которая была оставлена неприятелем, несмотря на ее почти неприступное расположение. В Карабахе разбежались остатки персидской армии. В Тебриз прибыла депутация руководителей города и округа Маранд для того, чтобы попросить защиты русской армии и принести свидетельство о своей покорности. Паскевич вошел в Тебриз со всеми воинскими почестями. У ворот его встретили городские власти и население этого большого города, дорога, по которой он направился в свою резиденцию, была выложена цветами и украшена коврами.

В нетерпении положить конец разрушениям, в том числе и тем, которые он произвел за последний год в России, Аббас-Мирза направил к Паскевичу первое должностное лицо государства — каймакама — с тем, чтобы наметить основные положения мирного договора. В качестве подтверждения искренности своей миссии он привел с собой несколько сот русских, которые в начале войны попали в персидский плен. Тебриз и живший там английский посланник стали свидетелями величественного зрелища, когда вся наша армия собралась на благодарственную молитву, а затем прошла парадным маршем перед главнокомандующим. На всех присутствовавших произвели сильное впечатление прекрасное состояние, воинское снаряжение наших войск и многочисленная артиллерия, что лишило персов остатков надежды на сопротивление, которую они, возможно, питали в глубине их разбитых душ. Было решено, что Аббас-Мирза лично прибудет для того, чтобы вести переговоры о мире, которые должны были проходить в небольшом городке Декаргане.

Мой брат во главе значительного отряда был направлен навстречу наследнику персидского престола, одновременно он должен был контролировать район Чевичзера. Генерал Иловайский занимал основные пункты на местности. Все провинции государства, даже самые отдаленные, приготовились принимать наши войска хлебом-солью. Даже мысль о сопротивлении была невозможна в связи с миролюбивым настроением населения, а правительство чувствовало себя связанным скромным поведением нашей армии.

Мой брат встретил Аббас-Мирзу со всевозможными воинскими почестями, включая артиллерийский салют, в соответствии с высказанным самим принцем пожеланием. Он самым внимательным образом осмотрел наши войска и вполне определенно высказался об искренности своих миролюбивых настроений и прибыл в Декарган в сопровождении

только сотни персидских кавалеристов. Там он был встречен почетным караулом, составленным из драгун и из тех же самых курдов, которые еще так недавно храбро сражались под персидскими стягами, а теперь с той же отвагой служили под победоносными знаменами России.

Навстречу генералу Паскевичу был направлен сын Аббас-Мирзы Хосрев-Мирза. Все соответствующие случаю проявления вежливости, взаимные визиты были соблюдены со всей тщательностью и важностью, которые предписывались азиатскими обычаями. Уже на первом заседании было заключено перемирие и прекращены враждебные действия со всех сторон. Одновременно персы затягивали дело, продолжали свою вероломную и непоследовательную политику и препятствовали проведению переговоров. В тот момент, когда, казалось, переговоры подходили к концу, шах прислал сообщение о том, что он не может согласиться на предлагаемые статьи и что он скорее предпочтет вновь взяться за оружие, чем подпишет условия, которые он считает позорными.

Аббас-Мирза был обескуражен столь же внезапными, сколь и необъяснимыми изменениями и решил немедленно направиться в резиденцию своего отца в Тегеране с тем, чтобы заставить его изменить свое решение. Эти изменения в направлении мыслей шаха были вызваны иностранным влиянием. Турция уже готовилась к разрыву отношений с Россией и изо всех сил стремилась к продолжению войны, так как ее окончание высвобождало большую часть нашей армии в Грузии. Англия всегда завидовала русскому преобладанию в Азии, которое объяснялось нашими позициями по ту сторону Кавказа, она также подталкивала шаха к продолжению войны. Наконец, скупой свыше всякой меры шах, не мог расстаться с теми золотыми слитками, которые мы требовали от него в качестве компенсации расходов, на которые мы вынуждены были пойти в связи с тем, что он нарушил

договоры. Паскевич тут же отозвал приказы о перемирии, и захватил выгодно расположенный, сильно укрепленный и густонаселенный город Урмию. Генерал Сухтелен направился к Ардебилу, ворота которого были ему открыты, везде наши войска продвинулись вперед, и везде местное население встречало их с радостью. Получив эти известия, шах испугался и после переговоров со своим сыном Аббас-Мирзой он написал непосредственно Паскевичу, умоляя его остановить наступление, обещая принять все условия и вновь прислать своего сына с тем, чтобы он подписал договор о мире в том виде, как он уже был продиктован российским императором. Персия навсегда передавала России Эриванское и Нахичеванское ханства, которые становились областями Армении, дополнительно она выплачивала сто миллионов рублей в качестве компенсации наших военных издержек.

Таким образом, победой России, славой Паскевича и наших войск окончилась эта война, которая началась из-за вероломства и честолюбия Персии, а, возможно, и из-за ревности Англии и интриг Оттоманской Порты.

В последние годы своей жизни император Александр уже предвидел печальную необходимость войны с Портой, которая под различными предлогами уклонялась от выполнения Бухарестского договора 1812 года. Наша смертельная схватка с Наполеоном, его возвращение к власти в 1815 году и связанные с этим политические разногласия, восстановление Польского королевства, все это естественным образом отдалило императора и его правительство от хода восточных дел и дало Османской Порте передышку, внушило мысль уклониться от выполнения договоренностей и даже дало надежду сократить или вовсе отменить данные обязательства.

После своего вступления на престол император Николай нашел этот вопрос в незавершенном состоянии. Российская торговля испытывала не только трудности, но и притеснения, состояние дел не могло оставаться в том же унижительном для России положении. Претензии Турции увеличивались по мере того, как откладывались наши ответные действия. С другой стороны, император был занят исполнением дел, которые смерть императора Александра возложила на него, он был настроен против того, чтобы увеличивать трудности начала царствования новой войной, унижительной для его страны, заботы, о ведении которой должны были отдалить его от дел внутренних, столь настойчиво требовавших всего его внимания. Начиная с 1826 года, он предложил проведение дипломатических переговоров с целью мирного разрешения осложнений и трудностей, возникших между двумя странами. Турция согласилась с целью еще оттянуть время или добиться изменений в договоре. Местом проведения переговоров был избран Аккерман, куда вместе с нашей делегацией прибыл граф Воронцов, назначенный российским представителем. Со своей стороны туда прибыл и турецкий

представитель. После многочисленных затяжек и ложных заявлений с его стороны, делегаты, тем не менее, убедились, что состояние дел, кажется, позволяло обеспечить мир или, по крайней мере, отсрочить разрыв отношений. Это было только притворство, по сути, положение оставалось нерешенным, все свидетельствовало о неискренности турецкого правительства и о его надеждах на благоприятные изменения в будущем. Греческие дела настраивали Порту против нас. Несмотря на заверения императора Александра, несмотря на публично высказанное им недовольство ложным возмущением князя Ипсиланти в Молдавии, Порта продолжала считать Россию причиной бунта в Дунайских княжествах и обвиняла ее в поддержке восстания в Греции. В этот момент взаимного недовольства и недоверия случилось событие, повергшее в удивление всю Европу, — неожиданное и кровопролитное Наваринское сражение. Наш флот совместно с английскими и французскими кораблями разбил турецкую эскадру, сжег и захватил турецкие суда и перебил их матросов. Как объяснить, что это ожесточенное сражение, в ходе которого были разбиты объединенные морские силы Турции и Египта, оказалось неловкой неожиданностью, что оно не нарушило доброго согласия, существовавшего между этими двумя дворами и Константинопольским Диваном? Было очевидно, что такие обстоятельства очень трудно было понять и еще труднее правильно оценить. Отношения между Портой и Петербургом еще более обострились, наша торговля подверглась новым покушениям, никто не собирался исполнять данные в Аккермане обещания. Наконец, разрыв стал неизбежным.

Все готовились к войне, к концу зимы из Петербурга вышла гвардия за исключением кирасирской дивизии и одного пехотного батальона. Молодежь с удовольствием наблюдала, как перед ней открывалась возможность трудной и славной карьеры. В целом, публика без воодушевления отнеслась

к этому новому разрыву, отношение ее к войне совершенно не включало в себя элементы патриотизма. Слишком часто в прошлом этот давний недруг России и православной веры был покорен нашими армиями, он стал слишком слаб для того, чтобы внушить страх или ненависть. Все приготовились к новым успехам, и рассматривали человеческие потери и финансовые затраты этой войны как неизбежное зло, которого требует честь и интересы нашей торговли. На юге России торговля вот уже целый ряд лет находилась в ущемленном состоянии. Командовать армией был назначен граф Витгенштейн, армия состояла из 7-го и 9-го пехотных корпусов, 5-го кавалерийского корпуса и достаточного количества казачий полков.

25 апреля наши войска тремя колоннами, двигаясь на Скулиани, на Галац и на Водолуй Исакчи, перешли границу империи на реке Прут. Через пять дней похода были захвачены столицы Молдавии и Валахии, города Яссы и Бухарест. Радость жителей, встретивших наши войска, была столь же сильной, сколь сильно они ежеминутно опасались нашествия турецкой армии, первыми действиями которой стали бы грабежи и насилие в княжествах, с целью лишить нашу армию тех огромных запасов, которыми располагали эти территории. Часть 9-го корпуса напрямик направилась к крепости Браилов и обложил ее со всех сторон, что было обычным началом наших последних войн против турок. Из крымских портов вышла морская экспедиция с десантом в составе 13-го и 14-го егерских полков с целью осады Анапы. Для участия в этой осаде полковник Перовский должен был привести со стороны Кавказских гор один пехотный батальон и несколько полков черноморских казаков. Командование всей экспедицией было поручено князю Меншикову. Анапа, которую русские брали уже три раза, и всегда отдавали по условиям мира, была, тем не менее, самым важным и необходимым пунктом для обеспечения нашей кавказской

линии обороны. Именно Анапа служила горцам кладовой после их разбойных нападений, там был рынок, где навечно продавали в рабство несчастных, оторванных от своих семей. Именно из Анапы в сераль султана и в гаремы турецких вельмож отправлялись молодые красавицы. Именно здесь набирали воинственных и сильных мамелюков. Именно Анапа снабжала горских грабителей порохом и вооружением, она вдохновляла их набеги на наши границы и предоставляла им убежище против преследования наших казаков. Таким образом, для нашего спокойствия было необходимо владение этим городом. Император также желал, чтобы начало войны было отмечено взятием Анапы, это было единственное завоевание, которое он собирался сохранить. У Анапы князь Ментиков соединился с отрядом полковника Перовского. Но осадные работы проводились в кольце черкесских племен, иногда нейтральных, иногда враждебных, но всегда коварных, гарнизон крепости был многочисленным, храбрым и хорошо вооруженным. В этих условиях князю Меншикову пришлось вести осаду с большой осторожностью и по всем правилам.

Во главе гвардейских частей в Валахию прибыл великий князь Михаил с тем, чтобы возглавить осаду крепости Браилов.

Было решено, что императрица проведет лето в Одессе с тем, чтобы находиться ближе к своему августейшему супругу. Стремясь поскорее оказаться на театре военных действий, император покинул Петербург в последние дни апреля. Уже много месяцев находившийся в России принц Оранский сопровождал императора до Витебской губернии. Там я имел счастье присоединиться в коляске к моему государю, с этого момента я начал многочисленные путешествия, очень часто располагаясь рядом с ним. Остальную свиту составляли генерал Адлерберг и врач. Главный церемониймейстер граф Станислав Потоцкий, на которого были

возложены обязанности начальника Императорской Главной квартиры, был послан вперед. Туда же были направлены походные палатки, конюшня и кухня. Адъютанты императора и вся главная квартира двигались к Измаилу, где должны были ждать дальнейших приказаний. Также получили разрешение присоединиться к армии министр иностранных дел граф Нессельроде, многие главы департаментов, известные генералы, такие как Васильчиков, Ланжерон и другие, многие иностранные представители, посол Франции герцог де Мортемар с многочисленной свитой, австрийский генерал принц Гессен-Кобургский в сопровождении многочисленных офицеров, прусский генерал Ностиц, министры иностранных дел Ганновера Дёрнберг и Дании Блом.

Император ехал днем и ночью, только один раз он остановился на два дня в Елизаветграде для того, чтобы принять парад уланской дивизии, которая была частью военной колонны под командованием графа де Витта. Оттуда мы продолжили наш путь через Бендеры к Водолуй Исаки на границу империи. Там нас встретил граф Потоцкий, который наспех приехал из-под Измаила для того, чтобы организовать нам хороший обед. В должности генерал-адъютанта его сопровождал мой брат, едва приехавший с персидской кампании для того, чтобы сразу же включиться в другую. За обедом все были веселы и любезны. Хотя было только 7 мая, жара была непереносимой. При ярком солнце мы вступили на территорию Османской империи в сопровождении только одного фельдъегеря. Император России путешествовал как по своей собственной стране, и поздно вечером прибыл в лагерь под крепостью Браилов. Он остановился в расположении великого князя Михаила, где его ожидал граф Витгенштейн с генералами.

На следующее утро император сел на лошадь и проехал по всему лагерю к великой радости солдат, которые в первый

раз видели своего молодого государя, приехавшего в их ряды для того, чтобы разделить с ними тяготы и опасности и воодушевить их. В первый раз после Петра Великого турецкая земля вновь увидела одного из наследников этого великого гения, от которого фортуна отвернулась на реке Прут в пользу неисчислимых войск султана. Император тщательно осмотрел работы, начатые на правом фланге нашей позиции, и потребовал их скорейшего завершения, желая присутствовать при открытии стрельбы осадных батарей. Он объехал всю позицию, протяженностью более двух верст. Наша артиллерия еще не отвечала на огонь неприятельских орудий, направленный против наших аванпостов, и на ядра, которыми враг приветствовал императора.

На Дунае еще хозяйничала турецкая флотилия, которая под защитой низко расположенных и очень значительных укреплений Мачина способствовала обороне и в особенности снабжению крепости. С целью помешать действиям этой флотилии, на высоком берегу Дуная была установлена батарея, которая, к сожалению, не могла нанести ей скольконибудь значительный урон. Император сильно заболел лихорадкой, что заставило нас сильно беспокоиться особенно в этой стране, где эта болезнь часто принимала затяжной характер, и в прошлые времена частенько мешала даже наилучшим замыслам. К счастью, вскоре, благодаря своей великой собранности и крепкому сложению, император встал на ноги и развеял наши тревоги.

* * *

Строительство осадных батарей, а благодаря небольшому расстоянию до укреплений крепости, это были скорее стенобитные батареи, было завершено. На заре император приехал на место для того, чтобы самому убедиться в эффективности этой батареи. Обстрел велся столь энергично, что в течение

некоторого времени неприятель не отвечал на него. Однако, оправившись от неожиданности и заметив на соседнем холме значительную свиту, неприятель стал довольно метко стрелять с тем расчетом, чтобы ядра попадали в подножие холма, на котором находился император, и отскакивали к месту, где были собраны наши оседланные лошади. Это были первые ядра, свист которых император слышал над своей головой, долгое время он не хотел покидать это место, которое стало мишенью неприятельского обстрела, наконец, он был вынужден это сделать, и прошел по лагерю 7 корпуса. Он лично раздавал Георгиевские кресты солдатам, отличившимся на подходах к крепости, когда городские предместья были взяты штыковой атакой. Он заботливо посетил раненых и больных, раздавал деньги, входил в мельчайшие подробности питания солдат, интересовался деталями их лечения. Он был добр и любезен со всеми и оставил о себе в этом лагере чувства восхищения и благодарности. Впоследствии эти войска дали тому самые блестящие доказательства. Таким образом, император показал себя этой части армии и, открыв осаду крепости Браилов, продолжил путь к границе.

В местечке Водолуй Исаки император продемонстрировал пример подчинения местным законам и подвергся окуриваниям и очищениям, которые были обязательны для всех, приезжавших в княжество. Оттуда мы направились по дороге в Бендеры, куда прибыла выехавшая из Одессы императрица. В нескольких верстах от города император имел удовольствие встретить ее, прогуливающуюся с одной из своих дам. Он поднялся в ее карету, а мы с дамой сопровождения сели в коляску и все вместе въехали в город. Бендеры были окружены высокой и старинной стеной, на протяжении нескольких столетий город защищали турки, и в наше распоряжение он попал только после последней войны. Внутри крепости не было почти ничего, кроме большой и разрушенной

площади, где раньше жило достаточно многочисленное население, а теперь располагался только комендантский дом, стояла старая мечеть, превращенная в склад гвардейского корпуса, и кучка маленьких домиков. Едва хватило места для того чтобы разместиться на ночь. На следующий день император дал аудиенцию прибывшему послу Франции, и очень удобно все отправились в дорогу с таким расчетом, чтобы остановиться на обед в деревне немецких колонистов, где все было приготовлено для встречи императрицы. Такой способ передвижения столь решительно отличался от привычки императора ехать безостановочно и без приготовления пищи день и ночь, что этот переезд из Бендер в Одессу показался мне настоящим удовольствием.

М. С. Воронцов

К исходу дня мы въехали в Одессу. Многочисленное население было в восторге от возможности увидеть своих государей, и толпилось по всему пути их проезда. Их Величества остановились у дома генерал-губернатора Новороссии графа Михаила Воронцова, где было приготовлено жилье для императрицы. Это был настоящий дворец, построенный недавно и с отменным вкусом и расположенный прямо на высоком берегу, который составлял одну из сторон широкого одесского рейда. С балкона этого прекрасного сооружения можно было сосчитать все корабли и лодки, виден был карантинный порт и часть города. Мы были потрясены подобным зрелищем, особенно, если вспомнить, что все это население, торговля, сооружения появились всего 40 лет назад. Эти берега были покрыты засушливой пустыней, а единственными гостями этого столь оживленного сегодня рейда были хилые лодочки ловцов рыбы. Подобный результат был достигнут, благодаря сильной и животворящей воле наших государей и внутреннему богатству империи. За столь короткий срок 60 тысяч человек пришли сюда для того, чтобы обосноваться в Одессе, вложить свои капиталы, построить здесь прекрасные здания и обогатиться за счет торговли с востоком. С большим удовольствием мы провели три дня в этом городе, где я чувствовал себя как дома потому, что здесь жили мои самые старые друзья — граф Воронцов и Лев Нарышкин.

Надо было отправляться в дорогу, погода благоприятствовала переправе через Дунай, и император стремился приблизить этот день. Все строилось заново на этой земле, столь справедливо названной Новой Россией. Огромные равнины были обжиты и стали плодородными, благодаря прекрасным, богатым и населенным деревням. На протяжении веков, последовавших за упадком древнегреческой цивилизации и за разрушением генуэзской торговли, эти места были только просторной ареной для кровопролитных

и разрушительных сражений между русскими и турками. Здешные деревни были населены выходцами из различных германских земель, спасшимися от турецких грабежей болгарами и искателями счастья со всего мира. Особая система управления была призвана защитить этих разных людей, дать им возможность устроить свою жизнь, обеспечить взаимодействие их интересов на благо России и ради службы ей.

Раньше Измаил был грозным часовым на границах владений султана. Он был силен мощью своих укреплений, своим расположением и большим числом защитников, но покорился отважной шпиге Суворова. Окончательно он вошел в состав России по условиям мира 1812 года. Таким образом, мы владели им только 16 лет, а уже новый город появился рядом с мусульманскими укреплениями, которые видели столько пролитой крови, и которые два могущественных народа столь долго оспаривали друг у друга. Измаил был полон служащими императорской квартиры, полон складов различных предметов для армии, здесь находилась часть нашей флотилии и флотилия бывших запорожских казаков, которые только что покинули турецкий берег с тем, чтобы вернуться под покровительство своей прежней родины.

Не желая покориться воле князя, который в 1793 году разрушил их шумную и беспутную республику, эти воинственные племена перенесли в Турцию свое правительство и свои обычаи и предложили султану воспользоваться их несомненным мужеством. Султан принял их с радостью, выделил им плодородную землю и гарантировал сохранение их правительства. Запорожцы оказали Оттоманской Порте великие услуги, во всех войнах против России они отличались великой ненавистью к своим бывшим соотечественникам, проявляли жестокую отвагу даже большую, чем самые фанатичные турки. В последнее время несколько сотен их

товарищей погибли, воюя против греков. Запорожцы тщательно сохранили религию, обычаи, одежду и язык России. Они включали в свои ряды дезертиров и беглецов из России, их тогдашний атаман был малоросским крестьянином, который получил свою должность благодаря уму и храбрости. Комендант Измаила генерал Тучков без колебаний начал переговоры с их начальником, и ему удалось разбудить в его душе преданность своему законному государю и своей стране. Без промедления атаман рассказал казакам о тех чувствах, которые проснулись в его сердце. Он собрал все войско в тот момент, когда оно должно было присоединиться к паше Силистрии для отражения наступления нашей армии. Он заявил казакам со свойственными ему энергией и красноречием, насколько преступно проливать кровь их братьев из России и каков будет их выигрыш, если они обратятся за прощением и за защитой к императору, их настоящему господину. Дело было решено за одну минуту, и их боевые знамена на военных судах причалили к российскому берегу. Император отправился посмотреть на этот введенный в заблуждение народ, который вернулся в свою колыбель. Он простил их за прошлое и воодушевил атамана и казаков милостивыми словами. В качестве платы за их военную службу, которую он ожидал от них в ходе этой войны, он обещал им земли на берегу моря.

После завершения необходимых приготовлений, большая часть которых выпала на мою долю, Его Величество покинул Измаил для того, чтобы приблизиться к Дунаю. Половодье этой реки откладывало день ее форсирования, которое было намечено в местечке Сатаново, напротив небольшой турецкой крепости Исакчи. По дороге туда в Болграде император провел смотр 3-го армейского корпуса под командованием генерала Рудзевича. Состояние войск было превосходным,

солдаты чувствовали себя хорошо и все горели желанием отличиться в глазах их молодого государя.

По прибытии в Сатаново мы в первый раз установили там императорскую квартиру, которая одна имела вид целой армии. Кроме всех тех, кто составлял ее служащих, кроме иностранных послов и представителей, к нам присоединились в качестве гвардии лагеря и одновременно как резервы армии два пехотных полка, десять артиллерийских рот, было более трех жандармских эскадронов, казаки гвардии, 100 казаков из Атаманского полка и полк армейских казаков. Наш лагерь увеличился также за счет фуражиров, рестораторов и самых разных торговцев, которые в избытке здесь находились на протяжении всей кампании. Все они были под моим командованием, и было нелегко призвать их к дисциплине и заставить торговать в указанном порядке. В первые дни они ругались и сердились, но потом все пошло как нельзя лучше к удовлетворению императора и всех жителей этой кочевой столицы.

* * *

Огромные работы были предприняты для того, чтобы обуздать наводнение: с тем, чтобы можно было выйти к берегу Дуная, на протяжении более двух верст в речной воде и на топком основании была сооружена плотина. Эта небывалая сама по себе работа стала еще сложнее из-за очень высокого подъема уровня воды в реке и из-за дождливой весны. На конце этой плотины было сооружено укрепление, как для того, чтобы уберечь плотину от вражеских ядер, так и для того, чтобы установить там батарею с целью защитить наш проход.

Турки знали об этих приготовлениях. На своем берегу, который полностью господствовал над нашим берегом, они

возвели укрепления и батареи с тем, чтобы защититься от форсирования реки и обустроить прекрасную позицию, на которой разбил свои палатки очень внушительный корпус. Вечером костры турецкого лагеря величественно осветили его расположение, которое, казалось, бросало вызов нашим приготовлениям своим доминирующим положением, протяженностью и опорой левого фланга на крепость Исакча, а правого — на глубокое болото.

Наша позиция и наши лагерные костры, напротив, утопали в болотах, овевались нездоровым воздухом и казались потерянными под господствующими вражескими высотами. Император всячески ускорял сроки высадки, у устья небольшой реки ждали сигнала выйти в Дунай приготовленные для высадки понтоны и большие барки. Наша весельная флотилия и флотилия наших новых подданных запорожцев приблизились к месту высадки, выгребая против течения реки. Флотилия была вооружена пушками. Те полки, которые первыми должны были начать высадку, приблизились по плотине к месту действия, все шлюпки флотилии и запорожцев собрались в тростниках и кустарниках, которыми был покрыт российский берег реки. Наконец, на рассвете 27 мая император со всей своей свитой подошел к началу плотины, два полка егерей из корпуса генерала Рудзевича первыми бросились в небольшие шлюпки. Турецкие пушки начали отвечать на концентрированный огонь наших речных и наземных батарей, который был неожиданно начат для прикрытия переправы. Более легкие, чем суда флотилии, казацкие шлюпки первыми достигли неприятельского берега. Кустарник и оставшиеся после разлива реки глубокие болота сделали высадку и продвижение вперед крайне тяжелым. Первыми бросились по пояс в воду начальник штаба Действующей армии Киселев и генерал князь Горчаков.

Другие полки последовали за егерями, и вскоре под смертельным огнем неприятеля кустарники и болота были преодолены.

Наши войска построились на открытом месте напротив превосходящих турецких сил, наступление на которые стало еще сомнительнее из-за имевшихся там холмов и построенных турками укреплений. Император хотел лично возглавить атаку на батареи, но граф Дибич умолил его не делать этого, так как неприятельские ядра с другого берега падали уже совсем рядом с тем местом, где находился государь. Он любезно согласился с советами проявить осторожность и вернулся на высоту, с которой только что ушел, и откуда он мог наблюдать за передвижениями турецких и наших войск, а также за маневрами флотилии. В этот момент ему сообщили о том, офицер, командовавший речной артиллерией, ранен, и он приказал мне принять командование вместо него. Я бросился на берег речки с тем, чтобы сесть в лодку, но, к счастью, нашел контр-адмирала Патаниоти легко раненным. Он продолжал отдавать распоряжения, а я не нашел нужным сообщить ему, что только получил приказание его заменить.

С обеих сторон огонь продолжался столь же активно, как и раньше. Наши суда с трудом преодолевали течение для того, чтобы приблизиться к турецким батареям. Я вернулся к императору, который, не имея возможности принять участие в схватке, проявлял самую усердную заботу о раненых, доставляемых с берега реки. Наша пехота двигалась прямо на неприятеля. В тот момент, когда его береговые батареи, поражаемые огнем наших приближавшихся речных судов, были вынуждены замолчать, штыковая атака решила исход сражения. Часть неприятельских войск укрылась в небольшой крепости Исакча, а большая его часть отошла

по дороге на Бабадах. Видя, что последнее укрепление турок еще защищается, один батальон ускоренным маршем направился туда, мы видели, как он подошел и в этот момент произошел взрыв и густой дым закрыл его от наших взглядов. Это подорвалась мина, которая своим взрывом уничтожила и победоносных русских, и турок. Тем не менее, погибло не более двух десятков человек, остальные получили ранения различной степени тяжести.

Горя нетерпением, император бросился на берег и приказал возводить мост, в это время речные суда продолжали перевозить войска, которые уже стали хозяевами соседних высот. Работы велись с необыкновенной горячностью, присутствие императора удваивало силы и усердие солдат и офицеров. Тем временем император не стал дожидаться окончания работ по постройке моста для того, чтобы поблагодарить победившие войска и отдать распоряжения по осаде вновь вооруженной крепости, которую защищал многочисленный гарнизон. Он попросил запорожского атамана предоставить ему свою лодку и посадить дюжину казаков на весла. А ведь эти люди были нашими смертельными врагами, только три недели назад они покинули вражеский лагерь. Стоило им сделать несколько дополнительных гребков, как они бы оказались под защитой укреплений крепости Исакча, и могли бы сдать туркам государя России, который сел к ним в лодку в сопровождении всего двух генералов. Атаман и казаки поняли это и были в восторге от такого проявления доверия к ним. Они с чувством воскликнули: «Мы принадлежим тебе! Не только эти двенадцать человек, но и все наши товарищи!» Таким образом, с помощью запорожских казаков император оказался на турецком берегу.

В течение дня строительство моста было завершено, и войска продолжали переправу. На следующий день император приказал установить свою палатку на другом берегу

Дуная напротив крепости Исакча. Коменданту турецкой крепости было сделано предложение о сдаче. Видя храбрость наших солдат и бегство своих соотечественников перед ними, и, замечая все увеличивающееся количество наших войск, он сомневался всего несколько часов и открыл крепостные ворота. Без промедления туда были помещены наши раненные, так закончился первый военный этап нашей наступательной операции.

Как только были исполнены вышеуказанные приказания, император открыл военную кампанию и во главе корпуса Рудзевича двинулся прямо на укрепления Траяна, которые защищали нечто вроде горловины, образованной Черным морем в Кюстинджи и Дунаем в Разовате. В различные пункты были направлены отряды, как для того, чтобы прикрыть наш маневр, так и для того, чтобы овладеть небольшими крепостями, находившимися в промежутке между Дунаем и укреплениями Траяна. Построенный еще римлянами на огромной дунайской возвышенности форт Мачин сдался полковнику Роговскому, Хирсово открыл свои ворота генералу Мадатову. Построенная на высоком берегу Черного моря крепость Кюстинджи была хорошо вооружена и ее защищали более трех тысяч человек. Они сдались только после 48-ми часовой бомбардировки. Для того, чтобы придать своей полевой артиллерии наибольшую эффективность, командовавший штурмом генерал Ридигер придвинул ее к городским укреплениям на расстояние менее ружейного выстрела. Он предоставил гарнизону три дня для того, чтобы свободно выйти из крепости с оружием и снаряжением. Для нас было очень важно овладеть этим прибрежным укрепленным пунктом, который обеспечивал подходы к Одессе и дополнял нашу оборонительную линию, так хорошо обозначенную остатками знаменитых укреплений Траяна и заканчивающуюся бастионами Кюстинджи. Тем временем

генерал Ушаков овладел Тульчей, и вся эта территория между Разоватом и Черным морем как бы оказалась внутри наших границ.

В интервалах между этими событиями император с основными силами генерала Рудзевича продолжал движение на Бабадах, первый стоящий на нашем пути незащищенный турецкий город. Он был очень живописно расположен, окружен горами и прекрасной растительностью и находился в чудесной долине. Украшен этот маленький город был огромным четырехугольным недавно сооруженным зданием, служившим казармами только что сформированному по приказу султана Махмуда полку регулярных войск. В остальной части города взгляду открывались только нищета и развалины.

В нескольких верстах от Бабадаха выехавшего вперед императора приветствовали делегация некрасовцев, этой эмигрировавшей из России во времена религиозного раскола народности, которая с тех пор покорила скипетру султана и отличилась в войнах против нас своей храбростью и жестокостью в сражениях. Эти люди основали большие русские деревни, в которых полностью сохранялись православная религия, русские обычаи и одежда. Согласно обычаям своей бывшей родины некрасовцы собрались позади стола с хлебом и солью и при приближении императора все они пали ниц лицом к земле. Император приказал им подняться на ноги и сказал: «Я не хочу давать вам ложных надежд. Я не собираюсь захватывать землю, на которой вы живете, и которая завоевана моими солдатами, она будет возвращена Турции. Поэтому ведите себя так, как подсказывает ваша совесть и требуют ваши интересы. Те из вас, кто захочет вернуться в Россию, будут приняты там, и прошлое будет забыто. Те, кто захочет остаться здесь, не должны ни о чем беспокоиться, пока не будут предприняты враждебные

действия против наших солдат. Все то, что вы захотите принести в наш лагерь, будет вам честно оплачено». Любопытно было наблюдать, как эти выходцы из России, которые более чем на 100 лет забыли свою присягу на верность, упали на колени перед правнуком Петра Великого и просили у него прощения. За все время войны наша армия не имела осложнений с некрасовцами, которые, тем не менее, все остались на своей новой родине, щедро получив там земли и рыбные угодья, расположенные в теплом климате. В большом здании был расположен госпиталь, который с этих пор стал могилой для тысяч русских солдат. Вскоре сюда пришла чума и добавила свои жертвы к тем, кто уже во множестве был вырван из наших рядов нездоровым климатом и тяготами войны.

Палатки императорского лагеря были установлены на вершине высокой горы, откуда открывался поистине очаровательный вид на окрестные земли, большое озеро и лагерь наших войск. Ночью сильнейшая гроза, сопровождавшаяся проливным дождем, сорвала часть наших палаток. Испугавшись раскатов грома, лошади двух гусарских полков порвали путы и галопом бросились к горам. Этот шум и беспорядок подняли такую тревогу, что к утру лагерь имел полнотью расстроенный вид.

После однодневного отдыха мы продолжили движение до Карасу, который находился почти в середине укреплений Траяна. Здесь соединились различные отряды, овладевшие небольшими крепостями в нашем тылу и на флангах.

В это время энергично продолжалась осада крепости Браилов, которую турки храбро защищали. В конце концов, великий князь Михаил принял рискованное решение о штурме, у него на глазах наши солдаты спустились в ров, но лестницы оказались слишком короткими. После огромных усилий и небывалых потерь пришлось прекратить атаку и вернуться за линию наших укреплений.

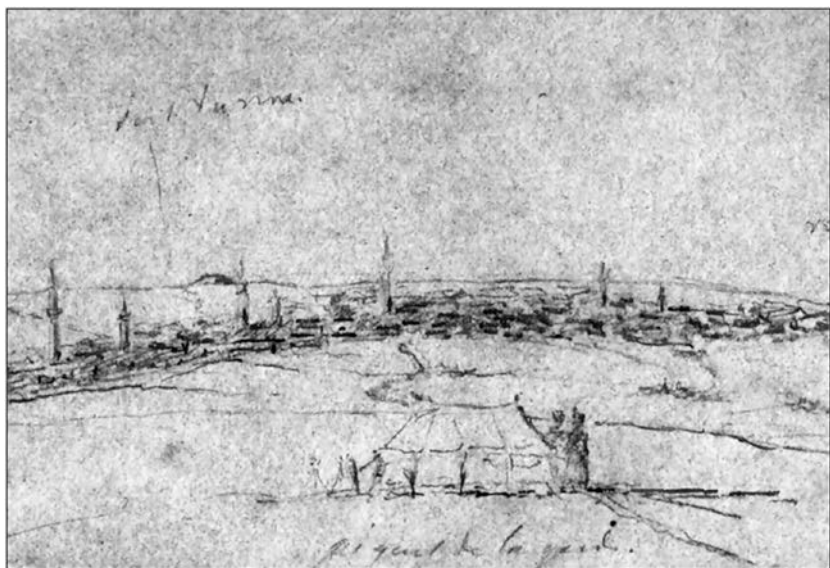
Но туркам не на что было надеяться даже после этого неудачного штурма. Убедившись в подготовленности наших войск и опасаясь возобновления атаки, они предпочли сдаться. Крепость Браилов попала в наши руки со всем тем, что в ней находилось, часть войск была оставлена в крепости, тогда как великий князь Михаил присоединился к основным силам под командованием императора.

* * *

Жара стала труднопереносимой для солдат, воды было мало и она была плохой, от покрытых тростниками болот исходили болезнетворные испарения, травы были жухлыми, и большое количество лошадей не находили себе достаточной пищи. Несколько тысяч быков, впряженных в транспортные повозки с провизией и снаряжением, начали страдать от нехватки пастбищ. Они тощали и вскоре им стало невозможно тащить телеги, околевав на дорогах, они источали запах падали. В сопровождении всего лишь нескольких казаков император предпринял поездку в Костенджи и дал указание готовить там госпитали и выгружать продовольствие, привезенное торговыми лодками.

После нескольких дней стоянки лагерь в Карасу был снят, и мы направились к Базарджику. Этот покинутый жителями небольшой городок был окружен большим количеством кладбищ и олицетворял собой смерть и разрушение. Источники воды, которые мы там нашли, были испорчены неприятелем, они были наполнены мылом и мусором, что сделало воду почти непригодной для питья и очень вонючей. У этого города наш авангард принял небольшой бой, в ходе которого турецкая кавалерия воспользовалась чрезмерной храбростью двух наших эскадронов, далеко оторвавшихся от основных сил, и атаковала их столь стремительно, что они понесли

чувствительные потери и были бы уничтожены совсем, если бы несколько эскадрон гусар с двумя полевыми пушками не пришли им на выручку. Турки продолжали отступать, но нам следовало удвоить предосторожности, так как местность стала лесистой, изрезанной лощинами, вдоль которых шли только узкие тропинки, подчас очень крутые, по которым трудно было поднимать артиллерию и обозы.

Вид Базарджика. Путевая зарисовка императора Николая I

В Козлудже мы вышли на более открытую и приятную для глаза местность, с менее изрезанным ландшафтом. Рядом возвышались горы с богатой растительностью, вытянутые и широкие долины были изрезаны небольшими ручьями, которые обеспечивали человеку все преимущества мягкого климата и плодородной почвы. Но не хватало работ по благоустройству этих земель, везде была целина, едва видные дороги, бедные и запущенные деревни. Из Козлуджи мой брат с двумя батальонами был направлен захватить небольшой

город Праводы, расположенный в горах на нашем левом фланге. Для охраны наших тылов в Козлуджи был оставлен небольшой отряд, а мы продолжили свое движение на Шумлу.

На подходе к Енибазару, где уже расположился наш авангард, император поднялся на высокий холм, откуда можно ясно различить высоты Шумлы. Хорошо видна была линия укреплений, вырытая на известняковой почве, и представлявшая собой длинную белую ленту, а также вражеский лагерь, расположенный на двух высотах, которые замыкали фланги этого широкого и важного плацдарма. Его Величество приказал установить его палатку перед этим холмом в том месте, откуда начиналась широкая долина, где расположились различные дивизии нашей армии, казачьи аванпосты. Там же находились аванпосты турок, за которыми простирались палатки неприятельского лагеря, прикрывавшие подходы к Шумле. Это великолепное зрелище освещалось ярким солнцем. Наконец, на виду у основных османских сил император лично наметил план сражения. Может быть, было неправильно (и вина за это ложится на начальника генерального штаба армии графа Дибича) испытывать военную репутацию нашего молодого государя, его большие полководческие таланты, его боевое крещение в этом неравном сражении в том месте, где не было рек и куда нельзя было доставить резервы, против превосходящего числом и занимавшего хорошо укрепленную позицию неприятеля, опиравшегося на свои ресурсы. Турки готовы были активно вести последнюю борьбу против русского орла, они считали, что он падет под их ударами и во второй раз после Прутского похода Петра Великого император России, уступая численности врагов, будет повержен перед султаном.

Турецкие войска располагали многочисленной артиллерией, были хорошо укомплектованы и снабжены, обладали

свободными коммуникациями, сражались на своей собственной земле и насчитывали более 50 тыс. солдат. Мы были ослаблены завоеванием провинций Молдавии и Валахии, оставляли в завоеванных крепостях гарнизоны, часть войск была занята блокированием и осадой других крепостей, мы понесли потери от болезней и могли им противопоставить только 30 тыс. человек. И, тем не менее, мы собирались атаковать.

На заре следующего дня 8 июля граф Дибич во главе нескольких дивизий двинулся вперед с тем, чтобы опрокинуть правое крыло неприятеля. Остальная армия, построившись в каре, под командованием императора направилась прямо к Шумле. Турки отступили до высот, представлявших собой возвышенность перед этим городом, задействовали свою артиллерию и выказали желание сражаться. Позиция была очень выгодной для врага. Расположившись на гребне возвышенности, к которому мы должны были подниматься по длинному откосу, неприятельская артиллерия могла действовать значительно более эффективно, чем наша.

С замечательным хладнокровием и уверенностью опытного полководца император направлял движения войск и отдавал приказания с точностью, как если бы он находился на учениях. Видимость была прекрасной, на левом фланге ясно различался отряд графа Дибича, который приблизился к неприятелю, был опрокинут турецкими пушками и энергично атакован вражеской кавалерией. Наши войска защищались заградительным огнем и продолжали свое продвижение к турецкой позиции. Был один очень опасный момент, когда вражеским ядром рядом с графом Дибичем был убит адъютант императора полковник Ред, который был послан к нему с приказом императора. На правом фланге часть нашей кавалерии отразила попытку неприятеля обойти наше крыло.

С вершины небольшого холма, где спешился император, были прекрасно видны все пистолетные и ружейные выстрелы. Здесь он спокойно ждал подходящего момента для атаки центра неприятельской позиции. Еще некоторое время занял переход небольшой речки, которая защищала подступы к позиции. Наконец, наши егеря показали на другом ее берегу, и император бросил вперед основные силы пехоты для того, чтобы закончить сражение. Видя, что его энергично атакуют по всем пунктам, неприятель начал отступать, используя свою артиллерию как прикрытие. Отступление было произведено в полном порядке, и мы постепенно заняли поле сражения, захватив прекрасную, широкую и укрепленную позицию позади укреплений Шумлы и высоких гор. После захвата местности, которую раньше занимала турецкая армия, от Шумлы нас отделяла только широкая и красивая долина, по которой еще гарцевали всадники в белых тюрбанах и в богатом вооружении. Укрепления Шумлы и различные лагеря вокруг нее были украшены огромным количеством знамен самых разных цветов. Напротив них в различных пунктах под нашими знаменами строились наши батальоны. Все это вместе составляло одну из самых величественных картин, которые только можно было увидеть. Император поблагодарил всех, приказал позаботиться о раненных и о своих солдатах, которые провели эту ночь по-походному.

На следующий день подошли обозы, и лагерь был разбит напротив центра укреплений Шумлы. Различные дивизии расположились впереди, справа и слева от просторного императорского лагеря. Я по-прежнему оставался его комендантом и имел в своем распоряжении два полка егерей и 120 артиллерийских орудий резерва.

Продолжалось строительство редутов для укрепления нашей линии. В то же время, в случае атаки они должны были служить апрошами. Но их построили слишком много, и это ослабило позицию наших батальонов. Наша уставшая

кавалерия должна была заниматься дальними поисками фуража, подчас очень плохого. В конвойных частях, часто использовавшихся в сражениях, особенно в одном, который долго противостоял многочисленной, хорошо укомплектованной, храброй вражеской кавалерии, которая в любой момент могла свежей появиться позади наших укреплений, лошади и наши храбрые всадники были вконец измотаны. Наши фуражиры и коммуникации постоянно находились под угрозой. В то время, когда мы готовили осаду Шумлы и находившейся там армии, можно было сказать, что именно мы были блокированы в нашем лагере. Наших посыльных убивали, наши транспорты захватывали, болезни выкашивали целые ряды, быки гибли сотнями, и их нехватка задерживала прибытие провизии.

* * *

Неприятель осуществлял частые вылазки как для того, чтобы прервать наши работы, так и для того, чтобы заставить распахнуть наши отряды и потревожить нашу позицию. На протяжении всех дней император объезжал все позиции своего лагеря, осматривал аванпосты и при первом же пушечном выстреле появлялся в месте сражения. Почти каждый раз, благодаря порядку, дисциплине и мудрому управлению, турки отбрасывались назад, но с каждым боем практически бесцельно увеличивалось количество наших раненных и пострадавших людей и лошадей. Начальник Генерального штаба граф Дибич не сомневался ни в чем и, уже пообещав многое, продолжал предсказывать скорое взятие Шумлы. Все генералы начали в этом сомневаться, и каждый потерянный день только подтверждал эту грустную истину.

Несмотря на свою горячую отвагу, император был наделен рассудительностью и верным глазом. Вскоре он сам

убедился в бесполезности наших усилий и в том, что мы могли попасть в очень опасное положение. Его достоинству не могло соответствовать дальнейшее пребывание перед войсками паши без попыток атаковать его. Тем более, когда неотложные заботы требовали его присутствия в другом месте. Расположенная на азиатском побережье Черного моря крепость Анапа после нескольких недель осады и многочисленных доказательств активности и доблести наших морских и сухопутных войск только что сдалась адмиралу Грейгу и князю Меншикову. Эта осада удалась, несмотря на слабость нашей пехоты, состоявшей только из 13 и 14-го егерских полков. Успешное завершение осады высвободило наши корабли, таланты князя Меншикова и его отважной пехоты для взятия Варны. Эта крепость имела особое значение из-за ее многочисленного гарнизона и, в особенности, из-за широкого и прекрасного рейда, который находился под защитой ее пушек.

Император еще не видел свои черноморские силы. Он пожелал провести их инспекцию и в то же время подать сигнал к началу осады Варны. Затем он намеревался морем вернуться в Одессу, где присутствовать на параде многочисленных резервных батальонов, которым надлежало пополнить ряды действующей армии. Еще несколько дней он должен был уделить заботам по управлению своей обширной империей. Приняв такое решение, он, тем не менее, приказал графу Дибичу вместе с главнокомандующим графом Витгенштейном оставаться у Шумлы. С собой император взял только генерала Васильчикова, графа Нессельроде, графа Потоцкого, великого князя Михаила и меня. Лишь с большим трудом мне удалось убедить его взять в качестве сопровождения небольшой отряд конных егерей, два пехотных батальона, батарею полевой артиллерии и девять эскадрон гвардейских казаков.

Мы покинули лагерь около 9 часов утра только в сопровождении этого слабого отряда. Накануне я отправил два батальона с тем, чтобы они заняли позицию на полдороге от Шумлы к Козлудже. С одной стороны они должны были наблюдать за этой очень опасной местностью, с другой стороны, мне не хотелось, чтобы устали от этого перехода более чем в 35 верст. Не успели мы проехать Енибазар, как двигавшиеся впереди казаки сообщили о приближении неприятеля. Удача была на нашей стороне, так как император уже отдал приказ полку конных егерей и артиллерийской батарее сделать привал и вернуться назад в лагерь. Близость противника заставила нас вернуть эти войска, которые построились в боевые порядки. Видя нас готовыми к бою, турки воспользовались соседними высотами и лесистыми горами для того, чтобы уйти от нас. Мы продолжили движение к тому месту, где стояла лагерем отправленная мною накануне пехота, там мы дали отдохнуть лошадям и весело пообедали. Затем я вновь построил наше сопровождение, и мы продолжили путь.

В качестве начальника Главной императорской квартиры я нес целиком всю ответственность за личную безопасность императора. Увидев собственными глазами, сколь слабая защита окружает государя могущественной России, я ужаснулся — 400 человек пехоты и 600 кавалеристов, вот и вся наша сила. А ведь мы двигались по завоеванной земле, где неприятель, активно поддерживаемый населением, мог в любой момент опередить нас и захватить силой. Я принял все меры предосторожности, которые были в моих силах, но сердце мое билось очень сильно. Мы двигались по той же дороге, по которой раньше направлялись в Шумлу, она же была единственным путем для наших транспортов. На ней кучами была разбросана падаль, которая отравляла атмосферу. Из-за отсутствия фуража и особенно воды погонщики бросали своих

быков, которые подыхали один за другим. Вечером довольно поздно мы приехали в небольшой город Козлуджи, где разбили лагерь недалеко от построенного редута, который защищал стоянку казаков, оставленных в этом месте. Не успели мы составить оружие в козлы, как во весь опор примчался казак и попросил защитить небольшой продовольственный обоз, который был атакован турками на подходах к нашему лагерю. Я немедленно отправил помощь, но неприятель уже отступил, после того, как убил нескольких возчиков и распряг быков.

А. С. Меншиков

Для того чтобы установить сообщение с моим братом, я направил отряд в горы между Шумлой и Козлуджей, которые он постоянно удерживал, и где со дня на день ожидал нападения. Я был далек от того, чтобы предполагать,

что присланный им в ответ рапорт окажется последним письмом, которое я получил от моего дорогого и достойнейшего брата.

Тем временем, князь Меншиков, вернувшись с осады Анапы, высадив свою пехоту в Каварне и собиравшись отправиться к Варне. В это же время весь флот стал на якорь у варнского порта. Туда же с отрядом был направлен генерал Делинстаузен с тем, чтобы прикрыть высадку и усилить ее. Затем он должен был создать цепь между Варной и Козлуджей для защиты проезда императора. Нам требовалось миновать лес и пройти по пересеченной местности, где неприятель ежедневно тревожил наши коммуникации. Делинстаузен не давал о себе знать, и нам пришлось дожидаться его в небольшом лагере перед Козлуджей, который был мало приспособлен для этого в силу своей невыгодной позиции. Ожидание было невыносимо потому, что мы оставались в неведении по поводу безопасности нашего будущего пути. Таким образом, в небольшой солдатской палатке мы провели день 22 июля, именины императрицы-матери, который на протяжении стольких лет был днем великолепного праздника в Петергофе. Для императора и для всех нас этот контраст был ошеломительным, он поверг нас в меланхолию, которая стала предощущением того, что день 22 июля больше не будет для императрицы-матери праздником.

Под командованием адъютанта Толстого я направил две роты егерей занять дорогу через лес на выходе из долины Козлуджи. Нетерпение императора не позволило нам ожидать дольше, и на следующий день мы свернули лагерь. В первый раз император уступил настойчивым просьбам свиты и согласился до выхода из леса двигаться рядом с пехотой, следуя между авангардом и первыми рядами наших двух слабых батальонов. Один из наших егерей получил пулю из засады, которую разведчики не смогли обнаружить.

Через несколько часов мы оказались на возвышенном и весьма приятном для глаз плато, покрытом великолепной растительностью.

Наконец, высланные вперед казаки увидели вдалеке Варну, берег моря и наш флот. Этот вид был столь же величественен, сколь и радостен для нас. Он вселил в нас уверенность в том, что Меншиков осуществил требуемые действия и наш флот занял ту позицию, которую ему было приказано. Достигнув небольшого укрепления, мы нашли в нем казачий пост и ставку отряда генерала Делинстаузена. Здесь мы узнали о том, что ему пришлось выдержать жаркие бои на подступах к Каварне. Совершив утомительный изнурительной жарой переход, мы стали лагерем в этом месте. Ночью нам, наконец, сообщили о том, что накануне, соединившись с отрядом князя Меншикова, генерал Делинстаузен побил все вышедшие из крепости войска, и после ожесточенного сопротивления отбросил их обратно в город. Затем он укрепился на высотах, господствовавших над городскими окраинами.

На заре мы вновь отправились в путь и к десяти часам утра достигли расположения князя Меншикова. У наших ног лежала Варна со всеми своими укреплениями, разноцветные палатки турецкого лагеря, их знамена, центр города и наши линейные корабли. Император объездил все войска, поблагодарил 13 и 14-й егерские полки, которым столько пришлось выдержать во время осады Анапы, и обсудил с князем Меншиковым план штурма Варны. Затем он вновь сел на лошадь с тем, чтобы, вернувшись на несколько верст назад, оказаться в приготовленном для него месте посадки на корабли. Высокие и покрытые лесом берега, по которым надо было спускаться по одному, с риском сломать себе шею, представляли большие трудности для перевозки наших обозов и кухонных принадлежностей. Это дело было поручено

конным артиллеристам донских казаков, и там, где они опасались спускаться даже пешком, были найдены способы провезти передки своих пушек. Наш переход прикрывал пехотный батальон, который князь Меншиков расположил в густом кустарнике и на склонах, спускавшихся к Варне. Все в поту, мы не без труда спустились на берег моря там, где между скал находилась небольшая бухта. Там нас ждала большая лодка с матросами Гвардейского Морского экипажа, теми самыми, которые в Петербурге были гребцами императора. Весь Морской экипаж вышел из Петербурга с остальными полками и теперь находился на различных линейных кораблях. Прислугу и обоз разместили в другой лодке.

В море нас ждал пароходный катер для того, чтобы побыстрее доставить нас на трехпалубный адмиральский корабль «Париж». Впервые вступившего на борт корабля черноморского флота императора встретил адмирал Грейг. С палубы «Парижа» мы видели Варну на всем ее протяжении, вплоть до каждой амбразуры на укреплениях. Огромный рейд был достаточно хорошо укрыт от северного и южного ветра, но оставался открытым для ветра восточного. Наш флот, состоявший из девяти линейных кораблей, множества фрегатов и корветов, большого количества малых и транспортных судов, находился прямо напротив минаретов и артиллерийских батарей Варны. В то время, пока наши люди и обоз перемещались на борт фрегата «Флора», который должен был доставить нас в Одессу, на верхней палубе для императора был накрыт обед. К вечеру император прибыл на это судно, подняли якорь, паруса наполнились ветром и в первый раз штандарт императора был развернут на этом море, к которому так страстно стремился Петр I, и которое было завоевано Екатериной II. Весь флот приветствовал императора залпом из всех орудий, сообщив,

тем самым, удивленным туркам о присутствии и отбытии русского государя. Погода была прекрасной, благоприятный, но не слишком сильный ветер дул в стороны родных берегов, которые предстали перед нашими глазами на следующий после отплытия день. Этот морской переход доставил нам большое удовольствие.

* * *

На четвертый день мы увидели обрывистые берега, на которых простирались вдаль невозделанные и однообразные степи, окружавшие Одессу. Затем мы смогли различить на берегу постройки и тщательно ухоженные сады, наконец, на берегу моря нашим глазам открылся и с каждой минутой приближался дом, где жила Ее Величество императрица. Император устремил не него свой взор, пытаясь там увидеть свою супругу и дочь (великая княжна Мария сопровождала свою августейшую мать). Очень скоро развевавшийся на верхушке мачты нашего фрегата императорский штандарт вызвал оживление в свите императрицы, мы ясно видели, как сбегались люди, чтобы рассмотреть наше судно. Вот уже убраны паруса, брошен якорь, спущена на воду шлюпка и наши крепкие гребцы стремительно доставили нас к ногам императрицы, которая прибежала в нижний сад для того, чтобы броситься в объятия своего супруга. Свидание было еще более трогательно, так как оно было неожиданно для императрицы. Мы все были искренне рады. Со времени нашего отъезда с берегов Дуная у нас еще ни разу не было случая зайти в дом, мы не находились в присутствии женщин, мы видели только лагерь, разрушения и несчастья. И вдруг, как по волшебству, мы оказались в очаровательном доме, где все дышало красотой, счастьем и радостью. Были накрыты столы, император и императрица обедали в своих

покоях, а придворные дамы и фрейлины оказали нам честь отобедать с нами, что стало для нас настоящим праздником. После этого я направился в город, где с величайшей радостью повидался с моими старыми друзьями графом Воронцовым и Львом Нарышкиным, все было нам в радость.

Со свойственной ему энергией император воспользовался своим пребыванием для того, чтобы проинспектировать резервные батальоны и посетить различные учреждения Одессы. Затем он пожелал посетить верфи Николаева, и поднялся на борт корвета, который должен был плыть на буксире парового катера, императрица сопровождала его. В момент приготовления к отъезду из Варны прибыл адъютант с новостью о том, что в ходе ожесточенного боя перед этой крепостью был опасно ранен князь Меншиков. Неприятельское ядро пролетело у него между ног и вырвало в этом месте плоть, что поставило его жизнь под угрозу. Необходимо было немедленно позаботиться о его замене.

*Константин Христофорович Бенкендорф
с женой Натальей Максимовной, урожденной Алопеус*

Император уполномочил меня сделать соответствующее предложение графу Воронцову и прибыть с его ответом в Николаев, куда я должен был наземным путем прибыть в то же время, что и он по воде. По существу переговоры были легкими, граф с удовольствием принял предложение и на следующий же день он прибыл к месту своего нового назначения. Я отвез эту новость в Николаев, что окончательно уверило императора в успехе осады Варны. Он во всех деталях осмотрел сооружения этого важного арсенала нашего черноморского флота, который был основан князем Потемкиным и во многом усовершенствован знаниями и усердием адмирала Грейга, который с необыкновенной энергией работал там на протяжении двух десятков лет.

Здесь все было поставлено на широкую ногу и хорошо управлялось — Артиллерийская и Кораблестроительная школы, склады и стройки. Созданный в пустыне по воле могущественного фаворита Екатерины город быстро рос, его украшали красивые здания, церкви, проспекты. Все здесь свидетельствовало о созидательной силе гения и могущества России. После двухдневного пребывания в городе, в самую прекрасную погоду мы вновь взошли на борт, на буксире у парового катера наш изящный корвет величественно прошел перед завоеванным берегом Очакова и Кинбурна. С гордостью вспоминаешь о родившейся здесь славе Суворова, который сбросил в море огромный турецкий десант, здесь еще видны старинные башни, указывавшие на расположение этой крепости, служившей передовым постом османского владычества, которая пала перед храбростью и кровью, пролитой нашими доблестными солдатами. Батареи форта Кинбурна и Очакова артиллерийскими залпами приветствовали императорский флаг. К вечеру поднялся сильный встречный ветер, от которого императрице стало плохо,

из-за чего все плавание потеряло всякое очарование. Только к утру, после сильной качки, мы бросили якорь перед Одессой.

Я был совершенно не готов к той обжигающей боли, которая меня ожидала. Тот же адъютант, который привез известие о ранении князя Меншикова, сообщил о гибели моего замечательного брата. Император, не пожелавший сообщить мне об этом при отъезде, взял на себя эту печальную обязанность в день нашего возвращения. Несмотря на все его заботу и мягкость, с которыми он сообщил мне эту ужасную весть, она потрясла меня до глубины души и отняла все физические и моральные силы. Я был безутешен и ушел к себе для того, чтобы выплакаться и предаться скорби. Мой несчастный брат стал жертвой болезни, явившейся следствием тягот войны. В Праводах, где он командовал отрядом, не было ни врачей, ни медицины, и он умер от отсутствия лечения. У него остались сын и дочь, после смерти матери его сын жил в Петербурге у моей жены, куда через несколько месяцев приехала из Штутгарта и его дочь, жившая там под присмотром гувернантки. В Штутгарте находилась могила жены моего брата, он завещал похоронить его рядом с ней, его тело было перевезено и захоронено в том месте, где он построил памятник своей любимой супруге. Для того чтобы сделать ему гроб в Праводах использовали свинец из местной мечети, таким образом, мой брат покоится в Штутгарте в гробу из свинца, который был взят в неприятельском городе, где окончилась его служба и его жизнь.

* * *

Императорская гвардия вышла из Петербурга в конце зимы и быстро двигалась к театру военных действий. Командовавший гвардией великий князь Михаил покинул ее

только для того, чтобы руководить осадой крепости Браилов и последовать за императором по другую сторону Дуная. Через несколько дней после своего прибытия в Одессу он выехал навстречу гвардии, которая уже перешла мост у Сатановы и имела приказ двигаться к Варне. Желая прибыть туда в это же время, император расстался с императрицей и вновь поднялся на борт фрегата, который доставил его в Одессу. После обеда в присутствии всего собравшегося населения, которое желало своему государю счастливого плавания, якорь был поднят и поставлены паруса. Вскоре Одесса скрылась из наших глаз, и очень свежий ветер, казалось, дал возможность высчитать продолжительность плавания. Но к восходу солнца переменивший к тому времени направление ветер превратился в ненастье. Вместо того чтобы выиграть время, мы его проиграли. Лавировать было бесполезно, капитан предсказывал несколько дней встречного ветра и он предложил вернуться в Одессу для того, чтобы избежать несчастных случаев в непогоду. В нетерпении оказаться в Варне император решил ехать туда по суше и приказал вернуться к Одессе. Ветер дул так неистово, что было почти невозможно поставить паруса.

Опустившаяся ночь застала нас еще на весьма большом расстоянии от того места, где мы должны были стать на якорь. Ночь была темной, ветер дул с невообразимой силой, гроза покрыла небо густой облачностью, которая временами подсвечивалась дальними всполохами. В этих отблесках мы иногда могли различить берега. По непростительной небрежности сигнальные огни, которые должны были указать нам дорогу, не были зажжены. Мы были вынуждены запросить сигнальные огни на брандвахте и вскоре нам ответили. Огни Одессы и грозные вспышки, осветившие дома города, окончательно указали нам путь, и к полуночи наш фрегат бросил якорь. Император спустился в свою шляпку,

и мы погребли к порту. Непогода была ужасная, в полной темноте мы высадились на берег и по клейкой грязи пешком направились дому графа Воронцова, где ночевала императрица. Мы с императором были единственными прохожими на этих улицах, которые непогода и глубокая ночь сделали безлюдными, с трудом мы поднялись на гору, и у дверей дома я покинул Его Величество. Я направился к дому князя Волконского, который перепутался, увидев, как я появился у его кровати в тот момент, когда, по его мнению, я был далеко в море и находился ближе к Варне, чем к Одессе. Императрица и весь город были не менее удивлены нашим возвращением.

Без промедления я сделал все необходимые приготовления для поездки по суше и в тот же день после обеда уже находился в коляске рядом с императором все предельных Одессы. Один фельдъегерь был отправлен вперед для того, чтобы от моего имени приготовить лошадей, другой следовал за нами, и это была вся свита Его Величества. Все остальные остались на фрегате, который получил приказ выйти в море, как только позволит ветер. Таким образом, мы приехали в Сатаново примерно за то же время, которое понадобилось для нашего возвращения в Одессу.

В окружавшей нас полнейшей темноте было невозможно подвергаться риску и ехать по длинной набережной и по мосту, на заре мы продолжили путь. Самая глубокая тишина царил в этих же местах, где во время нашего первого проезда грохотали пушки и сражались две армии. На другом берегу Дуная мы довольно долго ждали лошадей, дороги были разбиты. Большой лес, который нам предстояло пересечь, был полон грабителей. Для защиты императора было всего четверо казаков, к тому же на плохих лошадях. Выйдя на равнину, мы встретили толпу болгар, которые, спасаясь от турок, брели по этой земле со своими женами, детьми

и всем имуществом. Этих болгар могли искать неприятельские части, на коляску императора могли напасть и профессиональные воры, некрасовцы. Совершенно чуждый этим страхам император или спокойно спал в коляске, или весело беседовал, как если бы мы прогуливались между Петербургом и Петергофом. Ко мне сон не шел, мои глаза были широко раскрыты и постоянно настороже со всей той живостью, которую им придавало беспокойство моей души. Находиться одному с российским императором на турецкой земле казалось мне столь устрашающим положением, от которого даже сейчас, шесть лет спустя, меня бросает в дрожь даже сильнее, чем в ту пору.

В Бабадахе император подробно осмотрел большой госпиталь, большинство врачей были больны, смерть уже произвела там такие опустошения, от которых сжималось его отеческое сердце. Мы продолжили наш путь в Костенджи все на таких же плохих лошадях и в сопровождении двух или четырех казаков, тоже плохо снаряженных. Ночь застала нас врасплох, очень плохая и почти неразличимая дорога не позволяла ехать быстро. Во мраке там и сям мерцали огни, но было невозможно понять, принадлежали они своим или врагам. Наконец, мы заметили огни, которые своей правильной формой подсказали нам, что они принадлежат нашим войскам. Затем мы различили палатки и слышали крики часовых, и вот мы оказались в центре лагеря, который принадлежал дивизии гвардейской легкой кавалерии. Императора узнали по голосу, в один момент генералы, офицеры и солдаты сбежались к палатке дивизионного командира, у которой остановилась наша коляска. Невозможно описать их радость, когда они увидели императора. Она усилилась еще, когда они узнали, что он один проехал более 200 верст по разграбленной неприятельской территории.

Нам необходима была еда и отдых, мы нашли здесь добрый ужин и хорошие постели.

Рано утром следующего дня перед лагерем выстроились и прошли парадным маршем полки драгун, гусар и улан вместе с полевой конной артиллерией. По моей настойчивой просьбе полк конных егерей был направлен к Мангали для того, чтобы небольшими группами охранять дорогу, по которой император собирался продолжить свой путь. Император был полностью удовлетворен прекрасной сохранностью войск и хорошим состоянием лошадей, можно было бы сказать, что эта кавалерии только вышла из своих казарм. Он поблагодарил всех и направился в небольшую крепость Костенджи с тем, чтобы осмотреть госпиталь и склады, затем мы продолжили наш путь. В Мангали, небольшом городе на берегу моря, император посетил больных, которые из-за отсутствия больших домов были размещены более, чем в 50 домиках. Вследствие этого мы более двух часов ходили по устрашающей жаре. Для того чтобы обеспечивать эти маленькие госпитали, было всего два врача, один из которых болел лихорадкой, остальные уже погибли от воинских тягот и нездорового климата. Большие потери понесли также снабженцы, кухни и обслуживающий персонал, которые могли обеспечить больных только самым необходимым. Это ужасное положение живо тронуло императора. Мы покинули это грустное место и продолжили наш путь.

К вечеру мы прибыли в Каварну, где находилась большая часть императорского обоза. Император пошел в город для того, чтобы посетить больных и осмотреть приготовления к обороне, а я направился в императорскую квартиру с тем, чтобы отдать приказ без промедления двигаться к Варне, куда в течение двух дней должна была собраться вся гвардейская пехота. Тем временем фрегат с членами императорской

свиты поднял паруса в Одессе, и только что бросил якорь в виду Каварны. Граф Потоцкий сошел на берег для отдачи необходимых распоряжений, после чего на исходе дня император сел в шлюпку и при сильном ветре поднялся на борт фрегата. Только здесь я узнал о том, что тело моего бедного брата было положено в специально устроенном месте в мечети Каварны и ждало, когда какое-либо судно смогло бы его перевезти в Одессу. Это известие, а также мысль о том, что я находился так близко от моего брата и не мог ни проститься с ним, ни поплакать над его гробом, привели меня в отчаяние. Желая избавить меня от столь душераздирающей сцены, император милостиво запретил всем разговаривать со мной о моем брате и послал меня со своими приказаниями в лагерь, пока он сам осматривал город.

* * *

В ту же ночь мы подняли якорь, и на следующий день фрегат подошел к нашему флоту, стоявшему напротив Варны. С момента нашего ухода именно с этого места в Одессу, обстановка здесь значительно изменилась. В результате бомбардировок были разрушены или сильно пострадали православные церкви и мечети, возвышавшиеся над городскими домами. Отряд князя Меншикова, который раньше занимал высоты, находившиеся значительно дальше, чем на расстоянии пушечного выстрела, теперь спустились ниже и приблизились параллельно или зигзагообразно к крепостным укреплениям. Осадная батарея день и ночь обстреливала город, ежедневно линейные корабли по очереди подходили на расстояние в половину пушечного выстрела и своим огнем разрушали укрепления. Под командованием графа Воронцова лагерь был расположен в виноградниках и садах с тем расчетом, чтобы защитить проведение осадных работ.

Из части матросов и корабельных пушек главного калибра были сформированы батареи, гвардейская пехота занимала гребень горы. Все это вместе оживляло берега и морской рейд и составляло вид столь же разнообразный, сколь и интересный.

Император с частью свиты находился в своей главной квартире на трехпалубном корабле «Париж». Остальные офицеры и весь обоз расположились около гвардейского лагеря. Император сошел на берег для того, чтобы провести князя Меншикова, который очень страдал от своей раны, а также для того, чтобы осмотреть лагерь и приготовления к штурму. Он не пропускал ни одного дня с тем, чтобы с поистине отеческим чувством навестить к раненым и больным, число которых увеличивалось с каждым днем, и проявить им свою заботу и щедрость. Турки отважно защищались, наша пехота постоянно проявляла активность и свои самые блестящие качества. Инженерными работами с необычайным умением руководил генерал Шильдер. В них принимал участие и л.-гвардии Саперный батальон, разделявший все тяготы армейских инженеров. По мере своих сил Измайловский и Семеновский полки защищали гору для того, чтобы укрепить слабый отряд, который вот уже месяц день и ночь вплотную сражался с численно превосходящим противником. Каждое утро император проводил в лагере штурмующих, и приказал поставить там для себя палатку. На борт «Парижа» он возвращался только под вечер. Сильный ветер часто делал весьма опасными нашу высадку на берег или возвращение на корабль.

Тем временем, видя, что Шумла энергично обороняется и, желая во что бы то ни стало, сохранить за собой выгодно расположенную Варну, противник сформировал мощную колонну, которая под командованием Омер-паши двинулась на юг города. За ней последовал отряд под командованием

принца Евгения Вюртембергского, который получил приказ беспокоить неприятеля на марше и, если представится удобный случай, то атаковать его. Наш командир не рассчитал должным образом своих действий, и как только он догнал противника, то, несмотря на занимаемую турками выгодную позицию, приказал атаковать его частью своих войск под руководством молодого и храброго генерала Дурново. Последний храбро бросился на противника в штыковую, опрокинул тех, кто непосредственно ему противостоял, и начал их преследование. Но, не получив вовремя поддержки, он был в свою очередь атакован свежими и численно превосходящими неприятельскими силами. В начавшемся неравном и кровопролитном бою он был убит на месте вражеской пулей, после чего дезорганизованные его гибелью солдаты стали отходить. Мы понесли значительные потери, и победа досталась неприятелю. Это поражение навело страх на принца Вюртембергского и воодушевило турок, которые в 15-ти милях от Варны заняли выгодную позицию. Несколько батальонов императорской гвардии были перевезены на южный берег залива Варны для того, чтобы нарушить коммуникации крепости со стороны Константинополя. Этот небольшой отряд должен был наблюдать за дорогами, которые вели в Варну, и держать под контролем гарнизон крепости. В свою очередь этому отряду стал угрожать корпус Омер-паши, который только что одержал важную победу над принцем Вюртембергским. Отряду нужно было направить подкрепления и защитить его с помощью укреплений. К бригаде егерей и Финляндскому полку, которые первыми были переброшены на южный берег залива, были добавлены Павлоградский полк и полк гренадер. Кроме того, там были возведены редуты как по фронту, обращенному к Константинополю, так и в их тылу для того, чтобы многочисленный гарнизон Варны не поддавался искушению атаковать нас.

Император был недоволен поражением принца Вюртембергского. С целью лучше понять силы и замыслы противника император приказал своему адъютанту полковнику Залусскому, поляку по происхождению, силами нескольких эскадронов конных егерей и двух батальонов гвардейских егерей провести разведку боем. Этот небольшой отряд незаметно пересек пространство, отделявшее его от противника, и неожиданно появился на расстоянии ружейного выстрела от турецкого лагеря. Полковник Залусский слишком долго колебался, чтобы принять нужное решение, и скомандовал отступление только тогда, когда это стало почти невозможно. Оправившись от удивления, турки успели вскочить на лошадей и окружили наш небольшой отряд. Офицерам гвардии не хватало военного опыта, а командир полка, никогда не участвовавший в войнах, не заслужил доверия своих солдат. Вскоре паника смешала наши ряды, а густой кустарник не позволял долго держаться. Полковник Залусский со своей кавалерией пустился в бегство и оставил пехоту без прикрытия. Было потеряно воинское знамя, и почти половина двух гвардейских батальонов пала под ударами турецких сабель. Новость об этом печальном событии была сообщена императору по телеграфу, он приказал мне принять командование всем отрядом и на месте решить, не будет ли завтра возможности смыть позор с гвардейских егерей. Прибыв в лагерь после наступления ночи, я был неприятно поражен унынием, написанным на лицах высших офицеров. Неопытные гвардейские офицеры были повергнуты в ужас поражением двух батальонов. Я увидел, что потребуется несколько дней для того, чтобы воодушевить войска, и что было бы опасно вновь бросать их в бой на той же местности, которая еще была покрыта трупами их товарищей, и где в густом кустарнике было трудно поддерживать порядок и координацию действий. Я принял решение ничего не предпринимать,

и воспользовался ночным временем для того, чтобы перевести батальоны на другое место, чем, как минимум, защитить их от неожиданной атаки.

Тем временем, неприятель, который мог бы воспользоваться своим преимуществом и приблизиться к нашей позиции, остался на месте, чем дал нам возможность спокойно укрепить наш лагерь и перегородить редутами пути, по которым гарнизон Варны мог бы оказать ему помощь. Меня приехал заменить бывший командир л.-гв. Егерского полка и командир гвардейской дивизии генерал Бистром. Он привез приказ по войскам императора, по которому егерский полк расформировывался, а личный состав передавался в 13-й и 14-й егерские полки с тем, чтобы в них снова завоевать честь, которую они потеряли в последнем бою. После взятия Варны полк вновь был восстановлен, частично из солдат и офицеров этих двух храбрых полков. Со слезами на глазах и с бранью на устах Бистром зачитал приказ по войскам императора. Все солдаты пришли в ужас от стыда и от упреков их старого и заслуженного командира. Надо отдать им справедливость, с этого времени они искупили свою вину усердием и отвагой во всех испытаниях, которые они блестяще выдержали. Тем временем, турки, воодушевленные своим двойным успехом, двинулись вперед и расположились перед нашим лагерем. Их появление почти на виду Варны вновь вселило в осажденных надежду и мужество. Неприятельские вылазки стали происходить чаще, а сражения стали более ожесточенными. Пробовали атаковать вражеский лагерь, но в силу его прекрасной расположенности после значительных потерь от этого отказались.

Тем временем, наши укрепления все больше приближались к стенам крепости. Был форсирован ров, и наши мины приступили к захвату укреплений. Артиллерия сильно

обстреливала ров, и часто там бились холодным оружием. Приготовили одну мину, и на заре все было готово для захвата бастиона. После того, как прогремел взрыв, и воздух наполнился дымом и пылью, на штурм пошли отряд матросов и рота гренадер Измайловского полка. Им удалось продвинуться довольно далеко в город. Испуганные турки бежали, и наши люди, вдохновленные мужеством, преследовали их на улицах города. Тем не менее, придя в себя от испуга, они обрушились на наших солдат и вынудили их к отступлению. Возможно, что город был бы взят силой, если бы эта атака была поддержана несколькими другими полками. Но в намерения императора входил только захват пролома в стене. Он не хотел общего штурма, опасаясь больших людских потерь, у него было не так много людей для того, чтобы рисковать значительным их сокращением. Этого приступа было достаточно для того, чтобы показать туркам всю бесполезность даже самого длительного сопротивления. Уже через два дня перешедшие в наш лагерь дезертиры рассказали нам о том, что в гарнизоне крепости царит страх, и что между двумя главными командирами крепости отсутствует единство, что почти переходит во враждебность.

Главнокомандующий Капитан паша боялся скомпрометировать себя перед своим государем, сдав крепость на виду недалеко расположенного лагеря турецкой армии. Другой паша, который командовал наибольшей частью войск, исходя из пассивности этой армии, которая также была атакована нашими войсками, придерживался другого мнения. Он принял в рассмотрение плохое состояние укреплений, легкость штурма, что было доказано в последнем сражении, и нехватку продовольствия и снаряжения. Начались переговоры, было объявлено перемирие, между нашим лагерем и турками были установлены такие отношения, что турки выходили из крепости большими группами. Наконец, под предлогом

переговоров, паша с многочисленной свитой лично прибыл в лагерь графа Воронцова. Ему и сопровождавшим его туркам, число которых возрастало с часу на час, были предоставлены палатки, и с этого момента между осаждавшими и осажденными воцарилось самое доброе согласие. На предоставленном им линейном корабле на рейд Варны прибыли послы и иностранные представители, которые до того времени оставались в Одессе. Своими разноцветными мундирами и головными уборами они дополнили многоцветие нашего лагеря. Все расположенные поблизости войска и занимаемые ими позиции были скрыты садами и складками местности. Для охраны палаток главной квартиры оставались только пикет пехоты и гвардейская рота, расположенные на откосах высокого холма, на котором стояла палатка императора. Вокруг нас было больше турок, чем русских, на следующее утро их количество возросло еще на несколько тысяч всадников, которые были прекрасно вооружены и, прискакав галопом, выстроились в поле зрения их паши, который уже более двух суток находился в нашем расположении. Это наращивание сил, казалось, было спланировано заранее и могло бросить тень на переговоры. А между тем, по лагерю пешком прогуливались император, иностранные представители и мы все так, как будто там не было никакого неприятеля. Преображенскому полку и 3 эскадронам гвардейских гусар было приказано спуститься с горы. В это время турецкие кавалеристы с удивительным спокойствием сняли свое оружие, расположились лагерем, приготовили свои котелки и накормили лошадей с тем более поразительным хладнокровием, что оно полностью противоречило вчерашней храбрости, с которой они защищали от нас укрепления Варны. Паша превратил себя в нашего пленника.

Тем временем, закрывшийся в крепости капитан паша отказался от всех договоренностей, канониры держали

зажженные фитили и войска с той и другой стороны ожидали сигнала к началу сражения. Наконец, граф Воронцов направил несколько батальонов к порту города, который на протяжении всей осады не был объектом нашего наступления. Наши солдаты опустили подъемный мост, разбили ворота и вступили в город с барабанным боем и сохраняя полный порядок. Турки не оказали никакого сопротивления и уступили нашим войскам укрепления и ворота, наши войска тут же заняли эти столь любезно уступленные места. Капитану паше оказали все почести, которые требовали его положение и храбрая защита, он получил разрешение выйти из крепости с вооруженным эскортом в 400 человек и направиться туда, куда ему заблагорассудится. Весь гарнизон был захвачен в плен за исключением кавалеристов пашы, которые по собственной воле пришли в наш лагерь. Они получили разрешение вернуться к своим жилищам.

Таким образом, эта важнейшая крепость Варна оказалась в наших руках со всем снаряжением и запасами. Император немедленно появился в городе. Он пожелал спуститься в ров там, где работали наши минеры, внимательно изучил все то, что было приготовлено нашими инженерами, он поднялся на укрепления, где была пробита брешь, и обошел часть наступательных позиций. Турки спокойно сидели, покуривая свои трубки, и смотрели на нас с безразличием. На следующее утро император верхом въехал в крепость с тем, чтобы осмотреть ее целиком. Невозможно было себе представить то зловоние, которое охватило нас, как только мы въехали в город. Оно исходило от огромного количества издохших лошадей, быков и баранов, а также от человеческих трупов, зарытых так плохо, что из земли были видны ноги. Были, также, тела, прикрытые только несколькими горстями земли. Грязь и нищета только усугубляли зловоние. Состояние города после бомбардировки невозможно было

описать — разрушенные мечети, стены домов, пробитые пулями или разрушенные бомбами, целые кварталы, превращенные в горы щебня, покрывавшего улицы и указывавшего на следы от домов. Только одна православная церковь осталась нетронутой, что было еще более непонятно, так как она находилась в той части города, которая выходила на рейд, а ведь именно она больше всего пострадала от огня нашего флота и наземных батарей. В этом месте император сошел с лошади и прочитал благодарственную молитву. Церковь была маленькой, очень старой и темной, она была спрятана в глубине двора. Эта церковная служба посреди смерти и разрушений мусульманской страны в греческой святыне, находившейся под властью полумесяца, была величественной и несколько меланхоличной, она оставила у меня глубокое впечатление. Император желал увидеть все сам и самому отдать все распоряжения, он выбрал места для госпиталей и складов, указывал на исправления и улучшения, которые надлежало сделать на крепостных укреплениях, он назначил коменданта крепости и определил численность гарнизона.

В тот же день еще до восхода солнца турецкий корпус, стоявший напротив нашего отряда к югу от Варны, снял свой лагерь и столь стремительно двинулся по направлению к небольшой речке Камчия, что наши войска, начавшие с рассвета их преследование, с трудом догнали неприятельский арьергард. Он был сброшен в воды речки, вся дорога была покрыта вражескими обозами. Наши казаки перешли на другой берег Камчии.

Находившиеся по другую сторону от Варны гвардейские полки вновь заняли свое место в лагере под командованием великого князя. На следующий день император собрал все имевшиеся войска и в присутствии турок, напротив Варны и нашего флота на открытом воздухе, стоя на коленях, была отслужена благодарственная церковная служба. Корабельные

пушки и артиллерия дали залп, и этим победным грохотом было отмечено окончание долгой и кровопролитной осады и взятия Варны.

* * *

В октябре месяце пришла непогода, дожди, дороги стали непроезжими. К этому добавилось опустошение местности, активность неприятеля, огромная нехватка продовольственных ресурсов и укрытий от непогоды. Необходимо было срочно позаботиться о зимних квартирах и о стабильной и укрепленной линии обороны по ту сторону Дуная, которая смогла бы сохранить наши завоевания и обеспечить нам исходные позиции для второй кампании. Было решено, что корпус, стоявший у Шумлы, отойдет на другой берег Дуная частично по мосту в Сатаново, частично со стороны Силистрии, которую надеялись захватить до ледохода. Императорская гвардия, также должна была перейти через Дунай и стать лагерем в окрестностях Тульчина. В Варне был оставлен сильный гарнизон, по направлению к нашей границе усиленные отряды располагались в Праводах, в Базарджике, в Костенджи и в небольших крепостях по всему течению Дуная. Главная квартира армии должна была провести зиму в Бухаресте. Все эти планы были составлены императором, который отдал соответствующие приказы и отбыл из армии, предварительно раздав генералам, офицерам и солдатам награды и знаки отличия. Я был удостоен ленты Св. Владимира. Император намеревался ехать по суше, но мы с адмиралом Грейгом склонили его к решению направить свою коляску в Одессу, а самому прибыть туда морем. Для этого мы поднялись на борт прекрасного линейного корабля «Императрица Мария» и при попутном ветре 3 октября стали удаляться от рейда Варны, от нашей армии и флота.

А. Ф. Ланжерон

Теперь обратимся к последствиям того отступления, которое было предписано нашим войскам, посмотрим на события в Дунайских княжествах и на ту военную кампанию, которую, тем временем предпринял по ту сторону Кавказа генерал Паскевич князь Эриванский.

Сопровождавший императора в армии граф Ланжерон принял командование над корпусом князя Щербатова, который ускоренным маршем прибыл из России для того, чтобы укрепить наши позиции в княжествах Молдавии и Валахии. Князь Щербатов тяжело заболел и не смог больше командовать. Важная крепость Силистрия была блокирована, начались работы по ее осаде. Напротив Видино небольшой отряд под командованием генерала Гейсмара служил связующим звеном между нашими службами и крайне правым

флангом. Он защищал, также, Крайову, столицу Малой Валахии. К концу кампании против генерала Гейсмара предпринял наступление значительный турецкий корпус. Видя, что, начав отступление, он будет разбит численно превосходящим особенно в кавалерии противником, генерал принял смелое решение предпринять неожиданную атаку в ночь непосредственно перед неравным сражением. Застигнутые врасплох ожесточенной атакой в своем лагере турки не имели времени построиться, и обратились в бегство в полном беспорядке, объяснимом ужасом и отсутствием дисциплины. После преследования турецкие войска рассыпались, и в наши руки попали их пушки, лагерь и большое количество пленных. Этой победой закончилась кампания в Валахии.

Под Силистрией наши войска противостояли всем обрушившимся на них обстоятельствам — непогоде, потокам дождей и ужасному холоду. Они страдали также от сложностей с подвозом и от полного отсутствия фуража. Граф Ланжерон был вынужден снять осаду и перейти на другой берег Дуная для того, чтобы дать войскам отдохнуть. Много солдат выбыло из строя по болезни, потери увеличивались от холода и от переходов по разоренным землям. Выбившиеся из сил лошади падали от усталости, наши кавалерийские полки были полностью расстроены, артиллерия испытала меньше потерь, но, тем не менее, часть ее не могла вести боевые действия. Количество умерших от холода и военных тягот солдат и окончание кампании — все несло на себе отвратительный отпечаток разгрома и поражения. К счастью, неприятель не сумел воспользоваться нашим печальным положением, и позволил нам спокойно перейти через Дунай и стать на зимние квартиры.

В Азии кровавая и славная борьба поддержала наши операции по ту сторону Дуная. 14 июня граф Паскевич, перейдя гору Арарат, вошел в азиатские провинции, этот центр

и колыбель Османской империи. Он приготовил необходимые способы снабжения, что было столь трудно в этой гористой местности, населенной враждебными и воинственными племенами. В то же время, он должен был наблюдать за кавказскими горами, который готовы были воспользоваться первой же возможностью для того, чтобы избавиться от нашего владычества и прийти на помощь туркам. Он не мог забрать войска из только что завоеванных у Персии провинций, и был вынужден пристально приглядывать за лукавым и непостоянным государем этой империи, который был разгневан и унижен своим поражением. Таким образом, граф Паскевич со всех сторон был окружен врагами и трудностями, и в его распоряжении было мало возможностей, которые ему нужно было создать своим талантом и храбростью своих войск. Он организовал грузинскую, армянскую и даже курдскую милицию, заботливо укрепил пункты на наших новых границах и собрал небольшую армию, которая целиком насчитывала не более 14 тысяч человек, наскоро отдохнувших от усталости и лишений славной персидской кампании.

От горы Арарат Паскевич двинулся на важную крепость Карс, которую защищал многочисленный гарнизон. За 8 дней перехода по почти неприступным горам ему удалось сбить на перевалах все заслоны, которые неприятель выставил против него, разбить неприятельский корпус, отошедший от Эрзерума к Семме, разбить его лагерь и штурмом взять Карс, защищенный тройной стеной и мощной крепостью. 23 июня наше знамя уже развевалось на крепостных башнях. Не дав противнику времени собраться после поражения, Паскевич прошел по диким горам, называемым Чилдырскими, и неожиданно появился у стен Ахалкалака. Штурм произошел немедленно. После обстрела нашей артиллерией охваченный страхом гарнизон собирался бежать,

но наши солдаты, начав штурм стен, не дали им на это время. Воспользовавшись ужасом, который внушил врагам этот быстрый успех, главнокомандующий послал генерала Сакена овладеть крепостью Гертвик, а генерала Гессе — взять крепость Потти, расположенную на побережье Черного моря в устье реки Риони. Так же как Анапой, мы страстно желали овладеть этим важным для нашей торговли и военных коммуникаций местом, особенно после наших больших завоеваний по ту сторону Кавказа.

Для того, чтобы остановить быстрое продвижение русских, турки спешно собрали армию в 30 тысяч человек. Эта армия, вдвое превосходившая по численности нашу, направилась к Ахалциху. Паскевич знал об этом продвижении и со своей стороны поспешил навстречу этому новому врагу. Без остановки он прошел горы и пропасти и встретился с ним на берегах Куры в нескольких верстах от Ахалциха. Ожесточенные, но мелкие столкновения на 4 дня задержали продвижение наших войск. Для того, чтобы покончить с этим, Паскевич предпринял утомительный ночной переход с целью опрокинуть вражеский лагерь. С восходом солнца он атаковал его и после кровавого сражения, продолжавшегося целый день, он овладел лагерем, артиллерией и обозами турок. Неприятельские войска были полностью разбиты, и только часть их спаслась в стремительном бегстве. Активно преследуемые нашими легкими частями, остатки этой армии рассеялись по всем направлениям. Пользуясь своей блестящей победой, которая произвела на гарнизон крепости ужасное впечатление, Паскевич, не теряя ни минуты, приблизился к ней и атаковал ее стены.

После 48-ми часового обстрела был назначен штурм. Укрепления были взяты с таким натиском, который объяснялся только привычкой наших войск одерживать победы. Сражение перекинулось на город, бились за каждый дом,

каждая улица превратилась в новое препятствие и стала полем боя. Только через 13 часов, наполненных, трудностями и отвагой, наши солдаты овладели развалинами разрушенного в пыль и прах Ахалциха. Расположенная на скале и возвышавшаяся над городом крепость, видя разрушение последнего, запросила капитуляции, которая и была ей предоставлена. Неутомимый в развитии победы Паскевич направил генерала князя Вадбольского овладеть крепостью Азгур, которая открыла перед ним ворота. С другой стороны князь Черкасский двинулся на освобождение нескольких тысяч христианских семей, которых 4 тысячи турок увели с мест проживания в Карском пашалыке. После того, как турецкие силы были разбиты, они бросили своих несчастных пленников, которые, таким образом, избежали суровой неволи.

Крепость Ардаган даже не помышляла о сопротивлении и сдалась генералу Бергману, который подошел к ее стенам с небольшим отрядом. В течение нескольких дней генерал князь Черкасский, который, как и другие генералы, командовал небольшими отрядами основной армии, занял крепость Баязет, столицу одноименного пашалыка, форты Фопраккале и Диадином. Везде наши войска воспользовались ужасом, который внушили врагу наши успехи и имя графа Паскевича. Русский флаг, развевавшийся уже на берегах Евфрата, внушал удивление и страх всем азиатским провинциям Турции. Таким образом, 9 сентября окончилась эта двухмесячная кампания, которая была столь же важной для расстановки сил в войне, сколь и запоминающейся славой графа Паскевича и его храбрых солдат.

В общем, в результате этой кампании в Европейской Турции в наши руки попали Молдавия, Большая и Малая Валахия, большая часть Болгарии, 8 крепостей, 957 пушек, 180 знамен, 9 пашей и свыше 22 тысяч пленных. В Азии мы

захватили три пашалыка, 6 крепостей, 3 форта, 313 пушек, 195 знамен, 8 пашей и более 8 тысяч пленных.

* * *

Корабль, на котором плыл император, должен был через три дня доставить нас в Одессу. При почти попутном ветре мы прошли больше половины пути от Варны, когда с раннего утра разразилась непогода со встречным ветром, который сначала заставил нас лавировать, а вскоре и свернуть все паруса из-за невероятной силы, с которой он дул. Непогода перешла в шторм с такими порывами ветра, что вскоре часть рангоута на бизань мачте и часть такелажа были разбиты. Качка судна была столь сильной, что сделала невозможными работы по починке и предотвращению дальнейших поломок. Надо было закрепить руль и отдаться ярости волн. Все члены свиты улеглись в свои гамаки, часть матросов и прислуги чувствовали себя больными или боялись разбить себе голову, оставаясь на ногах. В добром здравии оставались только император, граф Потоцкий и я. Но для того, чтобы передвигаться, нам приходилось страховаться. Чтобы услышать что-нибудь при таком сильном ветре приходилось кричать друг другу в ухо. Все плохо закрепленные предметы обстановки швыряло от одного борта к другому. Было очень холодно, и страшный ветер гнал корабль к неприятельским берегам Босфора. Через 20 часов мы прошли уже больше 60 миль в этом направлении. Не было никакого способа бороться с этой новой опасностью, еще 24 часа подобной непогоды и Российского императора выбросит на мусульманский берег. Всегда сдержанный и снисходительный император высказал мне только небольшой упрек за то, что я посоветовал ему довериться опасностям мореплавания вместо того, чтобы передвигаться по суше. Он сказал: «Я твердо решил быть

в Петербурге 14 октября в день рождения моей матери. Настоящая задержка лишает меня этого удовольствия». Наконец, через 26 часов шторма сила ветра несколько уменьшилась, его направление немного изменилось, что позволило нам, во всяком случае, прекратить попятное движение. Восстановительные работы продолжились с тем пылом, который объяснялся присутствием императора, такелаж был частично восстановлен и корабль начал слушаться руля. После обеда ветер успокоился, на несколько часов осталось только сильное волнение, которое раскачивало наш большой линейный корабль как хрупкую лодочку.

Смерть императрицы Марии Федоровны

Наконец, ветер изменил направление, и мы продолжили наш прямой путь в Одессу, к которой мы смогли приблизиться только глубокой ночью. Для того чтобы направлять путь корабля, надо было следовать ночным сигнальным огням, а чтобы при подходе к рейду избежать несчастных

случаев, мы бросили якорь вдали от города. Погода была ужасной, шлюпку, на которой плыл император, преследовал холодный дождь. К большой радости жителей города, которых непогода заставила опасаться за судьбу своего государя, он прибыл в дом графа Воронцова. Его уже несколько часов с нетерпением ожидал курьер великого князя Михаила, который был послан из лагеря под Варной с тем, чтобы доставить великому князю известия об императоре. Даже армия и флот пострадали от непогоды, несмотря на надежное крепление, корабли пострадали, лагерные палатки были снесены или разорваны.

Приготовления к путешествию заняли всего несколько часов, и в 4 часа утра я имел честь занять свое место в коляске рядом с императором. В Елизаветграде мы остановились на молитву. Только шаги императора и мои раздавались под сводами церкви, только один священник слышал его голос, только несколько свечей горели в полумраке. Отъезд был печальным, и, несмотря на то, мы недавно избежали опасности, казалось, предвещал несчастье. Было 8 октября, для того, чтобы приехать в Петербург 14 октября, нельзя было терять ни минуты. Ночи уже были темными, дороги развезло начавшимися осенними дождями, лошади были приготовлены всего несколько часов назад фельдъегерем, который двигался впереди нас.

Уставшие и продрогшие мы прибыли в Царское Село утром 14 октября, как того желал император. Он вышел у дворца для того, чтобы заняться своим туалетом и приурочить свой приезд в город к моменту, когда императрица и сопровождавшие ее лица появятся в дворцовой церкви. Он хотел остаться незамеченным, но, подходя к дворцу со стороны Невы, был узан двумя эскадронами конных гвардейцев, которые должны были принять турецкие знамена, захваченные под Варной, и провезти их по улицам.

Крики «Ура!» возвестили о приезде императора. Он вошел во дворец в окружении взятых под Варной трофеев и под искренние радостные крики народа, толпившегося вокруг. Но, войдя в покои, где царствующая императрица и дети бросились к нему навстречу, он был поражен грустным известием о том, что императрица мать опасно больна. Испытанные ею за время военной кампании волнения и радость от взятия Варны оказались ударом для ее нервной системы, а колебания лечивших ее врачей уложили ее на кровать, с которой ей не суждено было подняться. Ее крепкое здоровье, предохранявшее ее до этого времени почти от всех болезней, позволяли надеяться на лучший исход, когда приближение смерти положило конец ее столь прекрасной и полезной жизни. В это время по городу и при дворе стала распространяться тревога, все старались поскорее узнать новости с тем, чтобы почерпнуть в них надежду. Она оказала мне честь, желая говорить со мной, но врачи из опасения, что беседа могла бы ускорить болезнь, день за днем держали меня на расстоянии от нее под тем предлогом, что усталость от путешествия не позволяет мне выйти из моей комнаты. Через несколько дней императрица почувствовала, что приближается ее последний час. Она исповедалась и приготовилась к переходу в мир иной со спокойствием и верой чистой и возвышенной души. Она приказала позвать императора, императрицу, детей, благословила их и скончалась 19 октября³.

Император и императрица горько плакали. Еще такой молодой наследник рыдал со всей чувствительностью только сформировавшейся души. Плакали вельможи и скромные служащие, богатые и бедные, весь Петербург и вся Россия. Более 50 лет она прожила во дворце, где и испустила дух. Она привнесла туда добродетель, которой во всем следовала, она пыталась смягчить суровость императора Павла и давала

³ Помета, возможно, Николая I — «24 октября 1828».

пример подчинения его воле. Она подарила России императора Александра и императора Николая, являла собой образец супруги и матери. Она жила лишь для того, чтобы делать добро, и своими трудами и добротой своего сердца она стала примером добродетели. Ежедневно по много часов она с величайшей тщательностью занималась делами попечительства, воспитанием тысяч детей, порученных ее заботам, уделяла внимание больницам и вообще христианскому милосердию. Она никогда не ложилась, не закончив все свои дела, не ответив на все, даже самые незначительные письма. Она была невольницей того, что называла своим долгом. Она была доброжелательным защитником и просвещенным любителем наук и всевозможных искусств. Она любила чтение и не гнушалась ручной работы, которая позволяла существовать бедным, она помогала богатым избавиться от безделья. Она способствовала светским развлечениям, видя в этом одну из обязанностей государей, таким образом, во дворце часто собиралось много людей на театральные представления и на балы. Летом она много занималась делами своего Павловского дворца. Там она с полным знанием дела занималась оранжереей и садом. Одним из ее талантов было то, что она умела находить время для всего, что было следствием величайшего порядка в распределении ее занятий. Ее удивительная деятельность была основана на крепком здоровье, которое позволяло находить для этого новые возможности. Требовательная к себе самой, она была таковой и для всех тех, кто имел честь находиться на ее личной службе, будучи неутомима сама, она не любила замечать усталость у других. Отличаясь постоянством и искренностью в чувствах, она желала такого же отношения от тех, кому она оказывала честь, называя своими друзьями, или от тех, кого она защищала, исходя из побуждений чувств или требований разума. Она была требовательна по отношению к своим детям и слугам. Это был единственный недостаток, если его можно

назвать таковым, который можно было найти в этой женщине, бывшей образцом добродетели, приветливости и благодетельности. На смертном одре она была окружена лишь слезами печали и признательности. Было очень трогательно наблюдать, как молодые воспитанницы находившихся под ее покровительством институтов рыдали горькими слезами, видя ее неподвижное тело. Плакали все — старые гвардейцы, дети, сироты, придворные и бедняки, все потеряли в ее лице, кто мать, кто благодетельную и добрую защитницу.

Из Варшавы приехал великий князь Константин, из Тульчина — великий князь Михаил. Похоронная процессия, которая доставила Императрицу Марию к месту последнего успокоения наших государей, была окружена гробовым молчанием и слезами. Она должна была покоиться рядом со своим супругом и своим сыном Александром.

Как можно было предположить, зима прошла печально. Развлечения были заменены решением мелких политических дел и приготовлениями к новой кампании. Всегда ревниво относившиеся к России европейские державы со страхом взирали на разгоревшуюся против Турции войну, в которой они уже предвидели ее неизбежное поражение и усиление мощи нашей империи. В ревнивых глазах правительств наш молодой государь, увлеченный дорогами побед, нарушал всю систему европейского равновесия. Англия опасалась за свою торговлю на Средиземном море, Франция считала делом чести спасти своего старого союзника Султана от российского завоевания. Каждый раз она начинала интриговать и втягивала в эти дела другие правительства. Наиболее заинтересованным государством, в связи со своим непосредственным соседством, была Австрия. Видя, что Молдавия и Валахия стали российскими провинциями, она встревожилась и предложила свое посредничество. Она способствовала появлению благоприятных туркам настроений и вызывала недоверие к нам Берлинского кабинета. Все с пристальным вниманием ждали окончания войны, высказывались против намерений императора Николая, но не осмеливались высказать свою позицию открыто.

Император был спокоен, силен сознанием своей правоты и совершенно не желал упустить победу. Он отклонил, так называемые, добрые услуги иностранной дипломатии и приготовился ко второй кампании. Потери кавалерии и артиллерии в лошадях вскоре были восполнены. Резервные батальоны пополнили личный состав армии, который был сильно ослаблен болезнями, усталостью и, наконец, чумой. Так, чума нанесла огромные потери гарнизону Варны. Командовавший там генерал Головин был вынужден вывести

войска из города и расположить их в пригородных садах. Были полки, численность которых сократилась до 100 человек. В этих условиях генерал Головин проявил большое мужество, а наши добрые и покорные солдаты дали замечательный пример своего терпения и послушания. Находясь перед неприятелем в разрушенном городе, где часто не хватало самого необходимого, в условиях эпидемии, они ни разу не роптали и несли службу с той же дисциплиной и порядком, которые отличали наши войска в самых благополучных гарнизонах. Граф Витгенштейн был стар и попросил заменить его. Для командования армией туда был направлен граф Дибич, который вскоре приступил к своим обязанностям и энергично принялся готовить к войне войска и военное снаряжение.

Трудности нашего правительства возросли в связи с событием столь же неожиданным, сколь и плачевным. Наш посланник при дворе персидского шаха господин Грибоедов, человек умный, но, возможно, несколько неосторожный, настроил против себя население Тегерана. Унижение последней войны сделало горожан еще менее терпимыми к русским. Он пренебрег общественным мнением, которое только ждало случая, чтобы взорваться. Сигналом к началу послужила пустячная ссора между несколькими персами и слугами Грибоедова, народ взломал двери жилища нашего представителя, и он сам, также как большая часть его служащих и прислуги стали жертвами его гнева. Они были бесчеловечным образом убиты до того, как правительство, испуганное этим неожиданным штурмом, направило посольству помощь. Раздраженный шах приказал арестовать и наказать виновников этого преступления, но нанесенное оскорбление было слишком сильно и грозило новым разрывом отношений. Петербург и Тегеран так долго восстанавливали отношения,

что возникло сомнение в прочности мира, столь недавно заключенного между двумя народами.

Интересы совершенно другого характера, но высокой значимости, позвали императора в другую часть империи — в Варшаву. Командовавший там русскими и польскими войсками его брат великий князь Константин, который постепенно вошел в дела по управлению Царством, не был там любим. Одновременно он командовал корпусом, расположенном в Литве, и носящим такое же название для того, чтобы отличаться от других русских армейских корпусов, которые имели номер. Провинции, расположенные перед польскими землями — Вильно, Гродно, Белосток, Минск, Волынь и Каменец Подольский, находились под его командованием и управлялись военной администрацией. Такова была воля императора Александра. Подобное объединение всего, что было польским или могло быть польским, а также данная Царству либеральная конституция, малиновый цвет мундиров Литовского полка, вместо русского красного цвета, все это было наименее удачным решением из всего, что можно было принять. Кроме того, эти решения входили в прямое противоречие с тем, что сделала императрица Екатерина в связи с разделами Речи Посполитой.

Все вышесказанное давало полякам серьезную надежду на восстановление государственности и тем самым затрагивало и оскорбляло Россию. Император Николай предвидел последствия подобного положения дел, но и не приуменьшал трудностей, с которыми пришлось бы столкнуться. Во-первых, для того, чтобы изменить позицию своего старшего брата великого князя Константина, который был женат на полячке, был влюблен в войска, которыми командовал, и протезировал замыслам поляков соединить в Царстве Польском все другие провинции, которые уже долгие годы

входили в Российскую империю. Во-вторых, для того, чтобы разрушить труды императора Александра, лишить его титулов «Освободитель» и «Благодетель Польши», которые были завоеваны его предшественником, подобными изменениями настроить против себя тысячи своих подданных — поляков, и, может быть, напугать Европу, уже потревоженную его могуществом. Наконец, восстановить против себя своего брата, который на словах основывал свою власть на воле императора Александра, и который посчитал бы ужасной несправедливостью, если бы его последователь, которому, ко всему прочему, он уступил трон, лишил бы его этой власти.

Поляки были очень недовольны управлением великого князя Константина, в их сердцах и умах это недовольство уже перевесило всякую благодарность, которую они испытывали к императору Александру за его благодеяния. С нетерпением и беспокойством Польша ожидала, какую позицию займет новый император. Уже был пущен слух о том, что он не любит поляков, что он не одобряет тех льгот, которые были им предоставлены, что он суров и никогда не согласится на включение в Царство Польское прежних провинций. Его не знали, его боялись, на него надеялись и ему жаловались на управление великого князя в надежде, что молодой государь не оставит его во главе правительства.

У императора было время ознакомиться со всеми бедами, подумать обо всех трудностях своего положения перед лицом своего брата, своих многочисленных польских подданных, перед лицом своего долга перед Россией и тех установлений, которые следовало сохранить в память об императоре Александре. Он решил увидеть все своими глазами и, воспользовавшись одной из статей хартии, предусматривавшей коронование, он приказал все приготовить к этому торжеству и к своей поездке в Варшаву. Слухи об этом вновь наполнили провинции и Царство Польское надеждами и не доставили

никакого удовольствия русским. Уже во время последней кампании император чувствовал потребность более тесного объединения двух наций, ощущал особенную пользу от присылки войск и от братания их с русскими войсками. Он попросил своего брата прислать в Дунайскую армию небольшую часть польских войск, и был очень доволен, когда в ответном письме великий князь Константин сообщил о своем согласии. Но уже в следующей почте сообщалось о трудностях, особенно одна фраза великого князя поразила благородное сердце императора и заставила его отказаться от этого интересного проекта. Великий князь написал, что его честь будет задета, если на войну отправятся войска, которые он формировал, а он сам не сможет разделить с ними опасности и славу.

* * *

Все было готово для путешествия, 22 апреля император отправился в дорогу, направился прямо в Динабург, где через два дня к нему присоединилась императрица. Строительство крепости значительно продвинулось вперед, оно производилось с таким старанием, которое заслужило полное одобрение императора. Отсюда императрица продолжила свою поездку, а мы направились в Вильну, куда и прибыли ночью. В городе еще горели несколько огней, оставшихся от праздничной иллюминации, которую жители зажгли в честь приезда своего государя. Император остановился во дворце, который уже на следующее утро был окружен огромной толпой народа. Император направился в наполненный народом православный собор, откуда парадным маршем прошел один из шести батальонов Литовского полка. Вся площадь и прилегавшие к ней улицы, по которым должен был пройти император, были заполнены людьми. Все они казались довольными тем, что видят его, на всех

лица лежала печать доверия и удовлетворения. Император тщательно осмотрел университет и госпитали, он казался удовлетворенным тем порядком, который там царил. С тех пор, как я был здесь в последний раз, город значительно украсился. Места народных гуляний были тщательно засажены деревьями, многочисленные новые здания и окружавшая их чистота значительно изменили облик города, который раньше был довольно грязным, как и все города, населенные поляками и евреями.

После осмотра всего города и его учреждений мы вернулись в коляску и на утро следующего дня прибыли в Гродно. Так же как и в Вильне, народ, казалось, был под большим впечатлением от лицезрения своего государя, которого он видел во время парада, на входе и на выходе из всех общественных учреждений. Наше особое внимание привлек госпиталь, расположенный в старом замке, он был просторный и прекрасно организованный. Значительно менее населенный, чем Вильна, город производил грустное впечатление многочисленными проявлениями бедности и упадка.

В тот же день при прибыли на ночевку в Белосток, где остановились в красивом императорском замке, бывшей резиденции госпожи Краковской, сестры последнего польского короля. Здесь императора ожидал командир Отдельного Литовского корпуса генерал Розен. Дворцовый сад привлек особое внимание императора и после отдыха, случившегося в первый раз после отъезда из Динабурга, он продолжил свою поездку. При великолепной погоде он направился к Тыкоцину, расположенному на границе России и Царства Польского. После войны 1806 и 1807 годов у меня не было случая побывать в этих местах. Тем не менее, я полагал, что смогу узнать их, как узнают места, которые изъезжены верхом на лошади вдоль и поперек. Я даже сказал императору, что по дороге смогу рассказать ему о тех позициях,

сражениях и перемещениях, которые наша армия произвела в этих местах. Но после выезда из Белостока к моему величайшему удивлению я увидел, что вместо глубокого песка и болот, которые я видел здесь раньше, мы едем по прекрасной мощеной дороге, подъезды к Тыкоцину также изменились. Шаткий мост и грязная плотина исчезли, маленький город приобрел чистый и ухоженный вид. Все вокруг преобразилось, самый бедный, грязный и промышленно отсталый край как по волшебству стал цивилизованной, богатой и ухоженной страной. Дороги были прекрасно обустроены, города — чисты, земля — тщательно возделана. Местное население было довольно, фабрики заполнены иностранными рабочими. Одним словом — все, что мудрое и заботливое правительство могло предпринять за полвека, было сделано императором Александром за 15 лет. Самая неискоренимая неблагодарность молодых польских патриотов была принуждена отступить перед очевидностью истины и признания того, что император вновь вернул к жизни эту часть Польши.

Доехав до Пултуска и оказавшись на полях сражений, где 23 года назад я видел, как военная удача Наполеона была остановлена нашими храбрыми батальонами, я не смог удержаться, и предался воспоминаниям об этом времени и о великих событиях, которые за ним последовали.

Наполеон победил в Варшаве и угрожал России, поляки уже гордились несбыточными надеждами на свое возрождение, наши усталые и павшие духом армии вернулись в границы империи. А теперь Наполеон вот уже многие годы существует только на страницах истории, Париж увидел наши победоносные знамена, поляки стали нашими подданными и обязаны своим счастьем только благородству императора Александра, а я сижу в коляске рядом с могущественным государем России, королем той самой Польши, где я сражался, защищая наши собственные границы.

Эти чередования упадка и процветания, унижения и славы настроили нас на философские размышления, которые сопровождали нас до главной площади небольшого городка Пултуска, где для почетного сопровождения императора была приготовлена воинская часть.

Через некоторое время сюда прибыла императрица, и мы провели ночь в Пултуске. На следующий день Их Величества со всей свитой направились в Варшаву. К обеду прибыли в имение князя Понятовского Яблонное Йолли, находившееся в 14 верстах от Варшавы. Здесь ожидавший императора великий князь Константин представил ему доклады. Через некоторое время сюда же приехала и его супруга княгиня Лович. Оба брата с супругами пообедали вместе в обстановке сердечной близости.

Вечером того же дня я приехал в Варшаву с тем, чтобы отдать некоторые распоряжения в связи с завтрашними торжествами. С раннего утра следующего дня все русские и польские войска при оружии заняли свои заранее обозначенные места. Кавалерия находилась на другом берегу Вислы, пехота стояла на тех улицах, по которым император и императрица должны были въехать в город.

Специально к этому дню ниже Пражского моста по течению реки был построен другой мост с тем, чтобы кортеж проехал через большую часть города и одновременно избежал крутого подъема, который вел к Варшаве от Пражского моста. Все население столицы Польши, включая иностранцев и горожан, поспешили занять места у окон домов, на балконах и на улицах города. Великолепная погода стояла в городе и его окрестностях, которые весна уже украсила цветами и зеленью. По ту сторону моста великий князь Константин и вся императорская свита сели на лошадей. В первый раз я видел войска под командованием великого князя.

Они отличались превосходной выправкой, прекрасным обмундированием и наилучшим выбором людей и лошадей. Русские полки, два из которых были гвардейские пехотные и три кавалерийские, вместе с польскими полками составляли дивизии. Их внешний вид был совершенно одинаков и, глядя на них, можно было сказать, что между войсками и двумя нациями было достигнуто полное единение. Великий князь попросил меня проехать перед первыми полками кавалерии. После каждой моей похвалы прекрасной выправке и элегантности своих войск на лице великого князя появлялось выражение полного удовлетворения. Перед первым взводом полка Подольских кирасир он представил мне своего родного сына поручика Александрова, который был ему рожден французской женой одного фельдъегеря, и к которому он был нежно привязан.

Царь Польский Николай I

Наконец, появились кареты, в которых ехали император, императрица и наследник. Они остановились в небольшом доме за пределами предместья Праги, где императрица окончила свой туалет, и где Их Величеств ожидали парадные коляски и первые придворные кавалеры. Через несколько мгновений император сел на лошадь, и весь кортеж пришел в движение. Войска, которые впервые видели своего молодого и красивого государя, по традиции радостно приветствовали его криками «Ура!». Я внимательно наблюдал за лицами солдат, поляки, как и русские, с удовольствием глядели на императора, они казались одушевлены тем же желанием ему понравиться. В тот момент, когда император со свитой были на мосту, лошадь великого князя неожиданно рванулась в сторону и, несмотря на все усилия всадника, не желала идти в нужном направлении. Разгневанный великий князь был вынужден спешиться и пешком пройти по мосту и через часть города, пока ему не подвели лошадь, сменившую ту, которая после многих лет службы впервые отказалась повиноваться. Продолжая командовать парадом и следуя за императором со шпагой в руке, великий князь, казалось, был полностью лишен того удовлетворения, на которое он мог рассчитывать, представляя во всем блеске находившиеся под его командованием войска. Он казался потерянным и его вид внушал страх всем тем, кто находился под его командованием, и кто привык видеть немилость в раздраженных глазах своего разгневанного командира. Это происшествие, несмотря на всю свою малозначимость, бросило тень на весь день и поразило всех присутствовавших.

Народ и войска встретили своего государя восторженными возгласами, на балконах и у окон женщины махали платочками. Они казались в полном восхищении от красоты императора и, в особенности, от очарования и утонченности

наследника, от любезных поклонов императрицы, от грациозности и элегантности ее манеры держать себя. Наконец, самый придирчивый наблюдатель не обнаружил бы в этих людях, собравшихся по пути следования своих государей, ничего, кроме радости и преданности верного народа. Именно так они показали себя в наших глазах, именно так оно и было в действительности, по крайней мере, в основной массе людей.

Император остановился перед католическим кафедральным собором, где к великому удовольствию приверженцев этой религии, он причастился святой водой и принял знаки уважения духовенства. Он спешил к входу в королевский дворец и дождался императрицу с тем, чтобы помочь ей выйти из коляски. У подножия лестницы их ожидала княгиня Лович и знатнейшие дамы Польши для того, чтобы встретить и приветствовать своих государей. Огромная толпа продолжала толпиться вокруг дворца, в надежде увидеть своего короля. После обеда он вышел, предложил руку своей супруге и пешком, без свиты и охраны, в толпе людей направился к великому князю. Это доказательство доверия и простота поведения привели в восхищение всех зрителей, общие крики «Виват!» приветствовали августейшую чету и сопровождали ее на значительном расстоянии от Дворцовой площади, пока император по доброте своей не сделал народу знак, что больше не нужно его сопровождать.

На следующий день Его Величество показался на параде на Саксонской площади, здесь его появления ожидала огромная толпа народа, все жаждало его видеть. Войска также были полны желания ему понравиться, все свидетельствовало об удовлетворении и безопасности.

Великий князь стремился показать пример уважения и старания. Во время парада он вел себя, как простой генерал,

казалось, что он робел в присутствии своего государя. Он лично проехал на правый фланг парада, а при втором проходе войск он замыкал их движение с портфелем в руках для того, чтобы получить и записать приказания императора.

Все свидетельствовало о полнейшем согласии между обоими братьями, и император делал все от него зависящее для поддержания и укрепления этого положения. Но пребывание государя стесняло великого князя. На протяжении многих лет он привык подчиняться только самому себе, вошел в обыкновение приказывать как начальник. Теперь, когда он был вынужден как минимум подавать пример подчинения, он опасался преследующего взгляда императора, зная о том, что существует недовольство теми решениями, которые он позволял себе принимать, а также его резкостью и, подчас, чрезмерной суровостью. Его ближайшее окружение опасалось ответственности в то время, когда поляки надеялись на перемены, в частности, на ограничение власти великого князя. Две столь противоположные друг другу позиции усложняли положение императора. Компромиссного решения не могло быть. Надо было либо поссориться со своим старшим братом, который признал его в качестве императора России и предоставил ему трон, либо проиграть во мнении своих новых подданных поляков, показав им, что он не может и не желает изменить их подчиненное великому князю положение. Словом, что их интересы приносятся в жертву братским связям с тем, чьи притеснения вызвали их жалобы.

Только через некоторое время императору удалось выйти из этого ложного положения при помощи определенности и твердости, с которыми он отказал великому князю в некоторых его просьбах, и, благодаря тому вниманию, которое

он уделял всем тонкостям государственного управления королевства. Как и многие другие, великий князь желал всеми силами восстановить порядок в деле комплектования Литовского корпуса. Император хотел, чтобы он комплектовался из рекрутов внутренних провинций империи, великий князь настаивал на продолжении практики императора Александра, при которой корпус пополнялся за счет рекрутов только из польских и соседних губерний. Великий князь и его окружение делали все возможное, но император, считая этот вопрос жизненно важным для безопасности своей империи, держался уверенно, и великий князь остался в разочаровании.

Вскоре все приготовления к торжественной церемонии коронации были окончены. По старому обычаю на всех площадях столицы о ней объявили герои войны.

По приказанию императора из Петербурга была доставлена императорская корона с тем, чтобы показать всем, что для обеих стран есть всего одна корона, и что она — именно эта.

С раннего утра залы дворца наполнились высшими представителями королевства, дамы расположились на заранее отведенных местах в тронном зале, войска стояли от дворца до городского собора, люди толпились на улицах, на свободных площадках, у окон, зрители были везде, даже на крышах домов. Император с императрицей в сопровождении наследника, великих князей и всей военной свиты двинулись со двора в тронный зал польских королей, и поднялись по ступенькам, прикрытым королевским балдахином. Все, министры, сенаторы, духовенство, нунции, заняли указанные каждому из них места. В установившемся полном молчании король надел на голову корону и перед распятием произнес слова своей клятвы. Он вложил в них столько чувства

и искренности, что все зрители были глубоко тронуты. Затем в порядке, указанном церемониалом, король и королева пешком направились в кафедральный собор, их продвижение сопровождалось восторженными криками. Войдя в церковь, под сводами которой столько королев приняли свою корону, и где столько поколений приветствовали своих государей, поляки должны были почувствовать гордость, наблюдая, как наследник Петра Великого выказывал уважение их вероисповеданию. Католические священнослужители, должно быть, с удивлением молили Господа о защите их православного повелителя. Мы же испытывали там тягостные чувства. Я не мог избавиться от болезненного и даже унижительного ощущения, которое предсказывало, что император Всея Руси выказывает слишком большое доверие и оказывает слишком большую честь этой неблагодарной и воинственной нации.

Вернувшись в свои апартаменты во дворце, император послал за мной. Видя, что я взволнован, он не скрыл от меня, насколько его рыцарское сердце переполнено чувствами. Он принес клятву от чистого сердца и с полной решимостью ее свято исполнить.

На обед были приглашены все крупные военные и гражданские чины. В этот день было роздано много орденов и произведено множество назначений. Среди них князь Адам Чарторыйский был назначен камергером, его тщеславие, которое всегда заставляло его желать звания «королевского лейтенанта», было этим несколько шокировано. За столом рядом со мной сидело несколько нунциев. Они жаловались на вспыльчивость великого князя и превозносили манеры короля и сказали мне: «Если бы он захотел управлять нами сам так, как он это делает в России, то мы бы с удовольствием отдали ему конституционную хартию».

со всеми ее преимуществами». Вечером была большая иллюминация, весь народ высыпал на улицы. В последующие дни состоялись балы, представления и большой парад всех войск. В Варшаву прибыл брат императрицы принц Вильгельм Прусский. Король Пруссии должен был прибыть в один из замков Силезии, чтобы там встретиться со своей дочерью императрицей и своим внуком — наследником престола. Для этой встречи все уже было готово, когда прибыло известие, что состояние здоровья короля не позволяет ему проделать это путешествие.

В тот же день император решил, что сам поедет в Берлин, но, для того, чтобы для его тестя неожиданность была еще более приятной, он приказал мне никому не говорить об этих планах. В назначенный день императрица уехала, а два дня спустя в полночь мы с императором сели в коляску, предшествоваемые только одним фельдъегерем, которому было приказано готовить по дороге лошадей от моего имени. Нас сопровождал только приехавший с императором в Варшаву граф Алексей Орлов. Ни на минуту не останавливаясь, мы через Калиш и Бреслау доехали до Грюнберга. Под моим именем император остановился в этом маленьком городе, чтобы дожидаться приезда императрицы, которая должна была прибыть сюда этой ночью. В тот момент, когда карета императрицы остановилась у приготовленного для нее дома, ее августейший супруг открыл дверь и к великому изумлению всех многочисленных собравшихся здесь людей поддал руку императрице и сердечно обнял ее. Послышались здравицы, и по всему небольшому городу разнеслась неожиданная весть о присутствии в нем императора Николая. Это было настоящее представление, которое произвело на всех самое благоприятное впечатление. Ужин прошел весело, и после того, как были приняты все необходимые

предосторожности, чтобы эта новость не опередила императора, ранним утром следующего дня мы продолжили путь.

В окрестностях Франкфурта на Одере наше продвижение вперед было задержано толпой людей, которые собрались рядом с тем домом, где должна была обедать императрица. Наследный принц Пруссии и двое его братьев прибыли из Берлина для того, чтобы встретить свою сестру. Медленно проехав через толпу, наша коляска остановилась у входа в гостиницу. Один из принцев из окна узнал императора и выбежал на улицу для того, чтобы бросится ему на шею. Невозможно передать его радость и радость всех солдат и офицеров, ставших свидетелями этой неожиданной сцены. Из всех сердец вырвался крик радости. Императрица приехала полчаса спустя, вызвав у принцев и у всех присутствовавших новый порыв радости. После обеда все продолжили путь в Берлин. Король с оставшимися членами своей семьи ожидал приезда своей августейшей дочери в небольшом замке за пределами города. Его радость и удивление были необычайными, когда, обняв императрицу, он увидел императора и наследника престола. Новость о приезде императора облетела весь Берлин и вызвала там оживление, которое невозможно описать. Весь город был на ногах, все стремились ко дворцу, на улицах люди поздравляли друг друга, все кричали от радости и собирались в толпы. Казалось, что Пруссию посетило самое большое счастье. Присутствие государя России польстило национальному тщеславию, искренняя преданность королю была удовлетворена тем удовольствием, которое он испытал от только что полученного доказательства любезного внимания со стороны своего зятя. Толпа восторженно приветствовала входивших во дворец короля, императора и императрицу. Крики только

усилились, когда на балконе старого замка появился король, державший за руку своего внука — наследника российского престола. Я остановился в меблированных комнатах, откуда как неизвестный зритель наблюдал то счастье, которое испытывали все до последнего представители общественных классов. Позже, когда за мной прислали, чтобы устроить в апартаментах дворца, я пешком прошел сквозь всю толпу и воочию мог судить о переполнявших ее чувствах. Это была та радость, которой русские и пруссаки могли гордиться совместно.

Король пожелал показать своему августейшему зятю берлинский гарнизон, и перед дворцом, где жил король, под липовыми деревьями состоялся большой парад. Король лично командовал войсками и оказал государю воинские почести. Со всех сторон собралась огромная толпа, люди стояли на крышах, толпились у всех окон, чтобы увидеть новых гостей. Все восхищались красотой императора, изяществом и стройной фигурой наследника престола, который верхом на лошади вместе с принцами и генералами находился в многолюдной свите государей. Войска были хороши и даже более, чем казалось, они могли быть в соответствии с неправильным способом их организации. Трех лет службы было недостаточно для того, чтобы выучить хорошего пехотинца, но вполне хватало для выучки кавалериста и артиллериста, пусть и посредственных. Благодаря работе офицеров и доброй воле солдат, в целом войска производили хорошее впечатление и казались хорошо обученными.

В силу привычки все вечера проводить в театре, король пригласил туда императора и императрицу, которых встретили там долгими и несмолкающими аплодисментами. Был дан прекрасный спектакль «Немая из Портичи», который принес славу автору и уже наделал шуму в Европе

прекрасной музыкой и особенно сюжетом пьесы, революционные сцены которого должны были бы утратить любое другое правительство, кроме прусского. Оно было сильно преданностью и счастьем своих подданных. Была предпринята поездка в Потсдам и в Шарлоттенбург, весь день был проведен в разъездах. Во время нашего пребывания в Берлине со всей торжественностью и со всеми приличествующими подобному случаю церемониями было отпраздновано бракосочетание принца Вильгельма и принцессы Веймарской, младшей дочери великой княгини Марии, сестры императора.

То, чем прусский двор выделялся по случаю такого рода праздников, были танцы при свете факелов, когда в белом зале дворца, открывавшемся только ради этого, все министры и самые пожилые придворные дамы танцевали полонез. Император мог остаться только на шесть дней, но хотел успеть провести переговоры с прусским правительством по поводу турецких дел, которые исключительно и столь живо волновали всю европейскую дипломатию. Он поручил мне обсудить их с графом Бернсторфом, которого мучительная болезнь, к несчастью, удерживала дома. Я нашел его крайне пораженным завоевательными планами, приписываемыми политике императора, в которых его, как и другие европейские правительства, пытались убедить. Его пугало возможное вскоре падение оттоманского правительства, и он увидел в моем решительном отрицании только постороннее влияние, утвердившее его опасения. После того, как я напомнил ему уже известные причины, в соответствии с которыми Порта сама вынудила императора начать эту войну, которая признавалась неизбежной даже императором Александром, столь умеренным и столь приверженным к сохранению мира, я перечислил ему все те трудности, с которыми

встретились наши представители на Аккерманском конгрессе. Они стремились отсрочить разрыв, которого император опасался как в связи с продолжавшейся войной с Персией, так и с нуждами нового царствования, первый день которого был ознаменован бунтом и неисчислимыми трудностями.

Я ему заявил, что именно европейские правительства и он сам является одним из первых, кто вынуждает императора применить более значительные силы тем, что пытаются помешать ему и внушить Порте надежды на свое посредничество. Такое поведение вынуждает императора вести войну с большим ожесточением. Если военная кампания этого года не приведет к полному успеху, то в следующем году император лично будет руководить войсками, а за ним, если потребуется, пойдет вся Россия. Империя сгорает от нетерпения показать Европе, что она не боится угроз и что она готова все принести в жертву ради славы своего оружия и своего молодого государя.

Наконец, я заявил о том, что Европа своими интригами лишь приблизит наши армии к Константинополю и спровоцирует падение Турции, в сохранении которой заинтересована и Европа, и мы сами. Если же, напротив, правительства вместо того, чтобы подстрекать султана в его борьбе против России, вместо того, чтобы внушать ему мысль о возможной помощи или посредничестве, договорятся о том, чтобы доказать султану его бессилие, и посоветовать ему просить у императора мира, который был предложен сразу же после перехода нашими армиями Дуная, то все увидят, с какой заинтересованностью мы предложим почетные условия. Мы удовлетворимся гарантиями, которые требует наша торговля и обеспечение наших границ в Азии.

— Вы, как минимум, потребуете княжества Молдавию и Валахию, — сказал Бернсторф.

— Они нам не нужны, — ответил я. — Вам нужно больше доверять словам императора, который с самого начала войны заявил, что не хочет завоеваний.

Я добавил, что наш приезд сюда предоставляет Пруссии возможность сыграть роль миротворца. В качестве доброй услуги тестя своему зятю, в чьей умеренности и справедливости он уверен, король может сообщить в Константинополь о наших мирных намерениях. Также это будет доказательством заботы короля о своем друге султанине. Такой шаг, не будучи актом посредничества, соответствовал бы интересам Турции, России и всей Европы, которая хочет мира, в то же время был бы очень выгоден Пруссии.

Эта мысль понравилась министру, он сказал мне, что безотлагательно сообщит о ней королю, и что теперь он верит в искренность моих слов и в желание императора на умеренных условиях закончить эту войну, которая столь сильно поколебала политическое равновесие в Европе. Император и король были довольны этим разговором. Последний приказал прусскому генералу Мюфлингу немедленно отправиться для передачи султану миролюбивых советов, основанных на мудрых и умеренных убеждениях императора.

Вскоре шесть дней истекли, они послужили отдыхом и стали настоящей радостью для императора, его августейшей супруги и всей императорской фамилии. Императрица продолжила свое пребывание в Пруссии, а император выехал в Варшаву. На ночь он остановился в маленьком замке около Бреслау. На следующий день ранним утром он принял парад прусского кирасирского полка, который носил его имя. Король специально отправил этот полк так далеко с тем, чтобы он смог представиться своему шефу. Император надел форму, головной убор и кирасу этого полка и принял на себя командование. В течение часа он руководил маневрами

полка так, словно всю жизнь только этим и занимался. Он отдавал приказания на немецком языке и ни разу не ошибся, ни в одном из них. Полк и все присутствовавшие были восхищены и удивлены. В заключение Его Величество провел войска перед командиром полка генералом Цитеном и пригласил всех офицеров отобедать с ним. Он приказал мне наградить крестами многих офицеров и щедро раздать деньги рядовым кирасирам.

При въезде в Царство Польское император остановился в Калише с тем, чтобы посетить находившийся в этом городе кадетский корпус и посмотреть на полк польских конных егерей. В Ловичах император заночевал в красивом маленьком доме готической архитектуры, принадлежавшем генералу Клицкому, а утром осмотрел резервные эскадроны полка польской кавалерии. Здесь он сел в коляску вместе с великим князем Константином, который выехал ему навстречу, мной и великим князем Михаилом. Вечером того же дня при прекрасной погоде мы прибыли в Варшаву.

* * *

С живым нетерпением все ждали новостей из армии. На Дунае кампания началась с осады крепости Силистрия, которую лично возглавил генерал Дибич. В это время генерал Рот со стороны Козлуджи пытался разбить неприятельские войска, сосредоточенные у Шумлы.

Тем временем собравшиеся в большом количестве турки попытались завладеть инициативой, они решили овладеть Праводами и отбросить корпус генерала Рота. Несколько серьезных столкновений произошло около Козлуджи. Наш генерал не посчитал свои силы достаточными для того, чтобы открыто выйти навстречу неприятелю, а визирь, опасаясь неудачи, предпочел маневрирование. Таким образом

оба генерала, не слишком доверяя самим себе, предприняли неудачные действия. Эта нерешительность повернулась в пользу графа Дибича, узнав под Силистрией о движениях турецкой армии, он ни минуты не колебался и направился ей навстречу с такой скоростью, что обманул бдительность визиря. Последний яростно атаковал наши позиции в Праводах, которые защищали только несколько пехотных батальонов и бригада гусар, когда он узнал, что наша армия, соединившись с корпусом Рота, уже угрожает его коммуникациям с Шумлой. Он поспешно прекратил атаки Праводы, которые генерал Купреянов отбил с замечательным мужеством и хладнокровием, и со всеми своими людьми направился к Шумле — месту начала своего наступления и месту отступления.

Преследуемый кавалерией генерала Купреянова, он увидел, как ему на помощь пришел корпус графа Петра Палена, который составлял авангард нашей армии. Началась битва. Наша пехота пришла на помощь кавалерии, но была вынуждена защищаться несколько раз и не без потерь от яростных атак турецкой кавалерии. Постепенно с обеих сторон в сражение были включены все войска. Артиллерийские батареи были усилены и наносили огромный вред обеим армиям. Граф Дибич не пошел вперед с достаточным количеством дивизий, чтобы завоевать победу прямой атакой, он продолжил бесцельную канонаду, стоившую нам больших потерь, но расстроившую также большие массы турок. К исходу дня они дрогнули и начали отступление, которое вскоре перешло в полное поражение. Визирь повернул к Шумле, куда прибыл обходными дорогами, сопровождаемый только несколькими сотнями кавалеристов. Вся его армия рассеялась, в наши руки попал лагерь, обоз и часть артиллерии. Мы остались хозяевами на всей той местности, которая в предыдущую кампанию была оккупирована нашими войсками.

И. И. Дибич

Новость о победе, одержанной графом Дибичем над визирем, достигла Варшавы через несколько дней после нашего возвращения из Берлина и доставила императору большое удовольствие. На следующий день все войска лагеря и варшавского гарнизона были собраны на большой манежной площади за пределами города. Были сооружены два великолепных навеса, один для проведения церковной службы православными священниками, другой — для службы католической. Выстроенные в две линии войска, в первой пехота, во второй — кавалерия, образовали три стороны квадрата, в середине было оставлено большое место для императора и его свиты. После благодарственной молитвы, которую сопровождал артиллерийский салют, император первым закричал «Ура!». Этим он вызвал большое неудовольствие

великого князя Константина, который питал отвращение к шумным представлениям и даже к крикам «Ура!». Огромное количество людей собралось для того, чтобы порадовать свой взор этим церковным праздником, который украшали своим присутствием самые нарядные столичные экипажи.

Пребывание в Варшаве окончилось празднованием победы, все дела были более или менее успешно завершены, и 13 июня в полночь император покинул город для того, чтобы вернуться в Россию.

Он остановился на один день в небольшой крепости Замостье, которая принадлежала роду Замойских, но была выкуплена императором Александром с тем, чтобы сделать из нее укрепленный пункт. Строительные работы, выполняемые с замечательной тщательностью, не были еще полностью завершены, но продвинулись достаточно далеко, и крепость могла уже выдержать осаду. Императору осталось только поблагодарить главного инженера, который руководил работами, и особенно самого великого князя, который проявлял к ним особую заботу.

В сопровождении своего младшего брата император выехал из Замостья и заночевал в Лузе, где на следующий день провел смотр дивизии Литовского корпуса.

Солдаты были полностью обучены и имели выправку наших храбрых и добрых русских воинов. Тем не менее, нас поразило сходство в материальной части этих солдат с польскими солдатами, которых мы только что покинули. Большая часть офицеров были поляками, и со временем, если дела останутся в том же положении, как при императоре Александре, этот корпус станет чуждым русскому духу. Эти темно-красные колеты на нашей зеленой форме резали глаз и унижали тех русских, кто был обязан носить эти литовские цвета.

Здесь император покинул великого князя Константина и остановился только в лагере под Тульчином. Там он нашел свою палатку среди палаток гвардейского корпуса, с которым он разлучился под Варной. Войска были счастливы вновь увидеть своего государя, а он сам был в восторге от того, что видел вокруг себя гвардию, в которой он знал не только командиров и офицеров, но и значительное количество рядовых солдат. Лагерь был прекрасно расположен в нескольких верстах от замка Тульчин, резиденции рода графов Потоцких. Пребывание здесь было радостью для всех нас. Император видел войска на парадах, на маневрах, входил во все детали и остался полностью довольным. Войска были столь же хороши, как и на выходе из Петербурга, усталость от похода и военные потери были незаметны, люди были в полном здравии, а лошади — в наилучшей форме.

После трех дней, проведенных с гвардией и с великим князем Михаилом, который ею командовал, император направился в Киев. Мы туда прибыли в тот же день к вечеру по нестерпимой жаре и в пыли. Государя ожидало огромное количество людей. Он в первый раз появился в древней и православной столице, основание которой восходило ко времени зарождения России. Император остановился у ворот Печерского монастыря, где его приезда ожидали епископ, все священники и монахи. Большое количество паломников, которые даже в это жаркое время года пребывали со всех сторон, в Киеве заполняли все улицы монастыря. Гражданские и военные чины, городские дамы и все те люди, которые смогли разместиться в церкви, толпились там, чтобы встретить императора и воздать ему должное. Выйдя из монастыря, он сел в коляску вместе с престарелым и уважаемым маршалом Сакеном, и отвез его домой до того, как приехать туда, где ему самому был приготовлен прием. На следующий

день Его Величество осмотрел несколько резервных батальонов и войска, формировавшие киевский гарнизон. Затем он вернулся в Печерский монастырь для того, чтобы поклониться святым мощам, находившимся в подземных пещерах под монастырем. Император посетил основные церкви города и наиболее древнюю из них, осмотрел городские учреждения, арсенал и работы, предпринятые с целью усиления киевской крепости. Он увидел несколько тысяч турецких военнопленных, которых привлекли к работам по возведению оборонительных сооружений. Он заботливо поинтересовался об условиях их труда и приказал раздать им денежное вознаграждение. Он посетил госпитали и школы и отдал приказания о необходимых работах по украшению и очистке от мусора некоторых районов города.

При его обычной энергии на все эти действия у него ушло два дня, при этом он не переставал заниматься своей повседневной работой. Все прибывшие в эти дни курьеры, будь то из Петербурга или из армии, были отправлены обратно еще до ночи. Часто он не ложился до двух часов ночи, пока по всем бумагам не было принято решение, и они не были отосланы. Таким образом, дела Государственного Совета империи, Комитета Министров, вице-канцлера графа Нессельроде, военного министра, генералов, командовавших действующими армиями, во время путешествия задерживались не более, чем, если бы император спокойно пребывал в Петербурге и мог полностью располагать своим временем. Сверх этого каждый день он находил возможность писать императрице подробные письма, читать отчеты о состоянии здоровья и об успехах в учебе своих детей, пролистывать газеты и, часто, даже читать новые произведения русских и французских авторов.

Во время нашего пребывания в Киеве пришла новость о падении важной крепости Силистрия, осада которой стала

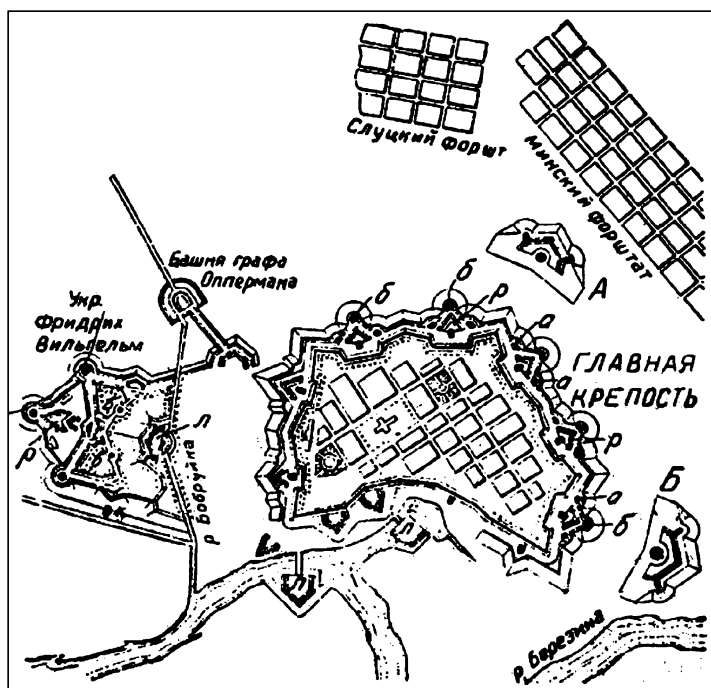
началом кампании. Осадой командовал генерал Красовский с того момента, когда граф Дибич направился на помощь генералу Роту, чтобы победить армию визиря в битве при Кулевче. Эта новость доставила нам большое удовольствие. Занятие Силистрии завершало передачу в наши руки обеих берегов Дуная от Видина до его устьев. Оно также отдаляло от театра военных действий княжества Молдавию и Валахию и позволяло использовать войска, оставленные для осады Силистрии.

Из Киева мы направились в Козелец, где были расположены одна кирасирская и одна гусарская дивизии, которым был устроен смотр, а на следующий день они вышли на маневры под командованием императора. По выучке людей и по состоянию лошадей особенно хороши были кирасиры, составлявшие 3 армейскую дивизию. 4 гусарская армейская дивизия была недавно сформирована из драгун, и здесь было еще над чем поработать.

По месту своего расположения Козелец был очень удобен для сбора большого количества войск, особенно кавалерии. Местность была густо заселена, располагала большими запасами фуража и представляла собой огромную равнину, украшенную небольшими лесами с прекрасной растительностью.

Мы покинули эти плодородные равнины и вошли в болотистые места у реки Березина, где император Александр с большим трудом построил крепость Бобруйск. До своего восшествия на престол как глава инженерного ведомства император на протяжении многих лет руководил работами в этой крепости. С тем большим интересом он увидел те изменения, которые произошли здесь с тех пор, как государственные дела не позволили ему больше посвящать себя исключительно инженерному делу. Едва успев выйти из коляски, он сразу же направился осматривать работы, входил в малейшие детали с тем, что бы все увидеть и все обсудить

для завершения строительства этой большой крепости, которая, будучи только заложена, в 1812 г. оказалась очень полезной. Я видел ее в начале войны с Наполеоном, тогда это были песчаные холмы в форме укреплений. Теперь же она стала образцом прочности и элегантности, как по степени завершенности работ, так и по красоте укреплений и внутренних сооружений — казарм, госпиталей, помещений для генералов и служащих. Кроме того, в крепости росли пирамидальные тополя и другие выбранные породы деревьев. Так же как и в Киеве, здесь на строительных работах использовались несколько тысяч турецких военнопленных. Император в одиночку подошел к ним и стал расспрашивать об их нуждах, он даровал свободу нескольким старикам, которые очень хотели вновь увидеть свои семьи.

План Бобруйской крепости. 1830-е

Во время нашего пребывания в Бобруйске из главной квартиры нашей армии, расположенной по ту сторону Дуная, прибыл курьер с неприятельскими знаменами, взятыми в Силистрии и в сражении у Кулевчи. Их принесли на площадь перед квартирой императора, а затем направили в Петербург. Исключение было сделано для одного из них, которое было помещено в гарнизонной церкви в память о пребывании здесь императора.

После трехдневного пребывания, посвященного детальному ознакомлению со всем, что касалось инженерного дела и состояния войск, мы вновь сели в наши походные коляски и без малейших остановок через Могилев, Витебск и Великие Луки прибыли в Старую Руссу, которая недавно была присоединена к Новгородским военным поселениям. Население этого полностью торгового города встретило императора у городских ворот проявлениями радости, которые превосходили мои ожидания. Напротив, я опасался увидеть на лицах свидетельство недовольства переменой их положения, так как они теперь в некотором смысле оказались в подчинении у сурового военного начальства. Однако, к счастью, преимущества этих перемен оказались значительно выше издержек. Торговля получила новый толчок вперед с постройкой за счет правительства больших корпусов в центре города, с введением ряда привилегий для городского населения и некоторого сокращения государственных налогов.

До своего восшествия на трон император слишком часто слышал общественные голоса против создания военных поселений вообще и в частности против новгородских поселений. И теперь он был уверен в том, что эти нововведения, предпринятые императором Александром, требуют значительных реформ и улучшений. Он чувствовал в них большие неудобства, но не мог решиться на их ликвидацию

из-за вложенных в них сил и денег. Кроме того, они уже дали ряд блестящих примеров в формировании войск и были очень полезны в окультуривании территорий, которые до того не обрабатывались. Только с помощью огромных усилий можно было покончить с ненужными болотами. Жители, которых новый военизированный режим вынудил расстаться со старыми и привычными обычаями, больше не проливали слез, которые испарились вместе с ростом населения и их размеренным существованием. Огромные казармы вместо деревень, прекрасные залы для военных упражнений, дворцы для генералов и офицеров, великолепные дороги и мосты, замечательные госпитали — все это привело к колоссальным преобразованиям в этих местах. Вместо крестьян появились тысячи гренадеров, в школах детей готовили к военной службе и к работе в канцеляриях. Все изменилось, надо было использовать, насколько это возможно, все эти результаты исполнения нерушимой воли императора Александра, которые уже поглотили миллионы рублей и воплотились в труд тысяч рук.

Император обдумывал изменения в существовании военных поселений с тем, чтобы облегчить их судьбу и уменьшить чрезмерную суровость и придирчивость, которые были привнесены графом Аракчеевым в их организацию и функционирование. В будущем следовало изменить однообразную и малоупотребительную для нашей страны архитектуру выстроенных в один ряд домов, которые соединяли в себе внешний вид и скуку казарм, не неся в себе их удобств и преимуществ.

В первый раз я видел эти огромные сооружения и был поражен тем богатством, которое было в них вложено. Там было все для того, чтобы разместить две гренадерские дивизии, которые до этого со времени своего создания, как и остальная армия, были на постое у горожан или в деревнях.

Солдаты были довольны тем, что не были большой обузой для жителей города и этим позволили правительству избежать других бюджетных затрат.

Методы школьного образования устарели морально и физически, сыновья солдат и колонистов воспитывались словно в кадетских корпусах, как в смысле образования, так и поведения. Можно было сказать, что из них готовили молодую поросль наших генералов, в то время как им было предназначено носить ружья и переносить все тяготы и лишения простых солдат. В этом было заложено противоречие, и император стремился изменить положение дел. Войска, которые мы видели в Старой Руссе и в других центрах военных поселений были в превосходном состоянии и ничем не уступали в выправке лучшим гвардейским частям.

Наконец, 13 июля мы прибыли в Царское Село, где стояли лагерем гвардейский батальон, не направленный к Дунаю, и вся первая кирасирская дивизия. Император устроил смотр этим войскам и, едва сойдя с лошади, вернулся в дорожную коляску с тем, чтобы выехать навстречу императрице, которую он сгорал от нетерпения увидеть. В двух станциях за Нарвой эта встреча состоялась, и мы вместе выпили чаю в почтовом доме.

Их Величества заночевали на ближайшей станции, я же получил разрешение продолжить путь и провести несколько дней со своей женой и детьми в Фалле — небольшом имении, строительство и обустройство которого занимало меня в равной степени. Там я провел несколько дней в величайшем счастье находиться в кругу семьи. Я занимался моим садом и всеми хозяйственными мелочами с тем большим воодушевлением, что мог посвятить этим занятиям всего несколько дней. За всю мою жизнь самыми счастливыми днями, которые излечивали меня от тягот большого света,

были те, которые мне удавалось провести в течение каждого лета в несколько приемов с моей женой и детьми в этом маленьком и красивом имении.

* * *

Зимой 1828–1829 годов турки очень редко беспокоили нашу армию. Они попытались атаковать наши аванпосты со стороны Козлуджи, но единственным результатом был отход наших часовых со своих постов. На Дунае, на противоположном его берегу со стороны Никополя Чапан Углу предпринял несколько слабых попыток атаковать под прикрытием занятого турками форта Кале. Для того, чтобы отобрать у него этот опорный пункт на левом берегу Дуная, под командованием генерала Малиновского несколько батальонов 5 дивизии были направлены занять Кале. В результате штурма ранним утром 13 января он овладел укреплениями. Там были захвачены 34 пушки, 400 пленных, а 300 человек было убито. В другом месте угрожавший Валахии форт Турно не стал дожидаться штурма и сдался сам со своими 48 артиллерийскими орудиями и всем гарнизоном в 500 человек. В устье небольшой реки Осма недалеко от Никополя всю зиму простояли 30 канонерских лодок, принадлежавших туркам. Сотне добровольцев под командованием майора Степанова было приказано уничтожить их. Это было выполнено так удачно, что 29 лодок из 30 были сожжены со всем своим содержимым. Так же, как Варна была необходима для нашей поддержки и снабжения по ту сторону Дуная, обладание укрепленным пунктом на берегу моря дальше Бялы укрепляло нашу позицию и придавало силу нашим будущим операциям после перехода этой горной гряды. С этой целью на другую сторону залива Бургас и в тыл горам Бялы был направлен адмирал Кумани, командовавший

тремя линейными кораблями, двумя фрегатами и несколькими легкими судами, на которые были посажены 1500 человек пехоты и 50 казаков. К большому удивлению турок он прибыл туда 15 февраля. Комендант крепости вскоре потерял волю к сопротивлению и, будучи обстрелян с кораблей, попросил о капитуляции. Но более тысячи албанцев, составлявших часть гарнизона, заняли передовые укрепления и заявили о своем желании защищаться. Пехота была высажена на берег и в штыковую атаковала занятый этими албанцами редут. Они оказали лишь слабое сопротивление, и наши солдаты овладели укреплениями и городом Сизополь, который паша и его генеральный штаб были вынуждены сдать на милость победителя. В городе были захвачены 11 орудий и некоторое количество продовольствия. Благодаря этому успеху флот обрел удобную стоянку, вдобавок расположенную на неприятельском берегу, а наша армия получила плацдарм по ту сторону гор. Были предприняты усилия по укреплению этого места для того, чтобы защитить его от любых попыток захвата. Оценив всю опасность потери Сизополя, султан приказал румелийскому паше вернуть его. Во главе 4 тысяч пехотинцев и полутора тысяч кавалеристов паша прямиком отправился на штурм города столь отважно, что более 250 из них нашли достойную смерть во рву и на стенах укреплений. Воспользовавшись первым удобным случаем еще во время штурма, командовавший нашими войсками генерал Вахтен организовал вылазку и в штыковой атаке бросился навстречу осаждавшим. В результате они были опрокинуты и полностью рассеяны. Таким образом, в европейской части была окончена зимняя кампания.

С наступлением весны все наши приготовления были окончены, и генерал Дибич покинул свою генеральную квартиру в Яссах. Войска приблизились к Дунаю почти

напротив Силистрии, где было собрано все необходимое для сооружения моста через эту реку.

В Азии блистательные успехи генерала Паскевича настолько запугали воинственные племена Кавказа, что, несмотря на все интриги их турецких единоверцев, они охотно признали власть российского государя. Первыми показали пример чеченцы и карачаевцы. Аварский шах принял присягу на верность за себя и за весь свой народ. Зимой генерал Эмманюэль был направлен в самые недоступные места Кавказского хребта, где храбрые черкесы, которые считали себя там недосягаемыми, со страхом увидели наши знамена на вершинах их поверженных скал. Убедившись в том, что ничто не могло сопротивляться русским штыкам, они покорились и в первый раз подчинились приказам главнокомандующего. Со стороны Анапы натухайцы сдались генералу Бескровному, лезгины Кахетии запросили пощады у генерала Раевского, который был послан их покарать, и табасаранцы покорились генералу Граббе.

Тем временем паша Эрзерума и паша Ахалциха, воспользовавшись передышкой, которую после стольких тягот предоставил их войскам граф Паскевич, собрали значительные силы. Им нужно было выполнить грозные приказы султана вновь овладеть округом Баязет и крепостью Ахалцих. Паша Эрзерума предпринял несколько атак, которые разбились о храбрость генерала Чавчавадзе и находящихся под его командой солдат. Паша Ахалциха во главе 20 тысяч солдат и значительного количества артиллерии яростно и стремительно атаковал укрепления Ахалциха, овладел пригородами этой крепости и с трех сторон начал общий штурм. Слабым гарнизоном крепости, состоявшим из неполного батальона полка графа Паскевича-Эриванского, роты херсонских гренадер и сотни донских казаков, командовал генерал Бебутов. Турки овладели укреплениями с замечательным мужеством,

но наши храбрые солдаты отбросили их с яростью отчаяния. После кровопролитного сражения, нанесшего потери обеим сторонам, штурм был отбит по всем пунктам. Турки не решились его возобновить и занялись осадой крепости. Крепость подвергалась обстрелу с 20 февраля по 4 марта, когда через снега и неисчислимые трудности прибыл отряд генерала Муравьева, включавший 7 батальонов, 18 пушек и полк казаков, и начал угрожать тылам осаждавшей армии. Турки быстро отступили, и их преследовал тот самый гарнизон крепости, который на протяжении двух недель не имел ни минуты передышки.

В это же время отряд в 8 тысяч турок под командованием паши Трапезунда пытался овладеть Гурией, находившейся под защитой генерала Гессе. Он не стал ждать прибытия неприятеля и всего с двумя тысячами человек вышел ему навстречу. Турки заняли хорошо защищенную естественными препятствиями позицию и в течение нескольких часов успешно оборонялись. Но, будучи атакованы в штыковую, бросились спасаться бегством, оставив более тысячи человек на поле сражения.

Наш средиземноморский флот под командованием адмирала Гейдена не нашел случая сразиться с противником, который после Наваринского сражения был почти выведен из строя. Флот смог принять участие в войне только блокадой на протяжении всей зимы входа в Дарданеллы. Эта трудная задача, которая даже английскими моряками считалась неисполнимой, была поручена адмиралу Рикорду, который справился с ней к большому удивлению всех специалистов, нанеся большой ущерб снабжению Константинополя. Блокада помешала привезти в Константинополь продукты питания из Египта и не позволила портам Малой Азии, как это всегда случалось, оказать помощь этой густонаселенной столице.

Таким образом, все усилия турок отобрать у нас зимой те преимущества, которые были завоеваны нами летом, оказались напрасными. Точно так же, все стремления и предсказания европейских правительств, горячо желавших успехов туркам и предвещавших нам поражение, рассеялись, как дым. Наши шансы на победу во второй кампании блистательно увеличились.

* * *

2 апреля граф Дибич открыл кампанию 1829 года, форсировав Дунай ниже Силистрии. Переправа была проведена с большими трудностями в связи необычайно широким разлитием реки. Он сосредоточил все силы в Черноводи и направился к Силистрии. Турки воспользовались зимним периодом для возведения оборонительных сооружений вне стен крепости, под их прикрытием они стойко защищали подходы к городу. Однако, благодаря умело направленным атакам, они сдавали одну позицию за другой. Полевые укрепления были захвачены силой, и началась правильная осада Силистрии.

В это же время генерал Рот собрал часть своего корпуса около Козлуджи. С этой стороны визирь собрал часть своих сил, вышедших из укрепленного лагеря под Шумлой. Он направился прямо на генерала Рота, который не успел собрать всех своих людей и рисковал быть разбитым. Но он видел свое спасение в неколебимом мужестве своих войск и в прибытии генерала Сухтелена, который во главе двух егерских полков положил конец неравному сражению, которое уже продолжалось несколько часов. Однако визирь только приостановил свои атаки, к нему прибыли свежие войска в количестве 10 тысяч человек, и он бросил всю свою пехоту против наших уже уставших в сражении батальонов. Уже три артиллерийских орудия попали в руки турок и один наш

батальон оказался отрезанным от остальных войск и был на грани истребления, когда храбрый полковник Лишин, увидев эту опасность, бросился с двумя батальонами во фланг неприятеля. Атака была столь стремительной, что породила беспорядок в неприятельских рядах. Остальные наши войска в свою очередь ударили в штыки, и визирь, который уже видел победу в своих руках, оказался вынужден оставить поле боя, покрытое трупами его солдат. Около 2 тысяч его людей погибло в этот день, продолжавшийся с 3 часов утра до 8 часов вечера. У нас был убит один генерал, почти все полковники получили ранения разной степени тяжести и более тысячи человек выбыли из строя.

Тем не менее, визирь, во что бы то ни стало, хотел использовать имевшееся у него перед генералом Ротом численное превосходство. После десятидневного отдыха он снова покинул свою позицию под Шумлой и во главе более, чем 40 тысяч человек, которые были собраны в 20 полков пехоты и в 6 полков регулярной кавалерии, в сопровождении многочисленной артиллерии двинулся к Праводам. Он начал правильную осаду. В тот момент, когда генералу Дибичу сообщили об этом маневре неприятеля, он не колебался ни минуты и в надежде принудить его к генеральному сражению двинулся с корпусом Петра Палена на соединение с войсками под командованием генерала Рота. Продолжение осады Силистрии было поручено генералу Красовскому. 24 мая у деревни Мадри оба корпуса соединились.

Визирь не знал о прибытии графа Дибича. Полагая, что этот маневр был предпринят частью корпуса Рота для создания угрозы его коммуникациям с Шумлой, в то время, как другая его часть защищает Праводы, он пожелал наказать такую храбрость. Прервав внезапно осаду, он со всей своей армией двинулся к Кулевчи. Там он убедился в своей ошибке и увидел перед собой целую армию. Из опасения потерять

свои коммуникации он остановился и отдал распоряжения о сражении, которого в прошлом году столь благоразумно удалось избежать его предшественнику, и которого мы так горячо желали. После внимательного изучения позиции противника граф Дибич дал сигнал к наступлению. Часть войск графа Палена, под командованием генерала Отрошенко направилась к высотам на нашем правом фланге. Но противник, не став дожидаться исхода этой атаки, покинул гребень горы и отступил в лесистую местность, находившуюся на противоположной стороне. Полк Иркутских гусар и полк Муромской пехоты поспешили занять только что оставленную позицию. Во время этого маневра открыла огонь замаскированная батарея противника, которая нанесла нам большие потери, пока установили наши пушки для ответного огня, и пока построенные в колонны два егерских полка готовились захватить ее. Едва они приблизились на расстояние выстрела, как были атакованы большим числом неприятеля, вышедшего из леса. Это остановило их продвижение. В то же мгновение другая масса неприятельских войск бросилась на авангард на нашем правом фланге и заставила его отступить. Бой шел уже в рукопашную и был очень кровопролитным. Для того, чтобы отступить, нашим пришлось пойти в штыковую. Один батальон Муромского полка погиб почти весь, но не отступил, 11 и 12 батальоны егерей были окружены и их атаковали со всех сторон. Полковник Севастьянов сам взял в руки знамя для того, чтобы воодушевить своих солдат, и построил их в каре. Напрасно генерал Отрошенко установил артиллерийскую батарею, которая разрывала неприятеля на куски, ничто не могло остановить его ярость. Появлялись новые войска, которые укрепляли уже уставших солдат.

Вскоре наш крайний левый фланг был атакован так же, как и правый, пехотой и частями кавалерии. В конце концов,

части нашего авангарда не выдержали превосходящего противника и огромного количества артиллерии и отступили. Турки с победными криками бросились вновь занимать свою первоначальную позицию. Воодушевленные этим успехом, турки спустились с горы и сделали вид, что будут атаковать нас по фронту, но на деле двинулись на наш правый фланг. Граф Пален направил им навстречу три пехотных полка под командованием князя Любомирского, которые в один миг были окружены и атакованы со всех сторон превосходящим противником. Но упорное сопротивление, оказанное повторявшимися атакам нападавших, дало время бригаде гусар и батарее полевой артиллерии прийти на помощь князю Любомирскому и несколько уменьшить численное неравенство сражавшихся.

Подвергнувшись атаке, турки умили свой пыл, но не оставили борьбу. Но вот уже они исчерпали свой первый порыв о ледяную и неколебимую стойкость наших батальонов и увидели, что не смогут проложить себе дорогу в этом пункте. Наконец, они прекратили атаки по всей линии и заняли свою первоначальную позицию на высотах, закрывая проход на Кулевчи. Через несколько часов битва закончилась, результатом ее было то, что противник был вынужден перейти от наступления к обороне.

Тем временем граф Дибич отдал приказ, и несколько батарей под командованием генерала Арнольди двинулись вслед 5 дивизии. С обеих сторон с новой силой возобновилась артиллерийская перестрелка. Сквозь кустарник наши стрелки приблизились к неприятельским флангам, батальоны построились в колонны для решительного наступления, прибывшая артиллерия изготовилась к бою и обстреляла картечью турецкие линии. Вскоре их ряды охватила паника, наши солдаты бросились в штыки и опрокинули всех, кто еще пытался сопротивляться их мужеству. Не потребовалось много времени

для того, чтобы атакованный со всех сторон неприятель превратился в охваченную ужасом массу людей, искавших свое спасение в бегстве. Оно оказалось столь стремительным, что сражение прекратилось и началось преследование врага. С несколькими сотнями кавалеристов визирю удалось спастись, и с наступлением темноты он добрался до города Шумлы. Остатки его огромной армии добрались по другую сторону Камчи до Балканских гор и рассеялись там, принеся собой ужас и отчаяние. На поле битвы остались более 5 тысяч турок, в наши руки попали: весь их лагерь, обозы, 43 орудия с боеприпасами, и шесть знамен. С нашей стороны потери были чувствительны — насчитали 12 сотен убитых и столько же раненных.

Первым следствием этой полной победы было падение крепости Силистрия, которая вместе с 252 пушками и всеми припасами сдалась генералу Красовскому. Он сразу же присоединил под Шумлой свои войска к победоносной армии Дибича. Сразу же по прибытии этого подкрепления генералы Ридигер и Рот овладели переправами через реку Камчи. Основная часть армии двумя колоннами следовала за ними, а корпус генерала Красовского был оставлен в Энибозарде для поддержки гарнизона в Шумле и для охраны наших коммуникаций. Неприятель предполагал, что все наши силы заняты осадой Шумлы и на Камчи оказал лишь слабое сопротивление.

Таким образом, в этом месте он был опрокинут без особого труда, и рассеялся по различным горным дорогам. Турки никогда не думали, что на вершинах высоких и труднопроходимых Балканских гор появится российский флаг, что он продолжит свое движение по равнинам с другой стороны, которые считались защищенными укреплениями, созданными самим господом богом. Удивление было столь полным,

что сопротивления не было. Наши солдаты были готовы к кровавым и безнадежным сражениям, но им приходилось бороться только с горными вершинами и походными трудностями. Балканы — эта неприступная преграда, которая на протяжении стольких лет останавливала наши успехи, были преодолены в походе, в котором даже усталость отступила перед славой и необычайными обстоятельствами, его сопровождавшими.

Полное удивления и успокоенное дисциплиной наших войск турецкое население в полном молчании наблюдало за продвижением нашей армии, видя в этом предначертание свыше. Христиане, греки, болгары и армяне бежали нам навстречу с хоруговьями в руках, словно прося нас занять эти места, где на протяжении веков не смели поднять Крест господень. Один за другим города открывали ворота нашему авангарду. Без единого выстрела были заняты Мессембрия, Бургас, Ахиола, Айдос, Сливно и Карнабад. Наконец, российский орел приблизился ко второй древней столице оттоманских владений в бывшей Греции городу Адрианополью. Взорам наших солдат открылся этот огромный город с красивыми мечетями, прекрасными садами и старинным султанским дворцом. Его вид воодушевил их мужество. Два высокопоставленных паши командовали там 12 тысячами регулярного войска, адрианопольский градоначальник располагал вооруженной милицией более чем из 15 тысяч горожан. Все предсказывало нам новую борьбу, достойную такого объекта завоевания. Казалось, что преимущество противнику дает и местность, и многочисленная артиллерия, и все те ресурсы, которыми располагает более чем 100 тысячный город.

Наша армия, располагавшая не более чем 25 тысячами солдат, стала лагерем в виду Адрианополя и ожидала сигнала к началу сражения. В город было послано предложение

о сдаче. Капитуляция города была предрешена неожиданным появлением нашей армии, чувством страха, принесенным беглецами после сражения у Кулевчи, и недостаточной согласованностью действий обеих пашей. Наши флаги появились перед этим городом 7 августа, а 8 августа они уже развивались в общественных местах Адрианополя, вокруг них толпилась огромная и спокойная толпа, удивленная видом русских победителей, которые заботились только о соблюдении порядка и о безопасности всех вокруг. Торговые лавки открылись вновь, установилось доверие, городские службы не были нарушены и их действие стало даже более четким, чем прежде. В указанное мусульманским законом время мечети заполнились верующими. Турки с трудом верили своим глазам, видя, как в центре Адрианополя они мирно живут под защитой своих многовековых врагов. Такое поведение явилось результатом нашей прекрасной и великодушной дисциплины, оно означало победу куда более важную, чем победу на поле сражения, оно обуздало даже религиозный фанатизм.

Регулярные турецкие части получили разрешение уйти после того, как сложили свое оружие. Милиция сложила оружие без малейшего сопротивления, все произошло в полнейшем согласии. В наши руки попали 60 артиллерийских орудий, некоторое количество продовольствия и военных припасов. Была организована полиция, состоявшая наполовину из русских, наполовину из турок. Уже на следующий день можно было бы сказать, что в Адрианополе ничего не изменилось, и что наши солдаты состояли на службе государя этого старинного и населенного города.

В тот же день, когда мы вошли в Адрианополь, флот захватил порт и город Иниада, расположенный очень близко от Босфора, а Демотика открыла свои порты.

Император собственноручно утвердил весь комплекс операций этой кампании. Он особенно настаивал на том, чтобы при первой же возможности была сделана попытка овладеть плацдармом по другую сторону Дарданелл с тем, чтобы координировать и объединить наши морские силы в Средиземном и Черном морях. С этой целью граф Дибич сформировал отряд под командованием генерала Сиверса и направил его к Эносу. Эта операция окончилась полным успехом. Как привидение Сиверс ускоренным маршем пересек всю ту местность, которая окружала Константинополь, и как по волшебству появился на берегу Средиземного моря. Он потребовал от крепости Энос открыть ворота, в которые он вошел без единого выстрела, и укрепил там российский флаг. Наши корабли под командованием адмирала Гейдена курсировали около Дарданелл, они увидели национальный флаг, свидетельствовавший о победах, и оказали помощь спустившимся с Балканских гор уланам и казакам. В этом соединении было нечто сказочное, что заставило дрожать Константинополь и Европу, которые уже были напуганы нашими успехами и ожидали скорого падения Османской империи.

* * *

В Азии граф Паскевич двигался и действовал как молния. Своим победоносным приближением он угрожал другой стороне Босфора. Еще несколько недель и Константинополь будет атакован нашими сухопутными армиями и со стороны Европы, и со стороны Азии, а наш флот перекроет проход из Черного моря в Средиземное. Он двинулся через скалистые горы Сагонлук с тем, чтобы опередить там неприятеля, который был утрачен этим стремительным и отважным маршем. Турецкий военачальник собрал всю свою армию

и приготовился к защите. 17 июня турецкий авангард, занимавший сильную позицию на местности, был атакован войсками полковника Фридерикса и после ожесточенного сопротивления был выбит штыковой атакой. Турок жестоко преследовал один татарский полк, сформированный графом Паскевичем, который обладал талантом закреплять в делах верность и преданность этих единоверцев мусульман. Во всех сражениях этой кампании они выказывали примеры самой замечательной отваги и доблести. Отступление этого авангарда открыло неприступную вражескую позицию, расположенную среди скалистых и непроходимых утесов. Главнокомандующий принял решение обойти ее, предпочитая кратковременно рискнуть безопасностью своих коммуникаций, чем произвести впечатление, что он испугался и медлит перед лицом врага. Трудным маршем через горные вершины и перевалы, еще покрытые снегом, он произвел свой маневр, сопровождаемый всеми многочисленными армейскими обозами, которые часто на руках пересекали горы и были спущены вниз. Неприятель был введен в заблуждение небольшим отрядом под командованием генерала Панкратьева, расположившимся на высоте, которая, казалось, угрожала его позиции.

После неисчислимых тягот и усилий на третий день 19 июня граф Паскевич осуществил свой маневр. Он обошел горы, занятые турками, и вышел на равнину, достаточно обширную для того, чтобы разбить лагерь и расположить в нем свои войска. В полдень граф Паскевич, дав солдатам только время для приема пищи, повел их прямо на врага, который со своей стороны спустился в долину с тем, чтобы предупредить нашу атаку. Сражение началось одновременно во всех пунктах. Турецкая кавалерия набросилась на наши каре со своей обычной яростью. Несколько

нападавших были проткнуты штыками в середине наших рядов и почти под носом у наших пушек.

И. Ф. Паскевич

Численное превосходство противника позволило ему окружить наш правый фланг, который не погиб только благодаря умело направленному огню нашей артиллерии. В то же время постоянно растущая масса кавалерии спустилась в долину, она атаковала и полностью окружила наш левый фланг, угрожая тылам всей нашей позиции. Много каре было атаковано с замечательным мужеством и стойкостью. Сражение приняло ожесточенный характер, турки были воодушевлены своим численным превосходством и без конца возобновляли свои усилия опрокинуть наши непоколебимые фаланги, которые, благодаря долгому опыту, привыкли к такому азиатскому напору. Тем не менее, еще ничего не было решено, в некоторых местах свалка достигла таких размеров, что грозила гибелью нескольким батальонам.

Тогда граф Паскевич, видя, что противник растянул свои силы по всей длине наших позиций, и, пытаясь проникнуть в наши тылы, распылил свои силы и утончил боевые порядки, приказал дать сигнал к атаке. Он сам стал во главе каре и двинулся в центр позиции с тем, чтобы прорвать и отрезать линию турок. В один миг ход сражения был изменен, разделенный в центре противник начал отступление. Половина направилась в сторону своего лагеря в 8 верстах от поля боя, другая половина пыталась защищаться позади оврагов и густого кустарника. Паскевич воспользовался этим движением для того, чтобы послать им вслед генерала Раевского во главе нескольких кавалерийских полков и 6 орудий полевой артиллерии. Им было приказано опрокинуть левый фланг врага и ускорить его отступление. Остальная часть нашей кавалерии под командованием генерала Остен-Сакена получила такую же задачу на правом фланге неприятеля. Вся пехота в это время выдвинулась в центре на расстояние выстрела.

Левый фланг был опрокинут генералом Раевским без особых усилий, победа на правом фланге стоила генералу Остен-Сакену больших потерь, но в результате неприятель так же был вынужден отступить перед храбростью нашей кавалерии. Турки соединились на высотах, защищенных скалистыми горами, подход к которым во многих местах был невозможен и везде был трудным. Но все препятствия были преодолены, и к 4 часам пополудни высота была заполнена нашими войсками. Артиллерия была захвачена, и противник отошел в свой лагерь.

Но вскоре появились новые войска, прибывшие из Эрзерума на помощь тем, которые были в лагере. Они насчитывали 20 тысяч человек и уже начали спускаться в долину, где наша армия только сражалась и одержала победу.

Граф Паскевич не колебался, он поручил наблюдение за убегавшими к своему лагерю турками генералу Панкратьеву, собрал свои усталые войска, отдал приказания на сражение и принял все необходимые предосторожности против повторной атаки со стороны вражеского лагеря. В шесть часов под барабанный бой он двинулся против новой армии, которая прибыла лишить его победы. Он разделил все оставшиеся в его распоряжении войска на три колонны. Первая должна была обойти левый фланг неприятеля, опираясь на высоту, которая должна была ей служить точкой опоры. Вторая должна была атаковать левый фланг, а третья, состоявшая из всей кавалерии, — двинуться прямо против центра турок. Эта диспозиция была полностью и успешно исполнена с быстротой и горячностью свежих войск, еще не побывавших в бою. Все три колонны прибыли к месту боя одновременно и, соревнуясь в храбрости, с самого начала прорвали линии пехоты и кавалерии противника.

Забыв об усталости и чувству близкую славу, все подчинялись командам своего молодого и горячего генерала. Неприятель был опрокинут и его преследовали со шпагой в руке на протяжении 30 верст почти до самого наступления ночи. В ходе этого блестящего преследования в наши руки попала артиллерия, обозы, военные припасы, часть оружия и лошадей. Неутомимый Паскевич дал солдатам только несколько часов для отдыха и уже в 9 утра следующего дня появился в тылу того лагеря, куда накануне отступила разбитая им армия. К этому времени турки едва успели узнать о полном поражении войск, пришедших им на выручку.

Тем временем, находившиеся в своем лагере турки использовали ночь для того, чтобы развернуть фронт и укрепить свою новую позицию. Казалось, что скалы, пропасти и несколько возведенных наскоро укреплений предоставили

туркам в их тылу почти такие же преимущества, какими природа наделила их лагерь с фронта, и которые Паскевич ранее посчитал непреодолимыми.

Наша позиция так же была выгодной. С обеих сторон артиллерийская канонада началась, едва наши войска успели занять свою позицию. Она прервалась на некоторое время турецким трубачом, который сделал несколько предложений о капитуляции. Но была возобновлена даже до того момента, когда турки получили наше ответное требование сложить оружие перед нашей армией. Не теряя времени, Паскевич сформировал 5 колонн и приказал начать штурм. Он лично возглавил колонну, атаковавшую центр, другие получили приказ овладеть флангами. Первая колонна быстро проникла в лагерь и овладела пушками, остальные тот час же последовали за ней. Пораженный такой отвагой противник обратился в бегство, бросив весь лагерь, обозы и воинское снаряжение. Его преследовали на перевалах, среди скал и в лесах, которые вскоре скрыли его позор и остатки его солдат. 1200 человек попали в плен, более 2000 остались лежать на поле боя, а их командующий Хаки-паша был настигнут и захвачен со всей своей свитой линейным полковником казачьих войск Верзилиным.

Таким образом, за три дня граф Паскевич пересек горы, которые считались непроходимыми, разбил две армии, захватил все их имущество и рассеял более 60 тысяч человек. В Малой Азии, которую противник должен был защищать, больше не было преград для наших знамен, а страх перед нашими армиями был донесен беглецами до самых берегов Босфора.

Воспользовавшись внушенным им ужасом, граф Паскевич направил генерала князя Бековича овладеть Хоросаном, где он захватил большое количество продовольствия и военных припасов.

Дав войскам на отдых только сутки, главнокомандующий во главе своего авангарда направился к Гасан Кале, важной крепости по дороге в Эрзерум. После форсированного марша он появился там около 9 часов вечера. Устрашенный комендант сбежал, и ворота крепости вскоре были открыты. На защитных укреплениях стояло 29 пушек крупного калибра, а на складах лежало большое количество боеприпасов и провианта. Но особую ценность захвату Гасан Кале придавало то, что его можно было рассматривать как ключ к Эрзеруму, этому главному центру всей богатой и густонаселенной Малой Азии.

25 июня вся армия собралась в лагере перед этой крепостью. Этот день, годовщина рождения императора Николая, был отмечен благодарственным молебном в честь недавно одержанных побед и во славу этого, столь дорогого для России праздника. Граф Паскевич устроил парад своей небольшой славной армии и собрал за торжественным обедом всех войсковых командиров. Как раз во время застолья из Эрзерума пришла весть о том, что мусульманские священнослужители и жители города готовы покориться, несмотря на угрозы турецкого командующего и сопротивление войск. В ту же минуту весь лагерь был поднят и Паскевич, не желая терять время, и с целью устрашить турецкого военачальника немедленно направился в путь и на утро следующего дня оказался перед Эрзерумом. К нашим войскам из города подошли двое: представитель горожан и парламентар командующего войсками с просьбой о перемирии с целью окончательного выяснения судьбы города между теми, кто был готов сдаться, и теми, кто требовал сражения. Паскевич направил их обратно в сопровождении генерала князя Бековича, а тем временем приказал занять позицию на расстоянии пушечного выстрела от городских стен. Турки открыли артиллерийский огонь, их кавалерия вышла из города с тем,

чтобы отбросить наши пикеты. Ряд небольших пристенных укреплений, прикрывавших подходы к воротам, были взяты штурмом несколькими ротами егерей.

Тем временем, турецкий военачальник знал, что к нему ускоренным маршем идет подкрепление, он ободрил свои войска и сдерживал горожан. Сражение разгорелось, наша артиллерия своим яростным огнем сеяла в городе ужас и, тем самым, укрепила позиции тех, кто призывал сдаться. Наконец, они одержали верх, и к нам с депутацией прибыл гражданский градоначальник, который попросил прекратить сражение и принес ключи от городских ворот. Тогда с нашей стороны огонь был прекращен, и войска вошли в город, не обращая внимания на несколько пушечных и ружейных выстрелов, которые были сделаны в беспорядке убегавшими войсками. Прибыв в центр города, мы увидели, что крепость отказывается сдаваться. Но как только гарнизон заметил, что мы готовимся силой принудить его к этому, сложил оружие. Таким образом, 27 наших знамен уже развивались над Эрзерумом. Трофеями этого дня стали: главнокомандующий турецкими войсками в Азии, два паши, 150 артиллерийских орудий, разнообразное снаряжение и припасы, собранные в этом опорном пункте страны. Возмещением усталости и отваги, которые проявил граф Паскевич, стали также и все те удобства и запасы, которые смог предоставить армии 100 тысячный город с богатой торговлей. Занятие города сделало Паскевича хозяином положения, не было больше ни войск, ни командиров, которые могли сопротивляться его власти. Крепости и города Ризе и Байбурт сдались при приближении отрядов, направленных для их оккупации.

В то время, когда граф Паскевич сражался и разбил армии под командованием турецкого главнокомандующего, у него в тылу один паша по собственной инициативе собрал солдат. 19 июня во главе 9 тыс. пехотинцев и 5 тыс.

кавалеристов он неожиданно появился перед Баязетом, который наши войска заняли еще в ходе кампании 1828 года. Турки бросились на штурм с необычайной отвагой, находившиеся за пределами города укрепления были ими захвачены. Наши солдаты отбивали их четыре раза. В пригородах дрались за каждую улицу и за каждый дом. Правовверные жители были воодушевлены появлением их единоверцев, они взялись за оружие и с крыш своих домов обстреливали наших солдат. Наконец, после целого дня борьбы с яростным и столь превосходящим в числе противником, наш слабый гарнизон был вынужден оставить город и собраться в крепости. В течение десяти последующих дней турки пытались штурмовать стены этого последнего убежища наших храбрецов. День и ночь с обеих сторон продолжалась артиллерийская канонада, часто приходилось в штыковую отражать бесконечные атаки жителей города и турецких войск. Горстка наших людей под командованием генерала Попова изнемогла от усталости и нехватки продовольствия, которое они были вынуждены оставить в городе вместе с другими припасами и частью их военного снаряжения. Большая часть людей была убита или ранена, но никто не помышлял о сдаче. Все были полны решимости умереть до последнего. Паша узнал о поражении армии главнокомандующего и о занятии Эрзерума. Он видел непреодолимое упорство русских, которое уже стоило ему более 2 тыс. человек. Наконец, он решил оставить развалины Баязета, которые окружали крепость.

Тем временем противник запланировал реорганизовать часть своих войск и с их помощью помешать быстрому продвижению графа Паскевича. Неприятельские силы были собраны на дороге от Трапезунда к Байбурту. Занимавший этот город во главе 7 пехотных рот полковник Бурцов, следуя только своей невероятной отваге, взял 5 рот и единственный кавалерийский татарский полк и направился навстречу

врагу. Без колебания он бросился в атаку, несмотря на развернувшуюся перед его слабым отрядом массу противника в 10 тыс. человек. После первого же залпа он был повержен, а его люди были вынуждены отойти. Прекрасная выучка наших солдат внушила туркам уважение, и они даже не осмелились их преследовать.

Графа Паскевича уведомили о появлении этого нового врага, и он лично направился его разбить. Он нашел врага в сильно укрепленной позиции, находившейся в лесистой местности, которая всегда в сражении давала преимущество азиатам. Две тысячи лазийцев из самых воинственных азиатских племен защищали укрепленную лощину, их поддерживали четыре тысячи других воинов под защитой завалов и рвов. Сражение продолжалось двое суток и стало одним из самых кровопролитных. Солдаты бились в рукопашную, без конца нападали и отбивали атаки. Лазийцы от безысходности защищались до конца с кинжалами в руках. Их перебили почти всех, но, только, перешагнув через их трупы, наши уставшие солдаты завладели полем боя. Это сражение стоило нам многих людей, в особенности хороших офицеров, которых везде убивали первыми.

Другая часть неприятеля была сформирована в окрестностях небольшой крепости Гуми Гане. Против них был послан полковник Симонич. Противник оказал лишь слабое сопротивление, и крепость открыла свои ворота. С другой стороны генерал Гессе атаковал и опрокинул восьмитысячный корпус, который был образован на нашем левом фланге в лесах Мута Эстад.

Стыдясь своих поражений и горя желанием их исправить, турецкий главнокомандующий проявил необычайную активность по набору и формированию новой армии. Это ему удалось, и он собрал ее в Байбурте, который граф Паскевич

был вынужден оставить в связи с тем, что ему приходилось защищать слишком много точек. Он не желал еще более ослаблять свою армию, численность которой и так сократилась до 15 тыс. человек. Едва узнав о появлении этого нового неприятеля, граф Паскевич двинулся прямо на него, построившись в две колонны. Одной командовал он сам, другую вел генерал Потемкин. Он встретил врага перед Байбуртом, там он построил свои войска в три колонны: центральная состояла из пехоты, правая — из регулярной кавалерии, левая — из казаков и мусульманских полков. Атаку начала центральная колонна при поддержке всей артиллерии. В полном порядке неприятель отступил с первой линии обороны во вторую, которую его тоже заставили покинуть. В этот момент регулярная кавалерия бросилась вперед с тем, чтобы отрезать неприятеля от города. Турки бросились в приготовленные заранее укрепления, но наша кавалерия их окружила и тем самым отрезала от их кавалерии. Турки устремились в город, где их преследовали наши батальоны. Сражение развернулось на улицах и в домах, но не было длительным. Неприятель подвергся яростному преследованию, он потерял 6 пушек, более 1300 человек было взято в плен.

В это же время отряд под командованием князя Аргутинского-Долгорукова в открытом поле разбил большую часть турецкой кавалерии у крепости Карс. После первых атак неприятель сдался на милость победителя. Эта блестящая кампания была прервана только официальными известиями о том, что в Адрианополе начались переговоры о мире. Турецкий главнокомандующий попросил о перемирии, и граф Паскевич был вынужден прервать цепь своих побед.

* * *

Со своей стороны черноморский флот способствовал мереу своих сил успехам этой кампании. Он обстреливал

крепости, расположенные на азиатском и на европейском берегах, захватил многие транспортные суда, разрушил, в том числе и на верфях, вражеские военные корабли. Однако, к несчастью, ему не представилось столь желанная возможность дать морское сражение. Находясь на рейде Сизополя, наш флот выжидал этого момента, послав сторожевые корабли постоянно курсировать перед входом в Босфор. Наконец, турецкая эскадра под командованием Капудана пашы, состоявшая из 18 судов, пять из которых были линейными кораблями, вышла из пролива. Капитан Казарский, командовавший 18 пушечным бригом «Меркурий», увидел силы неприятеля и направился передать эту новость адмиралу Грейгу. Однако, слишком слабый ветер не позволил ему идти полным ходом. Капудан паша направил к нему два корабля, один нес 110 пушек, другой — 74. Тогда капитан устроил совет со своими офицерами, самый молодой офицер штурман Прокофьев взял слово первым и заявил, что, по его мнению, надо взорвать корабль. Это суждение было единодушно одобрено, капитан Казарский сообщил о нем экипажу, сказав, что после схватки до последней возможности, когда все способы спасения будут исчерпаны, последний оставшийся в живых офицер направит бриг на таран одного из турецких судов, взорвав тем самым оба корабля. С этой целью недалеко от порохового погреба будет лежать заряженный пистолет. Экипаж криками «Ура!» поддержал это решение, все приготовились к сражению и к неминуемой смерти.

Оба крупных турецких корабля уже использовали свои атакующие орудия, и, получив быстрый ответ малых пушек русского фрегата, приблизились к нему. Они обстреляли его двумя рядами своих орудий каждый, после чего приказали бригу сдаться. Ответом наших моряков был крик «Ура!» и залп из всей пушек и ружей. Удивленные такой храбростью

турки обстреляли их слабый корабль картечью, но неустрашимый Казарский продолжал защищаться и вести свой огонь столь умело, что турецкий трехпалубный корабль вышел из боя и спустил паруса. Вскоре его примеру последовало и 74 пушечное судно. Оба они имели повреждения в такелаже, и им было стыдно продолжать этот поединок. Бриг «Меркурий» был буквально прошит ядрами, более половины членов экипажа были убиты или ранены. Наконец, после почти двухчасового сражения на виду у всего турецкого флота он смог уйти. На следующий день весь израненный, и еле держась на воде, но как победитель этот корабль появился перед нашим удивленным флотом. Через три года, когда этот бриг был послан в Константинополь, турки оказали ему воинские почести и устроили его экипажу праздник. Император наградил его георгиевским флагом (вымпелом), назначил Казарского своим адъютантом и наградил почетным оружием в честь этого подвига. Все офицеры и матросы были также щедро вознаграждены. К несчастью на фрегате «Рафаил» не было столь решительного капитана, как Казарский. Будучи окружен турецкой эскадрой, он спустил флаг и стал добычей капудана паши, который вернулся в Босфор.

Победы Паскевича в Азии, взятие Кулевчи, захват Адрианополя и Эноса на средиземноморском побережье, блокада нашей эскадрой Дарданелл, действия нашего черноморского флота, мешавшего проходу через Босфор, столько побед с нашей стороны и столько же неудач со стороны султана породили отчаяние и чувство поражения в Константинополе, и ужас в правительстве. Беспокойство народа, угрозы янычарских частей, все предвещало падение Оттоманской империи, а, возможно, и кровавую национальную революцию. Это поколебало верховную власть и находившийся в Константинополе дипломатический корпус.

В этот момент прибыл посланный королем Пруссии генерал Мюфлинг, который привез от императора Николая предложения мира и доказательства умеренности его требований. Диван увидел свое спасение в переговорах и стал умолять дипломатический корпус о поддержке. Дипломаты боялись за самих себя, если бы взбудораженное население подняло бунт, и хотели всеми способами развеять грозу, которая собиралась над их головами, а также угрожала существованию империи, столь важной для европейского равновесия. Они решились направить к графу Дибичу депутацию с призывом остановить продвижение войск и, тем самым, предотвратить разрушение Константинополя и, возможно, падение султана. Главнокомандующий ответил, что не может принять посредничество ни одной из иностранных держав, но так как желанием императора является мир и сохранение

Прусский посланник в Константинополе генерал Мюфлинг

Оттоманской империи, он прекращает свое продвижение и сам предлагает этот мир, как единственное желание своего государя.

Вот так случилось, что по просьбе послов европейских дворов, наши победоносные армии остановились. Опасение революции в Константинополе, которая могла поколебать трон султана, предотвратило последние удары, которые война нанесла бы его могуществу. Только желание, необходимость сохранить империю полумесяца помешало нашему движению на город, носивший имя Константина. Именно оно при полной готовности с нашей стороны остановило военные действия, началу которых столь способствовали эти же самые европейские послы, разжигая решительность, алчность и враждебность султана. Именно эти кабинеты в 1828 году кричали об амбициозных планах императора Николая, они предсказывали в 1829 году триумф турок, которому заранее радовались. Все их крики, интриги и предсказания разбились о твердую волю императора и о храбрость наших войск. Все их опасения остались беспочвенными перед умеренностью, мудрыми распоряжениями и предвиденьями императора. Голос этих посланцев европейских дворов был услышан только тогда, когда падение Турецкой империи оказалось в руках наших главнокомандующих в Азии и в Европе, он взывал к милости и к поддержке наших врагов.

Император предвидел, что, в конце концов, султан убедится в проигрышности своей позиции, и попросил мира. Он направил в главную квартиру графа Алексея Орлова и графа Палена для того, чтобы граф Дибич смог уполномочить их на ведение переговоров. Условия мира были составлены в кабинете императора, и были такими, как он о них объявил при открытии кампании. С турецкой стороны переговоры вели башдефтердар Мехмед Садык Эфенди и анатолийский кази Абдул Кадыр Бей. Переговоры проходили

в главной квартире нашей армии в Адрианополе. Они велись энергично, несмотря на все трудности, порожденные коварной турецкой политикой и ревнивым влиянием английского, французского и австрийского послов, направленные на их затягивание и срыв мирного урегулирования. Но инструкции из Петербурга были вполне определенными, и ничто не могло помешать их выполнению.

В Европе Россия возвращала все свои завоевания без малейшего ограничения. В Азии линия проводилась по грузинской границе от Черного моря до начала Имеретии, а справа — до того места, где граница пашалыка Ахалциха и Карса соединяется с Грузией, таким образом, что город Ахалцих и крепость Ахалкалаки оставались к северу от этой разграничительной линии. Территории, оставшиеся к югу от этой линии, возвращались Порте, а те, что находились к северу и к востоку, включая берег Черного моря от устья реки Кубань до порта Святого Николая включительно, присоединялись к Российской империи.

Привилегии княжеств Молдавии и двух Валахий должны были быть определены общим соглашением между кабинетами Санкт-Петербурга и Сералем. Порта обещала выполнить все обязательства по отношению к Сербии, взятые ею на себя еще по Аккерманскому договору. Турки предоставили самые выгодные условия российской торговле и русским купцам. Порта обязалась выплатить России возмещение в один миллион пятьсот тысяч голландских дукатов за потери, понесенные нашими торговцами до разрыва 1828 года. Турция приняла на себя обязательство возместить нам расходы, которые мы понесли по ведению несправедливой войны, начатой ею.

Порта признала независимость Греции в соответствии с договорами по этому вопросу, заключенным между Россией, Францией и Англией.

Порта уступала княжествам Молдавии и Валахии территории, на которых были возведены крепости по левому берегу Дуная, и обещала никогда не восстанавливать здесь крепостей. Оба княжества останутся в качестве залога под нашей оккупацией, пока суммы возмещение военных расходов не будут уплачены в согласованный срок. В крепости Силистрия останется русский гарнизон до полной эвакуации наших войск из Молдавии и Валахии.

После подписания договора граф Орлов был направлен в Константинополь для восстановления наших политических отношений и для того, чтобы убедиться в исполнении этого важного договора. Ему удалось сделать даже больше, чем можно было ожидать, он очень понравился султану, он завязал связи с руководством турецкого правительства. Ему даже удалось договориться с иностранными представителями, которые еще были ошеломлены нашими успехами, а еще больше — той умеренностью и лояльностью, с которыми мы этими успехами воспользовались.

Наши войска ушли из Адрианополя, вновь перешли Балканы, Дунай снова стал границей между Россией и Турцией. Все вернулось к тому порядку, который был нарушен войной, принесшей новые лавры армии империи, показавшей в полной мере, несокрушимую мощь и мудрую умеренность императора и унизившей полумесяц. Наконец, после полутора веков военного соперничества, жертв и побед, война смирила самого ожесточенного врага России, могущество которого недавно заставляло дрожать Европу, и который остановил победное продвижение Петра Великого.

* * *

Пока в Азии и по ту сторону Балкан происходили эти великие события, в Петербурге разворачивался спектакль,

главным участником которого был персидский принц, посланный шахом для того, чтобы у подножия императорского трона вымолить прощение за убийство нашего посла в Тегеране. Это был любимый сын Аббаса-Мирзы и законный наследник персидской короны Хосров Мирза. Его сопровождала многочисленная свита, и от самых наших границ по эту сторону Кавказа ему были оказаны все почести, приличествующие его положению. В первых числах августа ему была дана торжественная аудиенция. В Георгиевском зале, где дежурили дворцовые гвардейцы, были собраны и стояли по обеим сторонам зала весь двор, свита императора, гвардейские генералы и офицеры, вельможи и знатные дамы всего города. Император и императрица стояли на ступенях трона. Молодого принца и его свиту ввел главный церемониймейстер. После троекратного приветствия императора, у которого он прибыл от имени отца испросить прощения, он зачитал свою речь со всем чувством, которое предписывалось целью его слов и присутствием высокого собрания, которое его слушало. Ответ вице-канцлера графа Нессельроде от имени императора был выдержан в самых дружеских и успокоительных тонах с целью поддержания добрых отношений между двумя империями. Затем было сделано все для того, чтобы сделать пребывание принца в Петербурге приятным, его окружили уважением, удовольствиями и особенно предупредительностью двора, даже включая членов императорской фамилии. Он посетил все общественные учреждения, театры, солдатские казармы, участвовал в парадах и в небольших маневрах в окрестностях Царского Села. Он и вельможи его свиты получили подарки, достойные его знатного происхождения и того, кто подарил их. Он уехал в восторге от своего пребывания и был особенно удовлетворен возобновлением добрых отношений между Персией

и Россией, которые укрепил его приезд. Посланные еще императором Александром в качестве подарка Аббас-Мирзе 12 артиллерийских орудий, которые были захвачены нашими войсками в боях последней войны, были заменены таким же количеством орудий лучшего качества и включены в число подарков и направлены в Тегеран отцу принца-посланника.

К концу осени после обмена с султаном грамотами о ратификации мира, император собрал в местечке Царицын Луг все войска, составлявшие гарнизон Петербурга и его окрестностей. В отсутствии большей части гвардии, которая только вышла из Тульчина для возвращения в Петербург, они составили важную часть нашего войска. В центре площади на высокой и просторной площадке был построен алтарь для членов императорской фамилии и всего двора. Его ступени были украшены захваченными в Азии и в Европе турецкими знаменами. Вокруг лицом вовнутрь в форме большого квадрата выстроились колонны войск. По команде императора были сняты головные уборы и отслужили благодарственную молитву. Огромная толпа окружила площадь и присоединилась к воинским молитвам. После окончания церковной службы пушечные выстрелы и крики «Ура!» как поставленная насильно печать скрепили поддержание этого завоеванного силой мира. После этого войска прошли перед императором парадным маршем, а несколько сотен турецких знамен навсегда поместили в полковую церковь Преображенского полка, которую с этих пор снаружи украшали крупнокалиберные пушки, захваченные во время этой памятной войны⁴.

⁴ Помета рукой Николая I: «Это неверно. Они были захвачены в Варне и дарованы мной полякам в память о гибели в этот момент под Варной короля В<неразб>... Через год поляки повернули их против нас. Гвардия захватила их вновь, и я передал их тем, кто два раза, благодаря собственному мужеству, сумел захватить их».

С началом зимы появились проекты развлечений и удовольствий, но, к сожалению, в первых же числах ноября император опасно заболел. В первые дни, когда еще не ясна была тяжесть заболевания, все были столь уверены в силе его здоровья, что даже во дворце обнаруживалось только лишь легкое беспокойство. Но на третий день болезнь столь быстро усилилась, что врачи были испуганы и потребовали созвать консилиум. Тревога распространилась во дворце и вслед за ним и во всем городе. Вход в комнаты, где отдыхал больной, был запрещен для всех, люди толпились в дворцовых залах, чтобы узнать последние новости и расспросить врачей и личную прислугу. Страх перед несчастьем превосходил его вероятность, все дрожали при мысли потерять государя, столь необходимого для счастья и славы империи.

С покрасневшими глазами и со своей ангельской добротой императрица время от времени выходила из комнаты своего супруга для того, чтобы успокоить нас и узнать о тех новостях, которые можно было бы сообщить больному. За несколько дней нервная лихорадка истощала все физические и моральные силы императора. Врачи были в величайшей тревоге, и не скрывали ее от меня. По несколько раз на день я видел императрицу и восхищался ее неустанными заботами за императором, которого она не оставляла ни днем, ни ночью. В то же время, в тех случаях, когда мне приходилось опираться на ее мнение, я восхищался ее справедливыми суждениями в делах, которые часто ей приходилось разрешать. Наконец, после двенадцати дней страха, надежды и беспокойства, которые лучше, чем что-либо другое, доказывали искреннюю преданность императору, врачи констатировали выздоровление. Но выздоровление медленное, с возможными рецидивами болезни при малейшем

нарушении режима или малейшем волнении. Именно это нам много раз повторили, прежде чем разрешили увидеть императора.

Персидский принц Хозрев-Мирза

Первым такое разрешение получил князь Александр Голицын, при условии не говорить о делах. Я был вторым, кого ввели в его спальню, и был страшно потрясен ужасной переменой, которая произошла в чертах его лица. В них были видны страдание и слабость, он похудел до неузнаваемости. Он спросил меня о случившихся новостях. Надо было показать свое удовлетворение от его любопытства, но не проронить ни одного слова, которое могло бы заставить работать его мозг, или зародить у него какую-либо заднюю мысль. Эта встреча была трудной и длилась более часа. Они стали повторяться через несколько дней, то по утрам, то по вечерам в зависимости от того, когда врачи считали его менее

усталым и раздраженным. Наконец, стало очевидно, что он выздоравливает, к нему вернулся аппетит, он стал все более настойчив при решении деловых вопросов.

Однажды утром граф Петр Толстой, который еще не имел случая видеть императора, был к нему вызван. Император спросил его о последних новостях. Будучи предупрежден заранее, он простодушно ответил: «Ничего, сир. Английский фрегат вошел в севастопольский порт». Краска залила лицо императора, он затрясся от гнева от этой наглости англичан, которые посмели войти в Черное море, и от глупости турок, которые им это разрешили. Он немедленно вызвал министра иностранных дел графа Нессельроде и морского министра князя Меншикова. Надо было подчиняться. Оба прибыли в бешенстве от неосторожности графа Толстого, которая могла угрожать здоровью императора и нашим внешнеполитическим отношениям. Они нашли императора в ярости, он отдал им ясные приказания: одному — немедленно отправить один линейный корабль и один фрегат пройти через Босфор, другому — потребовать у Англии объяснений. Курьеры должны были отправиться в тот же день.

Выйдя от императора, оба министра начали обсуждать, каким образом выполнить столь резкие приказания, и к каким последствиям могло привести их исполнение. Но нужно было подчиняться безотлагательно. К счастью, к тому моменту, когда весть об отъезде обоих курьеров прибыла к императору, который пожелал сразу же узнать об этом, лихорадка, вызванная этим волнением, несколько уменьшилась. От графа Толстого все отвернулись, он стал предметом всеобщих упреков и впал в безысходность от своей неосмотрительности. Удачей было и то, что не успевшему еще уехать из Константинополя графу Орлову удалось найти ловкий способ провести линейный корабль

и фрегат через Босфор, не оскорбив при этом турецкого достоинства. Лондонский кабинет также дал нам полное удовлетворение, сделав выговор своему представителю в Оттоманской Порте, и уволив со службы капитана злосчастного фрегата. Таким образом окончилось это дело, столь малозначимое само по себе, но которое могло повлечь за собой важные последствия и неисчислимые осложнения, как с Константинополем, так и с Англией.

Здоровье императора полностью восстановилось, и все дела пошли обычным порядком. В течение зимы гвардия вернулась в Петербург, и балы возобновились, как и всегда.

В Европе все казалось спокойно, с нашими соседями Персией и Турцией были решены все вопросы. Между всеми кабинетами царило полное понимание. Раздражение и ревность, которые существовали против России, когда в ней желали видеть только стремление к завоеваниям, рассеялись перед лицом умеренности и лояльности императора. Он протянул руку побежденному им противнику, как только тот оказался перед угрозой распада в результате народных волнений и происков янычар.

Наконец, перед императором открылась долгожданная возможность полностью посвятить себя управлению и внутренним улучшениям в его огромной империи. Со дня своего вступления на престол он создал комитет под председательством графа Кочубея для выработки, обсуждения и предложения ему различных изменений в положении различных слоев, в особенности того, который составлял добрую треть государства. С еще большей энергией он предпринял кодификацию законов. Эта работа, которую часто начинали со времен императрицы Елизаветы до Александра, но она всегда прерывалась, привлекла все внимание императора Николая.

К концу января в Петербург прибыло чрезвычайное посольство одного из ближайших сподвижников султана Халил-паши. Его целью было продемонстрировать искренность и добрые отношения, восстановленные между двумя империями. Он был особо уполномочен высказать императору благодарность за благородство и умеренность, выраженные им при заключении условий мира, который должен был быть длительным, а также призван был исключить новые предложения для разрыва отношений. Халил-паша высадился на берег в Одессе, где ему как послу были оказаны все почести. Точно также произошло и в Петербурге, где ему была приготовлена прекрасная резиденция и большое количество домов. Все его расходы были оплачены нашим правительством. В Георгиевском зале во всем блеске двора император дал ему публичную аудиенцию. Поведение Халил-паши было простым и благородным, всем пришлось по душе его манеры, его желание понравиться и соответствовать обстоятельствам. Только его наряд всех шокировал. По капризу султана вместо живописной национальной турецкой одежды на нем был длинный и нескладный плащ, вместо красивого азиатского тюрбана у него на голове был темно-красный колпак с неуклюжей кисточкой. Он казался смущенным и пристыженным этим переодеванием, которое было весьма мало популярно в Турции.

Вместо того чтобы в дни кризисов сближаться со своим фанатичным народом, султан нарочито отдалялся от него в обычаях и даже в одежде. Халил-паша посетил все столичные учреждения, каждый день появлялся на парадах, посещал частные собрания, театры. Он казался удовлетворенным той предупредительностью и теми обедами, которые ему устраивались одними на зависть другим. Он был тронут

добротой императора, для его государя ему были переданы великолепные подарки самых разных видов. Он сам и члены его свиты также получили знаки императорского благоволения.

Императора всегда заботило все то, что могло быть полезно развитию нации. Он был убежден в том, что только образование может обеспечить ее развитие, и выделил значительные суммы денег для создания по всей империи кадетских корпусов. До этого они были только в Петербурге и в Москве. Но ежегодное увеличение нуждавшейся в более заботливом образовании молодежи превосходило имевшиеся на местах возможности в его получении. Тогда было решено, что в Полоцке, в Новгородской губернии немедленно начнется работа по созданию новых кадетских корпусов, таких же, какие существовали в обеих столицах. Здания, которые в Полоцке до этого принадлежали иезуитам и их учебному заведению, были предназначены для этого нового и полезного дела. В Новгородской губернии для этой же цели были выделены построенные с большими трудами здания, предназначавшиеся для штаб-квартиры гренадерского полка в военных поселениях. В других местах немедленно началось строительство и приготовление всего необходимого для размещения сотен молодых людей. Это новое доказательство заботы государя произвело самый замечательный эффект в стране. Родители были довольны тем, что их дети станут воспитываться недалеко от них, вместо того, чтобы, как это было раньше, везти их на другой конец империи и разлучаться с ними, как это часто случалось, вплоть до конца их обучения.

В первые дни марта я имел честь сопровождать императора в военные поселения гренадер. Там в прекрасных манежах он осмотрел множество полков, посетил госпитали и еще не оконченные сооружения, а затем он вернулся

в Новгород с тем, чтобы оттуда направиться в Петербург. Поблагодарив генералов, мы сели в сани, но вместо того, чтобы направиться по дороге, ведущей в Петербург, император приказал кучеру повернуть на дорогу в Москву. Я был крайне удивлен этим скорым и неожиданным решением, которое противоречило ранее отданным приказаниям. Императора позабавило мое удивление, он сказал мне, что поставил в известность только императрицу с тем, чтобы его планы были неизвестны окружающим, и стали полной тайной и неожиданностью для Москвы. Мы двигались без единой остановки и меньше, чем через 34 часа наши сани остановились перед входом в Кремлевский дворец. Было 2 часа утра, дворец и город были погружены в глубокий сон. Для дворцовой прислуги наше появление показалось сновидением, мы едва раздобыли свечей, чтобы осветить спальню императора. В полной темноте он прямоком направился помолиться в дворцовую церковь. Затем он отдал мне распоряжения на следующий день и лег спать на кушетке. Я приказал найти главного полицейского начальника, который прибыл в ужасе от моего внезапного приезда, и остолбенел, когда я сказал ему о том, что император отдыхает в комнате над моей спальней. Вслед за ним один за другим приходили комендант, распорядитель двора, шталмейстер, служащие, полицейские. У всех их был очень меня позабавивший ошеломленный вид, и они не дали мне сомкнуть глаз всю оставшуюся часть ночи. Сопровождавший императора в военных поселениях брат императрицы принц Альберт прибыл в Москву на сутки раньше нас, но он был не менее других удивлен, когда его разбудили известием о том, что император в Москве.

В 8 часов утра я приказал вывесить над старинным дворцом императорский штандарт, и вскоре главные кремлевские колокола в сопровождении общего перезвона сообщили

о пребывании императора всем жителям древней столицы. Со всех сторон стали собираться толпы народа, приезжали экипажи. Все толпились, поздравляли друг друга, спрашивали себя о причинах столь неожиданного приезда, вокруг царило радостное удивление. Вид главной площади перед дворцом являл собой нечто совершенно необыкновенное. Это оживление могло бы показаться народным недовольством, если бы отразившиеся на каждом лице радость и уважение, напротив, не свидетельствовали о национальном счастье. В 11 часов на площади было столько народу, сколько она могла вместить. Все взгляды сконцентрировались на дверях дворца. Когда появился император и направился пешком в собор, его встретил гром приветственных криков, все обнажили головы. Все стремились его увидеть, приблизиться к нему, теснили друг друга, чтобы оказаться на пути его прохода. Мы с князем Голицыным пытались следовать за ним, под угрозой быть раздавленными или отброшенными. Даже император, несмотря на все свои усилия не останавливаться, из-за напора толпы мог продвигаться вперед только очень медленно. Вокруг него было пустое пространство размером не больше, чем один аршин. Он останавливался почти на каждом шагу, и ему потребовалось около 10 минут для того, чтобы пройти около двухсот шагов, разделявших его жилище и вход в церковь. Там его ожидало духовенство, во главе с митрополитом, державшим в руках крест. В этот момент приветственные крики прекратились, и вся эта оживленная толпа погрузилась в почтительное молчание.

Император выслушал молитвы, поклонился святым могилам и приложился к иконам, он вышел из собора через противоположные двери, ведущие к старому дворцу. Здесь его встретила та же толпа, и ему пришлось преодолеть те же трудности для того, чтобы подойти к подножию парадной лестницы, на которой стояли дамы из всех слоев общества.

Добравшись до вершины этой лестницы, император остановился и с чувством приветствовал толпу, которая провожала его глазами. Всеобщий крик «Ура!» был ответом на это приветствие, и император вошел в залы дворца. Здесь он направился в манеж для того, чтобы присутствовать на параде. Везде толпился народ, повсюду его сопровождали самые живые проявления радости и преданности. Свое пребывание в Москве император использовал с обычной для него деловитостью. Каждое он посещал самые различные учреждения — школы, больницы, принимал торговцев, знакомился с традиционной продукцией российских производителей, центром производства которой Москва становилась во все большей и большей степени. Во время обеда он виделся с первыми лицами города и с вышедшими в отставку бывшими чиновниками. Вечерами он присутствовал на театральных представлениях или на устраиваемых московским дворянством или генерал-губернатором собраниях представителей высшего света, испытывавших счастье видеть своего государя.

Вид Боярской площади Московского Кремля

Пребывание в Москве длилось не более шести дней, которые стали настоящим праздником для жителей города и для души императора. Оно полностью компенсировало его тяжкие труды, и было выражением любви народа. В полночь 13 числа мы снова сели в сани и 15 марта в два часа пополудни император вернулся в Зимний дворец в Петербурге, проделав за 38 часов 700 верст.

На протяжении многих лет польский Сейм не собирался. Тщательно соблюдая все то, что было обещано, император не пожелал более откладывать это собрание, которое было предусмотрено конституцией, данной императором Александром. Он отдал необходимые распоряжения для того, чтобы в первой половине мая собрать Сейм, и приготовился к поездке с тем, чтобы лично принять в нем участие.

Мы выехали из Петергофа 2 мая и направились по дороге в Динабург. Император давно следил за строительством этой крепости, которую на протяжении стольких лет создавал сам в качестве шефа инженерных работ. Он был весьма удовлетворен произошедшими улучшениями и тем старанием, с которым были выполнены все строения и построены казармы. Здесь он устроил смотр нескольким полкам 1 корпуса и резервным батальонам. Потратив два дня на то, чтобы все осмотреть и отдать новые распоряжения, император продолжил свой путь через Ковно и Остроленку и утром 9 мая прибыл в Варшаву. Он напрямик направился к великому князю Константину, который в этот момент готовился к парад.

* * *

На следующее утро мы снова сели в коляску с тем, чтобы прибыть в Пултуск раньше императрицы. Она приехала туда на несколько минут позже нас, и после обеда все направились в Варшаву.

Полностью повторился распорядок прошлого года, по утрам парады, смотры или учения, ничего не изменилось в Польше, разве что еще больше выросло недовольство выходками великого князя Константина. Всякие надежды на изменения испарились, все иллюзии поляков об ограничении власти великого князя и его влияния на внутренние дела королевства развеялись. Не было видно конца тому стесненному положению и той его высшей власти, с которым его могущество давило на страну. Недовольства больше не скрывали. Все поляки и даже русские, кто окружал великого князя, высказывали свое неодобрение в жалобах и в ропоте, которые они мне сообщили. По своему чину я был против подобных откровений, но они были столь единодушными и искренними, что против воли я стал разделять общее мнение.

Так я узнал о жалобах поляков и позднее о том трудном и ужасном положении, в которое попал император из-за своего старшего брата. Казалось, что он более, чем когда-либо ревниво относился к своей власти, полученной им по воле императора Александра. Его поведение всегда казалось уважительным, он подчинялся императору Николаю, но в его разговорах со всеми министрами и даже в беседах с его ближайшим окружением ярко проявлялось несогласие. Малейшее противодействие приводило его в ярость. Похвалы императора в адрес некоторых военных и гражданских чинов вызывали его критику. Подчас он был недоволен теми же чиновниками, которые получили отличия по его собственной рекомендации. Если бы эти искренние жалобы были скрытыми, то можно было бы предвидеть реакцию, даже революцию. Но они были открытыми и касались только одного человека — великого князя. В императоре всегда видели надежду на лучшее будущее. Растущее благосостояние края

во многом уравнивало придирки, вспыльчивость и унижения, которые всегда были направлены против конкретных людей, а не против нации. Это была та справедливость, которую даже самые недовольные отдавали правительству. Прибытие императора, императрицы, большого количества иностранцев и всех делегатов Сейма хотя бы внешне пригасили жалобы, Варшава была блестящей и оживленной. Один за другим следовали балы и праздники, устроенные со всем изяществом и веселостью богатой и спокойной столицы.

Через восемь дней после своего приезда император открыл заседания Сейма в той форме, которая была предусмотрена конституцией. В палате депутатов великий князь Константин занимал место депутата от предместья Праги. Он привел меня с собой и посадил рядом для того, чтобы я увидел этот ужасный фарс (как он громко сказал к большому неудовольствию поляков). Был приглашен член Сената князь Чарторыйский, который произнес достаточно долгую речь, сводившуюся в основном к похвалам в адрес императора Александра — основателя благополучия и восстановления королевства. Чарторыйский присвоил себе лестный титул друга этого государя, хотя в следующем году он без тени стыда перед этим же бунтующим собранием заявил, что всю свою жизнь ошибался, даже когда благодаря доверию своего друга-государя получил портфель министра иностранных дел. В конце он предложил Палате депутатов назначить депутацию, в которую входил бы и великий князь Константин, с целью совместно с представителями Сената должна была выразить уважение королю и сообщить ему о том, что оба депутатских корпуса готовы к встрече с ним. В сопровождении всего двора и военной свиты император и императрица прибыли в тронный зал. Как и в день коронации трибуны были заполнены самыми знаменитыми и элегантными

дамами. После того, как все заняли свои места, император своей речью объявил об открытии Сейма. Эта речь вызвала всеобщее одобрение. Все были восхищены его прекрасной осанкой, звучным голосом, казалось, что все окружавшие испытывали к нему живейшую преданность. Первым же вопросом, который был поднят в Палате депутатов этим же вечером, был вопрос о добровольном основании на средства края памятника в память о восстановителе и благодетеле Польши императоре Александре. Единодушным голосованием проект был одобрен и утвержден. На большом обеде у маршала Сейма собрались все находившиеся в Варшаве значительные лица и все депутаты. На нем также присутствовал император. В его честь слышались здравицы, и банкет окончился со всей сердечностью и всеми приличиями, какие только можно было желать. Все блестящее общество было вновь собрано на прелестных балах в Лазенках, которые столь же украшала прекрасная погода, сколь и значительное влияние прекрасной части населения Варшавы. Председатель Совета граф Замойский имел честь принимать в своем доме на великолепном балу императорскую чету, а также всех иностранцев, кого привлекла Варшава присутствием императора и делами Сейма.

Все казалось спокойным, однако среди делегатов стала формироваться оппозиция. Говорили о представлениях в адрес короля, о несправедливых действиях великого князя, о слишком больших военных расходах. Политические партии оживились, но ничто не указывало на агрессивные замыслы против священной фигуры государя. Всегда честный и лояльный во всем своем поведении, император пожелал дать этому лишнее доказательство и полностью отказаться от какого-либо влияния на ход работы Сейма. На то время, пока должны были продлиться заседания органа национального

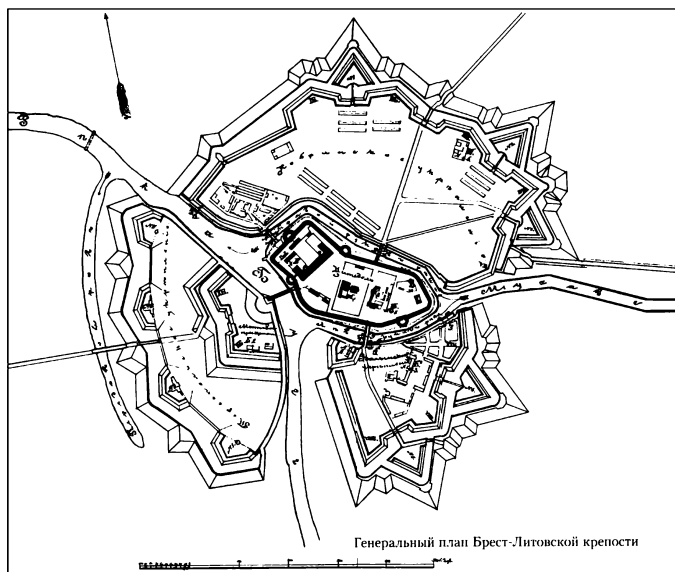
представительства, он уехал не только из Варшавы, но и из Польши. Императрица направились в Фишбах в Силезии, где для встречи с ней собралась прусская королевская семья, и император направился по дороге в Брест-Литовск⁵.

На последней станции Пулавы, где обычно жила старая княгиня Чарторыйская, которая служила прибежищем для всех польских недовольных и интриганов, какой-то человек во фраке от имени княгини пригласил императора остановиться в ее жилище. Дивленный до глубины души такой вольной манерой приглашать своего государя, император вежливо отказался и продолжил путь. Совсем недалеко от Пулавы нужно было на лодке переплыть Вислу. На другом берегу, мы увидели много собравшихся людей, а после высадки на берег появилась старая княгиня, которая лично повторила свое приглашение. Сняв головной убор из-за палящего солнца, император вежливо отказался, так как он не мог задерживаться в дороге в связи с тем, что великий князь Константин будет ждать его с раннего утра в месте ночевки. Имевшая вид злобной колдуньи старуха продолжала настаивать, и, наконец, сказала: «Вы мне сделали больно, я не забуду этого всю мою жизнь». В это время для того, чтобы положить конец этой нелепой сцене, я приказал ускорить запряжку коляски. Император поклонился и уехал. Сколь бы малозначимой не показалась эта сцена, она ускорила революционные события, разразившиеся несколько месяцев спустя. Ненависть, которую эта старуха все время испытывала к России, запылала с новой силой, и она усердно разожгла гневом все слабые польские головы. Вечером мы приехали в Седлец,

⁵ На полях помета Николая I: Это произошло годом раньше, когда я ездил в Замостье.

где на утро следующего дня великий князь представил императору дивизию улан польской армии⁶.

На следующий день в Брест-Литовске император отдал некоторые распоряжения относительно крепости, которую он предложил возвести в этом месте, важном как со стратегической точки зрения, так и в качестве отправного пункта для наших операций в случае войны в Европе. Эта крепость была бы лишним сдерживающим средством для Королевства Польского и служила бы защитой наших собственных границ⁷.

План крепости Брест. 1830-е

⁶ На полях помета Николая I: «Опять ошибка. Я провел этот смотр годом раньше, и не в Седлеце, а в местечке Красностав».

⁷ На полях помета Николая I: «Это неправда. Совершенно не стоял вопрос о возведении там укреплений. Мой брат только сказал мне, что по возвращении из Бреста покойным императором было дано устное задание генералу Мало о выработке проекта, но дело не было окончено».

Далее в Лузе он провел смотр дивизии Литовского корпуса, и продолжил свой путь через Старое Константиново и Елизаветград, где были собраны одна кирасирская и одна уланская дивизии из войск военных поселений под командованием графа де Витта. Возвращаясь из своего посольства, здесь ожидал императора Халил-паша, который присутствовал на большом параде и на учениях этой кавалерии. Она была хороша своей выправкой и подбором лошадей, а также прекрасной выучкой.

Затем около Белой Церкви Его Величество посетил Александрию, летнюю резиденцию старой графини Браницкой. Здесь я был счастлив снова встретить моего старого товарища и друга графа Браницкого. Он помогал своей матери достойно встретить всю ту знать, которая оказала им честь своим присутствием. Прием полностью соответствовал огромным богатствам владельцев этой округи. Император жил в отдельном доме, меблированном и украшенном со всей роскошью и красотой дворца. Я остановился в павильоне, отмеченном изысканным вкусом. Множество других подобных помещений было готово принять весьма многочисленное общество. Обед был сервирован в прекрасном зале посреди сада, украшенном самыми дорогими мраморными и бронзовыми статуями. Весь остальной сад и прилегавшие к нему территории полностью отвечали такой роскоши. Вокруг Александрии были собраны три десятка эскадронов резервных дивизий, которые только что закончили войну против Турции, они прошли здесь парадом⁸.

Оттуда мы направились в Козелец, где была собрана 2 драгунская дивизия, именно ею я командовал до того,

⁸ На полях помета Николай I: «В этом рассказе есть ошибка. Я приехал в Козелец через <нрзб. Кременчуг?>. После моего возвращения из Киева я попал в Белую Церковь, а затем в Кадму».

как стал начальником штаба гвардии. Все эти войска были в прекрасном состоянии и заслужили полное одобрение Его Величества, который забавлялся от того, что заставлял драгун упражняться в истинном смысле слова — они должны были уметь сражаться как пешими, так и конными. Император воссоздал этот род войск, он прикладывал все усилия для того, чтобы вернуть им былое значение и самый воинственный настрой.

Из Козельца мы направились в Киев при самой прекрасной погоде. Огромная толпа народа ожидала императора у городских ворот и у Печерского монастыря. Она сопровождала его до кафедрального собора, откуда, после молитвы по этому случаю, Его Величество посетил старого и достойного фельдмаршала Сакена и направился в приготовленный для него дом. На следующий день был смотр многих резервных батальонов. Вечером император оказал честь киевской знати и городскому начальству, посетив большой бал, устроенный в просторном месте нижнего города. Затем он посетил много публичных заведений и, еще раз помолившись в монастыре, Его Величество направился в Кодуи. Здесь он остановился в красивом замке очень богатого дворянина, где провел три дня с тем, чтобы подробно осмотреть 2-й армейский корпус, который только вернулся с войны по ту сторону Дуная. Он очень сильно пострадал от эпидемии чумы, от сражений и неблагоприятного климата. Император пожелал осмотреть его в том состоянии, в котором он закончил две утомительные кампании, и отсрочил его пополнение, которое было полностью готово, на время после смотра. Мы были удивлены воинственным видом и должной выправкой этих сильно пострадавших войск. Состояние артиллерии можно было даже назвать блестящим, 2-я гусарская дивизия была достаточно хороша, пехота была образцовой, но все эти войска

сократились до одной шестой части. Кавалерийские полки насчитывали не более 200 человек, некоторые пехотные полки — и того меньше. Император поблагодарил генералов, офицеров и солдат за их славную и героическую службу. Император приказал раздать деньги и награды, поговорил с солдатами, которые были признаны наиболее отличившимися, побывал в госпитале и оставил всех в полном восторге от своих государевых милостей. После этого мы продолжили свой путь в Варшаву.

Великий князь Константин ожидал возвращения государя в Брест-Литовске. Здесь он приготовил 2-ю дивизию Литовского корпуса и приданную ему гренадерскую бригаду к смотру, который состоялся на следующий день рано утром. Состояние этих войск не оставляло желать ничего лучшего, но морально они должны были внушать наименьшее доверие среди всех других армейских корпусов. Комплектование этого корпуса должно было происходить исключительно за счет рекрутов с еще совсем недавно польских земель. Его название, включавшее слово «Литовский», казалось, отделяло его от всех русских войск. Польского происхождения были многие генералы, часть высших и младших офицеров. Наконец, казалось, все было готово к тому, чтобы этот корпус присоединился к войскам Царства Польского. К счастью, предвидение императора Николая уравнило это зло: с первых же дней своего вступления на престол он решил, что рекруты из польских земель будут направляться в различные армейские корпуса, и что Литовский корпус будет комплектоваться из рекрутов внутренних губерний.

Со времени нашего отъезда из Петербурга эскадра под командованием адмирала Гейдена, которая сражалась у Наварина, а позднее блокировала Дарданеллы, вернулась в Кронштадт в прекрасном состоянии. В качестве трофеев они

привели египетский корвет⁹ и одобрение английских и французских моряков, которые были в восхищении от действий наших морских сил и от умелого поведения контр-адмирала Рикорда при крейсировании Дарданелл в очень опасное зимнее время. Император уже стал пожинать плоды своих усилий и неустанных забот, которые он направлял и раньше и теперь, на улучшение состояния своего флота. В Средиземном море осталась только небольшая эскадра, состоявшая из трех фрегатов и нескольких легких кораблей.

7 июня император уже вернулся в Варшаву, откуда на следующий день собирался выехать в Лович для встречи с императрицей. Я имел счастье его туда сопровождать. В одиночестве мы ехали в коляске по этой стране, которая через несколько месяцев отвергла этого государя, который сейчас столь доверчиво вверил себя преданности своих подданных. Император любовался благосостоянием, которое управление императора Александра и его собственное привнесло в этот непоседливый народ. Народ, который сейчас с воодушевлением сбегался поглядеть на своего короля, а несколько месяцев спустя в приступе безумия ряд людей объявят его отрешенным от власти.

В Варшаве я нашел мою сестру Ливен со своим мужем, которые ненадолго покинули свое посольство в Лондоне с тем, чтобы выразить императору свою преданность. Мы были счастливы вновь увидеться, и моя сестра, благодаря своему уму и своей приветливости, вновь завоевала при дворе и во мнении всех свою репутацию, которой она была обязана этим двум качествам, столь полезным для жены посла и столь ценным в обществе.

Через 8 дней после нашего возвращения в Варшаву император закрыл заседания Сейма. На нем были рассмотрены

⁹ Помета Николая I «и еще один турецкий».

и решены все те дела, которые были вынесены на его обсуждение. В ходе заседаний проявилась весьма резкая оппозиция. Закон, на котором настаивал император, против легкости разводов, был отклонен. Вместе с тем, общий тон был лакирован налетом верности и доверия к государю, который отвергал саму мысль об обвинениях или подозрениях между престолом и органом национального представительства. Таким образом, все было окончено внешне дружелюбно, но на самом деле достаточно холодно.

В сопровождении своего брата принца Карла императрица первой выехала в Петербург, а через три дня в полночь 21 июня император покинул Варшаву. Он был недоволен собой и еще менее доволен своим братом великим князем Константином. Он был озабочен положением в Польше, видел зло в либеральном и преждевременном устройстве этой страны, которое он, тем не менее, был обязан поддерживать, он видел серьезные недостатки в характере своего брата, но считал, однако, его присутствие полезным в качестве противодействия претензиям польской аристократии. Короче говоря, он надеялся только на будущее и не имел полной картины современного состояния этой столь интересной части его необъятной империи. Но ничто не указывало на возможный взрыв, наоборот, на всем лежал отпечаток материального процветания, что было самой надежной гарантией общественного спокойствия. Время могло внести изменения в личные затруднения императора, и в целом он уехал вполне довольный своей поездкой и с верой в нацию, которая всем была обязана российским государям.

* * *

Незадолго до нашего отъезда из Варшавы император получил донесение из Севастополя о том, что жители

предместий этого города, состоявшие в основном из матросов и членов их семей, взбунтовались. Они убили коменданта генерала Столыпина и дошли до крайних пределов с тем, чтобы избавиться от суровых санитарных мер, по необходимости принятых для защиты от чумы, которая появилась в севастопольском порту и уже стала распространяться вплоть до Одессы. Генерал-губернатор Новороссии граф Воронцов примчался на место и со своей обычной деятельной храбростью вскоре смог восстановить порядок и привести жителей в необходимое повиновение. Главные зачинщики были сурово наказаны, и меры, предначертанные лично императором, создали непреодолимые препятствия для подобных нарушений дисциплины в будущем. Часть черноморских экипажей была переведена в Архангельск и в Кронштадт, их заменили матросы и офицеры, служившие на Балтийском море. Благодаря неустанным заботам графа Воронцова, на юге империи эпидемия чумы была остановлена и вскоре ликвидирована совсем.

Не успели мы по возвращении спокойно устроиться в Петергофе, полагая, что можем отдохнуть, благодаря заключенному миру и царившему в империи спокойствию, едва император решил, что он может полностью заняться внутренним управлением своей обширной империей, как случившееся новое событие и новая забота показали ему, что еще не наступил конец тем потрясениям, которые его постоянно преследовали с момента вступления на престол. На границах империи в Оренбургской губернии появилась смертоносная холера. Эта страшная болезнь, которую знали только по ее названию и по ее ужасным опустошениям, привела всех в ужас тем большим, что помощь медицины и полиции были столь же неизвестны, сколь и трудны в оказании. Тем временем общественное мнение требовало объявления

карантина, создания санитарных кордонов. По этому поводу были отданы в высшей степени точные и энергичные приказания, исполненные с той деятельностью, которую железная воля императора придавала всем его поступкам. В указанные места были посланы войска, собрали крестьян, была сформирована линия для защиты внутренних губерний и обеих столиц от этого страшного бедствия, страх перед которым еще увеличивал опасность.

Король Франции Карл X

Император еще не нашел свободной минуты для поездки в Финляндию. Он, однако, не хотел откладывать это дело и отдал приказания об этой поездке. Вечером 30 июля в дорожном платье я прибыл во дворец, так как мне была оказана честь сопровождать императора в этой поездке. Я был немало удивлен, встретив в передних комнатах поверенного

в делах Карла X господина Бургоэна, который взволнованный и весь в слезах выходил из кабинета императора. Он только успел сказать мне, что в Париже разразилась революция, когда меня позвали войти. Император только что получил подробности о знаменитых Июльских днях, о слабости короля и его сына, о прекрасном поведении королевской гвардии, которая под командованием маршала Мармона в конце концов пала только под численным натиском осаждавших и в особенности из-за непростительных ошибок в действиях правительства, поражение которого эта горстка преданных людей смогла лишь немного отсрочить. В третий раз Бурбоны были свергнуты с престола, не сделав ни малейшей попытки защититься, для чего требовалось хоть немного личного мужества. Используя их трусость, Луи-Филипп вззошел на трон, падению которого столь сильно способствовал его отец, поставив в истории бесчестие своего имени рядом с окровавленной головой Людовика XVI. Император был возмущен подобной слабостью и неловкостью законного принца и таким вероломством со стороны Луи-Филиппа.

На короткое время муж моей сестры князь Ливен оказался во главе министерства иностранных дел, граф Нессельроде, который из Варшавы должен был ехать на воды Карлсбада, воспользовался присутствием князя Ливена, приехавшего из Лондона, для того, чтобы снять с себя ответственность. Тем более что он считал, что в Европе положение дел столь спокойное, что оно позволяло ему заняться собственным здоровьем.

Все было приготовлено для путешествия, мы поехали на дрожках — той коляске, которая всегда служила императору Александру для поездок в Финляндию. Пока мы вдвоем ехали в этом хрупком экипаже, вся наша беседа проходила

вокруг новостей из Парижа и вокруг последствий, которые это крупное событие должно было иметь на судьбы Европы. Вспоминая, что, размышляя о причинах этой революции, я сказал, что «со времени смерти Людовика XIV французская нация, более развращенная, чем цивилизованная, опередила своих королей в делах и заботах по улучшению и изменению, что эта нация, которая тащила за собой на буксире решения слабых Бурбонов, что то, что еще долгое время предохранит Россию от несчастий революции, это то, что со времен Петра I именно наши государи тянули нацию в повозке своей славы, своей цивилизованности и своего прогресса во всех смыслах. Но в силу этого же не следует слишком подгонять цивилизацию, которая, будучи хотя бы раз предоставлена на усмотрение нации, вместо рассмотрения на уровне государей, привела бы к ослаблению власти и породила бы бунты».

В нескольких станциях от Выборга дрожки сломались, и мы были вынуждены пересест в мои, еще менее удобные и крепкие, чем коляска императора. В Выборге (ранее русский город, снова передан Финляндии во время завоевания Великого княжества Финляндского) император остановился у греческого собора, где собрались его встретить губернатор и все военные и гражданские власти. После посещения укреплений, госпиталей и некоторых казенных зданий, украшавших этот маленький город, известный только по войнам между нами и Швецией со времен Петра I, и проведя в нем ночь, на следующее утро мы продолжили поездку и вскоре вступили в ту часть Финляндии, которая была недавно завоевана императором Александром.

Местность здесь была дикой, темной и устрашающей, лишь изредка вдали появлялись несколько жилищ. Дорога была узкой, извилистой, окруженной лесом вековых елей и более или менее высоких скал. Мимо них была проложена

дорога, которая поднималась и спускалась по пригоркам, подчас весьма крутым и искривленным. Почтовые лошади, предоставление которых было повинностью крестьян, поочередно приходявших на станции со своими низкорослыми лошадьми, подчас без упряжи, сделали эту поездку очень опасной. Надо было иметь своего собственного кучера, свои вожжи и упряжь. На спусках эти лошади имели привычку бежать во всю прыть, из-за чего мы ежеминутно рисковали быть выброшенными на камни. Это было своего рода чудо — не сломать себе шею на протяжении нескольких станций. Местный исправник скакал впереди в небольшом двухколесном кабриолете, и его единственной заботой было снимать шляпу при каждом спуске для того, чтобы предупредить кучера императора с тем, чтобы он старался удерживать коляску в равновесии. После этого кабриолет спускался с ужасающей скоростью, а мы следовали за ним таким же образом, несмотря на усилия императорского кучера господина Артамонова. Он был очень удивлен, что не смог укротить этих маленьких лошадей, своенравию которых было доверено существование государя России.

На одной из станций император пересел в маленькую крестьянскую телегу, я следовал за ним на другой, с тем, чтобы в нескольких верстах от большой дороги посмотреть на гранитные скалы, из которых в этом месте состоит берег Балтийского моря. Этот гранит используют для украшения Петербурга, откалывая от него колонны. Именно отсюда привезли гранит, составляющий все внутреннее величие Казанского собора, так же как и тот, что делает Исаакиевский собор самым красивым и большим сооружением современной Европы. В этом месте в данный момент занимались откалыванием от скалы огромного куска, который был предназначен для колонны памятника в честь императора Александра.

Маленькая тропинка, по которой мы шли, чтобы добраться до цели, казалось, должна была привести в ад. Еловый лес, старые деревья которого были покрыты мхом, свидетельствовали о его почтенном возрасте. Из отверстий в земле несло гнилью, деревья были повалены, там и сям были разбросаны скалы, многие из них были разрушены истекшими веками — все это обрамляло скалистую тропинку. Глухой шум, который сначала показался звуками грозы, оживлял эти дикие места. Шум усиливался по мере нашего приближения, вскоре мы различили резкий звук железа, вбиваемого в камень. При дальнейшем приближении наши уши оглохли от грохота, производимого более чем сотней рабочих, которые одновременно орудовали железными инструментами в два пальца толщиной. Они держали их перпендикулярно к поверхности скалы и один за другим ударяли по ним огромными молотами с целью расколоть скалу. Там мы увидели один из балтийских заливов, который омывал эти гранитные массивы и облегчал их транспортировку для украшения Петербурга. Рабочие, которые были крестьянами из внутренних губерний России, прервали свой тяжелый труд для того, чтобы криками приветствовать своего государя. Затем они продолжили колоть гранит. Этот огромный кусок, который откалывали от скалы для Александрийской колонны, находился примерно в 60 шагах от уровня моря, почти в 300 шагах от его берега. Затем еще оставалось 200 шагов в глубину, которые надо было преодолеть для того, чтобы подойти к судну совершенно особой конструкции, которое должно было принять этот гигантский блок и отвезти его в Петербург. Все эти трудности, которые, казалось, превосходили человеческие силы, были преодолены и остались в анналах механических наук как памятник искусству, столь же уникальный, как и сама колонна.

К вечеру мы приехали в Гельсингфорс. Все русские и финские чиновники во главе с генерал-губернатором Закревским ожидали императора у входа в православный храм. После краткой молитвы в церкви император отправился в приготовленный для него дом генерал-губернатора. Созданный императором Александром этот город укрепил свое положение после пожара в Або, в результате которого оттуда в Гельсингфорс был перенесен университет. Он стал рассматриваться как центр великого княжества, в нем были собраны высшие власти, и через несколько лет он превратился в значительный город. Его расположение в глубине глубокого залива и великолепная якорная стоянка напротив неприступной крепости Свеаборг, которая защищала порт и подходы к городу, были одними из лучших среди тех, что только можно было себе представить. Общественные здания отвечали своему назначению и свидетельствовали о могуществе их основателя. Сенат, университет, казармы были скорее дворцами, император осмотрел все с величайшим вниманием. Во время парада значительная толпа со всех сторон окружила главную площадь и заняла все окна. Парадным маршем прошел батальон финляндских егерей. Он полностью был укомплектован финскими солдатами и офицерами, но его обучение и командование было русским, приказы отдавались на русском языке. Батальон был очень хорош и казался в наилучшем состоянии духа. На следующий день на лодках мы отправились в Свеаборг, его укрепления были обширны и прекрасно построены.

Шведские короли затратили на них огромные деньги, рассматривая Свеаборг как оплот своих сил против Московской державы. Но старались они для нас, теперь Свеаборг стал базой нашего флота, арсеналом для наших войск, опорным и неприступным пунктом, который всегда, даже

в самых плачевных обстоятельствах, обеспечил бы нам сохранение Финляндии и превосходство наших военных операций. Император посетил все многочисленные постройки и сооружения этого второго Гибралтара, внимательно осмотрел внутренние акватории крепости, готовые принять несколько линейных кораблей. Затем он принял парад нескольких батальонов пехотной дивизии, расквартированной в Финляндии, и остался не очень доволен состоянием личного состава. Затем мы поднялись на борт прекрасного линейного корабля, находившегося под командованием начальника Главного штаба флота князя Меншикова, который стоял на расстоянии всего в один кабельтов от набережной Гельсингфорса. С высоты его бортов открывался потрясающий вид на новый город, крепость Свеаборг, на окружавшие его скалы, на вход и на всю протяженность порта.

Король Франции Луи-Филипп Орлеанский

Сердечность и предупредительность, с которыми все слои населения встречали императора, быстрота строительства финской столицы, зажиточность и удовлетворение, которые, казалось, излучали ее жители, не оставляли никаких сомнений в добром и заботливом управлении, которое царило в этой новой части нашей империи. Старинные привычки, семейные связи могли и должны были еще больше укрепить связи и симпатии к Швеции, но материальная выгода и очень либеральное и полностью национальное управление должны были сильно повлиять на сознание финнов и уже точно сделали из них верных подданных российской короны. Император возвращался в Петербург очень довольным своей поездкой, и высадился в Елагине с тем, чтобы дожидаться там Императрицу.

* * *

Между тем, император был озабочен и обеспокоен революцией, которая только что свергла Карла X с престола его предков. Видя, что к власти пришла самая неограниченная демократия, и что сам Луи-Филипп казался только инструментом в руках Лафайета, Лаффита и их товарищей, император счел нужным нарушить царившее ранее между Россией и Францией согласие. Он приказал, чтобы в наших портах над французскими кораблями не поднимали трехцветный флаг, чтобы подданные России немедленно покинули Париж и Францию, чтобы при выдаче разрешений французам на въезд в Россию придерживались самой крайней твердости, и чтобы над всеми теми, кто уже находился в империи, был установлен самый строгий надзор. Для того, чтобы не прерывать торговлю, он приказал ничего не менять в наших коммерческих отношениях, наш посол и консулы должны были продолжать исполнять свои обязанности. Однако на столь неопределенных основаниях дела не могли

долго продвигаться вперед, надо были либо полностью порвать с новым французским правительством, либо признать его нового главу. Это противоречило принципам и убеждениям императора. Англия, Австрия, Пруссия и все остальные государи Европы были расположены признать Луи-Филиппа. Он был фактическим королем французов, и только укрепление его власти одно могло законно противостоять якобинским устремлениям той партии, которая поставила его во главе правительства, и только оно могло отвратить от Европы опасности войны, ведение которой во весь голос требовали сторонники республиканских принципов. Устраниться от этих союзов, от целой Европы, отказавшись признать Луи-Филиппа, значило узавить правительства Англии, Австрии и Пруссии, значило стать врагом нового французского правителя, и в то же время уменьшить благотворное влияние на мир в Европе, который исключительно зависел от того, насколько морально силен был Луи-Филипп. С ним надо было продолжать политику доброго сотрудничества, установленную Карлом X. К тому же этот последний и его слабый сын герцог Ангулемский торжественно отказались от своих прав на французскую корону. Оставался еще ребенок герцога Бордосского, поддерживать его без сомнения вполне законные права в настоящий момент было равносильно тому, чтобы поддерживать тень. Франция его не хотела, его возраст и сложившиеся обстоятельства сделали совершенно невозможным требовать признания его прав. Разрыв с Францией означал упадок нашей торговли, бесцельное колебание мира на континенте, разрыв нашего союза с великими державами. Этого не требовала наша национальная гордость. Разрыв противоречил интересам империи, он не смог бы получить поддержку в общественном мнении и, надо сказать, был бы непопулярен, так как столь некстати выпущенные ордонансы, ставшие причиной бунта в Париже, порицались у нас.

Малодушное поведение свергнутого короля погасило тот интерес, которым обычно пользуется обиженный человек.

Таким образом, после многочисленных столкновений и громко произнесенного неодобрения, следовало подчиниться силе обстоятельств и пожертвовать личными чувствами, сколь бы благородными они ни были, во имя поддержания мира и, отчасти, общественного мнения. В первый раз император был вынужден действовать вопреки своим убеждениям, но с огорчением и досадой, он признал Луи-Филиппа королем Франции. Это решение дорого ему стоило, долгое время он превозмогал свои убеждения и ломал свои принципы.

Находясь в Царском Селе, он был недоволен сам собой, ему был нужен новый объект деятельности, и мы отправились в военные поселения. Целый гренадерский корпус был собран в лагерях в Княжем Дворе. Три пехотные и одна уланская дивизии представляли собой одно из лучших войсковых соединений, которое только можно было видеть. Император расположился в палатке напротив лагеря, вначале был большой парад, а на следующий день учения и маневры. Затем мы отправились осматривать центры расположения различных полков, где велось большое строительство, потом мы вернулись в Старую Руссу. Этот город развивался благодаря торговле, он был украшен огромными зданиями, которые возводились на государственные средства, для военных поселений — казармами, манежем, госпиталями и другими.

Я был удивлен крепким населением этого города, который, находясь в стороне от больших дорог, больше других сохранил национальные наряды и обычаи. При виде своего государя здесь выразили самую активную и бурную радость, мы были поражены ее свободным и искренним выражением.

В этой поездке императора сопровождал поверенный в делах Франции господин Бургоэн, что было обещано ему еще до тех изменений, которые произошли в его стране. Он был удивлен всем, что увидел, особенно богатством Старой Руссы и нескольких деревень, которые мы проехали по дороге.

После нашего возвращения я получил разрешение провести несколько дней в Фалле со своей женой и детьми. Как и всегда, я был в полном восторге от встречи с ними. Мне все нравилось, и я проводил время в радостных хлопотах. Целый день я занимался строительством нашего дома и работами в саду, что сильнейшим образом контрастировало с моей напряженной и полной забот жизни в Петербурге. Только три дня я наслаждался таким отдыхом, когда запыхавшийся курьер сообщил мне о том, что император выехал в Москву и приказал мне незамедлительно выехать к нему туда. В нашей древней столице началась эпидемия холеры, и я был восхищен героической решимостью моего государя. Через два часа после получения этой новости я уже был в дороге. По прибытии в Петербург я тут же направился в Царское Село с тем, чтобы получить приказания императрицы и собраться для поездки в Москву. Прибыв туда вечером, я поспешил высказать императору свою признательность за то, что он по доброте своей вспомнил обо мне в тот момент, когда его заботливое сердце так болезненно страдало. Равно как и в других обстоятельствах, я нашел его спокойным и величественным, его приезд взбудоражил все общество, но он не удивил добрых жителей Москвы, которые были подавлены и напуганы появлением страшной заразы, но предвидели решение своего государя.

Когда он, презирая опасность, появился среди толпы с тем, чтобы оказать людям помощь, то восторженные крики достигли своего предела, и, казалось, сама болезнь была

вынуждена уступить его всемогуществу. Для защиты остальной части империи и Петербурга он приказал оцепить Москву, что было исполнено с легкостью. Покорность благодарного народа была безгранична. Между тем бедствие усиливалось, с каждым днем увеличивалось количество заболевших холерой. Один из лакеев, прислуживавших в спальне императора, умер через несколько часов после того, как вошел в нее, одна жившая во дворце женщина умерла, несмотря на все принятые для нее меры. Император выходил в город каждый день, он посещал общественные заведения и, казалось, пренебрегал опасностью, так как теперь уже все знали об эпидемии. Однажды, во время обеда с несколькими приглашенными, императору неожиданно стало плохо, и он вынужден был выйти из-за стола. За ним последовал врач, напуганный так же, как и все остальные. Вскоре он возвратился, чтобы передать нам приказ императора продолжать обед. Тем не менее, обед был прерван, и мы пребывали в самом ужасном беспокойстве. В этот момент в дверях появился сам император, сказавший, что нам нечего волноваться. Тем не менее, у него болело сердце, его бил озноб и проявились другие первые признаки болезни. К счастью, после нескольких обильных потоотделений и благодаря принятым лекарствам, он вскоре был поставлен на ноги, и уже на следующий день мы полностью убедились в его выздоровлении.

После того, как он отдал все необходимые распоряжения, он сам наблюдал за выполнением таких из них, как постройка госпиталей в различных частях города, бесплатная помощь бедным, снабжение Москвы продовольствием, создание приютов для детей, которых холера сделала сиротами. Утром 7 сентября после 10-ти дневного пребывания, император уехал из Москвы и вечером приехал в Тверь.

Он остановился во дворце, в котором когда-то жила великая княгиня Екатерина со своим супругом тверским генерал-губернатором принцем Ольденбургским. Здесь в специально отведенной комнате врач обработал нас хлором, отвратительный запах которого уже надоел мне в Москве, где его использовали во многих домах. Затем дворец и небольшой сад были оцеплены часовыми с тем, чтобы полностью отделить нас от города. Таким образом, нас заперли и подвергли карантину. Этим самым император хотел дать пример подчинения правилам, предписанным санитарным законом. Нас всех очень хорошо устроили в этом небольшом дворце. Свита Его Величества состояла из моего бывшего начальника в посольстве в Париже графа Толстого, генерал-адъютантов Храповицкого и Адлерберга, адъютантов Кокошкина и Апраксина, а также врача Арендта. Утром мы все были заняты разбором бумаг, которые ежедневно получали из Петербурга и Москвы, затем пошли прогуляться по маленькому и очень плохо ухоженному саду. Император развлекался, стреляя ворон, а я подметал дорожки от упавших за осень листьев и от первого выпавшего снега. За прекрасным обедом встретилось все наше общество, после которого все разошлись по своим комнатам с тем, чтобы вновь соединиться вечером в помещениях императора, где была организована игра. Одиннадцать дней мы провели так в нашей тюрьме, которая была очень удобной, но все же несколько наскучила нам. По истечении этого срока мы вернулись в Царское Село.

Тем временем из Бельгии прибыла новость о восстании, которое сместило принца Оранского. Его брат принц Фредерик был принужден заново захватить Брюссель, но, продержавшись там всего несколько дней и оказавшись вынужденным уйти из этой столицы, он оставил всю страну

во власти восстания, которое было лишь скромным и смешным подобием парижских событий¹⁰.

Тем не менее, пример был опасен, в Брюсселе, как и в Париже, победила партия разрушения, во Франции, как и в Бельгии, законность была вынуждена отступить перед беспорядками, а монархия — перед идеями демократии. Разгоряченные легкими успехами в этих двух странах головы должны были вдохновить всех недоброжелателей и придать им смелости. Варшава была этим полна. Бездумное повторение французских доктрин уже в самом начале великой революции потрясло слабые головы поляков и привело к разделу Польши. Сейчас был произведен тот же эффект, послуживший сигналом к заговорам и к началу враждебных действий.

Уже на протяжении некоторого времени были заметны признаки роста революционных заговоров среди нескольких знатных родов, в чем неоднократно уверяли великого князя Константина. Сначала он просто не хотел в это верить, затем он назначил следствие, которое велось весьма неэффективно, так как считалось, что это дело огорчает великого князя. Несмотря на свой подозрительный характер, ему было отвратительно видеть виновных среди тех, кого он считал своими. Представители знатных родов, жившие рядом с его садом Бельведер, обычно поддерживались им, можно сказать, что они были возвышены его заботами, они были из числа тех, кого называли «его людьми». Вечером 24 сентября¹¹ император получил известие о том, что 17 числа вечером Варшава стала ареной кровавых событий.

¹⁰ На полях помета Николая I: «Эта новость застала нас в Москве вечером того дня, когда я почувствовал себя плохо. Тем же вечером я отправил приказ в Военное министерство, <нрзб.> и моему брату Константину о переводе армии на военное положение».

¹¹ Помета Николая I: «25 ноября».

Некоторые знатные вельможи ворвались во дворец Бельведер, где жил великий князь. Они нанесли раны вице-президенту полиции Любовицкому и убили генерала Жандра, который только что прискакал во дворец для того, чтобы предупредить великого князя об угрожавшей ему опасности. В этой ситуации у великого князя было время только для того, чтобы выйти через заднее крыльцо и найти свою лошадь. Расквартированная около Лазенок русская гвардейская кавалерия вышла с той стороны и взяла под защиту великого князя, а бунтовщики убежали из Бельведера¹².

Тем временем в городе был дан сигнал к началу восстания. Народ бросился к Арсеналу за оружием, вышиб двери и овладел ружьями и другим вооружением, которое наша чрезмерная забота о безопасности собрала в этой враждебной России столице. Четвертый линейный полк, саперный батальон и польская гвардейская артиллерия, расквартированные в самой Варшаве, давно поддерживавшие бунтовщиков, сразу заявили о себе и взяли под защиту вооружавшийся народ. Первыми жертвами поляков, павшими в ходе этого преступного бунта, были приехавшие для того, чтобы остановить беспорядки военный министр граф Гауке, командующий пехотой граф Стас Потоцкий, начальник Генерального Штаба генерал Сементковский, генералы Трембицкий, Блюмер и Новицкий. Тем временем два полка русской гвардии Литовский и Волынский и вместе с ними часть польских

¹² Помета Николая I: «Это совершенно не точно. Тем вечером я узнал новость о революции из рапорта моего брата, который не был первым. Он следовал за другим, который был послан мне раньше, но который я прочитал только 14 часов спустя. Таким образом, я не знал о том, что произошло, также как и имен убитых высших офицеров, количество и наименование войск, поддержавших моего брата. Известие о факте было первым, которое я прочитал, и из которого я узнал о революции в Польше».

гвардейских гренадер вооружились и на парадном плацу ожидали приказаний великого князя. Полк конных егерей польской гвардии также как и несколько рот линейных гренадер, расквартированных в Варшаве, остались верными и в течение ночи объединились с тремя полками русской кавалерии, которые окружали великого князя. Город был во власти беспорядков, и ничто не предпринималось для того, чтобы их остановить. Таковы были первые и грустные новости, полученные императором. Вечером он соизволил пригласить меня к себе и дал прочитывать рапорты своего брата. Он не терял ни минуты, уже был отдан приказ начальнику Генерального Штаба армии генералу Чернышеву выдвинуть 1 корпус под командованием графа Петра Палена к границам польского королевства. Командующему Литовским корпусом генералу Розену было приказано двигаться в том направлении, которое может быть указано великим князем Константином.

На следующее утро, как и всегда, император участвовал в разводе, и после его окончания он выехал на середину площади, приказав генералам и офицерам подъехать к нему. Все повиновались с быстротой, свидетельствовавшей о покорности и вежливости, и окружили со всех сторон лошадь, на которой он сидел. Громким голосом и очень отчетливо император рассказал во всех деталях о печальных новостях, полученных из Варшавы. Затем он рассказал об опасности, которой избежал его брат, и о неблагодарности поляков. Он сообщил об отданных им приказах и, наконец, закончил речь такими словами: «Если будет необходимо, то вы, моя гвардия, отправитесь наказать измену и восстановить оскорбленную честь России. Я знаю, что при любых обстоятельствах, могу рассчитывать на вас». С каждым словом императора внимание аудитории росло, с каждой минутой суровость уменьшалась, и после призыва гвардии к верности,

все стремились притронуться к своему государю, все пытались выразить ему свою любовь и преданность. В их глазах заблестели слезы, и весь зал наполнился воодушевленным криком «Ура!», который был подхвачен вооруженными войсками, и который не прекращался, пока император не удалился. Эту сцену трудно описать, молодые и старые, генералы, офицеры и солдаты, все были глубоко взволнованы, а император имел случай убедиться, насколько ему уже удалось завоевать доверие и симпатию¹³.

Через день император получил второй рапорт от великого князя, в котором он сообщал о том, что вся русская гвардейская артиллерия, расквартированная в деревнях в нескольких лье от Варшавы, присоединилась к нему, и что весь гарнизон и те польские части, которые остались верными, стоят лагерем около дворца Бельведер. Сообщалось, что весь город находился во власти восставших, что было сформировано Временное правительство, во главе которого стояли князь Чарторыйский и депутат Сейма профессор университета в Вильно Лелевель. Эти двое имели дерзость явиться к нему как представители национальной революции и в результате этих переговоров, он, великий князь России, разрешил оставшимся верными польским частям вернуться в Варшаву. Эта снисходительность укрепила бунт и вовлекла в него всю польскую армию, которая еще открыто ждала, какие приказания будут отданы великим князем. Ответом на эту снисходительность было обещание этих же депутатов о том, что великий князь и все русские войска могут спокойно направиться к границам России. Так окончилось правление великого князя и это безумное действие поляков, которое

¹³ Помета Николая I: «Нет, по окончании этого парада я прочитал, наконец, те рапорты, которые пропустил до этого. На следующий день прибыл рапорт, о котором здесь уже говорилось, и который стал третьим во всей этой корреспонденции».

оказалось столь губительным для их страны. Диктатором был назначен генерал Хлопицкий, сразу же начались работы с целью удвоить польскую армию и подготовить ее к сражениям.

Следствием нашей слепоты об умонастроениях в Польше, которые были основаны на чувстве благодарности за те благодеяния, которые были сделаны императором Александром, а также на материальных выгодах и на географическом положении этой страны, был полностью укомплектованный парк артиллерии и наличие в полках двойного комплекта вооружений и обмундирования. Крепость в Замостье была щедро снабжена пушками, а банки располагали весьма значительными суммами. Поэтому они осмелились создать вдвое большую армию и снабдить ее всем необходимым для войны. Нам пришлось сражаться против нашего собственного оружия, которое благородством и высоким доверием было отдано в руки наших смертельных врагов.

Император по справедливости оценивал те средства обороны, которые нам пришлось побеждать. Не теряя времени, он приказал Гренадерскому корпусу гренадер покинуть свои квартиры в Новгородской губернии и усиленным маршем двинуться к нашим границам.

Гвардия получила приказ подготовить к походу лейб-гвардии Драгунский и Конно-егерский полки. На войну также отправлялся корпус резервной поселенной кавалерии, состоящий из одной кирасирской и одной уланской дивизий. Окончив все эти приготовления, стали ждать фельдмаршала Дибича, находившегося с поручением в Берлине, с тем, чтобы доверить ему командование этой армией.

Тем временем император стремился использовать все возможные средства для того, чтобы вернуть повиновение своих подданных без пролития крови. Он послал своего адъютанта польского происхождения Гаука с письмом к генералу

Хлопицкому. В нем содержались приказания относительно судеб вдов, чьи мужья стали первыми жертвами бунта, и в смерти которых не обвинялась польская армия. В письме также предлагалось собрать все войска в Плоцке, и к нему был приложен манифест, в котором нации предлагались способы завоевать высочайшее прощение. Хлопицкому и другим малорассудительным людям предлагалось вести переговоры с тем, чтобы избежать ужасов войны, которая должна была разразиться. Но якобински настроенная партия, руководимая Лелевелем, и честолюбие Чарторыйского, стремившегося получить для себя польский трон, а также толпа бунтовщиков, не желавших ничего предпринимать, добились того, что приказания императора и его предложения были отклонены. Единственная уступка, которой смог добиться Хлопицкий, заключалась в том, что в Петербург была направлена делегация с целью добиться согласия императора принять жалобы Польши и получить санкцию на передачу польскому королевству литовских провинций.

Видя в этой миссии единственный путь к собственному спасению, в случае вероятного отказа со стороны императора, министр финансов и человек большого ума граф Любецкий ловко добился решения поручить это дело ему и взял с собой депутата Сейма Езерского. По их прибытии сюда император не пожелал принять этих людей вместе для того, чтобы исключить любую мысль о существовании делегации, которую бунтовщики осмелились направить к государю. Он принял графа Любецкого как министра в присутствии великого князя Михаила и многочисленных свидетелей. Он сурово говорил с ним о тех гнусностях, которые произошли в Варшаве, и не позволил ему сказать даже малейшего слова по поводу его миссии. Мне было поручено в том же духе переговорить с Езерским, которого император принял

несколько дней спустя неофициально и в моем присутствии. Любецкий получил приказ остаться в Петербурге, а Езерскому было разрешено вернуться в Варшаву. Он был уполномочен письменно передать слова, сказанные ему императором, в сформулированном мною виде. Это был последний способ, к которому прибегло благородное сердце императора, с тем, чтобы его взбунтовавшиеся подданные смогли избежать ужасов войны и наказаний, вызванных столь долгим неповиновением. Этот документ заканчивался словами: «Первый пушечный выстрел с польской стороны будет означать гибель Польши».

Езерский поспешил вернуться в Варшаву, где использовал все свое влияние и красноречие для того, чтобы доказать гибельность стремления вооруженным путем противиться мощи России, но его слова остались гласом вопиющего в пустыне, лидеры революции не слушали его, и война была решена. Потеряв надежду вернуть соотечественников к более разумному образу мыслей, Хлопицкий отказался от звания диктатора и в соответствии со своим статусом военного человека вызвался служить простым добровольцем. Громкого титула диктатора был удостоен князь Радзивилл, человек лишенный способностей и опыта, как в войне, так и в делах.

Вскоре после этого с целью развеять последнюю надежду на примирение влияние главарей движения сказалось и в Палате депутатов, когда при единогласной поддержке было объявлено о низложении короля. Этим была порвана последняя нить, связывавшая Польшу с Россией, отныне император имел все основания рассматривать поляков как врагов, а не как своих подданных. Коварные обещания французских демагогов воодушевляли польский бунт надеждами на эффективную помощь, которую ему окажет Франция. Либеральная пресса Германии и Англии поддерживала его

чрезмерным одобрением всех громких слов свободы и национальной независимости. Зависть европейских правительств с улыбкой встречала это новое препятствие на пути все возрастающего могущества России. Галиция и Познань с восторгом встретили события в Варшаве, они видели в них надежду на воссоединение с остальной частью их родины. Австрия и Пруссия еще не верили в серьезную опасность для них и не принимали эффективных и суровых мер для того, чтобы помешать своим польским подданным, помогать людьми и оружием делу освобождения их соотечественников.

Великий князь Константин со своей русской гвардией вернулся в пределы империи и в глубокой печали ожидал дальнейших распоряжений императора.

По своему возвращению в Петербург граф Дибич ускорил все приготовления к кампании, которая из-за тяжелых погодных условий обещала быть крайне трудной. В декабре месяце было много снега, на реках был ледоход, что с начала военных действий представляло такие трудности, которые были на руку неприятелю. Под командованием великого князя Михаила гвардия также двинулась в поход, а маршал покинул Петербург к середине декабря.

Были все основания опасаться, как бы Литовский корпус, более чем наполовину составленный из солдат и офицеров, вышедших из соседних с Польшей губерний, не был бы поколеблен в своей преданности теми событиями, которые в Варшаве развернули флаг национальной независимости. Один капитан даже попытался соблазнить свою роту и заставить ее пересечь границу с тем, чтобы присоединиться к бунтовщикам. Не сумев поколебать убежденность солдат, он один попытался перейти на другую сторону, но был задержан младшим офицером своей роты, который видел в нем лишь презренного предателя. Он замертво уложил его на виду своих товарищей, которых тот только что предал. Дезертировала всего горстка офицеров и один из полковых прапорщиков, остальные войска демонстрировали свое негодование и увеличили старание на службе с тем, чтобы смыть нависшие над ними подозрения. Тем временем император произвел перемены среди высших офицеров, многие были переведены в другие корпуса и заменены офицерами, взятыми из всех полков гвардии.

Еще большие опасения должны были появиться относительно направления умов в тех землях, которые в результате двух последних разделов Польши были присоединены к Пруссии. Первые поступившие туда известия о бунте в Варшаве потрясли и ошеломили даже самых радикальных патриотов. Первым побуждением шляхты этих провинций было опротестовать свою преданность и верность прусскому трону. Эти протесты один за другим достигали Петербурга, но их было недостаточно для того, чтобы предоставить правительству, принять те меры предосторожности, которые оно сочтет нужным.

Активные действия начались в Витебской и Могилевской губерниях, был издан указ, распространивший на этих территориях действие законов и предписаний, принятых в остальной России. Такие действия были предприняты для того, чтобы продемонстрировать полякам, что эти завоеванные в прошлом земли неразрывно связаны с Россией и их присоединение к Польше невозможно, иначе как через уничтожение могущества России.

Наконец, 24 декабря наша армия пересекла границу и вступила на территорию восставшего королевства. С тем, чтобы как можно скорее окончить военные действия, замысел императора состоял в непосредственном наступлении на Варшаву. Поляки предвидели подобное намерение и расположили свою армию на дорогах от Бреста и от Белостока, откуда они могли защищать подходы к столице. Один корпус занял позицию в окрестностях Милосны и Калушина перед Брестом, другой — в Пултуске и Рожанах с авангардом в Остроленке, в непосредственной близости от Белостока.

30 и 31 числа маршал Дибич перешел по льду Буг у Венгрова с 1 корпусом, состоявшим из Литовцев и отряда великого князя Константина, который от него был передан под командованием главнокомандующего. Гренадерский корпус под командованием князя Шаховского двигался по правому берегу Буга. При первом появлении наших войск жители городов и деревень, также как и их господа, оставшиеся в своих поместьях, встречали их без малейших признаков враждебности, но как посланцев их законного государя.

5 и 6 февраля наши авангарды встретили неприятеля в окрестностях Калушина. Стычка не была долгой, так как поляки начали в полном порядке отступление на всех направлениях, не желая разворачивать свои силы. Они стремились только к соединению своих двух больших отрядов и к защите столицы.

7 числа генералы Пален и Розен находились уже в 8 милях от головного укрепления предместья Праги. Укрепившись там, ожидали армию восставших, насчитывавшую более 60 тыс. человек и 80 орудий. Началось сражение. Граф Пален был вынужден отступить перед первым натиском численно превосходившего неприятеля, затем он объединил остатки своих войск и вскоре под барабанный бой начал наступление, тесня перед собой поляков, он остановился ввиду Праги на заранее подготовленной позиции с тем, чтобы принять оборонительное сражение. Жители Варшавы могли видеть с высоты своих домов массы наших войск, они также видели первые очертания наших победных огней и наказаний, ожидавших их бунт. Не имевший должности, но сильно веривший в армию, душа всего этого движения генерал Хлопицкий и диктатор князь Радзивилл были только сторонними свидетелями. Изучив позицию поляков, маршал Дибич приостановил на несколько дней военные операции с тем, чтобы дать время корпусу князя Шаховского прибыть на свои позиции.

13 числа наша армия двинулась на неприятеля, и началось ожесточенное сражение, в ходе которого обе стороны выказали равную храбрость. Несколько польских пехотных полков заняли лес впереди и почти посередине их позиций. Три раза этот лес занимался нашей пехотой и столько же раз неприятель вновь отбивал его. Наступление и оборона, от которых зависели судьбы этого дня, неоднократно усиливались, благодаря вступлению в бой свежих войск, и стояли обеим армия по нескольку тысяч человек. Наконец, лес остался в нашем распоряжении. Тотчас начальник генерального штаба армии граф Толь обошел этот лес с дивизией кирасир и улан и с 30 пушками конной артиллерии. Он неожиданно атаковал и опрокинул польскую кавалерию, которая направлялась с тем, чтобы отбить это наступление. В то же время на наш

правый фланг прибыл корпус князя Шаховского. Опрокинув находившийся целый день перед ним отряд, он принял участие в сражении. Все наши линии двинулись вперед, предводительствуемые лично маршалом, и вскоре на всех пунктах поляки были опрокинуты и в беспорядке бросились отступать под защиту пушек Праги, освобождая одноименные предместья, которые наша пехота заняла со всех сторон. Один из наших кирасирских полков¹⁴, благодаря храбрости своего молодого полковника Мейендорфа, добрался до головного укрепления.

Смятение в рядах неприятеля возросло, а в Варшаву стал проникать ужас. Понтонный мост на Висле был полон убежавших людей, вход в головное укрепление был разрушен. Поражение было полным, взбунтовавшаяся столица готовилась подчиниться законам победителя, составляла делегацию, чтобы вручить ключи от города и вымолить пощады. Еще одно усилие — и укрепления Праги, которые более не имели для защиты ничего, кроме беспорядка и ужаса, были бы взяты, Варшава оказалась бы в наших руках, а революция бы окончилась.

Но в этот решительный момент военная удача маршала Дибича отвернулась от него. Он колебался сформировать атакующие колонны, затем он остановил наступательный порыв и выпустил из рук победу. Отступив таким образом, он обесценил самопожертвованность военной операции и потерял свою славу. Он породил войну там, где было бы достаточно одной простой экспедиции, как удара молнии могущественного государя России против слабых бунтовщиков маленького польского королевства. Эта ошибка, еще более серьезная в тех обстоятельствах, более политических,

¹⁴ Помета Николая I: «Корпус принца Альберта Прусского, Малороссийский».

чем военных, могла бы быть исправлена, если бы Висла не представляла собой препятствия. Лед еще не был достаточно прочным для переправы целой армии. Потерянного дня или даже нескольких часов могло быть достаточно для того, чтобы восстановить оборону головного укрепления Праги, несколько упорядочить отступившие войска и вернуть варшавским руководителям надежду, как минимум на капитуляцию. Европа и Россия считали, что Дибич двигается к уверенной победе, даже поляки сражались скорее для поддержания воинской чести, чем из расчета на успех. Все разумные люди в Варшаве осуждали ложный и преступный порыв, вложивший в их руки оружие.

На следующий день Дибич понял сделанную им огромную ошибку. В течение еще нескольких дней он надеялся, что поляки, вразумленные итогами сражения, опрокинувшего их единственную армию, попросят у него пощады. Эту надежду поддерживало в нем и то обстоятельство, что из Варшавы были присланы парламентары. Он потерял еще больше времени. Вражеские главари воспользовались этим для того, чтобы укрепить надежду и сопротивление, наконец, Дибич уже не мог более сомневаться в том, что он потерял плоды своей победы. Европа и Россия были этому очень удивлены.

Одни обвиняли фельдмаршала, другие не желали в этом видеть ничего другого, как подтверждение больших ресурсов Польши и слабости нашей армии. С этого момента Дибич потерял всю свою энергию и веру, возможно, чрезмерную в свои собственные таланты. В решительный момент, когда он шел во главе своих колонн, чтобы захватить укрепления Праги, один генерал посоветовал ему прекратить атаку с тем, чтобы избежать дальнейших потерь. Он имел слабость последовать этому совету. Он никогда не говорил, кто же именно дал ему этот совет, эту тайну он унес собой в могилу.

Умирая, он сказал графу Орлову: «Мне дали этот пагубный совет, перед лицом императора и всей России я виновен в том, что последовал ему, командир единственный отвечает за все то, что произошло». Он глубоко переживал это заслуженное им осуждение, его благородная и преданная своему государю душа терзалась, эти чувства погасили его энергию и талант.

С этого времени он постоянно колебался. Считалось, что это великий князь Константин остановил его руку, готовую ударить по Праге и Варшаве. Вид этого города, где он жил и руководил в течение 15 лет, где он завязал большое количество связей, где познакомился со своей женой, где построил чудесное жилище, где остались все его привычки, этот вид в момент крушения, который приближался к Варшаве, мог тронуть душу великого князя и внушить ему желание спасти ее. Если это он дал тот совет, то он был жестоко наказан, так как вся возможная печаль и унижения следовали за ним по пятам и привели его через несколько месяцев в могилу, вдали от этой коварной Варшавы, о которой он так заботился.

Тем временем сражение у Праги и разные стычки, в которых участвовали разрозненные отряды, доказали, что поляки хорошо дерутся и что война будет достойной двух народов, имеющих единые славянские корни. Генерал Хлопицкий, бывший душой сражения, был ранен, диктатор князь Радзивилл также был выведен из строя. Показав свою значительную неспособность к делам, и будучи побежден демократической партией, он отказался от власти, которая была доверена молодому полковнику Кригонецкому¹⁵, которого революция сделала генералом. Революционные лидеры видели в нем более активный и гибкий инструмент их проектов либеральных реформ.

¹⁵ Помета на полях Николая I: «Кржинецкому».

Видя, что рассеялись последние надежды на разумное соглашение, которое едва поддерживалось в нем различными парламентами, маршал Дибич пришел к убеждению, хотя и слишком поздно, что необходимо взяться за дело со свежими силами. Он также понял, что пролитая под Прагой кровь и пережитые армией невзгоды самого неудачного для войны времени года, лишь уменьшили его силы, но не принесли никаких результатов.

Во время продвижения нашей главной армии к Варшаве, во главе драгунской дивизии и нескольких казачьих полков генерал Крейц прикрывал наш левый фланг. Без сопротивления он занял Люблин, переправился по льду через Вислу, рассеял три тысячи человек из нового призыва, разбил и преследовал до Варшавы отряд под командованием генерала Дверницкого, который был прикрывать столицу с этой стороны. Но когда наше наступление остановилось перед Прагой, Дверницкий взял реванш: он оттеснил отряд генерала Крейца, который в беспорядке еще раз переправился через Вислу и, отступая перед неприятелем, сдал ему Люблин. Главной целью Дверницкого было добраться до земель Волыни. Видя, что своим фланговым движением Крейц открыл ему дорогу, тот поторопился воспользоваться этим и оставил в Люблине только слабый арьергард. На следующий день он был атакован Крейцем, который с боем захватил Люблин. Будучи информирован о движении неприятеля, маршал Дибич направил графа Толя с его отрядом для усиления Крейца. Опасаясь наделать ошибок, Дверницкий решил закрепиться на Висле. Но в результате ловкого маневра Крейца он оказался отрезан от нее и со всеми своими людьми укрылся в небольшой крепости Замостье.

С другой стороны, во главе небольшого отряда улан и кавалерийского корпуса военных поселенцев генерал Сакен

опрокинул и полностью рассеял польские части, прикрывавшие территорию в окрестностях Плотцка. У них было убито много людей, а командир отряда был захвачен в плен.

В Пулавах, где обычно находилась старая княгиня Чарторыйская и откуда она поспешила скрыться при приближении наших войск, был почти полностью истреблен эскадрон казанских драгун. До этих пор местные жители совершенно не принимали участия в восстании, в связи с чем в этом эскадроне пренебрегли исполнением тех предосторожностей, которые необходимы при прохождении неприятельской территории. Этот эпизод стал практически единственным во время всего хода военных действий, который мог бы заставить поверить в активное участие мирных жителей во враждебных действиях против нас. Одна женщина из полного ненависти дома княгини Чарторыйской задумала это коварство и, обманув бдительность офицеров этого эскадрона радушным приемом, предупредила польские войска по другую сторону Вислы, а также вооружила прислугу в Пулавах.

Тем временем, граф Дибич решился, наконец, на активные действия, он вышел на берег Вислы и начал свои приготовления для того, чтобы произвести переправу и перенести основные события на левый берег этой реки, во внутренние части королевства.

Он оставил Литовский корпус наблюдать за дорогой Брест, которая служила главным средством сообщения с Россией, командование авангардом этого корпуса, находившимся перед головным укреплением Праги, было им поручено генералу Гейсмару. Вспомогательные силы находились на достаточно большом расстоянии, а главная квартира генерала Розена, который командовал этими войсками, была

в Дембевчах. Такая диспозиция передавала неприятелю все преимущества инициативы, чем он и не замедлил воспользоваться.

Собрав все свои силы, 19 марта неприятель предпринял неожиданную вылазку из укреплений Праги и в один момент опрокинул слабый авангард генерала Гейсмара, который, отступая в беспорядке, увлек за собой первые эшелоны корпуса. Войска остановились и смогли занять позицию только на уровне последних эшелонов, где собрался весь корпус. Но войска были подавлены отступлением своего авангарда и неожиданной вылазкой неприятеля. Поляки же, напротив, были воодушевлены этими первыми успехами и стремительно пошли в атаку. Сражение приняло всеобщий и кровопролитный характер, перед значительно превосходившим численно неприятелем Розен принял решение отступить и найти лучшую позицию в Минске. Преследуемые со шпайгой в руке, наши войска понесли большие потери. Увидев перед собой в первый раз отступающий русский флаг, поляки удвоили свои усилия, им удалось захватить пушки и несколько тысяч пленных. Эта победа накалила обстановку в Варшаве, воодушевила поляков во всех русских, австрийских и прусских провинциях, а также дала нашим врагам в Европе первую надежду на возможную борьбу между Польшей и могущественной Россией.

Узнав об этом поражении, которое он должен был предвидеть, Дибич остановил свои приготовления с целью форсировать Вислу и направился на помощь генералу Розену. В первый же момент он принял единственное решение, которое диктовалось расстановкой сил — отрезать пути отступления неприятеля и атаковать его с тыла. Польская армия не имела бы шансов избежать полного поражения. Но, будучи всегда смелым в проектах, едва армия прошла половину

пути к Праге, как он поменял свое решение и двинулся прямо на соединение с разбитым корпусом. Затем он пошел еще дальше и расположился позади него, превратив этот деморализованный и уменьшившийся почти наполовину после сражения корпус в свой авангард. Этот ошибочный маневр показал нашу слабость, дал возможность полякам воспользоваться всеми преимуществами своей легкой победы и предоставил им время в полном порядке отойти к Варшаве, сохранив свои военные трофеи и весь восторг своего неожиданного успеха.

Дибич удовлетворился преследованием отступающего неприятеля, расположил свою главную квартиру в Седлеце и поставил широким лагерем всю свою армию. Он хотел дать войскам отдохнуть, реорганизовать корпус генерала Розена и ожидать дальнейшего развития событий вместо того, чтобы направлять их. Это были настоящие зимние квартиры.

Тем временем, из Белостока прибыл гвардейский корпус, он заполнил всю территорию, поставив лагерь от Ломжи и Остроленки до Пултуска. Поляки воспользовались этим своего рода перемирием с тем, чтобы увеличить свою армию, призвав на военную службу крестьян, чтобы поддерживать связи с интеллигенцией Франции и Англии, и особенно для того, чтобы спровоцировать столкновения в исконно наших польских землях. Известия о сопротивлении и об успехах национальной армии взбудоражило там умы. Польское вольнодумие уже давало себя знать, затем укрепились надежды на воссоединение этих земель со своей матерью-метрополией. Тайные эмиссары с помощью подпольно привезенных писем призывали к бунту, требовали помощи Варшаве, женщины проповедовали войну, бунт, разного рода жертвы, студенты, сельские помещики, горожане воодушевляли друг друга, призывы во имя родины

ослепили всех. В Вильно, на Волыни и в Подолии завязывались заговоры, и вскоре щупальца бунта уже были видны со всех сторон.

Как мы уже видели, генерал Дверницкий спасся от Крейца и генерала Толя в маленькой крепости Замостье. Получив известия о том, что помещики Волыни расположены поддержать польское дело, и ждут только сигнала к выступлению, он вышел из своего убежища, опрокинул слабые наблюдательные посты, форсировал Буг в районе Остилуга и поддержал революционные настроения в этой части нашей империи. Здесь не было ничего, чтобы могло бы противостоять этому наступлению. Проявившиеся со всех сторон волнения, взрыва которых сильно опасались, ослабили войска на всей этой территории. Командующий драгунской дивизией генерал Ридигер поспешил объединить достаточные силы для того, чтобы противостоять наступлению Дверницкого и растущим мятежам. Поначалу он был принужден уступить неприятелю и отойти к Боремлю. Здесь началось сражение, поляки энергично атаковали, и наша первая линия кавалерии была отброшена. Но вскоре мы вернули себе превосходство, поляки были потеснены и начали спешное отступление. Они потеряли убитыми и взятыми в плен более полутора тысяч человек, остальные же спаслись только благодаря наступлению ночной темноты. Это поражение изменило надменную храбрость Дверницкого, он не думал больше о сражениях и надеялся только на шансы, которые могли быть ему предоставлены только всеобщим восстанием. Он направился к Радзивилу, где рассчитывал найти помощь, и где граница австрийской Галиции давала ему возможность уверенного отступления. Ридигер преследовал его и стремился навязать сражение, которого Дверницкий пытался избежать.

Тем временем генерал Давыдов атаковал и полностью уничтожил неприятельский отряд, бывший частью корпуса Дверницкого, который по его приказу остался в окрестностях Владимира с тем, чтобы образовать очаг бунта. Наконец, Ридигеру удалось заставить неприятеля остановиться и лишить его возможности уклониться от сражения. Бой начался почти у самой границы, но когда наши войска пошли в атаку, поляки тут же пересекли ее и укрылись под австрийской защитой. Там военные и гражданские власти захватили этих бунтовщиков, разоружили их и по частям направили во внутренние районы страны. Таким образом закончилась эта первая попытка спровоцировать бунт в наших землях в тылу нашей армии.

Недостаточная суровость со стороны галицийских властей, стремление жителей поддержать польское дело позволили значительной части этих солдат, офицеров и дворянских добровольцев убежать, вернуться в Польшу и пополнить ряды бунтовщиков. Позднее Дверницкий с частью своих офицеров был отправлен во внутренние части Австрийской империи, где и оставался до конца войны.

Еще до его наступления беспорядки начались в Литве и в Самогитии. Поланген был захвачен частями, прибывшими с той стороны. Наши таможенники при помощи курляндских дворян прогнали их оттуда. Но бунтовщики неоднократно возвращались, и эта небольшая местность превратилась в арену многих кровопролитных сражений. Восставшие формировали более или менее крупные группы, они активно организовывались и обмундировывались. Они угрожали Курляндии, в маленьких городах они беспрестанно убивали наших одиночных солдат, грабили склады, инвазивные команды. Они терроризировали русских жителей, уничтожали собственность империи, вешали бедных евреев

и участвовали во всех насилиях и провокациях, которые эти остатки некогда избранного народа и шумного дворянства вне всяких обычаев и логики могли выдумать в своем безумии.

В Вильно молодые студенты уже не скрывали своих надежд на вооруженный бунт, многие из них уже бросили учебу и руководили преступлениями и беспорядками. Генерал-губернатор был вынужден принять суровые предупредительные меры, самые наглые зачинщики были осуждены военным судом и расстреляны, однако пожар волнений разгорался, и император был принужден принять энергичные меры. Он приказал сформировать резервную армию, послал военным губернатором в Минск графа Сергея Строганова, генерал-губернатором в Каменец Подольский генерал-адъютанта Потемкина и в Киев генерал-адъютанта Левашова с инструкциями и обширными полномочиями. Новые полки донских казаков и казаков кавказской линии (первые использовались вне территории их расквартирования) были направлены в наши губернии. Под командованием генерал-губернатора балтийских провинций барона Палена в Ливонии и Курляндии был сформирован отряд, призванный действовать в Самогитии и защитить Курляндию. В наших крепостях Динабурге и в Бобруйске были удвоены меры предосторожности. В Литву и в другие провинции со всех сторон входили резервные батальоны. Позднее командование этой армией было поручено графу Петру Толстому.

Для поддержки Дверницкого варшавские лидеры направили большой отряд под командованием генерала Серавского. Он уже пересек Вислу и двигался к Люблину с тем, чтобы оттуда войти в Волынь. Преследуемый везде генералом Крейцом, этот отряд был разбит, а его личный состав рассеян, многие бежали к Висле и утонули в ней. Сверх 2 тысяч

убитых, 3 тысячи были взяты в плен. Во главе 10 тысяч солдат генералы Ромарино и Хршановский явились отомстить за поражение Серавского. Был момент, когда им улыбнулся успех против слабого отряда генерала Фези, но подоспевший Крейц атаковал их сзади и рассеял этих новых противников, взяв более 600 пленных.

Тем временем польский главнокомандующий Скржинецкий придвинув свои войска к позициям нашей армии, приготовился к действиям, приняв отдых, предоставленный войскам маршалом Дибичем, за беспомощность. Узнав о приготовлениях поляков, маршал пожелал их опередить и 1 мая двинулся прямо на неприятеля, стоявшего на позициях под Калушиным. Сражение не было долгим, разбитый противник отступил и укрылся в головном укреплении Праги.

За несколько дней до этого отряд из корпуса гренадер пштыковой атакой разбил много поляков, которые находились и укрепились на некотором расстоянии влево от их основного расположения с целью угрожать нашему правому флангу. Гренадеры под командованием генерала Угрюмова приблизились к укреплениям на расстояние выстрела и стремительно бросились туда. Им оказалось достаточно пройти лишь четверть пути, как 800 поляков были там убиты, а остальные были обязаны своим спасением лишь маленькой речушке, которая прикрыла отступление их основных сил.

Эти сражения не улучшили общего положения дел, они только приучили восставших к боям, дали им время на преобразование и на укрепление связей с Францией и Англией. Они также глубоко задели самолюбие России и ранили гордость русской армии, удивленной тем, что полякам удается так долго сопротивляться. С другой стороны,

не разделявшие опасностей войны варшавские фазаны осуждали своих генералов за слабые успехи, и вели речь только о полном поражении русской армии и о перенесении военных действий в центральные губернии империи.

* * *

Вдохновленный воплями взбесившихся варшавских руководителей, слабый диктатор Скржинецкий решился на отважный и хорошо рассчитанный маневр, если бы он был быстро исполнен и если бы поляки имели дело с не столь послушными и надежными войсками, как наша гвардия. Собрав всю свою армию, 1 мая поляки двинулись на великого князя Михаила в надежде застать его врасплох, форсировать Нарев и Буг и направиться прямо на лагерь гвардии. В Остроленке находился наблюдательный пост под командованием генерала Сакена, который прикрывал расположение гвардии. Этот отряд был укреплен и на протяжении нескольких дней сдерживал передовые части неприятеля, пока великий князь спешно собирал свои полки. Он еще не получил инструкций маршала Дибича и вскоре должен был оказаться лицом к лицу со всеми неприятельскими силами. Его первым побуждением было принять сражение, несмотря на значительный численный перевес противника, но он полностью полагался на непоколебимую храбрость своих войск. Он даже собирался атаковать, когда получил известие о том, что неприятель послал к нам значительный отряд, который под прикрытием реки Буг продвигался к тылам на левом фланге позиции, которую занимала наша гвардия. Это предопределило отступление великого князя, он был бы более чем неосторожен, приняв сражение против превосходящих сил, в тот момент, когда его тылам угрожала опасность. Он вышел из состояния мучительной нерешительности, в которой

находился. Приказ маршала предписывал ему отступить на Белосток и сообщал о продвижении нашей главной армии в направлении Нура с тем, чтобы в свою очередь угрожать неприятелю с тыла, если он будет продолжать преследование гвардии.

Если бы Дибич быстро осуществил этот маневр, столь же решительный, сколь и хорошо задуманный, то полякам пришел бы конец. Но после своей первой ошибки перед Прагой, этот человек, весь состоявший из нерешительности и медлительности, потерял всю свою энергию. Он то шел вперед, то останавливался, менял планы, отдавал противоречивые приказания, он сомневался даже в полученных рапортах о смелом продвижении поляков против гвардии. Тем временем великий князь получил приказ об отступлении и все расчеты во исполнение этого приказа. Не без больших трудностей ему удалось собрать всю гвардию около Снядова, там он отдал приказания о порядке отступления. Он начал движение 7 мая по направлению к Тыкочину.

Польский главнокомандующий, который мог бы действовать значительно быстрее, удовлетворился сопровождением войск великого князя, наступая на пятки нашему арьергарду, с целью блокировать корпус и, тем самым, ускорить его движение. Но весь наступательный порыв был нейтрализован выдержкой генералов Бистрома и Полечко и находящихся под их командованием войск. Сам великий князь успевал быть везде. Полки семеновцев, егерей, финляндцев, батальоны саперов и финляндских стрелков, которые последовательно противостояли численно превосходившему противнику, соперничали друг с другом в усердии и мужестве. При каждой атаке они дорого платили за каждый шаг отступления, которое было им предписано. Сражение в Тыкоцине было весьма оживленным и кровопролитным. Поляки хотели

перейти мост вслед за нашим арьергардом, который понес значительные потери. Мост был разрушен гвардейскими саперами под плотным картечным огнем. Видя, что гвардия отступает перед их ударами, поляки со своей стороны посчитали, что их войска устали, а количество потерь вынуждает их к долгому отступлению, кроме того, с тыла им угрожала начавшая, наконец, движение наша главная армия. Таким образом, им не осталось другого выбора, как быстро удалиться с театра военных действий и позаботиться о собственном спасении. После 4 дней отступления 11 мая гвардия снова начала наступать, она перешла Тыкочин и занялась преследованием поляков. Их отступление вскоре превратилось в бегство. Преследуемый легкой гвардейской кавалерией, их авангард заботился только о том, чтобы уйти как можно быстрее, они побросали своих раненных, обозы, ружья и продемонстрировали полный беспорядок плохо руководимых и упавших духом войск.

Узнав, что в Нуре большой отряд под командованием генерала Лубенского прикрывает правый фланг неприятеля, Дибич направил туда графа Вита с тем, чтобы выбить их оттуда в то время, как основная армия продолжила свое движение на Цехановец. Нур был взят после первой же атаки, а Дубенский был обязан своим спасением только густому лесу, сквозь который в полном беспорядке отступили его войска. На следующий день, 13 мая фельдмаршал соединился с гвардией и таким образом, вместо того, чтобы воспользоваться ошибкой противника, отрезать ему пути к отступлению и разбить его одним ударом, он оказался лицом к лицу с ним. Он соединил свои силы с гвардией, которая одна была вполне в силах преследовать ослабленных и деморализованных поляков.

Никогда еще в короткой кампании не было упущено столько возможностей побить противника и закончить войну.

Поляки были счастливы спастись столь чудесным образом и мечтали только о том, чтобы отступить к Варшаве с наименьшими потерями. Они пересекли Нарев в Остроленке и оставили там сильный отряд только для защиты своего отступления. Спустя 14 дней после того, как поляки отправились разбить гвардию, 14 мая наши солдаты приблизились к Остроленке. Еще накануне генерал Бистром опрокинул их арьергард и заставил поляков укрепиться в городе. Ранним утром следующего дня началось сражение. Поляки укрепились, чтобы защитить входы в город, но построенные в колонну два гренадерских полка пошли в штыковую атаку и начали освобождать от неприятеля улицу за улицей, дом за домом и, наконец, в огне пожаров, которые сами поляки зажгли, как последний способ сопротивления, они стремительно ворвались в Остроленку. Обращенные в бегство во всех пунктах, поляки бросились к мосту, который был уже готов к уничтожению. Значительная часть их погибла в волнах или пала под штыками наших grenадер. Неудовлетворенные достигнутыми успехами, grenадеры бросились к мосту, доски которого уже были демонтированы. Один за другим под огнем вражеской артиллерии они по балкам моста на другую сторону и бросились вперед, несмотря на всю польскую армию, формировавшуюся на том берегу реки. Этот единственный в своем роде подвиг, оставшийся в анналах военной истории, совершили grenадеры Астраханского полка.

Удивленные такой отвагой поляки поспешили выстроить свои линии и приготовились отразить эту атаку. Несколько других батальонов grenадер последовали за астраханцами, но неприятельская артиллерия сосредоточила весь свой огонь на этой горстке храбрецов, заставив их искать укрытие за насыпью, на которой находилась дорога, шедшая вдоль берега реки. Скржинецкий со своими генералами торопились построить атакующие колонны для того, чтобы занять

выгодную позицию и окончательно разрушить мост. Несколько раз они атаковали наших гренадер, которые при приближении поляков поднимались на насыпь, отражали неприятеля и возвращались под ее защиту при залпах их артиллерии. Начальник Генерального штаба генерал Толь появился на берегу реки со стороны Остроленки и успешно расположил там несколько артиллерийских батарей таким образом, чтобы они стреляли через головы наших гренадер прямо по полю, на котором строились неприятельские колонны с тем, чтобы дать гренадерам передышку.

Затем 1 пехотная дивизия под командованием своего храброго генерала Мандерштерна перешла по мосту, который тем временем постарались подправить, и двинулась прямо на вражеские линии. В свою очередь остановленная атакой значительно превосходившего неприятеля, дивизия заняла позицию рядом с гренадерами. Тем временем, поляки еще не потеряли надежду одержать победу, благодаря своему численному превосходству. Они заменили отброшенные полки свежими частями и с ожесточением возобновили свои усилия, которые были отражены нашими солдатами. Наконец, когда они были отброшены и повержены нашей артиллерией, поляки воспользовались наступлением темноты для того, чтобы скрыть свое отступление и полное поражение.

На следующий день наши войска увидели перед собой только оставленный лагерь, полный трупов, обозами со снаряжением и брошенными ранеными. Более 9 тысяч человек попало к нам в плен, в наших руках остались три пушки и три генерала. Неприятель в полном беспорядке побросал оружие и знамена и скрылся в лесах, не заботясь более о защите своего отступления. Со своей стороны мы оплакивали двух отличившихся полковников Сафонова и Рейзенштейна, многие генералы были ранены и более 4 тысяч человек убито. Из-за плохого инженерного обеспечения маршал Дибич

не смог развить этот блестящий и полный успех. Только на следующий день далеко за полдень он направил графа Витта с кавалерией с целью преследовать неприятеля, но даже не дал ему приказа двигаться быстро с тем, чтобы завершить его разгром, но только с целью наблюдения за его передвижениями. Поляки бежали вплоть до Варшавы и Модлина, на этом направлении военные действия были, как бы приостановлены. Таким образом, закончилась военная карьера графа Дибича.

Уже несколько недель в армии и в гвардии свирепствовала холера, причинявшая значительные потери. Солдаты устали, генералы были недовольны его образом действий, провизия и снаряжение прибывали с большим трудом. Бунты в наших губерниях в его тылу делали затруднительным сообщение с Россией. Он был совершенно деморализован и упал духом. Он поставил свои войска в просторные лагеря и даже написал императору с просьбой прислать ему замену. Его главная квартира была перенесена в Пултуск.

Во время сражения при Остроленке большой польский отряд пехоты, кавалерии и артиллерии под командованием генерала Гелгуда появился на нашем крайнем правом фланге, он двигался к Августову. Он встретил слабый отряд генерала Засса, который после боя был вынужден отступить. Фельдмаршал Дибич направил для преследования Гелгуда графа Куруту во главе гвардейского полка, который до революции входил в состав варшавского гарнизона.

В то же время находившийся в Белостоке великий князь Константин пришел к убеждению о том, что он должен избежать опасности, исходившей то ли от приближавшегося генерала Гелгуда, то ли от восстаний, начавшихся в этой части наших губерний. Вскоре после первого сражения у стен Праги великий князь находился в плохом настроении, стал докучать графу Дибичу и покинул армию.

Заканчивавшаяся в армии эпидемия холеры в качестве одной из последних жертв выбрала маршала Дибича, который испытывал удары беспокойства и угрызений совести, вызванные слабыми успехами его военных операций. Он страдал только несколько часов и испустил последний вздох в присутствии графа Алексея Орлова, который только что приехал по поручению императора для того, чтобы высказать ему слова ободрения и сообщить о замечаниях военного характера, замеченные императором, которые он сам слишком хорошо знал. Он умер во цвете лет, сделав блестящую военную карьеру, подпорченную только этой последней кампанией. Армия и Россия были почти довольны его смертью, позволившей сделать его ответственным за стыд этой достаточно долгой борьбы против польской революции.

Император и все те, кто знал его ближе, сожалели о нем, как о лояльном человеке, истинном слуге своего государя, как о добродетельном и преданном гражданине. В тот момент, когда известие о его смерти достигло Петербурга, предусмотрительно вызванный с Кавказа для его замены маршал Паскевич уже был готов выехать к войскам. Утром следующего дня он поднялся на пароход и направился в Мемель.

* * *

В тот момент, когда смерть Дибича прервала все операции нашей армии, когда в наших губерниях с каждым днем усиливались бунтарские настроения и когда объединенный корпус Гелгуда подкрепил их в Литве, в Петербурге разразилась эпидемия холеры. Без промедления император прибыл в город для того, чтобы отдать приказания и принять там те меры, которые еще считались необходимыми с тем, чтобы бороться с этой ужасной болезнью. Во всех главных кварталах города он сразу же создал госпитали, назначил начальников округов с тем, чтобы заботиться о порядке

в этих госпиталях, и чтобы оказывать неотложную помощь заболевшим и особенно детям, которых холера могла оставить без родителей и без средств к существованию. Он поспешил приказать вывести все кадетские корпуса из мест их расположения и расквартировать их в Петергофе, куда переехала вся императорская семья. Только после этого император отправился туда сам.

На следующий день туда же надлежало явиться и мне, между Петербургом и Петергофом был выставлен санитарный кордон. Я уже был на пути туда, когда из Петергофа прибыл фельдъегерь, остановил мою коляску и вручил мне записку от князя Волконского, который предлагал мне прибыть незамедлительно, так как я срочно нужен был императору. Я погнал лошадей, будучи несколько удивлен такой поспешностью, так как накануне пообещал Его Величеству, что вечером буду рядом с ним. У небольшого дома, где расположился император, я выскочил из коляски. Первыми, кого я увидел, были два врача императрицы с расширенными от ужаса глазами, я успел только спросить их, что они здесь делают, и получить ответ, что они приехали лечить императрицу. В этот момент император с полными слез глазами резко взял меня за руку и ввел в свою комнату. Я пристально взглянул на него, он был взволнован так, как я раньше никогда не видел, он сообщил мне, что его брат великий князь Константин умер от холеры. Наступление Хлопицкого заставило его вместе с женой княгиней Лович уехать из Белостока, вначале они бежали в Минск, а затем, видя, что его со всех сторон окружали бунты, он переехал в Витебск в сопровождении только 20 гвардейских жандармов и части кирасир из императорского конвоя. Там он раздумывал о той позиции, которой ему следовало придерживаться, он колебался с возвращением в Петербург, куда был приглашен своим братом Николаем, он полностью прочувствовал

униженность своего положения, и он знал, насколько его поведение способствовало развитию недовольства. Он был так несчастлив, как только мог быть несчастлив человек. Будучи несколько недель императором России, он не видел более ни одного уголка в этой огромной империи, где он чувствовал бы себя спокойно. Моральные переживания ослабили его физически, и он стал жертвой холеры. Он страдал всего несколько часов и испустил дух 15 июня. Я не удержался от слез, читая подробности этой внезапной кончины.

Император мне заявил, что желает дать неопровержимое доказательство своего участия несчастной вдове старшего брата, и что он поручает мне немедленно отправиться передать княгине Лович слова соболезнования и привезти ее сюда вместе с телом ее мужа, которого она решила не покидать. Я уехал из Петербурга в прекрасном самочувствии и без всякого опасения заразиться (этот род боязни никогда не был свойственен моей душе), а вышел из кабинета императора уже заболевшим. Приняв это недомогание за результат тяжелого потрясения, которое я только что испытал, я вернулся в свои комнаты с тем, чтобы подготовиться к отъезду и дать своей канцелярии необходимые распоряжения на время моего отсутствия. Но стоило мне прилечь, как я почувствовал первые симптомы холеры и сразу же был признан опасно больным. Прибывший в это время из города врач императора Арендт зашел ко мне. Он был напуган моим искаженным лицом. Он дал мне лекарство и приказал приготовить для меня ванну с очень горячей, почти кипящей водой. В ней я потерял сознание и очнулся в своей постели, почувствовав некоторое облегчение. Были приняты все необходимые меры для того, чтобы уберечь императорскую семью от заражения, которое я туда принес. Мысль о том, что я могу стать причиной будущих несчастий, увеличивала мои страдания.

По понятным причинам к княгине Лович был послан другой человек, я же старался, насколько это было в моих силах, вернуться к ведению моих дел. В тот же день император пришел меня навестить и сел рядом с моей постелью. С этих пор и на протяжении трех недель не был пропущен ни один день, он приходил и подолгу разговаривал со мной. Эти беседы велись на очень неприятные темы — через четыре дня после своего появления в Петербурге эпидемия приняла устрашающие размеры; во главе Резервной армии граф Толстой все еще не завершил разгром Гелгуда и не смог разоружить банды, наводнявшие те края; состояние нашей армии в Польше было далеко от удовлетворительного, холера косила солдат, плохо переносимая в наших климатических условиях жара утомила войска, а странные распоряжения покойного маршала рассеяли армию по разным местам и привели ее к общему упадку духа. В этих уже весьма огорчительных обстоятельствах новости из Петербурга не улучшали положения дел. Эпидемия холеры устрасила все классы общества, которые заволновались. Особенно это сказалось на народных низах, страдавших от мер санитарного контроля, кордонов вокруг города, активного полицейского наблюдения и даже от тех забот, которые правительство им предоставило в госпиталях.

Встревоженные всеми этими принудительными мерами, люди заговорили об отравлении, они стали собираться толпами, нападать на улицах на иностранцев, обыскивать их для того, чтобы найти этот выдуманный яд, они громко обвиняли врачей в отравлениях, они распускали слухи о том, что воды Невы якобы отравлены. Эти ослепленные люди мало-помалу осмелели и большими толпами собрались на любимой ими Сенной площади, там они останавливали экипажи, оскорбляли иностранцев и врачей, подняли руку на полицейских

офицеров и жандармов, которые прибыли для того, чтобы восстановить порядок. Наконец, как бешенные животные они бросились к стоявшему на площади дому, в котором был недавно устроен госпиталь. В один момент эти несчастные наполнили весь дом, они верили в отравление и с пеной у рта искали жертв. Окна были разбиты на тысячу кусков, мебель выброшена на улицу, больные изгнаны из дома, умирающих бросили на мостовой, бедных служителей госпиталя и санитаров избили и преследовали, наконец, врачей гнали с этажа на этаж и убивали со всей жестокостью бредового ослепления. За несколько мгновений до этого в толпе появился генерал-губернатор, но его слова не были услышаны. Его полномочий не хотели признавать, ими пренебрегли. Полицейских осыпали руганью. Видя, что их жизнь подвергается опасности, они попрятались или ходили переодетыми, не осмеливаясь использовать свои полномочия.

У генерал-губернатора графа Эссена собрались различные городские начальники, к ним также присоединился командир оставшихся в городе гвардейских батальонов и эскадронов граф Васильчиков. Все они решили наступать на толпу, используя по мере необходимости штыки с тем, чтобы рассеять собравшихся на площади. Во главе батальона семеновцев он двинулся на Сенную площадь и с барабанным боем пошел на людей, прибывавших с прилегавших улиц. Но толпа не успокоилась и не собиралась восстанавливать порядок.

Информированный обо всех событиях в городе император прислал приказ войскам быть готовым наступать, а всем воинским начальникам собраться у Елагинского моста. Вместе с князем Меншиковым он поднялся на борт парохода «Ижора» и вскоре прибыл в свою резиденцию. Он был поражен удрученным выражением лиц своих подчиненных. После того, как он выслушал все доклады о беспорядках, случившихся накануне, его первым приказанием было привести ему

*Николай I перед народом во время холерного бунта на Сенной площади
в Петербурге 23 июня 1831 года*

лошадь, которая бы не боялась огня. Вместе с князем Меншиковым он сел в коляску и по большому проспекту приехал на Сенную площадь. Там еще были видны жертвы ярости народа, и огромная клокочущая толпа заполняла все ее пространство. Он остановил коляску посреди собравшихся, встал, оглядел толпу, теснившуюся около его экипажа и угрожающим голосом приказал всем стать на колени. Вся эта масса людей обнажила головы и подчинилась его повелительному голосу. Затем, глядя на храм, он сказал: «Я приехал для того, чтобы попросить Господа быть милостивым к вашим грехам, чтобы молить его простить вас. Вы противитесь этому. Русские ли вы? Вы ведете себя как французы и поляки. Вы забыли, что должны мне подчиняться, я смогу привести вас к порядку и наказать. Я отвечаю перед Богом за ваше поведение. Пусть откроют двери храма и пусть там молят всевышнего за души несчастных, погибших от ваших рук».

Эти слова, произнесенные с силой, благодаря которой они были слышны на всей площади, произвели магическое действие. Эти люди, которые только что оскорбляли власти и которые недавно стали убийцами, осенили себя крестным знаменем, пролили слезы и опустили глаза от стыда и в знак глубокого уважения своего государя. Император также перекрестился и добавил: «Я приказываю вам разойтись, вернуться домой, и подчиняться всем моим предписаниям». Толпа с энтузиазмом приветствовала императора и поспешила подчиниться. Нормальный порядок был восстановлен, и все благословляли силу и неустрашимую заботу императора.

В тот же день он объехал почти все районы столицы, побывал в различных батальонах гвардии и линейных войск, которые из опасения перед холерой были расквартированы в палатках в различных точках вокруг центра города. Везде он останавливался, разговаривал с командирами и с солдатами, везде его ожидал восторженный прием и везде, где он появлялся, восстанавливалось спокойствие и безопасность. В тот же день он назначил своих генерал-адъютантов князя Трубецкого и графа Орлова помощниками генерал-губернатора, поручив им самые населенные кварталы города, там, где произошли беспорядки. Он назначил меня главой созданной комиссии по выявлению и наказанию лиц, виновных в насилиях, подстрекательстве и в убийствах. Но только через несколько недель состояние моего здоровья позволило мне вернуться в город, чтобы ускорить и завершить это следствие. А пока генерал Перовский и начальник моей канцелярии господин Фок собирали необходимую информацию и приготавливали мне поле для работы.

Вечером император вернулся в Петергоф, где из предосторожности ему и всем сопровождавшим его лицам в Монплезире были приготовлены чаны для мытья и полная перемена одежды. С этого времени и до окончания

эпидемии император несколько раз в неделю выезжал в город для того, чтобы проехать по улицам и осмотреть лагерь.

Холера усиливалась, весь город жил в страхе, госпитали были переполнены, священники не успевали отпевать жертв болезни, за день умирало до 600 человек. Многие видные люди были вынуждены покинуть службу и своих друзей, генерал инженерных войск Опперман умер за несколько часов, он сам считал, что был отравлен стаканом воды, настолько симптомы болезни были похожи на действие смертельного яда. Граф Станислав Потоцкий скончался после нескольких дней страданий. Везде были видны только траурные одежды и слышны только соболезнования. Жара была невыносимой, небо было раскалено, как в самых южных районах, ни одно облачко не появлялось в его сияющей голубизне. Страшная засуха сожгла газоны и заставила почву растрескаться.

Двор переехал в Царское Село, куда император приказал перевести все кадетские корпуса с тем, чтобы они не лишились той отеческой заботы, которую он оказывал этому питомнику наших офицеров.

Холера распространилась и в окрестностях Петербурга, население страдало от ограничений, которые санитарные кордоны возвели на путях передвижений и торговли, всюду деятельность правительства должна была помочь преодолеть эти огромные неудобства, предотвратить беспорядки, позаботиться о снабжении продовольствием и о выздоровлении людей.

Болезнь проникла даже в новгородские военные поселения. Несмотря на те изменения, которые в них внес император, принципы, на которых они были основаны, изначально ошибочные и оскорбительные, жестокость в формах их существования, заложенная грубым руководством графа Аракчеева, не уменьшили недовольства, которое там укоренилось с момента их создания. Бывшие жители этих мест, лишённые

спокойствия и независимости положения государственных крестьян, ради того, чтобы страдать от дисциплины и военных тягот, принимали все это с величайшим огорчением. Также проживавшие там солдаты скучали от однообразия постоянной работы и кропотливых потребностей, за которыми они были закреплены, они присоединяли свое недовольство к аналогичным чувствам бывших крестьян. Достаточно было одной искры для того, чтобы там вспыхнул бунт. Холера была только предлогом, там появились и были яростно подхвачены обвинения в отравлениях, оседлые колонисты собирались в толпы, воодушевляли друг друга, их обиды на власти, накапливавшиеся годами, выливались с еще большим гневом. Они с остервенением набросились на офицеров и врачей, все те, кто не успел спастись немедленным бегством от их мести, были жестоко убиты, крики: «Смерть офицерам и отравителям!» раздавались над всеми военными поселениями.

Резервные батальоны полков, которые героически сражались в Польше, хладнокровно наблюдали за всеми этими ужасами и весьма неохотно исполняли команды командиров, не отказываясь в то же время подчиняться вовсе. Только одно военное поселение 1 полка карабинеров совершенно не участвовало в бунте и полностью от него отстранилось. Уже некоторые презренные люди пытались управлять этим гадким восстанием, уже их представители пытались поднять окрестных крестьян против их помещиков. В городе Старая Руса, который входил в состав военных поселений, народ бросился на городскую площадь, убил городничего и врачей, оскорблял полицейских, разнес в щепы трактиры и перебил мебель. В результате они передвигались в городе с триумфом, как победители властей. Генералы собрали батальоны, которые остались верными, хотя и с полупреступным равнодушием, они не осмеливались атаковать бунтовщиков

из страха, что солдаты откажутся повиноваться. В их души вселилось уныние, которое парализовало их власть. Тем временем военные поселенцы сами устрашились своих преступлений, и стали думать о том, как им остаться безнаказанными. Они направили нескольких своих представителей к императору, который уже был полностью в курсе подробностей бунта. Часть этих людей была арестована на последней почтовой станции перед Царским Селом, другие же направились напрямик в Петербург. Император пожелал их видеть и приказал графу Алексею Орлову привезти их в Ижору. Он взял меня с собой, и мы прибыли в коляске в указанное место. Как только император их увидел, он им крикнул: «На колени!» Затем он сурово объяснил им весь ужас их поведения и всю тяжесть заслуженного ими наказания. Он добавил: «Возвращайтесь к себе и передайте, что я посылаю своего генерал-адъютанта графа Орлова провести следствие и принять над вами командование. Передайте, чтобы ему слепо подчинялись». Орлов выехал вслед за ними. Его суровый характер, рассудительность, величие, которое ему придавало звание посланца государя, вернули храбрость генералам и укрепили ослабевшее подчинение солдат. Император был в нетерпении увидеть все своими глазами и потушить в зародыше столь опасный бунт, сел в коляску и в полном одиночестве выехал к месту развернувшихся событий. Он покинул императрицу, которая со дня на день должна была родить, и состояние которой должно было только ухудшиться от тревоги, добавившейся к скорому разрешению от бремени. Но император, всегда отдававший предпочтение своим обязанностям перед нацией, посчитал, что он должен ехать, и никакие соображения личного порядка не могли его остановить.

Он приехал прямо в военные поселения, приказал собрать батальоны, попробовавшие на вкус кровь своих офицеров,

и предстал перед ними. Ему не было видно лиц виновных солдат, все они опустили головы к земле, и в молчании и в дрожи ожидали волеизъявления своего суверена. Император сурово упрекнул их в ужасном поведении и приказал, чтобы самые виновные были схвачены и преданы смертной казни. Это было исполнено с самой мистической покорностью. Солдаты целого батальона, которые все опустили глаза в землю, но которые были больше других виновны в преступлениях, здесь же на площади получили категорический приказ императора выйти из манежа и сразу же направиться в Петербург, откуда их переведут в крепость, будут судить и оставят под контролем армейских частей. Батальон двинулся, сделал пол-оборота направо и в полном порядке направился навстречу своему наказанию. Ни единый солдат не осмелился попрощаться с женой или взять с собой что-то из вещей. Магический эффект власти государя был столь же величествен, как проявление характера императора и как черта уважительной верности его народа. Это был знак энергии, знак преданности Николаю, символ гарантии суверенного могущества России, религии и уважения к законам со стороны нашего прекрасного и чистого народа.

Затем император говорил с различными командирами, отдал приказания о создании военного трибунала, а также обо всех требуемых действиях с целью ликвидировать следы беспорядков и предотвратить их возобновление. Городские власти Старой Русы также хотели вымолить прощение, но раздраженный их поведением император заявил, что не желает даже появляться в этом преступном городе, и что они будут подвергнуты суду того же военного трибунала.

Между тем, видя все печальные последствия существования военных поселений буквально у дверей столицы, а также понимая все недовольство, которое так глубоко в них укоренилось, император решил с того же дня их реформировать.

Он счел нужным ликвидировать все то, что могло поддерживать в них дух братства и общих интересов, который делал из двенадцати гренадерских полков изолированное поселение, способное обратить оружие против властей, то, что укрепляло их отдельное положение, изолированное от армии и от народа. Но надо было избежать любого заметного снисхождения к преступным элементам, именно под видом исполнения наказаний позднее и следовало преобразовать военные поселения. Единственный 1 карабинерский полк был оставлен в прежнем положении в качестве награды за его хорошее поведение в центре общих волнений. Дети военных поселенцев, ранее прикрепленные к соответствующим полкам, были распределены по другим армейским полкам, а рекруты со всех губерний империи заняли освободившиеся вакансии в гренадерских полках. Солдаты более не имели ничего общего с поселенцами и не жили у них, так же как и у других крестьян. Они были закреплены за податными округами, и всякая связь между солдатом и земледельцем по мере сил ликвидировалась. В дальнейшем два гвардейских кавалерийских полка, ранее стоявшие в Варшаве, были расквартированы в помещениях, до этого занятых двумя гренадерскими полками, а третий был позднее прикреплен к кадетскому корпусу, предназначенному для сыновей офицеров, служивших в гренадерских корпусах.

Император благополучно вернулся из этой поездки, которая стала одной из лучших страниц его царствования, успев к родам своей царственной супруги, которая произвела на свет мальчика, названного Николаем. После всех испытанных им потрясений это был первый миг радости, подаренный ему небом. Это было началом счастливого времени. Вокруг все было мрачно, все, казалось, предвещало ужасное будущее: война в Польше, волнения в наших губерниях, смертоносная эпидемия холеры в столице, брожение

Новгородские военные поселения

народа в общественных местах, бунт в военных поселениях. Все это поменялось, и каждый курьер приносил хорошие новости.

* * *

Поляки под командованием Гелгуда, которые после сражения под Остроленко опрокинул слабый отряд генерала Остен-Сакена, вошли в Литву. Все горячие головы сразу же повернулись к ним, они пополняли свои ряды на марше и громко заявили о планах отделения Вильны от московского владычества. Посланный со своими войсками туда граф Курута прекрасно осознавал значение Вильны, он оставил Гелгуда и прямо направился к этой столице Литвы с тем, чтобы опередить там неприятеля и успокоить жителей города, которые уже приготовились к восстанию. Он присоединил к себе остатки отряда генерала Сакена, которые Гелгуд не смог разбить, хотя имел 20 тысяч против 4 тысяч человек.

Также к графу Куруте присоединился бывший гарнизон Вильны под командованием князя Хилкова, состоявший из улан и некоторого количества пехоты. Ему хватило времени занять позицию перед городом и приготовиться к встрече Гелгуда, которой не замедлил там появиться и начать сражение. Он вдохновил свои войска видом колоколен Вильны и необходимостью победить ради собственного их спасения.

Атака поляков была энергичной и хорошо направленной, в различных пунктах они попробовали опрокинуть наши линии обороны. Имея численное превосходство, они были вынуждены уступить нашему превосходству в дисциплине и в стойкости наших солдат. Понеся значительные потери, поляки были вынуждены быстро отступить и оставить свою излюбленную мечту — вознести знамя восстания на высоты старинной резиденции Ягелло. Так как в Вильне оставался только слабый гарнизон, граф Курута не счел возможным преследовать неприятеля, что стало его большой ошибкой. Но командующий Резервной армией граф Петр Толстой, прибывший в тот же день в Вильну, имел в своем распоряжении несколько батальонов, которые давали нашим силам ощутимое превосходство. После необходимых приготовлений он двинулся вперед, чтобы покончить с Гелгудом.

Видя, что его преследуют, и не найдя в Литве помощи, на которую рассчитывало польское легкомыслие, вступая на эти земли, он не знал в какую сторону ему направиться. Он хотел вернуться в королевство, его авангард был разбит у Ковно, другие его отряды хотели пронести знамя восстания в новые русские губернии, но были отброшены у Паневежиса и у Вилкомира. Под Щавлей отряд полковника Крюкова, состоявший из 400 человек, с замечательной храбростью противостоял многочисленным атакам нескольких тысяч восставших под командованием Гелгуда и других вождей восставших Хлоповского и Дембинского. Они понесли

значительные потери убитыми, а эта горстка русских еще захватила более 500 пленных. Со всех сторон поляки были разбиты, их преследовали, отрезали пути к отступлению. Они теряли мужество вместе с надеждами на победу, и закончили тем, что приблизились к прусской границе. Разбитые и деморализованные они поспешили пересечь границы нашей империи и сдаться пруссакам. В тот день, когда Гелгуд так бесславно окончил свой поход, к нему приблизился польский офицер с пистолетом в руке и раздробил ему череп.

Часть его отряда под командованием Роланда скрылась на территории Польского королевства. Также преследуемый он последовал примеру Гелгуда и, в конце концов, сложил оружие перед прусскими властями. Только около тысячи кавалеристов восставшего Литовского корпуса под командованием Дембинского смогли спастись, после того, как ускоренным маршем соединились с польской армией.

Граф Толстой очистил местность от неприятеля и занялся восстановлением там порядка. Он вернул туда власти, убежавшие от ужасов и насилия, направил в главную армию войска, которые были ему предоставлены для того, чтобы разбить восставших в губернии и обеспечить коммуникации наших войск в королевстве. В Подолии и в Киевском генерал-губернаторстве восстания, ободренные появлением войск Дверницкого, были ликвидированы в зародыше мудрыми и энергичными действиями фельдмаршала Остен-Сакена. Рядом с городом Гроховом генерал Рот полностью разгромил хорошо оснащенный отряд в 5 тысяч человек. Командир Ржевудский бросил на поле боя 6 артиллерийских орудий в прекрасном состоянии, так же как все обозы и более тысячи попавших в плен человек. Повсюду восставшие были разоружены или выдворены за пределы наших границ.

Фельдмаршал Паскевич выехал 6 июня из Петербурга и прибыл в свою новую главную квартиру 13 числа. Армия

была в восторге подчиняться человеку со столь блестящей репутацией. Генералы, офицеры и солдаты приветствовали его с полным доверием, и ждали только его знака для того, чтобы закончить эту войну, которая унижала национальную гордость своей продолжительностью, войну против бунтовщиков, которые при каждом столкновении отступали перед ними. Фельдмаршал был вынужден потратить некоторое время для сбора войск, которые его предшественник распылил самым непостижимым образом, чтобы дожидаться прибытия отряда графа Куруты и 1-й уланской дивизии князя Хилкова, а также позаботиться о снабжении своей армии и арсеналов и приготовить способы переправы через Вислу. В Данциг прибыло продовольствие, снаряды и порох, все это по реке доставлялось к правому крылу нашего расположения. В Торуне готовили барки, из которых будет сооружен мост. Все это было собрано с помощью прусского правительства и перевезено с точностью и усердием. Выезжая в армию, Паскевич заявил, что он не даст неприятелю возможности себя запутать, и что он будет двигаться прямо к цели — к взятию Варшавы с левой стороны Вислы.

Закончив все приготовления, армия начала движение 22 июня, она двигалась вдоль Вислы к тому месту, которое было выбрано для организации переправы. Армия двигалась четырьмя колоннами, которыми командовали граф Витт, князь Шаховской, граф Пален и великий князь Михаил. Маневр был задуман так, что в случае необходимости колонны могли легко соединиться. Поляки следовали за нашим маневром, но не решились его прервать. Казалось, что Паскевич не обращал внимания на близость неприятеля, и заботился только об осуществлении переправы. Прибыв в намеченный пункт, он приказал развернуться лицом к неприятелю и энергично заняться сооружением моста, для чего направил на другой берег реки отряд егерей и казаков, перед которыми

быстро отступили неприятельские обсервационные части. Наконец, 7 июля вся армии перешла на левый берег Вислы. Поляки, которые не смогли противостоять этому, поспешили выйти через Модлин и Варшаву к новому театру военных действий, расположенному между их столицей и нашей армией.

Маршал позаботился об обеспечении своей связи с мостом и с дорогой на Данциг, по которой к нему шло снабжение, он намеревался дать сражение для того, чтобы одним ударом захватить очаг бунта. Он не собирался реагировать на маневры неприятеля, и медленно продвигался вперед с тем, чтобы дать время генералам Крейцу и Ридигеру присоединиться к нему. Этот последний пересек реку 25 июля и двигался на Лович, опрокинув отряд, посланный задержать его продвижение. Он полностью разбил отряд под командованием Гедройца, который насчитывал 6 тысяч человек, и взял множество пленных, среди которых оказался сам Гедройц. Со своей стороны Крейц двигался на Калиш и прибыл туда, заставив отступить неприятельские части, встреченные им по дороге. Маршал перенес свою главную квартиру в Лович после того, как прошел почти без боев половину королевства, и остановился перед Варшавой таким образом, будто он пришел из Силезии.

Там он разместил свои госпитали и склады, он укрепил Лович с тем, чтобы сделать из него форпост для своих операций, а также присоединил к своей армии корпуса Крейца и Ридигера. Он приказал расширить лагерь для того, чтобы дать войскам некоторое время для отдыха, и не обращал никакого внимания на марши контрмарши неприятеля, желавшего вынудить его распылить свои силы. Тем временем, наши солдаты мастерили лестницы, туры и фашины, они упражнялись в штурмовых действиях на специально построенных укреплениях.

В Варшаве близость нашей армии и высокая репутация ее командующего посеяли беспокойство и страх. Наиболее рассудительные видели, как приближается момент падения Варшавы. Бунтовщики, напротив, строили иллюзии, рассчитывая только на негодные средства, раздували воинственные настроения и требовали сражения, в котором сами не собирались принимать участия. Они стремились возбудить народ и направить его массу против той армии, которая приближалась, как грозовые облака, изрыгавшие гром над их головами, и метавшие молнии возмездия за все те преступления, в которых они были виновны вот уже 8 месяцев.

Диктатор только по должности генерал Скржинецкий во исполнение воли Лелевеля и других ревнивых вождей бунтовщиков стремился не к руководству боем, а только к общему командованию. Даже войска, распущенные уже якобинской вольностью, подчинялись ему с трудом. Князь Чарторыйский, который был в начале душой этого восстания и глупое честолюбие которого уже рисовало ему польский трон, стал подозрительным для демократической партии, с которой он вынужден был объединиться для укрепления своих позиций. Все генералы интриговали и обвиняли один другого, народ чувствовал измену, армия видела неспособность своих командиров, а государственная казна была опустошена. Европа, которая симпатизировала им и вдохновляла польский бунт, не сделала ничего для того, чтобы им помочь, и удовлетворилась тем, что в газетах прославляла героизм восставших и ругала на чем свет стоит императора, его правительство и его генералов.

Якобинский клуб в Варшаве (как созданный по образцу первой французской революции) волновался и издавал обращения, он хотел призвать всех служащих в качестве судей для организации суда над собой. Вдохновленные только мыслями о беспорядках и о судебной ответственности, вожди

движения хотели приказать главнокомандующему дать сражение и разбить русских. Сейм был вынужден подчиниться этим крикам и решил направить в армию свою делегация с тем, чтобы убедиться в ее положении и обругать Скржинецкого. Тогда он заявил, что неуверен в успехе наступления, но, будучи атакован нахальством вождей, подал в отставку. На его место был назначен молодой полковник Дембинский, не имевший опыта и военных заслуг, который выехал в армию. Однако, вскоре он убедился в том, что почти не имеет власти, и начал искать путей избавиться от обременительных обязанностей.

Подстрекаемый лоббистами народ волновался, требовал наказания изменников, собирався в толпы и роптал. Наконец, 3 августа он направился к воротам дворца, вышиб двери и арестовал около 50 человек, обвиненных в так сказать измене. Затем они были лишены жизни с жестокостью, свойственной обезумевшей толпе, которая не знает больше ни страха, ни жалости. Одни были повешены на фонарях на дворцовой площади, других забросали камнями, вытащили покрытых кровью на мостовую и растерзали с бешенством диких животных. Уже давно страстно желавший власти генерал Круковецкий смог восстановить порядок, и в отсутствие других претендентов был назначен диктатором и командующим армией.

Тем временем Дембинский, который больше всех выступал против пассивности Скржинецкого, использовал свое 48-ми часовое командование только для того, чтобы отступить с выгодной позиции в Болимово и приблизиться к укреплениям Варшавы. С самых первых дней восстания столица была окружена укреплениями, над строительством которых все жители, включая женщин высокого положения, с воодушевлением работали под звуки музыки и патристических песен. Окружавшие город укрепления включали

вооруженные пушками палисадники, дома, окруженные зубчатыми стенами, забаррикадированные улицы, ведущие к городским воротам, и, кроме того, возведенный отдельно от крепости редут перед деревней Воля. За всеми этими сооружениями польская армия могла чувствовать себя непобедимой, а Варшава — защищенной от любых штурмов.

Узнав об отступлении неприятельской армии, маршал, закончивший все приготовления, оставил лагерь под Ловичами и приблизился к укреплениям, окружавшим Варшаву.

* * *

Тем временем поляки вернулись и атаковали наш авангард под Шиманово, откуда они были выбиты яростной атакой графа Витта, который, кроме того, взял много пленных. В другом месте, в Тополево, во главе нескольких кавалерийских полков генерал Ностиц опрокинул сильный польский отряд, высланный ему навстречу. Немного позже граф Витт, имея во главе своего отряда казачий атаманский полк, бросил его на полном скаку против колонны пехоты, вышедшей для рекогносцировки, при этом полк изрубил в капусту 500 человек, а остальные 1,5 тысячи вместе с их командиром взял в плен. При каждом столкновении превосходство наших войск получало все новые подтверждения, а теснимый со всех сторон противник мог укрыться только в редутах и под защитой пушек укреплений столицы. По всем направлениям стояли наши посты, а наши солдаты уже видели колокольни взбунтовавшегося города.

В Варшаве все давали советы, все хотели командовать — генералы, депутаты Сейма и члены клуба якобинцев, все стремились к тому, чтобы их мнение возобладало. Окруженный по левому берегу реки город нуждался в усилении поставок продовольствия и снаряжения с противоположного берега. Случались также вылазки из Праги, направленные

против корпуса генерала Розена, которого они во второй раз надеялись захватить врасплох. Получив сведения о намерениях неприятеля, он задумал прервать пути сообщения между Прагой и Варшавой, спалив большой мост через Вислу. Это опасное предприятие было поручено полковнику Сливицкому, которого снабдили всеми требуемыми для этой работы материалами. В сопровождении лейтенанта Горскина и 13 солдат он под покровом ночи на трех небольших лодках спустился по реке. Оказавшись под мостом и все еще незамеченный неприятелем, Сливицкий собственноручно прикрепил к мосту гранаты с горючими материалами и соломой. Вскоре появился огонь, пламя сопровождалось взрывами, которые вызвали переполох в Праге и в Варшаве. Ударили в набат, армейские барабаны собирали войска, и вскоре пожар на мосту был потушен. Сливицкий счастливо избежал опасности, добравшись ниже по течению до небольшого лесочка, где спрятавшиеся там казаки встретили его и его бесстрашных товарищей.

Без промедления Ромарино перешел мост во главе 22 тысяч человек и при 38 орудиях и быстро направился к брестской дороге. Розен отвел свои аванпосты и освободил дорогу полякам с тем, чтобы максимально удалить их от места, где должна была решиться судьба Польши.

Этот маневр несколько не нарушил энергичных намерений маршала, Варшава начала понимать неизбежность своего падения. В качестве диктатора Круковецкий подчинил себе армию графа Малаховского и призвал всех жителей к защите последнего оплота революции. Варшава превратилась в обширный военный лагерь, где царили разногласия между командирами, где народ был призван к оружию, где презирали власть, и где отчаяние готовилось к последней и кровавой схватке. Узнав о маневре Ромарино, который лишил столицу 22 тысяч ее защитников, Паскевич ускорил

исполнение своих намерений и к великой радости всей армии приказал начать штурм. Когда все было готово, он попытался избежать пролития крови доверенных его командованию солдат, так же как и крови взбунтовавшихся подданных своего государя. Он послал генерала Берга объявить начало штурма, который могла бы остановить только полная капитуляция. Круковецкий ответил ему надменными словами о том, что поляки взяли в руки оружие с тем, чтобы защитить независимость и восстановить свою родину в прежних границах.

После получения этого ответа Паскевич выстроил свою армию, он взял из рядов гвардии тысячу солдат и распределил их в первых рядах атакующих колонн, что вызвало повсеместное воодушевление. Рано утром 25 августа все войска в полном порядке при развевавшихся знаменах и с барабанным боем двинулись к укреплениям. Находившаяся впереди артиллерия на близком от неприятеля расстоянии развернула свои ряды и начала обстрел. Две сотни орудий разнесли передовые сооружения, после чего по условному сигналу батальоны бросились на штурм. Два редута были взяты беглым шагом, установленные там пушки оказались захвачены, а гарнизоны взяты в плен. В это же время 1 корпус при поддержке 3 гренадерской дивизии захватил редут, находившийся впереди грозных укреплений Воли. Этот пункт был ключевым для всей позиции, защищавшей подступы к Варшаве. Захват этого места был столь же сложен, как захват настоящей крепости. Укрепления Воли имели большую протяженность, были снабжены бастионами и палисадами, имели большую глубину траншей и высоту стен, их защищала многочисленная артиллерия и более 3 тысяч человек. Маршал приказал артиллерии приблизиться на расстояние картечного выстрела, более получаса гремела канонада, она была

особенно смертельной для нашей артиллерии, открытой для обстрела с задней части укреплений. Во время этого памятного штурма все происходило при полном порядке, как на учениях, пехотные колонны ждали с оружием в руках момента для наступления.

Руководивший этой атакой граф Пален получил сигнал и бросился вперед с быстротой, на которую вдохновило наших солдат его личное присутствие. Добровольцы из гвардии двигались впереди, они первыми бросились в ров, ружейный и пушечный огонь с укреплений производил в наших рядах ужасные опустошения, но наши бесстрашные солдаты отвечали на него только криками «Ура!» и все возрастающими усилиями разрушить палисадники. Офицеры и командиры полков подавали пример, в один миг все препятствия были разрушены и наши солдаты вскарабкались на укрепления. Тем временем бригада 2 корпуса под командованием генерала Берга получила приказ обойти Волю и атаковать ее со стороны Варшавы. Она встретилась с теми же препятствиями, преодолела их и взобралась на стены почти одновременно с войсками графа Палена.

Тогда стало ясно, что сражение будет возобновлено, так как поляки, выбитые со своих укреплений, перешли во внутреннюю крепость, построенную по образцу Воли. Там они приготовились дорого продать последний оплот их существования. Не остановленные этим последним препятствием, Пален и Берг отдали приказ о штурме, и две колонны вперемешку проникли в эту цитадель. Опрокинутые и отброшенные со всех сторон командир и около батальона солдат забаррикадировались в церкви и в прилегавших домах. Но двери были выбиты и все они были убиты или обезоружены. Главнокомандующий бунтовщиков, видя, что у него под носом была захвачена важнейшая составляющая часть обороны, поспешил выдвинуть сильную колонну

с 40 орудиями с тем, чтобы отбить обратно Волю. Неприятель уже приблизился на расстояние половины ружейного выстрела, когда наши храбрые солдаты, желая сохранить столь дорого доставшееся им завоевание, спустились с укреплений и атаковали неприятеля штыковым ударом. Неприятельские батальоны были отброшены, но, хорошо понимая всю важность Воли, эти войска были заменены свежими частями. Поляки три раза пытались атаковать, но были отбиты с большими потерями. Наконец мы остались хозяевами крепости, и с наступлением темноты сражение было прервано.

Маршал Паскевич перенес свою главную квартиру в разрушенную Волю, он воспользовался наступившей ночью для того, чтобы отдать приказание о штурме укреплений Варшавы, который должен был начаться рано утром следующего дня. В городе ужас охватил всех жителей, там в суматохе обсуждали различные варианты действий, и, наконец, в три часа утра у наших аванпостов появился генерал Прондзинский. Его привели к маршалу, и он заявил, что вся Польша сдается на милость ее государя императора Николая. Паскевич потребовал, чтобы Круковецкий лично подтвердил ему эти слова. Тот прибыл, но его поведение не означало капитуляции. Маршал принял его в присутствии великого князя Михаила и заявил ему суровым и угрожающим тоном, что он не намерен вести дискуссии с бунтовщиками, и что он может принять только полную и безоговорочную капитуляцию. Круковецкий не дал положительного ответа, заявив, что он не может ничего решить без консультации с Сеймом. Для этого он попросил трехчасовую отсрочку, которая и была ему предоставлена.

Так как по истечении этого времени ответ не был доставлен, Паскевич направил в город флигель-адъютанта императора князя Суворова для того, чтобы предупредить их

о возобновлении сражения. Несмотря на свое желание сохранить солдат и избежать разрушения Варшавы, маршал опасался возвращения Ромарино с 20 тысячами защитников Варшавы и не мог отложить военные действия. Итак, он командовал штурм. Главное наступление должно было быть направлено против редута «Воля», прикрывающего предместья Вольское и Чисте с тем, чтобы не допустить прихода подкреплений, которые могли передвигаться по краковской дороге и должны были совместно с другим корпусом попытаться приковать основные силы наступающих к Иерусалимской заставе.

Генерал Ян Скржинецкий

Как и накануне, первую линию составляла артиллерия. Она была развернута на расстоянии половины пушечного выстрела от неприятеля, она открыла плотный огонь против укреплений и забрасывала гранаты в предместья, которые

вскоре были охвачены пожаром, закрывшим пламенем и дымом от наших солдат вид на дома Варшавы. Артиллерия укреплений живо отвечала на наш огонь, пушечная перестрелка в 600 стволов с каждой стороны была началом этого столь решающего и славного дня. Наши пушки приблизились уже меньше, чем на 150 туазов, их огонь разрушил укрепления и был остановлен для того, чтобы уступить место атакующим колоннам, которые под барабанную дробь и солдатские песни двинулись на штурм. Наша победа не вызывала никаких сомнений. Укрепления, возведенные в предместье Воля и Чисте, были взяты беглым шагом, даже не зажигая запалов в ружьях.

Наконец, наши победоносные солдаты бросились на штурм стен Варшавы. Там завязалось ожесточенное сражение, стрельба из укреплений, из садов и домов косила наших солдат, но не могла уменьшить их отвагу. Они поднялись на укрепления, очистили сады, развалили дома, все баррикады на улицах были захвачены с криком «Ура!» в результате штыковой атаки. Солдаты гвардии и линейных полков ни на мгновение не нарушили порядок и самую строгую дисциплину. После каждого сражения и каждого нового усилия их ряды смыкались, и они ждали новых приказаний своих офицеров, которые везде показывали пример спокойствия и отваги.

Несколько кавалерийских полков неприятеля предприняли последнее усилие и отчаянно набросились на колонну, атаковавшую Иерусалимскую заставу. Получилась общая свалка, гвардейские драгуны и гусары были контратакованы, но не были отброшены, все бились врукопашную, знамя драгун затерялось в их рядах, все бросились вырвать его из рук неприятеля, в результате ожесточенного боя драгуны вернули себе знамя. Наконец, во всех пунктах поляки были

отброшены, их сопротивление сломлено и их преследовали. Они отдали победу неукротимому русскому орлу. Поляки храбро сражались, но были вынуждены уступить бесстрашию и дисциплине наших войск. Опустившиеся сумерки положили конец резне, в наших руках остались 130 артиллерийских орудий, внешние укрепления и предместья столицы, а также более 4 тысяч пленных.

Несмотря на два дня смертельного сражения, на многочисленные приступы, на чувствительные потери убитыми и ранеными (около 2 тысяч убитыми и более 4 тысяч ранеными, причем офицеры составляли огромную их часть), на призывы к отмщению, ни один солдат не ворвался в жилой дом, ни один безоружный житель не пострадал и наши батальоны на улицах Варшавы были столь же дисциплинированы и послушны, как на учениях.

В то время как наши храбрые солдаты постепенно завоёвывали разрозненные укрепления и, наконец, захватили всю крепостную стену, которая защищала мятежный город, внутри него властями и радикально настроенными патриотами овладевали хаос, колебания, ревность и страх. Они надеялись на то, что штурм либо не состоится, либо будет отбит, на то, что Ромарино вернется вовремя, на то, что маршал захочет вести переговоры и что он примет выгодные для них условия капитуляции. Как только артиллерийская канонада прервала их блестящие и бесполезные дискуссии, на наши аванпосты вновь прибыл Прондзинский, который сообщил, что Сейм наделил генерала Круковецкого полномочиями заключить капитуляцию. Тогда маршал послал к Круковецкому вместе с Прондзинским генерала Берга с тем, чтобы договориться об условиях капитуляции на основе полной сдачи, но с тем, чтобы спасти город и избежать обоюдного пролития крови, заявив, впрочем, что атака не может быть прервана.

Устрашенный и измученный глупостью вождей, которые не могли договориться, Краковецкий написал письмо императору, в котором он от имени всей нации выражал ему покорность и просил только о полном прощении для всех поляков. Это письмо заранее предвосхищало милосердие государя, и маршал посчитал его недостаточным. Таким образом, Берг и Прондзинский были вынуждены в гуще сражения, осыпаемые ядрами и в огне пожаров, неоднократно ездить в Варшаву и в главную квартиру Паскевича, который и сам был сброшен с лошади рикошетирующим ядром. Наступление темноты прервало сражение, которое не было еще закончено. Оттесненные на улицы Варшавы польские батальоны были перестроены под защитой заранее подготовленных баррикад и укрепленных домов, и они были готовы с наступлением рассвета дать последнее и кровавое сражение. Паскевич предупредил, что если к 4 часам утра польская армия не уйдет из города и не перейдет на другой берег Вислы, то штурм будет возобновлен, и все связанные с этим несчастья падут на голову Круковецкого. В 11 часов вечера Берг и Прондзинский, которым было поручено сообщить этот ультиматум Паскевича, подъехали к Королевскому дворцу, в котором собрался почти весь Генеральный штаб восставшей армии, все члены Сейма и большое количество знати. Они были в полном вооружении, но крайне предупредительны к посланцу Паскевича. Именно ему оказывались знаки внимания, его убеждали в непоследовательности бунта, снимали с себя за него ответственность. На этом собрании не было только Круковецкого, и именно его громко обвиняли в создании препятствий к примирению. Время шло, а он так и не приходил. Наконец, он появился и заявил Бергу, что больше не является диктатором, что его полномочия окончены, и что он ничего не может поделать с сумасшедшими, именно так он назвал власти, которые

на протяжении 8 месяцев правили Польшей. Тогда Берг обратился к командовавшему войсками графу Малаховскому, и потребовал от него скорейшего ответа. Видя, что приближается решительный час, он принял, наконец, требования маршала. Войска вышли из Варшавы, перешли по мосту Вислу и двигались от Праги к Плоцку. Все это было предусмотрено приказами императора, переданными ему еще с самого начала бунта. Тут же были отправлены приказы Ромарино, который уже приближался к Варшаве, так же как и всем другим отрядам прекратить военные действия. Нация просила прощения и выражала покорность своему законному королю. Жители столицы молили победителей о великодушии.

Во главе гвардии первым в этот город, из которого бунт изгнал императора, вошел великий князь Михаил. Его отряд отличался красотой выправки и дисциплинированностью, свойственными гвардии в Петербурге. В город вошли все основные силы гвардии, и это возвращение всевластия государя не сопровождалось ни малейшими проявлениями беспорядка или насилия. В тот же день открылись магазины, и люди свободно прогуливались на улицах того самого города, который еще вчера сотрясаясь от артиллерийской канонады. Генерал-губернатором Варшавы маршал назначил графа Витта, он сформировал временное правительство и направил к императору князя Суворова с рапортом об этом величайшем примирении. Он приехал в Царское село, куда за два дня до этого маршал направил диспозицию войск и свой приказ о штурме на следующий день. Можно только догадываться, с каким нетерпением император ожидал последующих сообщений, и в каком беспокойстве были все те, кто знал об этих первых сообщениях. Санитарный кордон вокруг Царского села задержал Суворова на некотором расстоянии от места пребывания императора, который прибыл туда

и лично привез Суворова во дворец. Там он воздал благодарность Богу, что было всегда его первым побуждением, уже через несколько минут дворец наполнился людьми, и радость охватила всех вокруг.

Вместе с остатками польской армии из Варшавы ушла часть делегатов польского Сейма и некоторые из руководителей бунта, которые посчитали себя наиболее виновными. Не рассчитывая получить прощение за свои преступления, они сделали все возможное для того, чтобы убедить генералов и солдат в том, что дело национального спасения еще не проиграно, что Польша — это не только Варшава. Они утверждали, что спасение родины находится в руках армии, и требовали продолжения борьбы. За несколько дней до этого, предчувствуя падение столицы, Чарторыйский бежал и присоединился к Ромарино. Ему не составило особого труда убедить этого авантюриста не подчиниться приказам, которые были посланы как следствие капитуляции, и двигаться к границам Австрии. Другие руководители отрядов, такие как Козинский и Рожнецкий, также продолжали борьбу, а гарнизоны Модлина и Замостья последовали их примеру и не открыли свои ворота. Фактически условия капитуляции были нарушены и тем самым поляки утратили последнюю надежду, которую они еще могли питать, заключить соглашение, основанное на видимости подчинения приказам своего государя. Война была продолжена, и она вернула польскую армию и всю страну к подчинению законам военного времени.

Высказанная Европой и особенно либералами Германии, Франции и Англии огромная симпатия к бунтовщикам была болезненно ущемлена известием о взятии Варшавы. В газетах, спорах в домах и в парламентах Парижа и Лондона возобновились проклятия против императора Николая и выражения сочувствия к судьбам Польши. Военный успех,

повысивший репутацию нашей армии, устранил враждебно настроенные к нам правительства, а исключительные дисциплина и порядок, сопровождавшие штурм и выказанные после него, удивили и разозлили наших противников, которые были вынуждены отдать им дань уважения. Находившийся в Седлеце напротив генерала Розена Ромарино двинулся к верховьям Вислы с тем, чтобы приблизиться к Галиции. В Ковеле он остановился и предложил начать переговоры. Розен ответил, что ему не остается ничего другого, как сдаться на милость победителя. После этого он продолжил свое движение со стремительностью позорного бегства. Его преследовал авангард Розена и отряд генерала Красовского, который прибыл из 1-й армии фельдмаршала Остен-Сакена способствовать окончанию войны.

К. А. Крейц

В Йозефово Ромарино попытался остановить преследование, но был побит и отброшен. В Рохово во главе нескольких батальонов генерал Головин опрокинул главные силы поляков. Около Савихвоста он еще пытался сопротивляться, но был в штыковую атакован двумя полками егерей, под предводительством лично генерала Красовского, после чего его войска рассеялись и перешли австрийскую границу около Борова. Также как Дверницкий и Гелгуд, Ромарино избежал полного поражения, только сложив оружие на чужой земле. Оказав генералу Розену помощь в разгроме Ромарино, генерал Красовский перешел через Вислу с тем, чтобы разбить отряд Каминского. Он настиг его в Стобницах, опрокинул и со шпагой в руке преследовал до границ Кракова, где Каминский всего с несколькими офицерами нашел свое спасение. Весь его личный состав — 3 тысячи человек пехоты и 2 тысячи человек кавалерии — был распылен или взят в плен.

С другой стороны генерал Ридигер преследовал Рожнецкого. Он обнаружил арьергард неприятеля построившимся в боевые порядки позади деревни Михайловка, с ходу атаковал его, опрокинул и взял 1200 пленных. Затем он безостановочно преследовал его и вынудил перейти через границу около Кракова. Там австрийцы встретили этих новых беглецов, разоружили их и на сей раз рассматривали их как военнопленных. Оставались войска, которые покинули Варшаву при условии сдаться в Плоцке. Некоторые революционные вожди, такие как Немоевский, Муравский и другие, которые убежали из Варшавы, вынудили командующего войсками Малаховского остановиться под прикрытием пушек Модлина и продолжить военные действия. Не сумев преодолеть разногласия, они там сместили с должности Малаховского и назначили вместо него генерала Рибинского, а Немоевский стал председателем временного правительства. Генерал Берг был послан маршалом Паскевичем для того,

чтобы настаивать на исполнении поляками тех условий, на которых он был готов остановить последний штурм на улицах Варшавы. Но злоба заставила их высокомерно принять посланника их победителя, и существенно усилив гарнизон Модлина, Рибинский начал приготовления в Плоцке с тем, чтобы возобновить войну и перенести ее на левый берег Вислы. Тогда Паскевич оставил в Варшаве часть войск под командованием графа Витта, направил генерала Крейца блокировать Модлин, граф Пален получил приказ спуститься по левому берегу Вислы, и он сам во главе гвардейского корпуса и корпуса гренадер двинулся против бунтовщиков. Те уже начали свой переход через реку, но, видя, что корпус под командованием графа Палена их опередил, оставили свой замысел и со всеми силами направились к Рогово. Ускоренным темпом маршал настиг их у Рупина. Видя, что сражение неизбежно, и что у них нет иного пути отступления, как на территорию Пруссии, поляки решились перейти границу и там сложить оружие. Всего их было 22 тысячи бойцов при 24 орудиях.

Так закончилась история приключений этой польской армии, которая была сформирована на национальной основе, благодаря непредусмотрительному благородству императора Александра, и которая взбунтовалась из-за неблагодарности и безумия.

Комендант Модлина полковник Ледуховский узнал, что недалеко от крепостных укреплений появился великий князь Михаил. Он прибыл к Его Высочеству и попросил милосердного отношения к гарнизону. Великий князь приказал ему сдаться на милость победителя. Он подчинился, и на откосе укреплений семь тысяч человек сложили оружие и сдались в плен. Маленькая крепость Замостье последовала примеру Модлина, и все королевство было приведено к покорности

и умиротворению. Император пожаловал маршалу титул князя Варшавского и щедро наградил всех тех, кто был ему рекомендован.

Был издан манифест, в котором в королевстве провозглашалось временное правительство под руководством Паскевича. В него постарались включить и несколько поляков из числа наименее скомпрометировавших себя, которые могли и желали войти в состав новой администрации. Армия объявлялась распущенной, как недостойная из-за своей измены служить своему государю, военная форма была уничтожена. И только некоторые оставшиеся верными присяге генералы и офицеры получили разрешение влиться в ряды русской армии. Столь блестяще проявившая себя в этой войне императорская гвардия была немедленно направлена в Петербург. Гренадерский корпус вернулся в свое расположение, и все остальные войска за исключением 2 и 3 корпусов вернулись в пределы наших границ.

Австрия и Пруссия были несколько стеснены тем количеством поляков, которые в различное время убежали на их территорию для того, чтобы спастись от русского оружия. Они были вынуждены принять суровые меры против беспорядков и бунтарского духа в их рядах. Польские генералы и офицеры разошлись по разным направлениям и унесли свою ненависть к России и свои проклятия в Париж, Лондон, в Бельгию и вплоть до Америки. В единичных случаях солдаты последовали за ними, но основная их масса осталась в Галиции и в Познани, где большая их часть вернулась к мирной деятельности. Те же, кто пожелал вернуться в королевство, получили такое разрешение, император объявил всеобщую амнистию всем тем, кто не играл руководящей роли в революционных событиях. Для желавших воспользоваться ею был установлен срок, который дважды продлевался. Но большая часть офицеров не воспользовалась ею,

и предпочла остаться на территориях Европы, где их восторженно встретила обманчивая симпатия. Франция особенно активно снабжала их деньгами и средствами для передвижения. С ними нянчились во всех германских городах. Но их безнравственное поведение, бунтарский дух и особенно вызванные ими расходы ослабили тот интерес, который они первоначально вызывали, и вскоре к ним стали относиться как к неудобным и опасным гостям, их дело было забыто и них даже разочаровались.

В Варшаве был назначен суд для ведения дел против зачинщиков революции, против убийц и депутатов Сейма, предлагавших регресс, против действующих лиц августовских убийств и всех тех, кто был признан наиболее виновными во время бунта. Категория этих обвиняемых была составлена наиболее неопределенным образом для того, чтобы сократить их число настолько, насколько это представлялось возможным. Всем остальным было даровано общее прощение, возвращено право собственности и право гражданства.

* * *

В то время как в Польше совершались все эти события, в Петербург привезли тело великого князя Константина, который был похоронен в крепостной церкви со всеми почестями, приличествующими его положению члена императорской фамилии. Его супруга княгиня Лович сопровождала бранные останки своего супруга вплоть до Петербурга. Император и императрица приняли ее со всеми знаками самой сердечной дружбы и самого искреннего соболезнования. Она жила в Елагинском дворце печальная, разбитая, с ослабленным здоровьем, оплакивая своего супруга, возвысившего ее до положения невестки императора, который не переставал выказывать ей самую заботливую и нежную привязанность.

Она не желала никого видеть и полностью предалась своей скорби. Так как я находился в постоянной переписке с великим князем, особенно в последнее время, и благодаря тому, что я жил рядом с Елагинским дворцом, она захотела со мной поговорить. Она полностью сохранила живость своего ума и теплоту души, но обрушившееся на нее несчастье и поражение ее родины Польши, которую она пламенно любила, сильно повлияли на состояние ее нервов и возбужденное воображение. Она горячо оправдывала поведение своего супруга и пыталась смягчить глупость и неблагодарность своих соотечественников. Этот разговор продемонстрировал, что ее душа находилась в смятении, а небольшие физические силы, которые подточила ее слабая природа, уже на исходе. Она оказалась во власти нервной болезни, которая не замедлила ее погубить. Подобно тому, как императрица Елизавета очень ненадолго пережила императора Александра, ее кончина последовала за смертью великого князя Константина.

*Парад на Царицыном лугу в Петербурге
по случаю окончания военных действий в Польше в 1831 году*

Несчастья, которые на протяжении года, казалось, прочно обосновались в России, стали уменьшаться, война, бунты и холера прекратились. Император, пожелавший разделить со своей древней столицей все эти опасности, решил вернуться туда в тот момент, когда мир, спокойствие и окончание эпидемии вновь вернули туда покой и удовлетворение. К радости жителей этого большого и богатого города мы прибыли в Кремль 11 октября, а через три дня там же оставились императрица и наследник престола. Все население Москвы и пригородов направилось на Дворцовую площадь, люди толпились здесь с утра до вечера в надежде увидеть в окнах кого-нибудь из членов императорской семьи. Везде по маршрутам их проезда толпился народ, везде вокруг их экипажей раздавались радостные крики. Со своей обычной энергией император посещал все учреждения, активно работал над реорганизацией Царства Польского, трудился над законами и установлениями в соседних с польскими губерниях с целью объединить их с исконно русскими. Должности чиновников и их мундиры были изменены по образцу тех, которые существовали во внутренних губерниях империи. Университет в Вильно был реорганизован, из учебных заведений было убрано все то, что ранее по недосмотру укрепляло тенденции польского национализма, обучение в них стало производиться на русском языке. Шляхта, эти отбросы бедных и кочевых дворянчиков, была лишена прав и привилегий старинной знати, она была сведена к переходному сословию между собственниками материальных благ и земледельцами.

Во время пребывания двора в Москве туда были привезены знамена и воинские штандарты бывшей польской армии, которые были выставлены на обозрение всей Москвы в Оружейной палате в числе трофеев, которые собирались там на протяжении веков. Здесь же была помещена

*Парад на Царицыном лугу в Петербурге
по случаю окончания военных действий в Польше в 1831 году*

дарованная Польше императором Александром конституция, она лежала на полу, у подножья портрета ее создателя. Уже в последние годы своего царствования он сожалел, что в приступе благородства подписал этот документ, столь же ложный для политического положения Польши, сколь и оскорбительный для самолюбия его могущественной империи.

На несколько дней император покинул императрицу для того, чтобы съездить в Ярославль. Ночью мы остановились перед знаменитым Троицким монастырем, который чудесным образом устоял в многомесячной осаде в ходе печально известных событий Смутного времени, приведших польские армии в самый центр нашей родины. При свете факелов у входа нас встретил архимандрит с монахами. В двенадцатиградусный мороз император с непокрытой головой последовал за ним через двор и открытые галереи до старинной и богато украшенной церкви, где бесстрашные защитники этого благочестивого места, уже ослабленные

голодом, сражениями и ранами, собрались для общей молитвы и причащения, предчувствуя последний штурм поляков и неизбежную смерть. Здесь они встретили день, когда стремительное и неожиданное отступление их врагов положило конец их страданиям и мучениям. Воспоминание об этом событии, древность этих сводов, созданных для молитв, окружавший нас сумрак, при котором свет факелов выхватывал только позолоту и драгоценные камни, украшавшие иконы и древние росписи храма, все это внушило мне святой трепет и мрачную меланхолию. Монахи проводили императора до коляски, и мы продолжили путь в Ярославль. К обеду мы остановились в Ростове, все население которого собралось перед собором, красивым и древним сооружением, относившимся к наиболее древним временам нашей истории. После обычной молитвы император остановился у одного из самых богатых купцов города, где после разговора о торговле он принял участие в обеде, который хозяева дома приготовили с гостеприимством и усердием, ярко характеризующими характер наших торговцев, особенно когда они имеют счастье принимать у себя своего государя.

Вечером мы приехали в Ярославль. Огромное количество людей заполнило все улицы, дома были освещены, радость была высказана с еще большей силой, чем в самой Москве. Долгое время после того, как император вошел в свое жилище, приветственные крики не прерывались, и время от времени возобновлялись с новой силой. Послали сказать народу, что император устал и хочет спать, только после этого из уважения к государю толпа разошлась, но с раннего утра собралась вновь, готовая приветствовать своего монарха. Император посетил собор, осмотрел публичные учреждения, самым замечательным из которых был институт, основанный дворянином Демидовым, и столь щедро обеспеченный на будущее, что 200 молодых людей там жили и воспитывались

за счет средств его основателя. Главное внимание императора привлекли городские украшения, набережные красавицы-Волги, фабрики по производству тканей и скатертей и изящной конструкции монастырь. Он посетил тюремный госпиталь, обширное здание, где были собраны дети солдат, служивших в батальоне, они воспитывались и питались за казенный счет. Знать устроила бал в помещении дворянского собрания, которое одновременно служило местом благотворительности для мальчиков и девочек из бедных семей. После того, как он везде побывал в постоянном сопровождении огромной толпы людей, жаждавших его видеть, после того, как он отдал приказания по улучшению городской жизни и украшению города, император сел в коляску и без промедления вернулся в Москву, где он пробыл еще до 25 ноября. Большой концерт в зале дворянского собрания, приемы у генерал-губернатора и у императрицы позволили высшему обществу насладиться присутствием Их Величеств. Все были восхищены их добротой и той искренней приветливостью, которые стерли требования этикета и разницу в общественном положении.

Император выехал из города вместе с императрицей и сопровождал ее до остановки на ночь, во дворце в Твери. Там вечером мы сели в коляску и в один переезд добрались до Царского села. Около Новгорода сильный и холодный ливень обрушился на нашу открытую коляску, и мы продрогли до костей. Мы мерзли всю ночь и были уверены, что только крепкое здоровье и счастливый случай могли спасти нас от болезни. Перевезенная в Царское село княгиня Лович скончалась, и император поспешил вернуться для того, чтобы воздать последние почести своей невестке. В присутствии всего двора в 11 часов ее тело было предано земле в маленькой католической церкви Царского села, которую она сама выбрала как место своего успокоения.

Европа ревниво относилась к нашему могуществу, она симпатизировала делу польской независимости, как оружию, которое ослабляло наши силы. Тем не менее ей пришлось вытерпеть новые успехи наших армий, уничтожение польской армии и все те изменения, которые император счел полезным осуществить для того, чтобы покорить этот дух национальной независимости, столь мало соответствовавший естественному состоянию польского королевства. Под этим названием оно некоторое время было и могло быть только еще одной провинцией, присоединенной к нашей обширной империи.

Кабинеты Вены и Берлина столь же заинтересованные в спокойствии и покорности в Польше, как и петербургский кабинет, не разделяли общественного негодования, и поздравляли себя с окончанием беспорядков, которые из Варшавы волновали их собственные провинции. Разумные люди во Франции и в Англии были уверены в том, что польская революция вынудила императора использовать свою силу и строгость, и, хотя и с сожалением, признавали, что умиротворение этого беспокойного края было необходимой гарантией мира и спокойствия на континенте. Но либералы, парламентская оппозиция в Лондоне и в Париже громким голосом требовали от своих правительств вмешательства в пользу поляков. Они требовали исполнения Венского трактата, который провозглашал независимую от России Польшу, только под управлением конституционного короля в лице императора России. Представители Англии и Франции были вынуждены для видимости подчиняться общественному мнению, и предложили правительству России свои добровольные услуги. Эти послы в Петербурге получили указания выступить в защиту поляков, но твердый ответ

нашего министра иностранных дел отнял у них всякую надежду официально высказать свое мнение по вопросу, который император справедливо рассматривал как находящийся исключительно в его компетенции и не имеющий ничего общего с проблемами внешней политики. Сила заставила их замолчать, но разразились крики оппозиционеров в парламентах обоих государств. Споры в Париже и Лондоне, тамошние газеты мстили за бесполезность и беспомощность политических демаршей их правительств, а император, не обращая никакого внимания на эти проклятия, продолжал развивать и исполнять намеченные им планы.

События в Голландии и в Бельгии, которые вызвали официальную встречу в Лондоне полномочных представителей Англии, Австрии, Пруссии, Франции и России, заняли первое место в политических интригах. Франция и Англия защищали интересы выросшего из революции нового королевства Бельгии, представители других держав, напротив, были расположены поддерживать Голландию. Эта разница интересов и суждений неизбежно должна была парализовать поиск договоренностей на этой конференции, составленной из столь различных частей. Франция добивалась решающего влияния над Бельгией, которое естественным образом объяснялось географическим положением, единым языком, обычаями и взаимными интересами, и пыталась увеличить его любыми способами. Англия ревниво относилась к планам своего соперника. Только совпадение принципов и ненависть их представителей к истинно европейским монархиям могли способствовать заключению союза с Францией, союза, который противоречил истории и политическим позициям обеих стран. В надежде на разрыв между великими державами, который был бы благоприятен для его частных интересов, король Голландии затягивал дело. Бывший до этого герцогом

Саксен-Кобургским, вдовец принцессы Шарлоты Английской Леопольд решился участвовать в махинациях правительства Луи-Филиппа, который в Лондоне был представлен старым и хитрым Талейраном. Французы пытались расположить английское правительство в пользу Леопольда, Луи-Филипп хотел женить его на своей дочери и рассматривал его как вассала Франции. Заседания следовали одно за другим, противоречия не исчезали, дело не двигалось вперед, а между тем к оружию были призваны Голландия, Бельгия, Пруссия и Франция. С согласия прусского короля и по желанию всех партий император стремился убедить короля Голландии не препятствовать ведению переговоров в Лондоне, для чего к нему был направлен граф Орлов. Но цельная натура короля и его надежды на общеевропейскую войну противостояли всяким увещаниям и предупреждениям нашего представителя. Тогда он направился в Лондон, был там принят при дворе, в правительстве и в обществе со всем усердием и отличиями, достойными того государя, которого он представлял, и соответствовавшими его личным качествам, которые заставляли все партии искать его расположения. Сделав эту попытку, император перестал заниматься голландо-бельгийским вопросом, он предоставил его разрешение ходу обстоятельств, не видя в нем ничего, что было бы существенно связано с прямыми интересами России.

Тем временем, получив известия об успокоении наших соседних с Польшей губерний, император отменил там военное управление, введенное много лет назад по приказу императора Александра. Эта мера, последовавшая вслед за прокатившимися там бунтами, вызвала самый благоприятный эффект, показав, с одной стороны, доверие правительства, а с другой стороны она продемонстрировала полную ликвидацию причин, вызвавших эти суровые меры предосторожности.

Реорганизация Царства Польского на новых основаниях была завершена, что привело к ликвидации временного правительства, которое со времени взятия Варшавы управляло страной. Командующий армией маршал Паскевич остался главой королевства и председателем административного совета, состоявшего из русских и польских чиновников, где решались все административные дела, и куда входили военный губернатор столицы и начальники различных ведомств, которые в этом качестве заменили бывших министров. Находившиеся в королевстве войска были сокращены до одного корпуса, остальные вернулись на нашу территорию. Вместо целиком русской была создана жандармерия из русских и из поляков, в различных воеводствах были организованы инвалидные команды из местных солдат и офицеров, поведение которых после восстановления спокойствия было безупречным. Под командование высших офицеров нашей армии были отданы отделения полиции в военных округах с тем, чтобы одновременно блюсти справедливость и порядок в местном управлении. Офицеры бывшей польской армии, которые были прощены благородством императора, и которые выказали покорность, в том случае, если не имели средств к существованию, получали содержание, соответствовавшее их бывшим чинам. Солдаты были переведены в состав нашей армии и даже во флот с тем, чтобы завершить сроки своей службы. Сироты бывших военных и неимущие дети, воспитывавшиеся за казенный счет, были переведены в различные кадетские корпуса Петербурга и Москвы в соответствии их возрастом. Их растили и воспитывали с той же заботливостью, что и детей русского дворянства. Кадетский корпус в Калишах был ликвидирован. В Польше и в наших южных губерниях была конфискована собственность зачинщиков революции, тех, кто играл в ней важную роль, и тех,

кто после второго продления срока амнистии не воспользовался ею и добровольно уехал за границу. В ожидании объявления приговора владельцам различных подобных земель и окончательного установления их состояния, специальному департаменту было поручено ими управлять, разобраться в условиях владения, в долгах, в ипотеке и т. д. В распоряжение главы королевства были выделены значительные денежные средства, с целью оказания помощи собственникам земли, владельцам фабрик и крестьянам, которые больше других пострадали от революционных беспорядков и от бедствий военного времени. Тысячи закупленных в России домашних животных были распространены в королевстве. Комиссия по возмещению убытков мирных жителей и тех, кто остался верен своей присяге, собирала просьбы о помощи от наиболее нуждавшихся и определяла суммы, которые позже казна щедро выплатила с тем, чтобы стереть следы этой несчастной войны.

* * *

Той зимой не произошло никаких важных событий, все было спокойно и в стране, и в Европе. Император воспользовался этим для обсуждения и провозглашения нескольких новых законов и для реорганизации работы различных министерств. С целью создать новый стимул для торгового люда в городах была образована новая прослойка общества «почетные граждане». Это было особенно необходимо как замена дворянскому достоинству, которое было манией купеческого сословия, и ради которого они часто прекращали торговлю. С целью сохранить богатства и избежать налогообложения купцы становились дворянами.

Суровый указ был издан против азартных игр, которые уже на протяжении некоторого времени стали любимым

занятием части общества, и подорвали благосостояние многих молодых людей и даже отцов семейств.

Наша медная монета претерпела полное изменение в связи с тем, что незаметно на протяжении ряда лет пятикопеечные монеты выпали из реального соотношения с ассигнациями, которые частично обесценились. Подобная диспропорция в пользу медных денег привела к тому, что из страны ушло много этого металла, Россия привлекла жадных спекулянтов, началось изготовление этой монеты в нарушение жесткого закона против этих злоупотреблений. Фискальное ведомство собрало все эти пятикопеечные монеты и переплавало их в монеты различного достоинства и другого оттенка в соответствии со стоимостью ценных бумаг, определенной торговлей и настоящим временем.

Было реорганизовано военное министерство. Должность начальника Генерального штата армии была ликвидирована. Занимавший ее граф Чернышев продолжал управлять делами как военный министр. Для обсуждения всех дел о соответствии должностям, о поступлении новых рекрутов и о необходимых в войсках изменениях был создан совет, состоявший из старых генералов.

Некоторые изменения претерпело и министерство иностранных дел. Они объяснялись естественным ходом событий, который увеличил количество служащих, не придав им официального статуса.

17 февраля в Первом кадетском корпусе праздновали вековой юбилей создания этого замечательного учреждения. Оно было задумано и приготовлено еще Петром Великим, но его преждевременная смерть не позволила реализовать этот замысел. Только спустя 7 лет императрица Анна исполнила то, что предначертал созидательный гений ее великого предшественника для воспитания дворянства и для славы его

армии. Для этого праздника было сделано все, чего он заслуживал. Все кадеты при оружии прошли перед императором, наследник находился в рядах этого питомника офицеров и генералов. В торжестве были приглашены участвовать все выпускники этого учреждения. В церкви Первого корпуса прошла большая служба, после которой члены императорской фамилии, все приглашенные и все кадеты приняли участие в превосходно организованном банкете.

Часть столов была накрыта в красивом зале, где помещался музей корпуса, другие столы были расположены в помещениях, в которых жил знаменитый приближенный Петра I князь Меншиков. Он построил в Петербурге великолепный дворец, где на вершине своего могущества он был свергнут и отправлен в ссылку в Березов на севере Сибири.

В начале мая была предоставлена публичная аудиенция депутации Царства Польского, прибывшая поблагодарить императора за амнистию, дарованную виновному перед ним народу. В Георгиевском зале собрались все те, кто имел доступ во дворец: двор, члены Государственного Совета, сенаторы, генералы, гвардейские офицеры, дамы высшего света. Император, императрица и наследник заняли места на ступенях трона, ряды дворцовых гренадер в середине зала напротив трона оставили проход для членов депутации. Они входили по двое, депутация состояла из дюжины представителей наиболее знатных семей, среди них генерал Лубенский, поднявший оружие против нас, поддерживавшие бунт священнослужители. От имени всех говорил князь Радзивилл, не принимавший участия в глупостях соотечественников. Этот постыдный для Польши спектакль, произведший на русских великолепное впечатление, окончился актом покорности нашему государю и до некоторой степени восстановил оскорбленное национальное чувство через покорение и подчинение наших непримиримых врагов.

Брюссельская революция 1830 года

В свою очередь Африка и Азия приняли участие в политических интригах и разбудили недоверие и ревность европейских правительств. Могуущественный египетский паша Мухаммед-Али уже долгое время был недоволен своим зависимым положением. Под предлогом неблагодарности султана за те жертвы, которые он принес, отправив сражаться в Грецию за интересы Порты своего сына Ибрагима и свои лучшие войска, сбросил маску и объявил себя врагом Его Величества Султана. Интриги Тюильрийского и Лондонского кабинетов, которые подчинили его себе, составляли надежду этого бунта, так же как они подпитывали бунты в Польше и в Бельгии. Всегда благородный и корректный в своей политике император забыл, что на протяжении веков Турция была врагом России. Заботясь только о принципе защиты монархий, он пожелал дать яркое подтверждение своей политике и поспешил отозвать нашего консула из Египта. Мухаммед-Али был сильно задет этим знаком неодобрения своего поведения, Порта была в восторге. Англия и Франция

видели в этом справедливом акте только новое подтверждение амбиций, которые они стремились разглядеть даже в самых простых и благородных поступках нашего правительства. Император не удовлетворился отзывом консула, и искренне предложил султану направить ему в помощь войска и корабли, если он этого попросит, ввиду неизбежной опасности для Порты. Это предложение было отклонено турками, слишком хитроумными и напуганными мощью России, чтобы верить в искреннее благородство этого дружеского предложения. Для уменьшения выгодного для России впечатления от этих благожелательных слов, послы Англии и Франции поспешили противопоставить свои схожие предложения и прочие вещи, содержащиеся в нотах, которыми обменялись стороны, но без малейшего реального результата. Никто не хотел верить в искренность Николая, Мухаммед-Али сформировал свои наступательные силы, слабая Порта приготовилась защищаться, Париж и Лондон заявили о слабовооруженном нейтралитете, основанном на интригах своих послов в Константинополе и их представителей в Египте.

Тем временем Луи-Филипп ревниво относился к своей сопернице Англии, хотя был тесно связан с ее политикой, он особенно желал взаимопонимания с российским государем, который уже держал в своих непредвзятых руках равновесие в Европе. Российскому императору были сделаны предложения о сближении, которые были вежливо отклонены, в связи с естественным охлаждением отношения к узурпатору законного трона Бурбонов. Это при том, что менее искренняя политика могла бы нам дать союзника в лице Франции для нейтрализации намерений английского министерства, которое в руках партии вигов стало открыто враждебным нашим интересам и в целом монархическим принципам. Луи-Филипп не оставил свою излюбленную затею и направил в Петербург в качестве посла маршала Мортье с задачей

завоевать расположение императора и сделать отношения между двумя государями менее прохладными, чем они были в то время. Мортье был принят с почестями, достойными старого и храброго солдата, который 30 лет доблестно сражался под знаменами республики и Наполеона. Император выразил ему свое доверие и полностью завоевал восхищение этого старого военного, но политические дела остались в том же положении, что и до его приезда. Более того, в беседах с французским маршалом император никогда не произносил имени того государя, которого он представлял.

Не желая отставать, Англия также направила к нам своего посла, но с целями совершенно отличными от намерений Луи-Филиппа. Скорее наоборот, хотели порвать остатки добрых связей, которые еще поддерживали отношения между двумя народами, и которые за 200 лет были скреплены общими интересами, торговлей и симпатией двух наций. Для этой цели лорд Грей выбрал своего зятя лорда Дергэма, яркого либерала, надменного, с раздражительным характером, принципиального противника абсолютных монархий, в частности, в России. Глазами этого вспыльчивого и настроенного против намерений России посланника английское правительство хотело в соответствии со своими желаниями убедиться в угрожавшей либеральной Европе опасности и оправдать перед Англией те жертвы, на которые оно предложило пойти стране, чтобы вооружиться и, быть может, начать войну против императора Николая. С этими враждебными намерениями Дергэм прибыл в Кронштадт на борту линейного корабля с тем, чтобы обозреть наши военные средства и наметить способы разрушения морского флота, возрождение и темпы строительства которого бросали тень на флот Великобритании.

В тот день и час, когда английский корабль появился на кронштадтском рейде, император по обыкновению

прибыл из Петергофа на паровом корабле «Ижора» для того, чтобы посетить сооружения Кронштадта и эскадру, которая как всегда летом в качестве учений многократно уходила с рейда и возвращалась туда. Сойдя с «Ижоры», император сел в шлюпку, которой он имел обыкновение управлять сам, одной рукой направляя руль, другая покоилась на колене, и в сопровождении своего 6-ти летнего сына Константина, который был адмиралом флота, проплывал между кораблями, на несколько из которых он обязательно поднимался с проверкой. Именно в этот момент новый английский посол и сопровождавшие его моряки явственно увидели этого северного государя, которого английские газеты называли тираном, и которому сен-джеймский кабинет стремился приписать амбициозные планы покушений на судьбы Европы. Сам император и его офицеры, имевшие счастье сопровождать его в частых прогулках в Кронштадте, были одеты в полицейские мундиры и головные уборы. Эта простота, полное отсутствие требований этикета, это желание самому подготовить своего сына к той службе, которую он должен будет вскоре исполнять, до крайности удивили британского посланника. Это чувство только возросло после того, как он высадился на берег в той же шлюпке, которой управлял властитель Российской империи, и адъютант попросил посла прибыть по приглашению императора на борт «Ижоры» без всяких торжеств и приготовлений к представлению. Несколько удивленный быстрыми темпами развития событий в ближайшем окружении государя, которого он представлял себе недоступным, окруженным пышным двором и бдительными спутниками, он поспешил спуститься в русскую шлюпку и подняться на борт «Ижоры». Император принял его с приветливостью и искренностью, которые естественным образом устранили все затруднения и породили атмосферу

доверия. Он приказал привести лорда в свой кабинет и безо всяких вступлений и предварительных фраз сразу начал самый откровенный и всеобъемлющий разговор о целях его миссии, о европейских делах, об основах сдержанной политики России и о своем особом желании быть в добрых и искренних отношениях с Англией. Конечно, английское министерство может, исходя из сиюминутных потребностей, поменять политическое направление, но его истинные интересы и прошлый опыт указывают и требуют дружеских отношений и развития торговли с вверенной его заботам империей.

Дергэм вышел в величайшем изумлении, полностью поменяв свои представления об императоре. Он услышал все то, что мог бы только пожелать услышать из уст нашего министра иностранных дел, не успев бросить якорь в российских водах, он уже познакомился с государем. Он уже знал то, что только долгая работа в этой стране едва ли могла дать ему возможность узнать, с первых же минут он завязал дружеские и доверительные отношения, которые могли сложиться между искренними партнерами только по прошествии долгих лет. Обладавший умом и чутким сердцем Дергэм сразу же понял императора, он не сомневался больше в лояльности его намерений, в искренности его слов, он был поражен таким скорым и таким необычным для дипломатических анналов успехом, и стал усердным почитателем этого государя, облик которого был столь сильно искажен его предубеждениями и либеральным умонастроением. Вся его последующая работа стала продолжением согласия и добрых отношений, а его отчеты, которые никто не мог заподозрить в пристрастном отношении в пользу нашего государства, отличались удивлением и новым взглядом на решения и предвзятые взгляды своего правительства. В дальнейшем он

совершенно не поменял своего отношения к императору, он увез в Англию и сохранил то чувство восхищения и доверия, которые эта первая встреча породила в его сознании.

На следующий день император вернулся инспектировать флот при полном параде, и, осмотрев несколько кораблей на рейде, посетил также английский линейный корабль. Там он принял участие в матросском обеде, принял у них из рук стакан вина и выпил за здоровье английского короля. Капитан и судовые офицеры были приглашены на обед в Петергоф, они присутствовали на великолепном празднике 1 июля, на маневрах в Красном Селе. Они отбыли в полном восхищении добротой Николая, флот которого они по приезду собирались разбить, а уехали исполненные благодарности и уважения. Все увиденное ими — высшее общество, блеск Петергофа, красота войск — было для них ослепительным праздником и полной противоположностью тому, что они ожидали увидеть в России: унылый деспотизм и враждебное отношение.

Великие княгини Мария, Ольга и Александра по состоянию здоровья уехали в Ревель, стало модно летом проводить там несколько месяцев, считалось, что воздух там чище, а морские ванны оказывают целебное воздействие. Они оказали нам честь посетить небольшое имение Фалль, где летом жили моя жена с детьми. Я получил разрешение на несколько недель уехать к ним и был счастлив принять там детей моего государя. В сопровождении обер-шталмейстера князя Долгорукого и их гувернантки госпожи Барановой великие княгини провели у нас целый день. Всем, кто приезжал в наше имение, нравились построенный мною дом, сад и законченные прилегающие постройки. Там я наслаждался счастьем домашнего окружения, те немногочисленные дни, которое я там проводил, были для меня настоящим

праздником и служили восстановлению сил. Моя жена любила садоводство и заботливо занималась украшением сада, который хорошел с каждым годом и привлекал значительное количество городских жителей, обычно по воскресеньям, заполнявшим все аллеи. Невозможность наслаждаться Фаллем больше, чем несколько недель в году, делала для меня еще более драгоценными те дни, которые мне удавалось там проводить, особенно в связи с отсутствием права возвращаться туда так часто, как бы мне этого хотелось.

Посол Великобритании лорд Дергэм

Постоянно занятый реформами в наших соседних с польскими губерниях император во время последних революционных событий пришел к убеждению, что в одиночестве монастырей кроется мятежный дух, к тому же в них чаще скрывались очаги беспорядков, чем почтительные молитвы.

Он снова ввел в действие забытый бунтовщиками папский указ о том, что все существующие менее 6 месяцев монастыри должны быть ликвидированы, а монахи — переданы в другие монастыри того же вероисповедания. Эта совершенно законная мера вызвала под всегда лживым предложением любви поляков к религии много криков. Реальной же целью было сбросить правительство, воспользовавшись его веротерпимостью и справедливостью. Много монастырей было закрыто, а их монахи перевезены в другие обители соответствующего направления.

Некоторые из них были превращены в православные церкви, число которых было совершенно недостаточным, и их бедность шокировала население, почти полностью принадлежавшее к главной религии империи. Большой и богатый Почаевский монастырь на границе с Галицией был передан православной церкви в наказание за ту помощь, которую монахи оказывали мятежникам, и за те интриги, которые из-за его стен разжигали и подкупали бунтовщиков. Таким образом, была предпринята попытка восстановить в недавно переданных из состава России губерниях ту религию, которая пережила разделы Польши и все неловкие действия католичества с целью заглушить в людях приверженность к православным обрядам. Оно несколько видоизменилось, когда придумало союз, сохранявший основы нашей церкви, но поставивший ее в подчиненное от папства положение. Под покровительством католиков в этих губерниях были построены роскошные здания, но постепенно деградировали, исчезали все приметы и воспоминания о народной религии, затем из этих мест было изгнано российское дворянство, а его собственность поменяла владельцев. Безусловно, что хитроумная политика произвола и насилия прежнего правительства Польши во времена внутренних раздоров, междоусобиц и узурпаторов власти, направленных на разрыв

с Россией, привлекла жадных поляков. Они могли бы исполнять и даже провоцировать подобные репрессивные меры, но времена изменились. Цивилизованность, лояльность и умеренность нашего правительства не принимало даже подобных мыслей, но император должен был вернуть исконно русскому народу защиту, требовавшуюся его религиозным верованиям, преследуемым и распыленным в их древнем блеске.

В течение этого лета наши армии были направлены в горы Дагестана в направлении границы с Персией для борьбы с бесстрашным фанатиком, который именем ислама поднял воинственные народы этих краев против русской веры и владычества. Суровый блюститель магометанских заповедей Кази-мулла прославился своей набожностью и необузданностью своих высказываний. Уже известный как религиозный деятель, он хотел стать прорицателем и реформатором ислама, ему было нетрудно привлечь под свои знамена толпы горцев, всегда готовых сражаться, грабить и ненавидеть христиан. Он объездил всю страну, проповедуя религиозную покорность, атаковал несколько наших военных постов, которые были застигнуты врасплох этим внезапным и фанатичным нападением. Эти небольшие и легкие успехи ободрили Кази-моллу и возродили надежды, которые персы и кавказские народы лелеяли против власти нашего правительства. Вскоре его армия стала многочисленной и фанатически отважной. Генерал-губернатор Грузии и кавказских провинций генерал Розен собрал под своим командованием воинский корпус и поспешил двинуться против этого грозного неприятеля. Он нашел его на практически неприступной позиции, которая предоставляла все преимущества сражения горцам, приученным пользоваться крутыми спусками и извилистыми проходами своих диких гор. Наши храбрые солдаты преодолели все препятствия, взобрались на скалы,

переправились через пропасти и отбросили Кази-муллу от позиции к позиции вплоть до его укрепленного убежища в самой отдаленной местности. Наши войска без колебаний пошли на штурм и сокрушили все сооруженные там бунтовщиками укрепления. Сражение было долгим и кровопролитным, но ни на один миг Розен не выпускал из своих рук победу.

Под штыками наших бесстрашных солдат погибло большое количество горцев, и сам Кази-мулла заплатил жизнью за свое фанатичное и безумное предприятие. После его смерти порядок был восстановлен, кавказские народы были уstraшены этим новым поражением, видели в нем еще одну причину подчиниться могуществу нашей армии. Весь джарский край, где уже много лет свирепые лезгины ожесточенно сопротивлялись, поспешил выразить свою покорность и предоставил заложников.

* * *

1 сентября император покинул Петербург для того, чтобы совершить поездку по империи. Мы направились в Лугу и в Великие Луки, где Его Величество принял парад нескольких полков гренадерского корпуса, которые весьма отличились в ходе последней кампании против польских бунтовщиков. Эти войска уже получили пополнение и полностью сохранили прекрасную выправку, которая была для них характерна до войны. На почтовой станции мы встретили несколько сот польских пленных, которые должны были влиться в ряды нашей армии. Император внимательно осмотрел их одного за другим, спросил, в каких частях они служили в польской мятежной армии и выслушал отчет офицера сопровождения об их хорошем поведении. Он отобрал несколько человек для службы в гренадерах, других — для полков, расположенных в Финляндии, остальные должны

были служить на балтийском флоте. Я раздал им денег, и они продолжили свой путь, совершенно удивленные и восхищенные тем, как к ним отнесся государь, против которого коварный соблазн заставил их кощунственно поднять оружие.

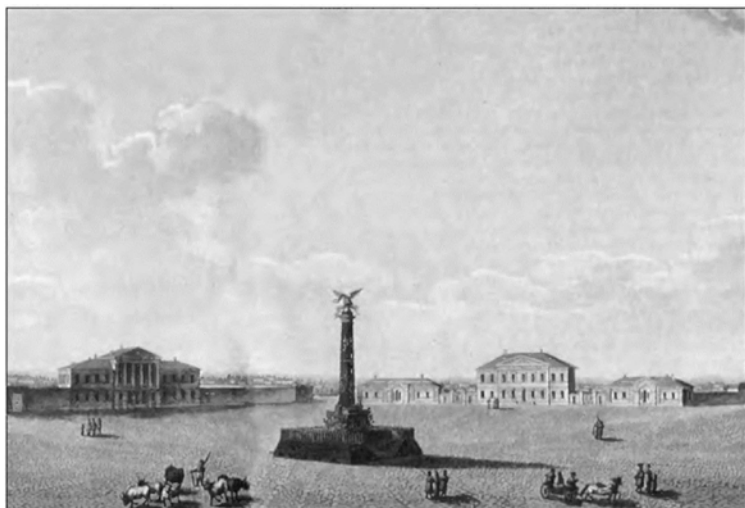
К ночи мы приехали в Смоленск — город, знаменитый в несчастных анналах нашей истории, который во времена смуты и Лжедмитриев более года осаждали все польские силы. Он был разрушен бомбардировками, обезлюдел от голода и сражений, и был разграблен победителями, раздраженными столь долгой и кровавой обороной. Два века спустя город был сожжен гранатами, которые Наполеон дождем обрушил на него, штурмуя всеми войсками, которые покоренная Европа предоставила в его распоряжение. На протяжении многих лет Смоленск был только грудой обломков, покинутых жителями. Император Александр начал поднимать его из руин, а император Николай завершил дело, предоставив значительные суммы и построив новые предприятия. Все было новым и все работало. Встречавшиеся там и сям печные трубы и обломки стен свидетельствовали еще о разрушениях, которым подвергся этот древний город, но он уже восстанавливался на всем своем протяжении. Красивые дома украшали улицы, общественные учреждения дополняли городской вид, церкви были восстановлены. Предмestья украшали прекрасный госпиталь и просторные казармы, все здесь свидетельствовало о возвращении достатка и о заботах правительства. Император осмотрел все с такой энергией и таким зорким взглядом, которые направляли его заботу о достатке и процветании своей империи. Он отдал приказания по улучшению состояния дел, о новом строительстве, о восстановлении древних стен Смоленска, которые за два века два раза видели врагов России, прилагавших все свои усилия для того, чтобы разрушить этот вход в империю.

На дне рва укреплений он увидел хрупкий и скромный памятник в честь великой и благородной преданности Энгельгардта, который предпочел расстрел на этом месте постыдной службе французам. Император пожелал сохранить для будущих веков этот гнусный поступок наполеоновского генерала, приказавшего убить русского за верность своей стране и своей присяге, и отдать долг уважения добродетели Энгельгардта. Он приказал соорудить на этом месте памятник из гранита и металла, более подходящий для подобного случая. На полях сражений, там, где Наполеон разворачивал свои многочисленные легионы, император принял парад двух пехотных полков, затем мы двинулись дальше на Бобруйск. Эта огромная крепость привлекла его особое внимание, там он во всех деталях осмотрел как уже законченные сооружения, так и находящиеся еще в стадии строительства. Эта крепость была спешно частично вооружена в прошлом году, когда соседние с польскими губернии своим брожением заставляли опасаться волнений окрестного населения. Император был очень доволен достигнутыми там успехами и выразил благодарность офицерам, которые ими руководили.

Затем мы приехали в Козелец, где были собраны две кавалерийские дивизии. Три дня там проводились учения и инспекция, затем император прибыл в Киев. Как и в прошлые свои поездки, он остановился в Киево-Печерском монастыре, где его прибытия ожидали церковнослужители, гражданские и военные начальники, а также значительная свита. На следующий день в парадном строю на крепостном плацу перед императором прошли несколько батальонов резерва и 6 уланская дивизия, которая была частью Литовского корпуса, понесшая большие потери в ходе последней войны в Польше. Государь отнесся к престарелому

фельдмаршалу Остен-Сакену с той дружбой и уважением, которые приличествовали его преклонным годам, службе и особенно его усердию и преданности, с годами нисколько не ослабевшими. Он осмотрел общественные учреждения, новые постройки в различных частях города, обширные укрепления, превратившие Киев в огромный и прекрасный плацдарм, дал аудиенцию местным властям и лучшим жителям города и уехал из Киева с наступлением ночи при свете иллюминации, которая еще долго указывала нам на выгодное местоположение города и на его богатые церкви.

Утром следующего дня мы приехали в Лубны, где располагались основные запасы медицинских средств и оборудования для всего юга империи и стоявших здесь войск. Здесь перед ним прошли парадом три объединенных полка 1-й драгунской дивизии. Император не был доволен их состоянием и к своему большому огорчению вместо того, чтобы похвалить людей, что он любил делать, был вынужден выбрать их. Сойдя с лошади, он почувствовал себя скверно, чем в отсутствие его врача привел меня в трепет, но, к счастью, через несколько часов ему стало лучше, и мы смогли продолжить путь в Полтаву, где и остановились на отдых. Жара была невыносимой, и сделала очень утомительным то, чем государь всегда занимался, осмотром в этом большом городе всего того, что должно было привлечь его взоры. Полтава тоже почувствовала на себе оживление всех отраслей управления. Город стал краше, малороссийское казачество претерпело только что объявленные изменения в устройстве, которые путем упорядочивания повинностей и взаимоотношений этой части населения с властями ставили их в положение, менее зависимое от злоупотреблений, от которых они страдали до последнего времени, из-за лихоимства мелких чиновников.

Вид Полтавы

Мы уехали из Полтавы и через несколько часов прибыли в Харьков, население которого было радо видеть своего молодого государя в стенах города. После молитвы в городском соборе император очень внимательно осмотрел университет, здание которого вызвало его недовольство своим плохим состоянием. Его строительство потребовало больших затрат и было окончено совсем недавно, но уже в нескольких местах грозило обрушиться. Состояние студентов казалось достаточно хорошим, ректор похвалил их прилежание и поведение. Но в целом это учреждение не полностью соответствовало своему назначению. О постоянных заботах свидетельствовала только медицинская часть, в частности, родильные палаты. Император благодарил, ругал и указал на необходимость многочисленных изменений.

Затем он посетил Дом благородных девиц, созданный благодаря благотворительным заботам императрицы-матери, и продолженным под руководством его августейшей супруги. Состояние дома, его преподавательниц и самих молодых

девушек не оставляло желать ничего лучшего, здесь все свидетельствовало о порядке и о материнских заботах, которые отличали все учреждения, созданные под покровительством императрицы Марии, этого знатока благотворительности. Тем не менее, император считал, что здание, часть которого была деревянной, не отвечало своему назначению. Он лично выбрал на окраине города значительно более просторное сооружение, где большой сад удачно завершал все преимущества и оздоровительные свойства, требуемые для подобного заведения.

После осмотра тюрьмы и красивых общественных учреждений, мы направились в Чугуев, который находился не более, чем в 36 верстах от Харькова. Там располагалась главная квартира кавалерийских военных поселений на Украине, и были собраны одна кирасирская и одна уланская дивизии. Раньше в Чугуеве было столько жителей, что они позволяли сформировать уланский полк, состоявший из 10 эскадрон, который всегда отличался красотой людей, качеством лошадей, преданностью и храбростью. Я имел удовольствие встретить многих старых отставников, которые под моим командованием участвовали в военных действиях 1811 года по ту сторону Дуная, в сражениях под Руссуком и Видино. Все внутреннее устройство этого воинственного населения, называемого чугуевскими казаками, в ходе предыдущего царствования было подчинено строгому законодательству военных поселений, которое столь жестоко проводилось в жизнь графом Аракчеевым. Запустение и разорение земледельцев полностью изменило этот маленький и богатый край, все было подчинено военной дисциплине и монотонному однообразию казарм, даже сады были принесены в жертву. Большое количество казаков состарилось на службе, страдали от ран, были вынуждены покинуть

родную землю ради смерти на чужбине, и даже в Сибири. Все эти ужасы происходили во время самого доброго царствования, при самом просвещенном государе, в то время, когда Россия и Европа были спасены от наполеоновского рабства. Ошибкой было слепое доверие к исполнителю его воли графу Аракчееву, имя которого будет с ужасом повторяться самыми отдаленными поколениями чугуевских казаков. Император уже облегчил на будущее положение этого населения, но он не мог исправить уже совершившиеся несчастия. Он решил не допустить их в будущем и произвел большие и благодатные перемены во внутреннем устройстве этих колоний.

Войска были в прекрасном состоянии, они выгодно отличались красотой и особенно выездкой лошадей. Парад был столь же великолепен, каким он мог бы быть в гвардии. Рядовые были отличными наездниками, офицеры хорошо понимали все маневры.

Мы оставались в Чугуеве три дня, в ходе которых занимались учениями и входили в экономические тонкости жизни этих военно-поселенческих войск. Император щедро награждал войскового генерала, присвоил новые чины, раздал ордена и милостиво поговорил со старейшинами, которые съезжались со всех сторон, чтобы преподнести ему хлеб-соль.

На несколько часов император остановился в Белгороде, где стояла 2 драгунская дивизия, под командованием генерала Граббе, одного из участников восстания 14 декабря 1825 года, получившего великодушное прощение за свой проступок. Затем он отличился в боях против турок, и заслужил полное удовлетворение императора тем, как блестяще обстояли дела в доверенной его заботам дивизии. Император не видел его с тех пор, как тот оказался в числе виновных, теперь он поблагодарил его и отнесся к нему с такой добротой,

что, выходя из кабинета императора, Граббе переполняли чувства благодарности и преданности. Весь в слезах, он сказал мне: «Я должен моему государю больше, чем какой-либо другой подданный. Я смогу ему это доказать и заслужить его благородное отношение».

При раскопках фундамента старинного собора в Воронеже был обнаружен гроб друга Петра I архиепископа Митрофана, который умер в его царствование. Его тело, одежды и гроб были в полной сохранности. Эта находка и праведная жизнь, которую вел этот священнослужитель, привлекли толпы верующих, желавших увидеть своими глазами найденную реликвию. Вскоре съехавшиеся туда со всех сторон империи желающие увидеть захоронение и помолиться рядом с ним причислили могилу Митрофана к ряду святых. Люди говорили о чудесных исцелениях, и слава о новом святом распространилась по всей России. Синоду было поручено изучить жизнь Митрофана и, наконец, опираясь на народные требования, он был причислен к лику святых. Император согласился с этим решением и направил камергера своего двора присутствовать на церемонии, организованной со всем почтением и достоинством, которых требовали подобные обстоятельства. Она привлекла большое количество народу, и собор в Воронеже, где были захоронены новообетенные реликвии, стал местом паломничества и молитв огромных толп верующих.

В Бобруйске император получил от императрицы письмо, в котором она просила его в знак уважения к религии и к всенародному воодушевлению съездить помолиться мощам святого Митрофана. Он без промедления поспешил последовать совету своей августейшей и ангелоподобной супруги. Той же ночью маршрут его поездки был изменен, и мы направились в Воронеж. Предупрежденная о его приезде

большая толпа вышла к городским заставам и стояла вдоль улиц, по которым он должен был проехать. Особенно много людей собралось перед собором, где он должен был остановиться. В теснившейся со всех сторон толпе коляска двигалась очень медленно, крики «Ура!» сотрясали воздух. У ворот храма его встретили все церковнослужители, которые поднесли ему крест для поцелуя. Сопровождаемые восторженными криками мы вошли в заполненный людьми храм, где покоились останки Митрофана. После соответствующей случаю молитвы к большому удовольствию собравшихся император преклонил колени перед святым. На выходе мы с трудом протиснулись сквозь толпу, которая стремилась, увидеть, прикоснуться и поприветствовать своего государя. В сопровождении многочисленных восторженных криков мы вошли в приготовленный для императора дом богатого дворянина. На следующий день во всех подробностях были осмотрены тюрьмы, госпиталя, сиротские дома для солдатских детей, другие общественные учреждения. С целью дальнейшего развития города император отдал многочисленные распоряжения об улучшениях в публичных местах, а также в других областях. Вокруг него везде толпился народ с выражениями величайшего восхищения, люди не покидали улицы, где находился император.

Из Воронежа мы направились в Рязань, где наша коляска остановилась у подножия лестницы красивого и древнего собора, одного из самых прекрасных сооружений России. Та же восторженная толпа окружали императора. Затем он остановился в огромном доме, принадлежавшем человеку по фамилии Ройман, который вначале имел маленькую лавку, но тяжелым трудом и честными сделками нажил огромное состояние. Он достойно использовал свое богатство, помогая бедным, способствуя украшению родного

города и делу обучения сирот. На его средства было открыто большое количество лавок, благотворительных домов и госпиталей. В остальном, город был малоинтересен, его промышленность и торговля были развиты незначительно.

В связи с поздним временем года дожди уже начали размывать дороги. В Рязанской губернии они были ужасны настолько, что это даже трудно было себе представить. Глинистые и разбитые тысячами голов рогатого скота дороги вели в Москву, делая их осенью почти непроезжими. Император разгневался и решил по приезде в Петербург поручить министрам разработать и просчитать новую систему дорог, которые из разных концов страны вели бы в Москву. В дальнейшем он с большим упорством следил за реализацией этого полезного плана, за исполнение которого его благодарили бы все новые поколения торговцев и путешественников.

Для того, чтобы проехать 200 верст, отделяющих Рязань от Москвы, потратили почти два дня. К моей величайшей радости здесь удалось отдохнуть несколько дней от тряски на скверных дорогах. Мы остановились в древней Москве только на трое суток. Как и всегда жители города и общество были счастливы видеть своего государя. Через 36 часов пути по тракту мы приехали в Петербург. Там императрица ожидала родов, и любовь к ней его августейшего супруга ускорила наше возвращение. Через несколько дней императрица родила своего четвертого сына великого князя Михаила.

* * *

В течение того лета, уже фактически независимый государь Египта Мухаммед-Али, продолжил свои приготовления к нападению на своего законного государя турецкого султана. Он уже нарушил границы земель, доверенных его управлению, а его сын Ибрагим-паша, как завоеватель и бунтовщик,

вошел в соседние провинции. Войска султана уже отступали перед ним, он атаковал крепости, призвал население к бунту или относился к нему, как к враждебно настроенному. Ибрагим не скрывал планов своего отца уничтожить то могущество, которое со времен Магомета управляло мусульманами, и в случае необходимости дойти до самого Константинополя для того, чтобы сбросить султанский трон. Он открыто провозгласил реформирование империи, уничтожение европейских нововведений, возврат к древним обычаям и одежде их предков. Недовольные этими изменениями и униженные

*Правитель Египта Мухаммед-Али
с сыном Ибрагим-пашой*

бедствиями последней войны против России турки с удовольствием слушали подобные обещания и очень слабо защищали интересы своего государя, который почти полностью потерял любовь народа введением этих антинациональных и антирелигиозных изменений. Плохо управляемая и колеблющаяся армия султана отступала перед египетскими войсками, ее дезертиры увеличивали количество ее врагов и облегчали им победу. Обещавшие Османской Порте свои посреднические услуги Англия и Франция не сделали ничего для того, чтобы остановить захватническое наступление Мухаммед-Али. Всегда доброжелательный и лояльный в своей политике император видел в крахе турецкой империи событие, непосредственно касавшееся России и противоположное ее интересам. Он был готов оказать помощь войсками с тем, чтобы остановить продвижение Ибрагима, и предложил Англии и Франции честное сотрудничество с тем, чтобы предотвратить крах Османской империи. Они отклонили это предложение, не отвергая его окончательно, и употребили все свое влияние на диван для того, чтобы заставить его отказаться от выгодного и спасительного действия императора Николая. Все, чего мы смогли добиться, было желание и разрешение Порты на поездку нашего представителя в Египет для переговоров. Выбор императора пал на генерала Муравьева, который долгое время сражался с турками по ту сторону кавказских гор, и хорошо знал характер и обычаи этого народа. Он сел на корабль в Крыму, прошел через Босфор и Дарданеллы и появился в Александрии. Мухаммед-Али принял его со всеми внешними знаками уважения и даже преданности к посланному его государю. Их встречи носили совершенно доверительный характер и были чужды интригам английского и французского консулов. Сохранив все достоинство выражений, приличествовавших

России, Муравьев требовал прекращения военных действий и подчинения султану, обещая в обмен посредничество перед Блистательной Портой с целью достижения сторонами полюбовного согласия по условиям окончания преступной агрессии Египта. Мухаммед-Али высказал свидетельства своего уважения и доверия и, не колеблясь, тут же направил своему сыну Ибрагиму однозначный приказ прекратить наступление. Это был почти негаданный успех миссии нашего генерала. Ибрагим остановился, и турки получили возможность перевести дух. Но к несчастью вечно подозрительная Порта и вечно ревнивые Англия и Франция свели на нет благоприятный результат этих переговоров. В Египет был направлен приближенный султана Халил-паша, тот самый, кто был послан в Петербург благодарить императора за благоприятные условия Адрианопольского мира. Его корабль бросил якорь в Александрии рядом с кораблем, доставившим генерала Муравьева, и без согласования с последним униженно появился перед Мухаммедом-Али. Он не скрыл от него чувства страха, царившего в Серале, и тем самым дал врагу своего государя ясное представление о том, в каком выгодном положении он оказался, и о тех малых средствах, которыми располагал султан, для того, чтобы сопротивляться его захватническим планам. Муравьев поднял якорь и через Константинополь вернулся в Россию. Порта слишком поздно заметила сделанную ею оплошность. Англия и Франции были рады поспособствовать этому и тем самым нейтрализовать благоприятное влияние России. Вскоре после этого турецкий представитель был вынужден покинуть Египет, а военные действия были возобновлены.

Руководимая визирем армия султана была разбита в двух сражениях, в ней ярко проявился дух недовольства, население Малой Азии поддержало победителя, жители Константинополя беспокоились, громко протестовали против реформ султана и радовались успехам Ибрагима. Турецкий флот под командованием того же Халил-паши, который столь неудачно испортил переговоры Муравьева, уклонился от навязанного флотом Мухаммед-Али сражения и отступил в Мраморное море. Перед триумфальным наступлением египтян быстро пали все азиатские провинции и даже крепости, все способы сопротивления были исчерпаны. Обещавшие свое посредничество послы Англии и Франции хладнокровно наблюдали за успехами взбунтовавшегося паши и за крахом Османской империи. Только тогда уstraшенный султан понял, где находится спасительный якорь, и незамедлительно попросил помощи, которую предлагал ему император, и которую он так неосторожно отклонил. Эта новость достигла Петербурга в последний день праздников. Император и императрица были у канцлера князя Кочубея, который на целый день собрал у себя на танцевальном обеде все высшее общество столицы. Сразу по получении этого известия, император дважды отлучился на час с тем, чтобы отдать приказы министру иностранных дел, военному и морскому министрам. Тем же вечером с курьерами были отправлены точные и спешные приказы, в соответствии с которыми заранее приготовленная бригада под командованием едва успевшего вернуться после исполнения своей миссии в Египте генерала Муравьева должна была сесть на линейные корабли и отправиться в Константинополь.

Спустя двенадцать дней 8 февраля к большому удивлению послов Англии и Франции, к великой радости султана

и к ужасу большого количества приверженцев египетского паши наши корабли с двумя полками пехоты, с артиллерией и несколькими сотнями казаков на всех парусах вошли в Босфор. Это неожиданное появление сразу же остановило продвижение Ибрагима. Тем временем, для большей уверенности и по настоятельным просьбам Порты для усиления первой бригады были послана вторая, и доставившие ее военные суда увеличили наши морские силы у стен древнего Византия. Войска были высажены на азиатском берегу напротив Фарапия у подножия высокой горы, а малая часть турецкой гвардии, оставшаяся в распоряжении султана, заняла позицию рядом с нашими войсками под общим командованием генерала Муравьева. Одновременно в Константинополь был направлен граф Орлов с тем, чтобы объединить под своим руководством ведение политических дел, командование флотом и наземными войсками. В качестве нашего чрезвычайного посла флот и войска оказали ему все почести, продиктованные его особыми полномочиями. Султан окружил его знаками внимания, а его прямая и дружеская манера поведения завоевала ему симпатии всех вокруг. Граф сумел внушить полное доверие самым подозрительным руководителям страны, а радушное поведение и дисциплинированность наших солдат и офицеров свели к минимуму те опасения, которые под влиянием ревности и старинной ненависти к русским внушило турецкому населению появление российского флага, столь величественно развивавшемся посреди столицы их империи. Иностранные послы были напуганы этими свидетельствами нашего влияния в стране, которую Англия и Франция уже считали в сфере своего влияния, они развили бурную деятельность при виде этих признаков могущества, противопоставить которым они ничего не могли. Любыми способами они пытались

разжечь в умах султана и его советников страх и недоверие. Но опасность была слишком велика, а помощь чрезвычайно эффективна, чтобы поколебать чувства благодарности, которую испытывали турки к нашему императору за поддержку.

Орлов заявил, что срок пребывания находящихся под его командованием войск и флота зависит от поведения египетского паши, что этот последний обещал генералу Муравьеву прекратить военные действия и вновь признать верховную власть своего государя. Это обещание не было исполнено, и единственное желание императора — это заставить его сдержать слово. Если англичане, французы и австрийцы желают быстрее ухода наших войск, то им следует использовать все их влияние на Мухаммеда-Али для того, чтобы заставить его исполнить эту волю императора. Сразу же после того, как египтяне начнут отступление и дадут гарантии длительного мира, российские войска, как исполнившие свою задачу, погрузятся на корабли и наш флот покинет пределы Константинополя.

Твердый тон Орлова, отданные нашим войскам приказания укрепляться и установившиеся между нами и турками добрые отношения убедили иностранных дипломатов в том, что у них нет другого выхода, как помогать Орлову в его намерениях.

Они поспешили направить к Ибрагиму своих представителей с тем, чтобы он прекратил военные действия, и к его отцу Мухаммеду для того, чтобы он поторопился предложить Порте заключить мир и забыть о его бунте.

В то время, как дипломатические представители исполняли свои поручения, а по всем дорогам Европы курьеры несли в свои столицы весть о появлении в Константинополе русского флота, Орлов давал султану и иностранным послам балы, по его приказу Босфор и русские корабли были

иллюминированы и он предоставил возможность туркам полюбоваться нашими военными маневрами. Они присутствовали на них с тем большим любопытством, что их войска всех родов оружия находились в одном лагере с нашими, и участвовали в несении воинской службы наравне с нашими солдатами.

Все это было величайшими событиями нашего времени: русские воины, явившиеся спасти империю креста и полумесяца, которая на протяжении веков боролась против нас; наши войска, стоявшие перед Константинополем, который за три года до этого они заставили дрожать одним своим приближением; мирно стоящие на якоре в Босфоре те самые корабли, которые в 1829 году оглашали вход в пролив грохотом своих орудий, и которые теперь защищали Сераль от взбунтовавшегося паши и вызывали ревность британского флота.

А. Ф. Орлов

Объединенные усилия иностранных послов, присутствие наших войск, внушившее боязнь Мухаммеда-Али и придавшее уверенности турецкой армии — все это привело к скорому решению того вопроса, который вызвал наше плодотворное вмешательство. Мухаммед-Али согласился на все то, что ему было предписано англичанами, французами и австрийцами. Уже прекративший наступление Ибрагим получил приказ отступить, египетский паша вновь согласился считать себя вассалом Порты и платить ежегодную дань, проведение новых границ должно было состояться при согласии всех заинтересованных держав, и все споры должны были быть окончены. Орлов направил своего офицера господина Дюгамеля с тем, чтобы убедиться в отступлении Ибрагима, и, верный своему слову, заявил, что вернется в Россию, как только получит сообщение от последнего.

Никто не верил в столь скорый и беспроblemный уход наших войск. Как только Дюгамель сообщил, что египтяне выполнили свое отступление и прибыли в назначенное нами место, Орлов попрощался с султаном и спустя 24 часа весь его личный состав и воинское имущество были погружены на корабли, якоря подняты, а паруса поставлены. Флот отсалютовал спасенной ею столице и покинул стоянку на Босфоре, увезя с собой признательность султана и всего населения и восхищение иностранцев, удивленных не только быстротой, с которой прибыли наши силы, но и благородной честностью, с которой было сдержано данное ранее обещание. В Лондоне и в Париже еще спорили о мерах по искоренению нашего господства в константинопольском проливе, а Турецкая империю уже была спасена, и наши войска покинули ее территорию. Эти честные и величественные действия заставили замолчать наших врагов, мы завоевали приверженность султана, нейтрализовали исконную

ненависть турок, увеличили наше влияние в Азии и усилили страх перед нашим могуществом в Европе.

Сам Орлов еще на один день задержался в Константинополе для того, чтобы заключить оборонительный и торговый договор с Портой, который, кроме всего прочего, предусматривал для торговых кораблей всех наций дополнительные возможности проходить через Босфор и Дарданеллы. После этого он уехал, забрав с собой многочисленные подарки и знаки уважения к себе и свидетельства признательности по отношению к императору. Султан наградил командиров всех морских и наземных частей и учредил специальную медаль для матросов и рядовых солдат, принявших участие в этой памятной экспедиции. Со своей стороны император приказал отлить медаль в память о столь славных для его царствования событиях, и наградил ею всех генералов, офицеров и солдат, которые были под Константинополем.

* * *

В продолжение той зимы император уделял много внимания решению политических проблем, которые были сильно осложнены восточными делами, но не прерывал своей работы по внутренним преобразованиям в стране. Он заново переформировал пехотные и кавалерийские полки, опыт всех последних войн доказал их слабость. Из 6 полков, составлявших дивизию, было сформировано 4 полка, количество батальонов в них было увеличено с 3 до 5, один из которых был резервным. С тем, чтобы не увеличивать общий личный состав армии, дивизии которой насчитывали, таким образом, по 20 батальонов вместо 18, как раньше, две дивизии были полностью расформированы и влились в состав оставшихся. В кавалерии вместо 7 эскадронов, один из которых был кадровым и служил основой для резерва в военное время, было сформировано 8 боевых эскадронов и еще один

кадровый. С тем, чтобы не увеличивать и так значительное общее количество нашей кавалерии, были полностью ликвидированы две дивизии конных егерей и одна уланская дивизия. Новый порядок был введен во все смежные с армией службы, в армейские принадлежности и инженерные подразделения. Эти всеобщие изменения были осуществлены к сроку, установленному военным министром, без малейших затруднений.

С первых дней своего вступления на трон император поручил члену Государственного Совета империи господину Сперанскому трудную и столь необходимую работу по сбору и систематизации всех законов и установлений государей России и по составлению из них кодифицированного законодательства. Благодаря своей ясности и краткости, оно должно было быть использовано всеми, оно должно было стать руководством для деятельности судей и основой для народного образования. Эта трудная работа последовательно велась почти всеми российскими государями, начиная с Петра I. С этой целью неоднократно создавались различные комиссии в царствование императриц Анны, Елизаветы и Екатерины, возобновлена эта деятельность была императором Александром, но без малейшего успеха. Убежденный в абсолютной необходимости подобной кодификации, император Николай занялся этим собственноручно. Господин Сперанский представил ему работу 8 истекших лет, он прочитал ему все и даже обсудил с ним наиболее значимые параграфы. Это постоянное руководство работой со стороны самого императора, его регулярная поддержка привели к тому, что менее чем за 8 лет было завершено то дело, за которое неоднократно брались и бросали на протяжении целого столетия.

31 января император неожиданно появился на заседании Государственного Совета империи и занял место среди

его членов. Он произнес подробную и поразившую всех своей ясностью речь, в которой говорил о необходимости, подтвержденной всеми событиями последних лет, кодификации законодательства, включающей все законы и установления России. Он сообщил о завершении этой работы и пригласил всех присутствующих на заседании высказать свое мнение за или против и особо определить срок, начиная с которого это кодифицированное законодательство после его обсуждения и окончательного формулирования должно стать действующим. Министр юстиции сделал несколько замечаний по редакции этой работы, не оспаривая ее полезность, и в самой общей форме оценил ее, как и все государственные деятели, в качестве краеугольного основания новой эпохи в юриспруденции и в положении дел. Господин Сперанский и император не дали уничтожить их творение, они заявили, что, как и в любой другой работе, в ней можно найти несовершенства. Было решено предоставить два года на пересмотр и исправление, все сенаторы, министры, губернаторы и все те, кто в силу своих должностных обязанностей имели дело с законодательством или обладали требуемыми знаниями, должны были сделать свои замечания к тем или иным параграфам, которые по их мнению требовали изменений или дополнений. После принятия этого решения кодифицированное законодательство было оставлено в Государственном Совете империи для ознакомления всем участникам и открытое для публики. Закрывая это интересное и памятное заседание Государственного Совета, император подзвал к себе господина Сперанского, обнял его и вручил свою собственную звезду ордена Андрея Первозванного, как свидетельство удовлетворения его трудами и способностями, которые он без отдыха на протяжении восьми лет вкладывал в дело кодификации законов. Для нынешнего великого царствования

это был памятник значительно более прочный, чем сражения, которые зачастую не приносят для народа ничего, кроме несчастья.

Эту зиму моя жена провела в нашем имении Фалль, во-первых, для сокращения расходов и, во-вторых, чтобы избавить наших трех дочерей от петербургских развлечений в то время, когда их возраст требовал внимания к занятиям. Я провел с ними несколько недель и к величайшему моему раскаянию пропустил это заседание Государственного Совета.

16 мая император начал поездку по стране, вначале мы остановились во Пскове, который еще не посещали. Этот город некогда большой, богатый и независимый, воевавший с новгородской республикой, неоднократно сопротивлявшийся разным великим князьям и царям, выдержавший страшную осаду польских армий, теперь был бедным и малонаселенным. Он сохранил от бывшего блеска только несколько церквей, да остатки стен и укреплений, которые его защищали. Мы заночевали в нем, и на следующий день после молитвы в соборе император осмотрел публичные учреждения. Оттуда мы выехали в Динабург, его укрепления были почти завершены. Император пожелал лично присутствовать на освящении этой крепости, в сооружении которой он в качестве главы инженерного ведомства до вступления на престол так усердно участвовал. Весь гарнизон и расквартированные по соседству войска были расставлены на укреплениях по всей линии высот и бастионов. Началом торжеств стала большая церковная служба. После благодарственной молитвы все вышли из церкви и поднялись на бастион, над которым развевалось крепостное знамя. После его освящения оно появилось на вершине мачты, где его приветствовали все войска, а залп из всех пушек и мушкетов ознаменовал ввод

в строй этой красивой и замечательной крепости. Но вот что было наиболее знаменательным и что потрясло всех многочисленных зрителей и военных. В тот момент, когда священник окропил святой водой знамя, и его стали поднимать, нас всех внезапно обрызгали капли дождя, пролившегося при ясной погоде и ярком солнце. С самого утра и до вечера больше не упало ни капли. Приветственные крики войск при виде знамени обрели еще большую силу, солдаты смотрели на это чудо, как на очевидное доказательство божественной защиты этих новых краев империи. Затем предшествуемый священниками, несшими святую воду, и в сопровождении генералитета император обошел все укрепления и стоявших на них военных, представлявшие все рода войск. Зрелище было весьма величественным, оно привлекло огромную толпу окрестного народа. По окончании церемонии войска спустились с укреплений, вышли из крепости и построились в колонны по другую сторону плаца, на котором император принял их парад. Еще на день мы остались в Динабурге с тем, чтобы осмотреть все в самых малейших деталях. Выехав после обеда, мы направились по дороге в Ригу, проехали через старинный замок Кукенхузен, стоявший на скалистом правом берегу реки Дины, построенный еще во времена меченосцев. На всем своем протяжении дорога была живописной, ее окружали деревни и поля, ставшие плодородными, благодаря почвам и трудолюбию.

Во время этой поездки я находился в постоянной тревоге, поступавшие с различных сторон сообщения свидетельствовали о том, что в районе Динабурга и Риги были распространены настроения цареубийства. Император знал об этих тревожных настроениях, но он полностью доверился божественному провидению и не придавал им ни малейшего значения, он проводил ночи в коляске и спал сном праведника.

Находясь рядом с ним, я постоянно был настороже, часто просыпался и оглядывался в стремлении обезопасить моего государя.

Нас предупреждали из Парижа, Лондона и Гамбурга, мы читали в многочисленных перехваченных письмах о том, что одно весьма многочисленное общество, состоявшее по преимуществу из бывших участников польского восстания, приговорило императора к смерти, и что для проведения своих подлых планов в исполнение ими была выбрана поездка из Динабурга в Ригу. Я послал несколько человек патрулировать эту дорогу, но убийца столь легко мог спрятаться под одеждой крестьянина или нищего, что обнаружить его, можно было только благодаря счастливому случаю. Единственная предосторожность, которую император разрешил мне принять, было размещение в его коляске одного казака кавказской линии из числа тех 20 человек, которые в Петербурге были приписаны к императорскому конвою.

Сведения о предполагаемом цареубийстве проникли в общество, русские путешественники в Германии писали о них своим родственникам в Петербург, как о чем-то верном, они желали предупредить императора. В Пруссии и особенно в польских землях эту поездку называли смертельной для императора. В Петербурге все были испуганы, и со всех сторон мне предлагали принять самые строгие меры. Но, находясь рядом с императором, об этом не могло быть и речи. Эти меры не соответствовали его природному характеру и его вере в бога. В подобных случаях он говорил: «Меня охраняет сам Господь, если я больше не буду нужен России, он меня призовет».

После обычной ночной поездки в середине дня мы приехали в Ригу. Народ принял императора с тем большим проявлением искренней радости, что уже несколько дней сведения о планах цареубийства были известны и здесь.

На следующий день на плацу состоялся парад нескольких полков 1 дивизии 1 армейского корпуса. Огромная толпа окружили площадь и дворец, заполнила улицы, через которые император должен был верхом проехать на парад. Повсюду в толпе я видел горожан и дворян, которые всматривались в лица людей и загораживали императора с тем, чтобы предотвратить страшившее всех несчастье, нависшее, как считали, над его головой.

Представленные ему в Риге войска славно сражались в Польше под командованием графа Петра Палена. Император поблагодарил их и остался доволен их выправкой. То же было и в Динабурге, где он принял парад остальных полков этого корпуса, за исключением 1 гусарской дивизии, которой он был очень недоволен. После того, как он осмотрел все, что того заслуживало в городе, император присутствовал на балу, данном в его честь. Затем он сел в коляску и направился в Ревель. Мы были очень удивлены, увидев на некотором расстоянии многочисленных элегантных всадников, которые как бы прогуливались, но на самом деле сопровождали императора. Это были молодые дворяне и сыновья наиболее крупных городских торговцев, они не упускали из виду наш экипаж, на некотором расстоянии они окружали нас и двигались впереди, пока мы не проехали половину пути до второй почтовой станции. Они расположились на дороге по собственной воле, обеспечивая своему государю защиту подвидом простой прогулки. Император был очень тронут этим проявлением преданности, наконец, он их любезно поблагодарил и попросил далее за ним не следовать.

Подъезжая к саду Екатериненталя, в замке которого, покинутого со времен Петра Великого, пожелал поселиться император, мы встретили все петербургское общество, прибывшее в Ревель с целью посетить мое имение. Здесь был посол Дании граф де Блом, вице-канцлер граф Нессельроде,

обер-шенк граф Пушкин, министр двора Волконский и граф Матусевич. Они весело обедали в одном из прилежавших к дворцу помещениях. Император сразу же пригласил их пройти в свои апартаменты и охотно разделил с нами хорошее настроение, вызванное встречей в Ревеле, чтобы отдохнуть несколько дней.

Часть флота находилась на рейде и украшала собой прекрасный вид с дворцового балкона на порт, город и на его окрестности. Прекрасная погода увеличивала приятность нахождения в этом месте, все население которого сбегалось, чтобы увидеть и поприветствовать своего государя. Едва выйдя из-за стола, император, только что узнавший о том, что императрица неожиданно приехала в Ревель для встречи с ним, попросил небольшую фельдъегерскую повозку, один сел в нее и бросился навстречу своей супруге. Через несколько часов приветственные крики возвестили об их прибытии. Императрица в первый раз была в Ревеле и в этом построенном Петром Великим дворце, в котором он жил с императрицей Екатериной, вензель которой и до сего времени еще украшает находящиеся здесь скульптуры и картины. Более века дворец пустовал. После основателя этого жилища и благородного завоевателя Лифляндии первой императорской четой, занявшей место Петра Великого и его счастливой супруги, стали император Николай и императрица Александра. Императрица милостиво мне сказала, что хочет посмотреть мое имение и со всеми теми лицами, которых я уже туда пригласил и теми, кто ее сопровождал, пообедать с моей женой. Поездка была запланирована на послезавтра, и мне срочно нужно было выехать в Фаль с тем, чтобы предупредить мою жену об оказанной нам чести, вновь увидеть и обнять моих детей.

В назначенный день за несколько часов до обеда прибыли император, императрица и все многочисленное общество.

Это было 27 мая в годовщину нашей переправы через Дунай в кампанию 1828 г. Это обстоятельство было отмечено императором, благосклонно заметившим мне, что ему приятно провести этот день в моих владениях. Императору понравилось все — сад, дом, обстановка. До обеда все прогуливались, а за столом и в течение всего столь счастливого и лестного для меня дня царило самое непринужденное веселье. Вечером все общество вернулось в Ревель. На следующий день император проинспектировал флот, который залпом из всех орудий приветствовал императорский штандарт, также впервые после Петра I развивавшийся на Ревельском рейде. Ближе к вечеру император взошел на одно из судов эскадры и отдал приказ поднять якоря и поставить паруса. Слабый ветер медленно подгонял корабли, и еще долго мы могли с берега наблюдать это замечательное зрелище. Со свойственной ей приветливостью и любезной непринужденностью императрица собрала вокруг себя все общество, прибывшее из Петербурга, и все жаждавшее ее видеть ревельское общество. Взрослые люди и дети толпились вокруг нее, она говорила со всеми, ей нравились услужливость и веселость общества. После ужина она поднялась на борт парохода «Ижора» и быстро нагнала флот, двигавшийся к Свеаборгу, который император хотел показать своей замечательной супруге. Оттуда они по воде вместе вернулись в Петергоф. В день отъезда императора из Ревеля я в сопровождении всех прибывших из Петербурга вернулся в Фалль, где нас ждала моя супруга, и где мы провели несколько очень приятных дней. Затем окружавшее меня общество по воде направилось в Кронштадт, а я, после нескольких проведенных с женой недель, возвратился в Петербург.

Опасения преступных замыслов поляков не замедлили осуществиться. С начала июня из царства стали проникать

многочисленные эмиссары, некоторым из которых удалось проскользнуть даже в Виленскую губернию. Чувствуя симпатии своих соотечественников, они сбросили маски и с оружием в руках пересекли границу со стороны Галиции. Они атаковали казачьи разъезды, которые патрулировали подступы к Польше, жестоко убили несколько солдат, захваченных врасплох в соседних избах, и подняли знамя национального бунта. В спешке собрали небольшое количество казаков и пехотинцев, которые бросились на эту шайку, вдохновенную ложными надеждами и шампанским. Обменявшись с ними несколькими ружейными выстрелами, эти неосторожные патриоты обратились в бегство с той же стремительностью, с которой они спровоцировали сражение. Некоторые из них были убиты, другие взяты в плен, а остальные были обязаны своим спасением только быстроте своих лошадей и близостью границы. Проникшие на нашу территорию эмиссары, проповедовавшие неповиновение, начали разбегаться в разные стороны. Некоторые из них были схвачены, другие — выданы своими же соотечественниками либо опознаны и арестованы польскими жандармами. Так окончилась эта преступная и ложная попытка, которая представила дополнительные доказательства непоследовательности и гнусности этой нации. Эти люди поставили под удар многих своих родных и большое число мирных жителей, слишком слабых или слишком доверчивых для того, чтобы сообщить властям об их отступлении. Очень скоро следствие было завершено, все те, кто запятнал свои руки кровью наших солдат, были приговорены к смертной казни, несколько из них были отправлены в ссылку или посажены в карцер. Власти всячески стремились сократить число наказанных, вскоре эти безумцы были забыты, а их бунт проклят самими поляками, которые почувствовали, насколько они были обязаны правительству России за его присмотр и заботы.

Один из этих безумцев по фамилии Шиманский, сбежавший в Литву, должен был быть повешен, но своим искренним признанием и, по-видимому, полным раскаянием заслужил пощаду. Его привезли в Петербург, где я встречался с ним много раз. В беседах он излил мне душу, назвал всех сообщников, детально описал все заговоры, спланированные в революционных комитетах Парижа, обрисовал способы, использованные для того, чтобы соблазнить и обмануть легкомысленные и восприимчивые головы. Он рассказал о клятвах, которые их заставляли принимать, о полученных их сторонниками инструкциях. Наконец, в благодарность за оставленную ему императором жизнь, несмотря на его преступления, он попросился на службу с тем же рвением и преданностью, с которыми он служил делу, признанному им теперь как подлое и преступное. Я поверил ему, и он получил полную свободу. Он уехал в Германию, тронутый благородным поступком императора по отношению к его матери, она была бедна и очень несчастна от поведения своего сына. Ее успокоили, и она получила денежную помощь. Шиманский написал мне из Гамбурга, затем из Франкфурта с тем, чтобы рассказать о демагогических выпадах против России. Затем он приехал в Париж и оттуда написал мне самое подлое и полное грязных проклятий в адрес императора письмо, переполненное угрозами тому, кто только что спас его от смерти.

Тем же летом, однажды утром молодой поляк пришел ко мне и попросил принять его наедине с тем, чтобы рассказать о какой-то тайне. Я приказал привести его ко мне в кабинет. Без долгих вступлений он мне рассказал, что приехал в Петербург для того, чтобы отомстить за свою поработленную родину и освободить мир от тирана, каким был Николай. Он заявил, что лучшим доказательством его мужества, достаточного для исполнения подобного плана, является смелость,

с которой он явился ко мне об этом рассказать. Он верил в то, что Россия несчастна, и обвинял императора в том, что Польша сведена до положения постыдного рабства. Он принял на веру все то, о чем ему рассказывали за пределами страны, и то, что ему там довелось прочесть. Приехав в Петербург, он занимался поиском средств исполнения того плана, который привел его сюда, здесь он встретился со своими соотечественниками и был весьма удивлен, видя их на свободе, некоторые чиновники были даже отмечены наградами. Все они отдавали должное достоинствам императора, он с удивлением увидел счастье, спокойствие и богатство жителей этой огромной и великолепной столицы. Тогда он стал с интересом наводить справки об императоре, расспрашивать о тех чувствах, которые он внушал. Повсюду и от всех людей он слышал только похвалу и слова преданности, наконец, он получил возможность сам увидеть императора, и вся его ненависть превратилась в восхищение по отношению к нему и в отвращение к тем, кто клеветал на этого государя. Он сказал, что готов понести наказание за задуманное им преступление, которое он решил исполнить. Я ему сказал, что его прощение является результатом его признания, что он остается свободным в своих действиях, и что я доложу императору обо всем, что только что услышал. Через несколько дней я вызвал его в Петергоф и проводил в кабинет Его Величества. Император принял его с той простотой и искренней приветливостью, которая удивляла всех, кто в первый раз предстал перед ним. Он подробно расспросил о его жизни и о причинах, заставивших его поднять на него руку. Молодой поляк отвечал спокойно и без волнения, он рассказал о своей жизни, о своей ненависти к императору, о своем приезде в Петербург, об удивлении тем, что он здесь увидел и услышал, о случившейся в нем внутренней перемене и о мучивших его угрызениях совести. Император

доброжелательно спросил о том, чем он хотел бы заняться в будущем. Служить Вам, сир, был ответ.

— Где?

— В Польше, сир.

Повернувшись ко мне, император приказал написать маршалу Паскевичу о том, чтобы он принял на службу этого молодого человека в соответствии с его способностями и желаниями. Глубоко взволнованный он вышел из кабинета императора, пожал мне руку и сказал: «Я заслужу своей преданностью такое благородство и великодушие».

Другое бедствие должно было еще поразить Россию, вызвать у императора новые потрясения и дать ему лишний повод проявить деятельность и отеческую заботу к подданным. Почти во всей империи был неурожай, а в некоторых губерниях земля не родила вообще ничего. Трава была выжжена, запастись было нечего, на огородах не уродились овощи, и даже картофель не оправдал ожиданий и трудов земледельцев. Многочисленные стада баранов, во множестве пасшиеся на плодородных южных землях, которые своей шерстью способствовали изобилию и промышленности в этих местах, из-за отсутствия пищи теряли тысячи голов. Собственники направляли стада на несколько сот верст вглубь страны и жертвовали половиной поголовья для того, чтобы прокормить оставшихся. В Малороссии быки и коровы околевали, и крестьяне теряли свои последние запасы. На широких равнинах казачьего Дона и на Кавказской линии самые прекрасные и многочисленные табуны лошадей издыхали из-за отсутствия пастбищ и даже из-за нехватки воды, так как многомесячная засуха иссушила все ее источники. Зерна не хватало, и несчастные крестьяне оказались в страшной нищете. Большой части населения нашей обширной империи грозил голод со всеми его ужасами.

Не дожидаясь докладов своих губернаторов, император отдал спешные и самые точные приказания Комитету министров с тем, чтобы учесть нужды народа, произвести закупки, послать зерно, проконтролировать обработку земли к осени. Он направил своих адъютантов наблюдать за распределением зерна, оказать самым нуждающимся денежную или иную помощь. Он дал самые суровые указания губернаторам и предводителям дворянства, приказал открыть казенные и губернские склады, направил людей в германские порты для значительных закупок зерна с тем, чтобы заполнить опустевшие склады, выделил из казны резервы, превышавшие 20 миллионов, для покрытия всех этих неожиданных расходов. Необычайная энергия, которую он проявил в этих условиях, и которую сумел внушить всем чиновникам, спасла его народ от голода и сильно увеличила чувство любви и признательности, которые люди уже к нему испытывали.

* * *

На протяжении многих лет французский император высказывал желание лично познакомиться с императором Николаем. Революция, которая вознесла Луи-Филиппа на квазиреспубликанский трон Франции; революция в Бельгии, которая фактически присоединила эту страну к системе тюильрийской политики; неудавшийся бунт в Польше, который отозвался в австрийской Галиции призывами к независимости и к отделению; революционные движения в Италии и в Швейцарии; обсуждение реформ в Англии; упорядочивание германских государств — все это устрало Венский двор и заставило его забыть свое ревнивое отношение к могуществу России и осознать необычайную спешность воссоединения тех связей, которые в 1814 и 1815 годах позволили ей вернуть свою свободу и получить решающее влияние в Германии. Австрийский посол при нашем дворе граф Фикельмон

уже прямо и открыто готовил это сближение, которого требовала мудрая и предусмотрительная политика, и которую долгие годы мы считали необходимой.

Всегда колебавшаяся в своих планах Пруссия, подверженная воинственной горячке и неосторожности своих принцев, прямо противоположной пассивному спокойствию прусского короля, разделенная в своих принципах между полностью монархической армией и либеральной третью государства, также почувствовала необходимость присоединиться к этому же старинному союзу, который спас ее в 1813 и 1814 годах, и который стал ее единственной поддержкой против конституционных и демагогических идей, наполнивших ее земли. Австрия и Пруссия, наконец, признали, что император Николай был опорой того сооружения, которое объединяло монархические правительства, поддерживало мир в Европе и служило щитом против наступления демократии и против революционных настроений, соединявших Париж и Лондон.

Договоренность о подобной встрече была достигнута, что с воодушевлением было воспринято императором, который расценивал ее как крайне важную, он считал себя призванным оказать помощь монархам, под которыми колебались их троны.

С целью не особенно тревожить парижский и лондонский кабинеты, на которые этот великий союз произвел огромное впечатление, было решено, что император повидается с государями Австрии и Пруссии по отдельности с тем, чтобы не придавать этим встречам характера официального конгресса. Для свидания с императором король Пруссии выбрал Шведт, а Франц I — небольшой городок Мюнхенгретц.

Вечером 15 августа в Петергофе государь поднялся на борт парохода «Ижора». Так как ночь была очень темной, сигнальные огни и фонари освещали берег и укрепления Кронштадта. Кроме императора на борту также находились

министр императорского двора князь Волконский, граф Алексей Орлов и я. Вскоре «Ижора» оставила за кормой огни Петергофа и Кронштадта, к рассвету мы были уже далеко в море и, исходя из скорости судна, могли вычислить день и час прибытия в Штеттин, куда уже были направлены наши кареты для того, чтобы в них ехать в Шведт. Ветер крепчал и с каждым часом волнение усиливалось, крупные волны подбрасывали наш легкий пароход, который был предназначен только для прогулок между Петергофом и Кронштадтом, а вовсе не для борьбы с непогодой в открытом море. Кроме того, на «Ижоре» горючего было всего на три дня, а бурное море замедляло наше продвижение вперед, сводя его почти на нет, был риск полностью израсходовать запас угля. Капитан заявил, что должен искать укрытие в находящихся по соседству бухтах Лифляндии, стать там на якорь и дожждаться успокоения ветра и волнения. Следовало прислушаться к доводам разума, которые обосновывали такую необходимость, и, пройдя некоторое время по ветру, направление которого было совершенно противоположным нашему курсу, мы бросили якорь ввиду лесистого берега, примерно в сорока верстах от порта Ревель. Наше судно бросало как щепку, и капитан был очень обеспокоен его состоянием. Сила ветра не уменьшалась, холод был очень чувствителен и заставил нас закутаться в наши пальто в нетерпеливом ожидании потепления. Между тем время поджимало, мы знали, что прусский король, прибыв в Шведт в назначенный день, будет в самом сильном беспокойстве от малейшего опоздания, что направленный в Штеттин на встречу императору наследник престола с тревогой оценивал силу непогоды и опасности, ожидавшие его Августейшего родственника при морском переходе. Как мы узнали позже, этот шторм распространился по всей Балтике, он стал причиной гибели многих моряков.

Он дал повод некоторым любителям мрачных слухов даже заявить в газетах о том, что император со всем экипажем погиб в волнах.

На протяжении более 12 часов нас сильно болтало на якорной стоянке, если бы он оторвался, мы рисковали бы потерпеть кораблекрушение на усыпанном скалами берегу. Ветер не менял направления и, казалось, он не собирался успокаиваться. Капитан заявил, что единственным способом выйти из этого опасного и неуверенного положения, было бы пойти по ветру и вернуться в Кронштадт. Император собрал нас в своей каюте, расположенной на верхней палубе, и беззаботно спросил наше мнение так, словно это был военный совет. Без колебаний мы присоединились к суждению капитана, и император приказал поднять якорь и направиться к Кронштадту. Это решение преисполнило радости князя Волконского, который был плохим ценителем бури. Он заверил нас, что больше никогда не поднимется на борт корабля, и грядущие события показали, что он оказался верен своей клятве. Ветер, который мешал удалению нашего парохода от Кронштадта, удвоил его скорость при возвращении к нему, и вечером 17 числа «Ижора» бросила якорь перед Петергофом. Двор уже покинул это место, оттуда уехали все, даже в порту никого не было, с тем, чтобы прислать нам шлюпку. Мы с императором спустились в небольшую корабельную лодку, которую волны бросали из стороны в сторону, а затем они с яростью разбивались о набережную Петергофа. В дрожках император добрался до Стрельны, откуда на почтовой телеге направился в Царское Село, куда на следующий день после нашего прибытия приехала императрица и члены императорской семьи. Мне император приказал поехать в Петербург и немедленно заняться всеми необходимыми приготовлениями для сухопутного путешествия, которое

должно было начаться на следующий же день. Все очень боялись за императора, буря была столь же сильной на суше, сколь и на море. В Петербурге уровень воды значительно поднялся, часть городских кварталов была затоплена, в городских парках и в окрестностях высокие деревья были вывернуты с корнем. Весть о нашем возвращении была радостно воспринята всеми, население столицы возносило к Богу благодарственные молитвы.

*Николай I, императрица Александра Федоровна
и великий князь Константин Николаевич
на борту императорской яхты*

На следующий день после обеда я приехал в Царское Село, а вечером мы уже ехали в коляске по дороге в Нарву. По всей дороге лошади были заказаны на мое имя, и мы двигались безостановочно. На приграничных пунктах и в городах по понятным причинам императора узнали, в Форожене начальник таможни не знал, что и думать по поводу секретного проезда, и удовлетворился тем, что отвесил глубокий поклон нашей коляске, на большой скорости ворвавшейся

в Прусское королевство. Мы быстро проехали Тильзит, Кенигсберг и вышли из коляски только в Эльбингене с тем, чтобы позавтракать на почтовой станции, пока смазывали коляску. Я изображал генерала, а император играл роль моего адъютанта, что очень его забавляло. Часто нас одолевал смех, и мы забавлялись, разыгрывая начальников почтовых станций.

За сутки мы останавливались так без обеда пять раз и добрались до места, где нужно было свернуть с большой берлинской дороги с тем, чтобы попасть в Шведт. Здесь, пока хозяйка гостиницы готовила нам кофе, мы занялись своим туалетом. Хозяин почтовой станции заговорил с моим адъютантом, то есть с императором, который стоя приводил себя в порядок, в то время как я удобно устроился за столом. На вопрос, нет ли новостей из Шведта о морском путешествии императора, наш хозяин принял умный вид и ответил, что он только что получил частное письмо, из которого следует, что вчера вечером император России благополучно высадился в Штеттине. Это известие принесло огромную радость королевской семье, которая находилась в страшном беспокойстве из-за сильной бури.

— Слышали ли Вы это, мой генерал, — сказал мне император, и повторил все то, что рассказал хозяин почтовой станции.

— Так было угодно господу, — ответил я ему и поблагодарил хозяина за хорошие новости.

Через две станции оттуда мы вышли из коляски, император надел свою форму прусского генерала. После того, как перед любопытным и заинтригованным хозяином почтовой станции я отдал своему адъютанту распоряжения относительно подготовки помещения для меня, закутанный в плащ он спустился по лестнице, сел в почтовую карету, приготовленную для фельдъегеря, и один проехал последний отрезок

пути в Шведт. Я пытался угнаться за ним в своей коляске, но он сильно опередил меня и очень удивил всех своим появлением. Все с нетерпением ожидали известий о нем со стороны Штеттина, король был в страшном беспокойстве, наследник престола не покидал порт с тем, чтобы сразу же предупредить своего отца, если появится «Ижора». В это время перед шведтским замком из небольшой почтовой кареты, прибывшей со стороны противоположной Штеттину, вышел император. Королевская семья была преисполнена радости, которую сердечно разделили все те офицеры и жители города, кто знал об опасностях, которым буря подвергла зятя их государя.

В Шведе находилась только прусская семья, братья и сыновья короля, некоторые из них были с супругами, великий герцог наследник Мекленбургский, женатый на сестре нашей императрицы, и герцог Кумберлендский. Круг лиц, работавших с королем и имевших на него влияние, был дополнен его первым министром генерал-адъютантом Вицлебенем и министром иностранных дел господином Ансильоном.

Нас поселили в замке, где в 1805 году, за 28 лет до описываемых событий, при возвращении из Ганновера в Россию корпуса под командованием графа Толстого, мы были представлены королю, тогдашнему союзнику Франции, принявшему решение изменить политический курс и сблизиться с нами с целью сопротивляться Бонапарту. Через год последний захватил всю Пруссию и вынудил всю королевскую семью бежать в Мемель. Тогда я был очень молод, ослеплен красотой королевы и старался через ее молодых придворных дам повлиять на нее в том смысле, чтобы она использовала свой авторитет перед королем и сама изменила образ мыслей в духе разрыва с французской системой и объединения усилий с Россией. Тогда мы преуспели только в несчастье для Пруссии.

Теперь я вернулся в тот же замок один, вместе с моим могущественным государем, который теперь, также как и тогда, стремился подвинуть Пруссию на более тесное единомыслие и единство действий с правительством Санкт-Петербурга, на более искреннее и смелое противодействие наступательным планам революционных принципов, к открытому противодействию настойчивым требованиям нового кабинета Тюильри, столь близким Сент-Джеймскому правительству, с тем, чтобы навязать нам эти принципы и парализовать силу наших правительств. Совершенно не желая пренебрегать интересами двух наций, французской и английской, не собираясь противопоставлять деспотизм либеральным идеям, но с единственной целью сплотить Россию и Пруссию в единый союз, готовый отразить любую агрессию и способный разбить бунт всюду, где он осмелится поднять голову.

С первых же дней господин Ансильон начал многословно и весьма красиво высказывать свои политические взгляды, убеждения и надежды, заключавшиеся в том, что пришло время занять менее мягкую позицию по отношению к разрушительным доктринам, которые угрожают Германии и всей Европе. Он уверял, что только более тесный союз между Россией, Австрией и Пруссией может быть единственным способом остановить всесокрушающее продвижение конституционных утопий, которые со времени прихода к власти Луи-Филиппа укрепились в умах людей и расшатывают монархии. Генерал Вицлебен высказывался менее горячо и более сдержанно. Он упомянул об опасности разрыва с Францией и указал на необходимость терпимого отношения к либералам в Германии, деятельность которых умножает способы вторжения в страну. Он был выразителем добрых намерений короля, своего государя, который ясно видел опасность, искал способы ее избежать, но его преклонный

возраст, пережитые несчастья и нынешние привычки заставляли его искать мира и опасаться войны. Ансильон был выразителем идей наследника престола, воспитателем которого он являлся. Наследник и его младшие братья считали прусскую армию самой лучшей и самой грозной, они желали войны так же, как желали ее прусские принцы и генералы перед своим полным поражением под Йеной. Ансильон очень много говорил, но реальные факты доказывали его слабость или его злую волю.

Император высказал свое настойчивое пожелание, чтобы господин Ансильон отправился в Мюнхенгретц поддержать его там на переговорах с Австрией, если та проявит колебания в присоединении к тому тесному союзу, который должен был снова объединить три державы. Этот союз также должен был показать Европе, что все происходит по общему согласию между тремя государями. После того, как у Ансильона не получилось выйти из этого положения с помощью красивых фраз, ведь от него требовалось всего лишь согласие на поездку, он тотчас же отказался и даже имел бестактность заявить, что его присутствие в Мюнхенгретце не будет соответствовать достоинству его государя.

Эти слова вызвали гнев императора.

— Как, — сказал он, — здесь осмеливаются обвинять меня в том, что я прошу чего-то, что не соответствует достоинству моего тестя!

Он вспылил и, находясь перед принцами, своими двоюродными братьями, не выбирал выражений против виновного министра. Тем временем, король совершенно избегал серьезного разговора с императором, он уклонился от объяснений и удовлетворился тем, что видел императора в лоне своей семьи, он окружил его знаками внимания и своей отеческой заботой. Таким образом, все переговоры свелись к сплетням

и мелким интригам, в которых все участвовали в той степени, в которой это им пришлось по душе. Эта картина навела на меня печальные мысли о берлинском кабинете и оставила мало надежды на крепость наших связей в будущем.

Император был сильно задет. Он был откровенен и дружески настроен, что следовало из его характера, привязанности к королю и из его заинтересованности в судьбе Пруссии. Именно Пруссия, а не Австрия и тем более не Россия, оказалась в открыто угрожаемом положении. От этих неприятностей у него разлилась желчь, и он внезапно слег. По привычке он закрылся в комнате, лег на свое убогое походное ложе, представлявшее собой всего лишь наполненный сеном кожаный мешок, и отказывался кого-либо принимать, включая врача. Его собственный врач, как и вся остальная свита, ожидал нас в нескольких почтовых станциях от Мюнхенгрета. Испуганный лакей сообщил мне, что императору очень худо. Без доклада я вошел в его комнату и после больших стараний получил его разрешение на то, чтобы пришел врач короля. Он пощупал пульс, выписал лекарства и заявил, что положение императора серьезно. Кровь застыла у меня в жилах от тревоги и ужаса, я не знал, надо ли мне было без промедления послать за Арендтом, который мог приехать только через двое суток, или послать за врачом в Берлин, так как королевский доктор, по словам нашего посланника при прусском дворе Рибопьера, не пользовался репутацией человека сведущего. Все члены королевской фамилии собрались в зале ожидания, терзаемые самой жестокой тревогой. Император заснул, через щель неплотно закрытых дверей я следил за ним. Увидев, что он проснулся, я осторожно вошел и сказал, что король горячо желает его видеть. При этих словах он спрыгнул с кровати, приказ подать одеваться и немедленно направился к своему августейшему тестю. Все наши опасения рассеялись, и мы продолжили приготовления к отъезду.

Ансильон формально отказался поехать с императором в Мюнхенгретц, тем не менее, там должен был быть представитель короля Пруссии. Без этого союз трех держав, основная цель нашей поездки, не представлял бы собой ничего достойного внимания и оказался бы весьма сомнительным. После долгих переговоров, проявлений нерешительности и очень заметного безразличия прусского кабинета, было решено, что до границ прусского королевства императора будет сопровождать наследник престола, который оттуда, находясь очень близко от места пребывания австрийского императора, будет ждать его приглашения приехать в Мюнхенгретц. Таким образом, пожелания императора были отчасти исполнены, и Европа, которая с тревогой и пристальным взглядом следила за этими двумя встречами в Шведте и в Мюнхенгретце, смогла бы в них увидеть только полное согласие между тремя государствами.

Прусский король Фридрих-Вильгельм III

Мы же не видели в этом ничего, кроме грустной перспективы слабого выражения близости с Пруссией, и подтверждения того, насколько мало мы можем быть уверены в прусском правительстве, всегда колеблющемся, исполненном хитрости и недоверчивом.

Король, члены его семьи, часть генералов и офицеров были искренне преданы императору, который оказывал им знаки дружеского расположения и доверия. Однако, могущество России очень зримо вызывало зависть у всех остальных. Самолюбие или, скорее, фанфаронское прусское тщеславие не позволяло им увидеть в этой державе спасительную защиту их существованию, они не видели в ней ничего, кроме врага, ущемлявшего их гордость. Принцы и молодые офицеры не сомневались ни в чем, они видели, что воинская слава требует войны с Францией, и поэтому с радостью принимали союз, рассматриваемый ими только как средство для нападения, а не в истинном его смысле, как благородная политическая позиция, способная предотвратить войну, и остановить приближение сражений, столь горячо желаемых революционерами Франции и Германии.

В течение четырех дней, пока мы оставались в замке Шведта, жизнь протекала однообразно. Все собирались вначале на завтрак, затем в час дня на большой обед на 50 персон, потом в половине шестого на чай, а в шесть часов начиналось представление нескольких небольших и очень забавных немецких пьес в импровизированном театре в одном из залов дворца, затем — ужин, и еще до десяти часов вечера можно было оказаться в своей постели.

Испытанное императором серьезное недомогание заставило его по просьбе короля изменить обычный час своего отъезда, вместо того, чтобы выехать как всегда в полночь, мы пустились в путь в 10 утра 27 числа. Император пригласил

в свою коляску наследного принца, а я вместе с генералом Гробеном поехал в коляске принца. Последующая ночь предоставила полную возможность испытать все неудобства проезда по немощным дорогам и убедиться в неловкости немецких почтальонов. Император сбился с дороги, я сильно ушибся, наша коляска сломалась, а почтальон был серьезно ранен. Наследный принц был взбешен этими дорожными злоключениями, которые заставили императора только пожалть плечами, а меня — пожалеть о наших поездках по России.

* * *

На последней станции на территории Пруссии наследный принц остался ожидать приглашения австрийского императора. Здесь же ожидал нашего государя посланник при Венском дворе господин Татищев. После утреннего туалета император взял его в свою коляску и направился в Мюнхенгретц.

Оба императора познакомились со всей возможной искренностью и сердечностью. Пожилой и уважаемый государь Австрийской империи, Нестор коронованных особ Европы, был взволнован, обнимая молодого наследника Александра, союз с которым вернул ему ослабевшее могущество, и дружба с которым была ему дорога. С первого взгляда и по велению сердца император Николай оказался как бы нежным и преисполненным уважения племянником, который видел во Франце I собрата и боевого товарища своего старшего брата императора Александра, который благодаря разнице в возрасте и своему 25-ти летнему царствованию был для императора Николая настоящий отцом. То же сердечное обхождение и взаимный интерес с первых же мгновений установились и с императрицей, нежной и трогательной спутницей своего

знаменитого супруга. С самого начала между двумя государями установилось полное взаимопонимание, что бросилось в глаза любопытным и внимательным членам австрийского двора. Неподдельная скромность императора, его уважительное внимание к старейшему из государей польстили самолюбию австрийцев. Из их глаз немедленно исчезли приписываемая им скованность и все те негативные чувства, которые уже много лет различные выдумки и недоброжелательство старались в них укрепить против могущественного самодержавия России.

Никто из членов австрийского императорского дома не был приглашен на встречу в Мюнхенграце, которой пытались придать только самую необходимую официальность. Поэтому выбор места пребывания пал на этот совершенно неизвестный небольшой городок, принадлежащий графу Валленштейну, потомку очень известного военачальника, который во время Тридцатилетней войны противостоял шведским армиям и императорскому могуществу.

Императоры жили в замке графа, достаточно просторном для этого. Также приехали в Мюнхенграц и расположились в том же замке сестра нашего императора великая княгиня Мария с мужем великим герцогом Веймарским. Через несколько дней приехал герцог Нассау и остановился в городе. Он познакомился с императором Николаем за несколько лет до смерти Александра I и подружился с ним еще тогда, когда он был великим князем. За несколько дней до нас сюда приехал граф Нессельроде, который уже начал переговоры с князем Меттернихом, влияние которого на политику и его величайшие заслуги поставили во главе всех дел, и сделали из него центральную фигуру венского кабинета. Он очень высоко ценил нашего государя потому, что судил о нем по его действиям, а не по злобным высказываниям журналистов

или по той ревности, которую внушало могущество его короны. Император Николай со своей стороны высоко ценил способности и изобретательность этого старого родоначальника хитроумной и ловкой политики Австрии. И тот и другой были в некотором смущении и готовились к встрече не без эмоций, которые они внушали друг другу. Их встреча была спровоцирована императором.

На следующее утро после своего приезда император без колебаний ясно и просто обрисовал критическое положение Европы, вызванное слабостью государей, опасаящихся либералов. Их мнимая сила объясняется лишь бездействием и недостаточным единством между собой монархий Австрии и Пруссии, которые вместо того, чтобы искренне и без принуждения объединиться с Россией, крайне ревниво относятся к ее могуществу, не желая видеть в нем гарантию своей собственной силы. Он заявил, что, объединившись между собой, эти три державы, еще не предпринимая никаких действий, могут остановить революцию, внушив уважение Англии и Франции. Они могут сохранить мир или, в крайнем случае, успешно сражаться против бунтов, как минимум, искоренив у себя растущие зерна новейшей пропаганды. Как государство наиболее удаленное от опасности, Россия имеет в виду лишь интересы Австрии и Пруссии, она решительно не желает вмешиваться в конфликты, выходящие за границы ее интересов, она хочет быть лишь надежной опорой своим союзникам. Но, вместе с тем, Россия намерена не допустить стороннего вмешательства в вопросы, которые ее непосредственно касаются, такие как Польша или Османская империя. Они подлежат решению только в Петербурге и в Вене, столицах империй, которые соседствуют и окружают Турцию по всем ее границам.

Князь Меттерних был поражен той силой и сдержанностью, с которыми император обрисовал позицию Европы,

и свои собственные намерения. Он нашел их столь справедливыми и столь соответствующими интересам Австрии, что ему осталось только умом и сердцем разделить суть сказанного императором, поблагодарить его и торжественно обещать искреннее и дружеское содействие своего государя.

Выйдя из кабинета императора, все собрались на обед. Я хорошо знал князя Меттерниха по пребыванию в Париже в 1807 году, когда нас сблизил поиск любовных приключений, мы быстро вернулись к старинным и добрым отношениям. Он мне сказал:

— Переговоры в Мюнхенгреце окончены, мне нечего к ним добавить. Раньше на встречах государей целыми месяцами спорили и марали бумагу. У Вашего государя иной подход: за один час он все закончил и все разрешил. Меттерних не мог нахвалиться Николаем, он даже громко заявил, что станет его министром, так как это отвечает интересам австрийской короны и монархической Европы. С этого времени наш вице-канцлер граф Нессельроде мог только присоединиться к стоворчивой и искренней манере, с которой Меттерних вел с ним дела. Больше не было дискуссий, все происходило с общего согласия. Оба правительства, венское и петербургское, объединились в проведении единой политики, консервативной по характеру и готовой вооружиться против бунта, где бы он ни поднял голову.

Обращение князя Меттерниха и особенно его молодой супруги со своим государем потрясли нас с первого же дня, казалось, они полностью подчинили двор. Оно резко контрастировало с простым поведением императора Франца и скромностью императрицы. Человек, не знавший в лицо этих людей, мог бы ошибиться, приняв одних за важных господ, а других за государей. Только присмотревшись ближе, можно было понять, что император искренне доверял своему министру, полностью преданному ему и его славе, чему он

служил со всем усердием и всеми своими замечательными способностями. Пожилой и уставший от своего долгого и сопровождавшегося великими испытаниями царствования император передал Меттерниху ведение всех политических дел в Европе, а также своих домашних дел. Он оставил себе лишь общее руководство внутренним управлением и правосудием — то есть те вопросы, которые были ему хорошо знакомы за долгие годы правления. Это стало источником любви и глубокого почитания со стороны преданных подданных всех классов и состояния.

Австрийский император Франц I

Десять дней нашего пребывания в Мюнхенгреце прошли очень спокойно, словно мы были в имении богатого господина. В небольшой двухместной коляске император Франц лично вывез императора Николая на охоту, и несколько

часов развлекался с ним, стреляя фазанов и прочую дичь, которая в прекрасных заповедниках Богемии размножилась в огромном количестве. Обедали всегда вместе, после обеда развлекались игрой на бильярде. Княгиня Меттерних руководила игрой с трогательной веселостью, вечерами в замке происходили театральные представления. Акторов привезли из Праги, в оркестре играли музыканты из ближайшего пехотного полка, которые ни в чем не уступали даже лучшим артистам. Богемия — это родина музыки, она слышалась повсюду, даже в самых маленьких селениях, во всех трактирах были свои музыканты.

В нескольких милях от Мюнхенгрета были собраны несколько батальонов пехоты, два батальона артиллерии, по одному батальону кирасир и улан. За полчаса император Франц довез туда нашего государя и представил ему свои войска. Много людей приехало на место парада из Праги и ее окрестностей. Столь великолепные в этой части Богемии места, создавали богатый и столь же живописный вид. Яркое солнце освещало всю эту красоту, замки, руины и расположенные недалеко горы. Войска были построены в две линии, первую составляла пехота, из которой выделялись красотой три батальона гренадер, а также своей непринужденной выправкой два батальона егерей. Вторую линию составляла кавалерия, артиллерийские батареи находились на флангах обеих линий. Кирасиры нас поразили неподвижностью на месте людей и лошадей — то, что требуется от этих войск. Уланы нас удивили своей похожестью на соответствующие войска в русской армии. После того, как мы шагом проехали перед всеми войсками, они медленно сдвинулись с места, произведя перестроения по устаревшей тактике, и показали нам зрелище военных учений. Уланы были единственными, кто расторопно двигался по флангам, как и надлежало выученной кавалерии, они уверенно управлялись с лошадьми

и своим оружием. Артиллерия была неповоротлива и из рук вон плохо экипирована, но, тем не менее, стреляла достаточно быстро и в величайшем порядке. Все виденное нами доказывало, что войска были хорошими, но в смысле выучки они не продвинулись вперед со времен Семилетней войны. Их обучение длилось долго, и было плохо поставлено.

Только егеря действовали по системе более приспособленной к войне, они единственные, кто казался наиболее подготовленными к современной тактике. После окончания учений все войска прошли перед императорами парадным маршем, после этого они сели в коляску для того, чтобы возвратиться в Мюнхенгретц к обеду.

На следующий день австрийский император назначил нашего государя шефом того гусарского полка, который был ему представлен накануне. Вскоре, благодаря заботам командира полка полковника Вюбнера, была пошита полная полковая форма, и два дня спустя император Николай в ней командовал парадом как шеф полка, вывел его на учения и затем провел перед императором и императрицей, прибывших к его окончанию.

Расположившись в качестве полковника позади дивизионного и бригадного командиров, император отдал честь государям Австрии и после доклада их величествам прошел перед ними во главе своего полка. На всех присутствующих произвели прекрасное впечатление его великолепная фигура, облаченная в элегантный венгерский мундир, его красивая посадка на лошадь и та серьезность, с которой он исполнял свои обязанности полковника. Офицеры полка и простые гусары были в восхищении и очень гордились тем, что ими командовал самый могущественный государь на земле и самый красивый мужчина в Европе. Он собрал вокруг себя офицеров и говорил с ними по доброму и с убежденностью об их обязанностях по отношению к их

почтенному государю и о своей искренней к нему привязанности. В частности он сказал полковнику, что истинный долг офицера и дворянина заключается в том, чтобы не ограничиваться только преданностью к действующему государю, но в печальном случае его кончины, он должен перенести свою преданность на его преемника, и на свою родину, которой они служат на троне. Военные должны давать пример усердия и повиновения, которые только и могут обеспечить счастье и славу их империи. Что до самого императора Николая, он всегда будет готов оказать ему помощь по службе и будет внимательно следить за судьбой Австрии и за могуществом императорского дома.

Эти слова, равно как и все поведение императора, то уважение, которым он окружил старость Франца I, его отношение к императрице, его искренность по отношению к приближенным императорского двора, его вежливое обращение с дамами, его прогулки во фраке и без охраны среди простых людей, все это покорило всех вокруг. Он завоевал все сердца и вызвал самое нежное и преданное к себе отношение императора и его добродетельной августейшей супруги. Император Франц попросил у Николая дружбы и защиты по отношению к слабому и больному наследнику короны, заверил его, что в своем завещании он потребует от своего сына, чтобы он во время царствования ничего не предпринимал, не спросив мнения императора Николая. Иными словами, он передал в руки нашего государя и оставил на его усмотрение будущую судьбу Австрии. Это было ярким свидетельством его уважения добрых намерений Николая и, в то же время, продемонстрировало всю проницательность его ловкого ума, которому удалось распознать и понять благородный и настойчивый нрав Николая. Подобным поведением он шел навстречу интересам своего сына и империи, которой последний призван был управлять после него.

Мы все были окружены добротой Франца I, часто он удостоивал меня очень веселой и остроумной беседой, заставив меня несколько раз смеяться от всего сердца. Особенно забавными были его венский акцент и выражения, присущие совершенно всем жителям Вены.

Также как и в Шведте, в Мюнхенгреце было решено, что три державы будут придерживаться единой политики во всех польских делах, что с общего согласия они будут подавлять бунты везде, где бы они не подняли голову, и что с этого времени ни в одной из союзных стран не смогут найти себе убежище нарушители общественного порядка. Они должны быть преданы суду в той державе, где будут признаны виновными.

Я был награжден лентой ордена Св. Этьена первой степени, а в Шведте король Пруссии удостоил меня ордена Черного Орла.

Все расстались, весьма довольные друг другом. После десятидневного пребывания мы снова сели в коляску и по тракту доехали до Модлина, оставив Варшаву справа.

* * *

Вокруг только и было разговоров, что о покушении на жизнь императора, о всеобщем возбуждении умов против него, все за него очень боялись. Вся Россия содрогнулась от известия о том, что он возвращается через Польшу. А он появился там совсем один, сопровождаемый только мной и одним фельдъегерем, следовавшем позади нашей коляски. Маршал Паскевич расставил на почтовых станциях немногочисленные казачьи эскорты, которые должны были охранять проезд императора. На остановках он принимал прошения, которые приносили ему поляки, милостиво беседовал с ними. Казалось, он находился среди своих преданных подданных,

нимало не заботясь о мерах предосторожности. Тем не менее, все происходившее не уменьшало моего беспокойства, но я сказал себе, что столь благородная храбрость должна была остановить даже руку убийцы.

Мы приехали в Модлин темной и дождливой ночью по недавно проложенной и совершенно разбитой дороге. Князь Паскевич прибыл в Лович с тем, чтобы встретить императора и сопроводить его к новой крепости, рядом с которой в одном большом лагере были собраны два армейских корпуса под командованием генералов Ридигера и Крейца. Модлин был старинной крепостью на месте впадения Нарева в Вислу, поставленной Карлом XII во время его победоносной войны в Польше. Слабое республиканское правительство королевства оставило лишь воспоминания об укреплении в этом очень важном пункте страны. Потребовался приход Наполеона, который предвидел борьбу не на жизнь, а на смерть против России, для того, чтобы восстановить постройку шведского завоевателя и попытаться ее улучшить. С тех пор, как Наполеон лично указал место для этой крепости, она поддерживалась очень слабо. До того момента, пока революция 1830 года вновь продемонстрировала полякам ее необходимость. Они спешно принялись приводить ее в боевое состояние и добавили некоторые защитные сооружения. Революционные события доказали императору Николаю насколько важно превратить Модлин в первоклассную крепость, доминирующую над местностью в 40 верстах от Варшавы. Находясь в месте впадения Нарева в Вислу, это сооружение является щитом столицы и опорным пунктом для всех военных операций в любом районе Царства Польского.

Не успел штурм Варшавы положить конец революции, как император поспешил отдать приказания создать широкий военный плацдарм, центром которого являлся бы Модлин. Это место получило название Новогорьевск.

Император лично определил место для расположения укреплений и поручил исполнение этого грандиозного плана заботам маршала Паскевича. В нетерпении увидеть ход работ, которым он придавал столь большое значение для контроля над этой беспокойной местностью, он на следующее после своего приезда утро отправился на строительство, начавшееся всего 18 месяцев назад. На огромном пространстве уже были возведены основные укрепления, строительные материалы были разложены по своим местам, а огромное число рабочих, привезенных из внутренних районов империи, получали здесь щедрую плату за свой труд. После обеда император сел на лошадь и направился в пехотный лагерь двух армейских корпусов. Трудно описать с каким восторгом эти brave солдаты, победители Польши приветствовали своего государя, и насколько радовали глаз их выправка, здоровый и веселый внешний вид.

Узнав, что вершитель их судеб находится так близко от города, из Варшавы попросили разрешения направить в Модлин депутацию с просьбой оказать городу честь своим приездом. Император отказался ее принять и велел передать в город, что «он приехал в Польшу для того, чтобы посмотреть на свою армию, которой он доволен. Но, к сожалению, он не может быть доволен Варшавой и появится в ней только тогда, когда ее жители своим поведением вновь завоюют эту милость с его стороны. Тогда он с удовольствием придет туда». Военные и гражданские чины столицы были вызваны в Модлин и удостоились чести быть представлены императору.

На следующий день он принял парад части армии маршала князя Варшавского. Гарнизоны из внутренних районов края, варшавский гарнизон и войска, занятые на работах в Бресте, не смогли покинуть свое расположение. В целом в Модлине собралось не более 44 тысяч войска.

Присутствовавшие на этом параде герцог Нассау, австрийские и прусские генералы и офицеры не могли надивиться красотой различных родов войск, а наши русские сердца были преисполнены радостью и гордостью. После того, как Его Величество, сопровождаемый громовыми криками «Ура!», объехал ряды войск, первые две из которых были составлены из пехоты, третья и четвертая из кавалерии, а пятая из артиллерии, император приказал войскам приветствовать маршала, который привел их к победе. Он первый приветствовал его криком «Ура!», который был повторен и подхвачен солдатами, испытывавшим полное доверие к этому военачальнику.

Строительство Новогеоргиевской крепости. 1830-е

На завтра император лично командовал маневрами всех родов войск и остался полностью удовлетворенным грамотностью командиров и той точностью, с которой различные полки и артиллеристы выполняли все отданные им распоряжения.

После этого в сопровождении князя Паскевича, герцога Нассау, австрийского генерала князя Реза и нескольких

прусских офицеров, император сел в коляску и напротив Варшавы погрузился в шлюпку с тем, чтобы посетить крепость, построенную в этом городе вокруг казарм Александра. Как и в Модлине, строительство этой новой крепости было решено после польского бунта и, также как и в первом случае, было предназначено лично императором. Укрепление было предназначено для 3 или 4 тысяч человек столичного гарнизона и угрожало городу своими артиллерийскими батареями, готовыми разрушать дома при первом признаке бунта. В этом укрепленном пункте, окруженном с трех сторон казармами, возведенными по приказу Александра, для защиты столицы были собраны три батальона пехоты, четыре батальона егерей, полк улан и одна артиллерийская батарея. При приближении императора к рядам этих войск, страстно желавших видеть своего государя, радостные крики солдат дали знать жителям Варшавы о том, что их владыка находился у самых городских ворот. После прохода войск Его Величество пешком направился осмотреть громадные работы по возведению новой крепости, которая постоянно улучшалась, благодаря бесконечным заботам и беспримерной деятельности. Укрепления уже были возведены, земляные работы по берегу Вислы почти закончены, а кладка стен сильно продвинулась. Глядя на эту стройку, можно было сказать, что здесь несколько лет работали великаны. Император был этим удивлен и весьма удовлетворен. Поблагодарив войска, инженерных офицеров и маршала, он глубокой ночью вернулся в шлюпку, на правом берегу Вислы сел в коляску и возвратился в Новогорьевск.

Ранним утром на следующий день батальон Архангельского полка прошел перед императором парадным маршем и своей прекрасной выправкой заслужил его похвалу. Дело в том, что накануне этот полк был на дежурстве и поэтому

не участвовал в большом параде. После этого император поблагодарил генералов, сердечно обнял маршала и вместе со мной через Ковно направился в Петербург.

Он остановился в Остроленке с тем, чтобы осмотреть поле сражения, следуя за пояснениями генерала Берга, который принимал активное участие в этом блестящем военном подвиге. При осмотре местности он казался легендой, под огнем вражеской картечи и на виду всей неприятельской армии, несколько батальонов прошли по очень длинному и разбитому мосту. Враг безостановочно атаковал, но был отбит непоколебимой храбростью наших гренадер. Сражение окончилось его полным поражением. Оттуда по тракту мы направились в Царское Село, куда приехали вечером 16 сентября. Таким образом, мы пересекли Царство Польское в самом широком месте — от Калиша до Ковно.

* * *

Двор оставался в Царском Селе до 26 октября, а затем вернулся в Петербург. Император стремился объединить в русском народе тех своих подданных, которые раньше управлялись польскими властями. Он был убежден, что только будущие поколения справятся с этой задачей, и что только воспитание молодого поколения сможет помочь этому. С этой целью он основал в Киеве университет Святого Владимира, в котором должны были совместно обучаться русские и польские студенты с тем, чтобы последние смогли избавиться от иллюзий относительно независимой Польши.

Университет в Вильно, так же как и школа в Кременце, были ликвидированы из-за того, что в этих двух заведениях на протяжении многих лет господствовал мятежный дух, поддерживаемый польским влиянием. Впрочем, следовало создать новые возможности для обучения, и Киев был признан

тем местом, куда могли бы приехать молодые люди, как из внутренних областей империи, так и из Литвы, а также из Подолии и Волыни. Кроме того, Киев был колыбелью и столицей нашей церкви, и в нем находилась главная квартира командования первой армии. И с моральной и с административной точек зрения это был самый подходящий город для наблюдения и управления собравшихся там многочисленных молодых людей. В это новое учебное заведение были направлены выдающиеся деятели и вскоре, благодаря настойчивой и деятельной воле императора, университет получил вполне успешное развитие.

Ближе к концу ноября в Петербург прибыл чрезвычайный посол Султана Ахмед-паша с тем, чтобы торжественно поблагодарить императора за его скорую, действительную и незаинтересованную помощь Османской империи в тот момент, когда наступление египетского паши и вероломное бездействие Англии и Франции угрожало империи полумесяца неизбежным поражением. Этот посол был принят в соответствии с той же церемонией, которая была предусмотрена четыре года назад для Халил-паши, благодарившего императора за то, что он остановил победоносное продвижение российских войск у константинопольского порта. Его взятие означало бы скорое падение империи Магомета.

Нынешний посол был принят со всеми почестями, приличествующими его рангу и исполняемому поручению, которое означало яркий триумф благородной политики императора и постыдный упрек политике лондонского и парижского кабинетов. Общественное мнение поддерживало придворные настроения и оказывало Ахмет-паше различные знаки внимания. Кроме всего прочего, он получил частичное погашение османских долгов России, установленных Адрианопольским миром. После достаточно долгого пребывания, посол уехал вполне довольный результатами своей

миссии, встречей с императором и тем приемом, который был ему оказан во время поездки из Одессы до Петербурга.

В течение нескольких недель в Москве происходили частые пожары, вспыхивавшие то в одном, то в другом районе города. Их считали результатом деятельности тайных обществ или даже плодом мстительности поляков. Жители города были в тревоге, они дежурили в домах, собирали вещи, несколько семей даже уехали из Москвы. В этом огромном городе воцарился ужас, все искали поджигателей и подозревали даже полицейских в том, что они заодно с врагами родины. Поймали нескольких несчастных воров и разговоры были только о делах следствия и о забавных новостях по этим процессам. Императору рассказали о том беспокойстве, которое царило в его древней столице, он сел в коляску и безотлагательно направился туда. Мы приехали в Москву поздно вечером к великому удивлению и к большой радости ее жителей. На утро следующего дня император пешком направился в кремлевский собор почтить святыне реликвии. Соборная площадь и прилегающие улицы уже были полны людей, они радостно толпились по пути следования императора и наполнили улицы Кремля криками восторга. Вместе с появлением государя в город вернулась вера в то, что все виновные будут пойманы и преступные пожары погаснут. Говорили только о заботе монарха к своему добропорядочному городу, куда он приезжает при каждой опасности с тем, чтобы прийти ему на помощь. Между тем, на следующий день после нашего приезда вечером пожар загорелся на другом берегу реки в квартале, полностью застроенном деревянными домами. Император взял меня с собой, и мы приехали на пожар почти одновременно с первыми пожарными. Он лично взял на себя командование ими и вблизи от пламени, находясь в узком и загроможденном дворе, он руководил спасательными работами. Офицеры и рядовые пожарные трудились

с несравненным усердием и смелостью, все старались отличиться на глазах и под командованием своего государя. Менее чем через полчаса огонь был побежден, он перестал быть опасным раньше, чем был потушен — ничто не сгорело кроме той части дома, которая уже была охвачена огнем.

Через два дня новый пожар разгорелся в районе бульваров, там, где были казармы. Император направился туда с той же стремительностью и уже через несколько минут большой деревянный дом, пылавший как костер, усилиями пожарных был разрушен, а пламя погашено. Собравшийся там толпой народ окружил небольшой экипаж императора для того, чтобы посмотреть и благословить своего государя, который, как и они, следил за безопасностью Москвы. Несмотря на полный мрак, ставший еще темнее после всполохов пожара, толпа узнала императора, окружила его и сопровождала его экипаж, пока лошади не унесли его вперед. Крики «Ура!» сопровождали его отъезд и окончание пожара.

Наконец, были найдены несколько несчастных, уличенных в том, что они подожгли несколько домов. Вскоре было проведено следствие, они были сечены хлыстом в тех местах, где совершили свое преступление. Эти меры успокоили тревогу жителей, никто не сомневался в том, что только присутствие императора обеспечило поимку преступников. Пожары прекратились, вновь возродились чувства доверия и безопасности, превратившиеся в благодарность и в восхищение всемогущим государем, который всего за несколько дней смог задержать и наказать злодеев, остававшихся неуловимыми в течение нескольких месяцев преследования полицией. После шестидневного пребывания в Москве, в течение которого он каждый день посещал общественные места, образовательные учреждения и богоугодные заведения, мы сели в коляску и вышли из нее только у лестницы Зимнего Дворца в Петербурге.

Зимой давались балы и праздники, все те, чье общественное положение позволяло их организовывать и пригласить на них императорскую чету, первыми стремились добиться этой чести. Императрица давала свое согласие с очаровательной благосклонностью и радостью, с каждым годом она пользовалась все большей любовью и преданностью. Казалось, она рождена только для счастья своего супруга и своих детей, для всеобщей радости и для облегчения страданий несчастных. Она была любима своей семьей и своим окружением, она никогда не вмешивалась в дела иначе как для того, чтобы добиться прощения императора, в России она казалась заботливым ангелом и идеалом семейного счастья.

«На балу». Рисунок императора Николая I

В то время как мы в России пользовались всеми благами мира и отеческого, постоянно улучшавшегося руководства, пока у нас благоустраивались все отрасли управления, все социальные классы были едины в своих принципах и в своей

приверженности трону, остальная Европа была в смятении, народы раздирались различными движениями и идеями.

В Англии с новой силой возродилась старинная вражда между тори и вигами, словно для усиления разногласий в эту борьбу вмешалась новая партия. Либералы хотели все поменять, они осуждали свою старинную конституцию и привилегии, и как безумные шли навстречу анархии и народным волнениям.

Во Франции регулярно повторялись кровопролитные события, и, несмотря на мудрость короля, она находилась в борьбе с самой собой. Легитимисты по родовой традиции требовали прихода к власти Генриха V и восстановления белого знамени. Доктринеры стремились поддержать Хартию в том виде, в котором она появилась в результате бунта, передавшего трон Луи-Филиппу. Республиканцы требовали возврата к временам Директории. Анархисты попросту желали беспорядков. Наконец, партия бонапартистов, сама не слишком хорошо понимавшая, чего она хочет, горько сожалела только о временах побед и о поре разграбления Германии и Италии. Все эти партии постоянно сталкивались, боролись друг с другом и стремились захватить власть. В Париже каждый человек пытался объединить народ, Национальную гвардию постоянно поднимали по тревоге для разгона собраний или ареста подстрекателей. Регулярные войска очень устали от этого и страстно ожидали того момента, когда можно будет разом покончить со всеми демонстрациями. Король лавировал между всеми этими убеждениями, старался всех успокоить и своим поведением пытался внушить доверие кабинетам Европы.

Англия пыталась добиться его полного присоединения к политике реформ, проводимой ее правительством, и к ее поистине детской зависти к тому, что они называли

расширением московского могущества. Лондонские и парижские газеты продолжали настраивать Европу против нас, призывали к совместному крестовому походу с целью свержения, как они говорили, того ига, которым Николай хотел опутать весь мир. Луи-Филипп более ясно видел, в чем заключались интересы Европы и, особенно, Франции — это были сохранение мира и подавление разрушительных настроений. Впрочем, как и у английского правительства, у него было слишком много проблем в собственном доме, чтобы искать их в других местах. Лион был в огне, в течение трех дней на его улицах сражались с таким ожесточением, которое очень дорого стоило регулярным войскам, победа была вырвана из рук народа только после неслыханных усилий.

Находясь под коварным влиянием Англии, в Португалии продолжали борьбу два претендента на престол — дон Педро и дон Мигель. В этой несчастной стране продолжались сражения и беспорядки, там продолжала существовать ненависть.

Существовавший в Испании пришедший к власти неосторожный режим, погруженный в свои удовольствия и уступивший различным настроениям, подрывавшим его авторитет, оказался вынужденным отступать перед войсками дона Карлоса, который в одиночку приехал из Англии с тем, чтобы защитить свои права и свою империю. Простой офицер, который подготовил и поддерживал партию претендента на престол, уже покрыл свое имя славой и вдохнул надежду в тех испанцев, которые были привержены своим древним традициям и преданы семейству своего короля. Франция и Англия желали победы той королеве, которая принесла с собой либеральные в современном смысле этого слова традиции и институты, но, тем не менее, эти два правительства осмеливались лишь косвенно поддерживать

партию, успеха которой они страстно желали. Они посылали деньги и оружие войскам королевы, старались перехватывать помощь, которая шла к дону Карлосу. Несчастливая Испания вся покрылась трупами, происходили кровопролитные сражения, а неистовое противоборство партий обещало только долгий период нищеты и преступлений.

Италия бурлила под влиянием пропаганды Парижа и карбонариев, которые были особенно влиятельными в Неаполе, в Риме и в северо-итальянских государствах. Австрийские войска поддерживали здесь спокойствие, они всегда были готовы остановить бунт, который мог быть подавлен армией в 80 тыс. немцев.

Швейцария стала активным рассадником предосудительных обществ, в ней собирались итальянцы, поляки, французы и немцы, они даже поддерживали там свою систему пропаганды среди мирных граждан, которые были счастливы жить в Швейцарии, столь долго бывшей примером настоящей свободы. Там была сформирована и открыто вооружилась банда разбойников, которая проникла в Сардинское королевство. Но вскоре будучи разбита и преследуема она укрылась в кантонах, в четырех из которых продолжила свою пропаганду беспорядков и разногласий.

Южные земли Германии были полны предосудительными фактами, почти открыто здесь проводились собрания, однажды ночью жители Франкфурта были разбужены ружейными выстрелами, это группа молодых возмутителей спокойствия стреляла по гвардейцам. Но встречи в Шведте и в Мюнхенгреце успокоили германских государей и князей, везде митинги стали разгоняться и запрещаться.

Одна Россия оставалась незыблемой и грозной наблюдательницей этого европейского разгула, она устрашала революционеров и вдохновляла своей мощью тех государей, которые могли бы попросить ее о помощи.

У нас готовилось новое утешительное свидетельство и новая гарантия стабильности и силы. Наследник престола великий князь Александр достиг своего 16-летия и по законам Российской империи стал совершеннолетним. Он соединил в себе все то, что мог желать молодой принц его возраста, которому самой судьбой было предназначено стать центром всех взглядов. Он был стройным, с красивым лицом, на котором лежал отпечаток кротости и рассуждения, его поведение было благородным и приветливым, без малейшего принуждения, он разговаривал с природной добротой и вежливостью. Он внимательно слушал все разговоры, которые могли его чему-то научить или удовлетворить его любознательность. Он был строен и гибок во всех своих движениях, элегантно ездил верхом, был прекрасно тренирован. Прилежный на занятиях, он любил учиться, и делал стремительные успехи во всех науках. Он глубоко уважал родителей и нежно любил их со всей чувствительностью своего возраста. Он заботился о своих сестрах и младших братьях, был сердечно привязан к своим товарищам по обучению, молодому Паткулю и Вильегорскому. Не оставалось желать ничего лучшего ни его Августейшим родителям, ни светскому обществу, лидером которого он становился с каждым днем все больше и больше. На 22 апреля была назначена церемония, посвященная его совершеннолетию, и представления его той нации, которой он был призван править. Император пожелал придать этой церемонии посвящения всю величественность и важность, которые она заслуживала, и которые были в традициях наших царей.

К часу дня пополудни все помещения Зимнего дворца были наполнены людьми. Члены Государственного Совета, Сената, члены дипломатического корпуса и все те, кто имел право войти во дворец, поспешно заняли указанные им места. В залах, которые вели из внутренних покоев императрицы

в церковь, расположились отряды от всех гвардейских полков, в портретной галерее Героев войны 1812 года стояли учащиеся из всех кадетских корпусов, которые, как будущие соратники молодого цесаревича, находились ближе всех к церкви, где вскоре перед божьим оком он должен был принять присягу на верность и управлять ими со справедливостью и верностью славе родины. Когда все было готово к церемонии, в церковь были торжественно внесены царские регалии, они были поставлены на специально приготовленный стол, находившийся у выхода из дворца. Рядом стоял пюпитр с Евангелием и крестом. В два часа пополудни в церковь вошли император, императрица и наследник, одетый в казачий военный мундир, а также другие члены императорской фамилии. Перед ними шли придворные мужчины, за ними — придворные дамы. У входа в церковь государей встретил митрополит Серафим с крестом и святой водой, сопровождаемый всем высшим духовенством. В церкви уже выстроились высшие гражданские и военные чины, члены дипломатического корпуса, храм был целиком заполнен теми, кто страстно желал присутствовать на этой интересной и памятной церемонии. В этом многочисленном и высоком собрании установилась полнейшая тишина, глаза всех были устремлены на императора, императрицу и на великого князя.

Началась церковная служба, которая была приурочена Синодом специально к этой церемонии. После службы последовала трогательная молитва всевышнему о его всемогущем участии в будущей судьбе России и молодого принца, который вскоре пообещает посвятить ей всю свою жизнь без остатка. По окончании молитвы, когда все были взволнованы до глубины души, император подвел своего сына к тому месту, где он должен был принести присягу на священном писании и на распятии. Подняв вверх правую руку, он начал

негромким, но уверенным и внятным голосом произносить следующие слова: «Во имя бога всемогущего и перед этой священной книгой я клянусь и обещаю Его Императорскому Величеству, моему благосклонному государю и отцу, преданно и без лести служить ему, повиноваться ему во всем, не пожалеть ради него моей крови до последней капли, защищать и поддерживать его самодержавную власть, основанную на действующих или грядущих законах, способствовать всеми моими силами всему тому, что могло бы помочь сохранить его права и благополучие империи. В качестве наследника российского престола и корон Польши и Финляндии, которые к нему присоединены, я клянусь и обещаю соблюдать все законы наследования трона, все правила, права и отношения в императорской семье. Я буду относиться к этому с той торжественностью, которую накладывает на меня ответственность перед богом, который меня сейчас слышит. Господь, отец наш, повелитель государей! Вразуми меня, руководи и защити меня в моем служении и в возложенной на меня задаче, ниспошли мне со своего небесного престола исходящую от тебя мудрость. Дай мне познать истину и все то, что предписывает твоя святая религия. Посвящая тебе мою душу. Аминь».

По мере того, как он произносил эти слова, его голос становился крепче, а чувства переполняли его. Ему приходилось заново произносить те слова, которые были прерваны рыданиями, его невинное лицо было покрыто слезами. Глаза его отца, стоявшего рядом с ним словно для того, чтобы поддержать своего сына в этом драгоценном и торжественном действии, наполнились слезами. Императрица смотрела на них с умилением самой нежной матери и супруги. Наследник взял перо и подписал текст присяги, которую он только принял перед лицом всевышнего и России. Наконец, рыдания взяли верх над ним, и он бросился в объятия своего отца,

которому не терпелось прижать сына к своему отцовскому сердцу. Они вдвоем пошли навстречу императрице, направлявшейся к ним, обнялись втроем. Трудно было вообразить себе картину более благородную и умильную. Эта прекрасная императрица в блистательном наряде прижала к своему материнскому сердцу самого красивого молодого человека из всех, кого только можно было видеть, она сама оказалась в объятиях своего супруга, самого прекрасного мужчины своей империи. От прочувственного и уважительного молчания перехватило дыхание у всех присутствующих, глаза каждого были полны слез и, конечно же, все свидетели этой сцены призывали всевышнего защитить этих трех людей, надежду нашего благополучия и славы империи.

Наследник цесаревич Александр Николаевич

Об этом торжественном моменте было всенародно объявлено 301 пушечным залпом, произведенным с крепостных

стен и со стоявших на якоре рядом с дворцом судов, а также перезвоном церковных колоколов.

Императорская фамилия вернулась к себе для того, чтобы дать время собравшимся выйти из церкви и собраться в Георгиевском зале.

После этого в Георгиевском зале у трона был поставлен специальный пюпитр для Библии и распятия. По обеим сторонам трона и на подходах к нему расположились адъютанты различных войск, они держали полковые знамена и знамена кадетских корпусов. Перед пюпитром был установлен штандарт атаманского полка донских казаков, как символ командования наследником над всеми казачьими войсками. С правой стороны у подножия трона заняли места члены дипломатического корпуса, Государственного Совета, сенаторы и высшие военные чины империи. Дамы расположились напротив и по левую сторону зала, остальную часть этого просторного помещения заняли гвардейские генералы и офицеры и гражданские чины. Наиболее родовитые придворные стояли позади трона. Кадеты различных корпусов при оружии образовали нечто вроде коридора от входных дверей в зал до дворцовых гренадер, замерших напротив трона. Галереи, образованные карнизом зала, были заполнены дамами, собравшиеся теснили друг друга с тем, чтобы увидеть второе действие этого памятного дня.

Когда все были на своих местах, Их Величества в сопровождении членов императорской фамилии и предшествующие придворными вошли в зал. Императрица расположилась на ступенях трона, великие княгини чуть ниже с ее стороны, придворные вельможи за ними с обеих сторон. Тогда император подвел наследника к приготовленному пюпитру и там рядом со штандартом приказал ему произнести текст второй присяги: «Перед лицом бога всемогущего я клянусь

служить императору моему отцу, исполнять все военные приказания с преданностью и покорностью. Я обещаю сражаться храбро и самоотверженно до последней капли крови против врагов моего государя и моей родины на полях сражений, в крепостях, на море и в любых других условиях. Я обещаю бороться всеми способами до тех пор, пока этого будет требовать моя честь, против всего, что может противостоять императору, войскам и подданным империи. Я обещаю в любых обстоятельствах вести себя так, как требуют честь, храбрость и подчинение воина. В чем прошу покровительства всемогущего бога». Как только наследник подписал эту присягу, молодые ученики кадетских корпусов и пожилые дворцовые гренадеры взяли оружие «на караул», оркестр заиграл императорский гимн, а знамена склонились в сторону трона.

Трудно описать и невозможно выразить то глубокое и превосходное впечатление, которое произвело это торжество на сердца тех, кто имел счастье на нем присутствовать. Это впечатление отразилось даже на лице наследника со всей наивностью и чувствительностью его 16 лет, оно стало для нашей родины самым верным залогом тех чувств, которые будут двигать его службу и его царство, и которые так ожидали от него Россия и его отец.

Через несколько дней дворянство и городские головы Петербурга дали императорской фамилии великолепный бал в ознаменование и в честь этого принятия присяги. Благодаря ей между народом и монаршей фамилией стало одной священной узой больше.

* * *

Лето, как обычно, прошло в переездах между Царским Селом, Петергофом, Елагинским островом, Кронштадтом и Красным Селом. Происходили полевые учения и маневры

в Гатчине и смотры флота. Несколько недель я отдохнул с женой и детьми в моем прекрасном имении Фалль, которое с каждым годом становилось все краше и нравилось мне все больше и больше.

День Св. Александра, 30 августа, был выбран для открытия гранитной колонны в память императора Александра, памятника столь же значительного в своем роде, как и кампании 1812, 1813 и 1814 гг., которым Россия и Европа были столь обязаны блистательными успехами. Так же они были обязаны этим непоколебимому упорству нашего государя, столь достойно руководившего лучшими воинами России. Этот памятник имел высоту 154 фута, только колонна из самого лучшего гранита была 84 фута. Пьедестал из огромного блока того же камня был украшен бронзовым барельефом с надписью: «Александрю I благодарная Россия». Колонну венчала бронзовая фигура ангела, опиравшегося на крест. Его голова печально опущена, а одна рука воздета к небу, словно для увековечивания слов вдовы Александра, которая сообщила о том, что он уже не живет на этом свете, словами: «Наш ангел взлетел на небеса».

Нынешний император с момента своего восшествия на престол был проникнут решимостью построить памятник, который даже для самых отдаленных потомков будет свидетельством его восхищения дорогим братом, который был его государем. Он пожелал прибавить к нему символ национальной благодарности в виде произведения, достойного могущества великого народа, править которым он научился по примеру и следуя добродетелям Александра. Он пристально следил за постройкой памятника, лично предписал сделать некоторые его детали, он торопил окончательное его изготовление и постарался придать его открытию ту торжественность и величественность, которые в наибольшей степени соответствовали спасителю угнетенной Европы.

Эта торжественность и величественность должна была быть легко различима всеми зрителями и военными.

С этой целью в Петербурге было собрано около 100 тысяч человек, вплотную к зданию Манежа был возведен амфитеатр такой же высоты, простиравшийся до площади перед зданием министерства иностранных дел. Весь созданный таким образом полукруг перед дворцом был застроен подмостками до высоты второго этажа. На всех балконах и у окон этого огромного здания были приготовлены места для публики. Сверху парадных входных дверей был заботливо построен в полном соответствии с архитектурным стилем дворца перистиль, достаточно просторный для того, чтобы вместить весь двор. Он был соединен с дворцовой площадью двойной лестницей. Император позволил военачальникам, служившим при императоре Александре, присутствовать при этом торжестве. Это разрешение было дано в память об одержанных ими победах. Все, кто мог им воспользоваться, поспешили прибыть к назначенному дню. Петербург наполнили пожилые генералы, покрытые ранами и славой. К их числу относились маршалы Паскевич и Витгенштейн.

Прусский король выразил желание лично приехать для того, чтобы выразить уважение одновременно своему другу и своему освободителю, но состояние здоровья помешало ему это сделать. Он поручил своему сыну принцу Вильгельму представлять его на этой торжественной церемонии. Кроме того, он пожелал, чтобы прусская армия смогла направить сюда депутацию, которая напомнила бы о его союзе с нашими воинами в 1813 и 1814 гг. Во всех гвардейских и регулярных частях из числа участвовавших в этих памятных кампаниях были отобраны офицеры и унтер-офицеры, они были направлены для соединения с нашими войсками.

С самого раннего утра 30 августа люди пришли в движение, все старались найти свое место. Улицы вокруг Адмиралтейства были заполнены, у всех открытых окон стояли нарядные женщины, на крышах толпились люди. Но небо было покрыто грозовыми черными тучами, как это было в 1812 году, предшествующему триумфу Александра, и как это было во время событий, случившихся над его свежей могилой. Ранним утром император отправился в Александро-Невскую лавру для того, чтобы присутствовать на богослужении. К 10 часам утра все собрались на своих местах, движение экипажей прекратилось, и площадь опустела. Памятник одиноко стоял под покрывалом и напоминал величественный мавзолей, объединивший всех русских, оплакивающих государя, который их так любил. В этом огромном собрании военных не было видно ни одного солдата, все стояли одной массой на разных улицах, примыкавших к дворцовой площади. Причем ни из дворца, ни с площади нельзя было различить, где начиналась толпа.

В 11 часов император верхом подъехал к стоявшей у адмиралтейского бульвара пушке и приказал выстрелить три раза. При первом выстреле войска построились, при втором они взяли оружие «на караул», при последнем двинулись на площадь для того, чтобы в одно время занять свое место около памятника. В одну минуту и словно по волшебству вся просторная площадь была заполнена солдатами. Точность и быстрота, с которыми был выполнен этот сложный маневр, стали великолепным зрелищем, которое потрясло зрителей.

Члены императорского дома, маршалы и самые пожилые из генерал-аншефов верхом выстроились у подножия лестницы, спускавшейся от новых подмостков, за ними справа от дворца встали молодые слушатели военных заведений, построенные в батальоны. Слева от них стояла 1 пехотная гвардейская дивизия, углом справа от них и спиной к зданию

Главного Штаба выстроилась 2 дивизия, слева от них — 3 пехотная гвардейская дивизия. На площади Адмиралтейства слева от гвардейцев стояли три пехотные дивизии гренадерских корпусов. Таким образом, вокруг памятника были выстроены три стороны квадрата, а четвертой стороной служил дворец. Позади пехоты на всю глубину пространства между зданиями и адмиралтейским бульваром в полковых колонах стояла кавалерия: 1 и 2 дивизии легкой гвардейской кавалерии кирасир и 4 дивизия легкой кавалерии армейского корпуса гренадер. Артиллерия занимала пространство между дворцом и Адмиралтейством со стороны реки — Дворцовую, Английскую и Биржевую набережные со стороны Васильевского острова.

На Неве стояла цепь из легких фрегатов, яхт и пароходов, выстроенных вдоль Дворцовой набережной. В общем итоге под ружьем было собрано 86 батальонов, 106 эскадронов и 248 артиллерийских орудий, не считая пушек в крепости и на судах. Вся эта огромная масса войск была в новом обмундировании и блистала как своей выправкой, так и красотой солдат и лошадей. Никогда еще столь многочисленные войска не собирались на столь малой площади. Командовал этими лучшими воинами России сам император со шпагой в руке. В то же время дворцовые гренадеры и ветераны наших побед стояли на подмостках, выстроенных перед дворцом.

В этом огромном собрании солдат и народа царили глубокое молчание и полная неподвижность. Все глаза были прикованы к молодому императору, самодержавному и почитаемому господину всех этих людей, собранных по его приказу для того, чтобы выказать уважение к памяти почившего государя. В этот момент появилась императрица, которой пролагали путь представители высшего духовенства, аристократии и придворные дамы. Они заняли места

на балконе, который казался богато украшен их великолепными нарядами. При появлении императрицы все войска взяли на караул. Когда началась благодарственная молитва, по сигналу императора полки, и пехота и кавалерия, сняли шлемы и каски, одновременно все присутствующие тоже обнажили головы.

Затем император сошел с лошади, приблизился к памятнику, сопровождаемый в нескольких шагах наследником, великим князем Михаилом и наследным принцем Пруссии, и опустился на колени. Никогда еще он не казался нам столь прекрасным и величественным, как в тот момент, когда он преклонил колени перед царем царей. Его примеру последовали окружавшие его со всех сторон батальоны, и тысячи людей, собравшихся вокруг площади, включая тех, кто стоял на крышах. Религиозная сосредоточенность настолько оттеняла полнейшее молчание, что слова молитвы и пение церковного хора звучно разносились по всему этому огромному пространству. Все головы были скорбно склонены и все с умилением вспоминали доброту и заслуги императора Александра, все молили небо ниспослать процветание его преемнику и счастье России. Ни малейший шум, ни легкое движение не нарушали полнейшего и величавого сосредоточения всех этих двухсот тысяч православных солдат и горожан, казавшихся совершенно неподвижными, не считая их бьющихся сердец.

При последних словах молитвы архидьякона за душу Александра занавес, скрывавший основание монумента, упал, за ним последовали поддерживавшие его со всех сторон паруса, и из всех молчаливых до сего момента уст вырвался радостный крик «Ура!» Он был поддержан артиллерийскими залпами с набережной, с реки и с крепостных укреплений. Грохот орудий длился несколько минут, он то приближался, то удалялся и приближался с новой силой, и, наконец,

замер у подножия памятника. В этот момент императрица спустилась со своего балкона, предшествуемая высшим духовенством и в сопровождении всего своего окружения. Эта длинная и великолепная процессия медленно продвигалась по площади, они обошли памятник, окропив его святой водой и осенив крестом. Сумрачное и покрытое грозовыми тучами небо вдруг прояснилось, и солнце осветило эту величественную сцену. Его лучи коснулись всех нас, как божественное благословение, снизошедшее на знаки уважения, которые Николай принес памяти Александра.

После того, как императрица вновь поднялась на балкон, император лично провел роту дворцовых гренадер и ветеранов Александровских войн к подножию монумента, расставил там почетных часовых, и рота заняла все подходы к пьедесталу. По данному сигналу все войска последовательно совершили необходимые маневры для освобождения площади и построились для парадного марша. Во главе своего Генерального штаба и в сопровождении наследного принца Пруссии император проехал перед памятником отсалютовал ему шпагой и занял место рядом с ним. Открыли парад кадетские корпуса, за ними прошла пехота, построенная в батальонные колонны, с вынесенными вперед всеми знаменами. Это новое построение было специально придумано императором по этому случаю с целью ускорить продвижение войск и придать ему более величественный вид. Артиллерия в пешем строю следовала по-бригадно, кавалерия двигалась в том же порядке, что и пехота, три дивизии в колоннах по-эскадронно¹⁶. Конная артиллерия следовала в том же порядке, что и артиллерия в пешем строю.

¹⁶ На полях помета Николая I: «Это не так. Колонны состояли из полков, построенных по-эскадронно».

Все эти огромные и компактные массы войск проследовали с восхитительной правильностью и элегантностью. Все полки следовали один за другим практически на равном расстоянии друг от друга, было трудно решить, какому из них отдать предпочтение. Все они двигались с равной четкостью и в нужное время исчезли из вида с тем расчетом, что в конце ни одного солдата не осталось на площади, на которой продолжали находиться император, наследник и высшие военные командиры. Вскоре от зрителей опустели окна, крыши, балконы, подмости и бульвары. От всего этого величественного зрелища остался только монументальный памятник. Пока будет существовать земля, на которой он стоит, он будет проносить через все времена и все поколения память об освободителе Европы, о победителе Наполеона и о благодетеле своей родины.

* * *

Вот уже в течение четырех лет императрица не видела своего отца, состояние здоровья которого внушало большие опасения. Было решено, что она проведет несколько недель в Берлине. Она уехала 6 сентября, а на следующий день император направился в Москву. На этот раз его там ожидали, и он был принят с всегдашней радостью и воодушевлением. Он собирался оттуда через Ярославль и Нижний Новгород поехать в Казань, а вернуться через Орел, где он сформировал драгунский корпус. Однако начавшиеся дожди свидетельствовали о наступлении осени и о значительном ухудшении дорог. Он был вынужден изменить планы и, с тем, чтобы не продлевать сосредоточение войск в распутицу, принял решение направиться туда сразу же. Только на одну ночь была сделана остановка в Туле, а затем он поехал напрямик в Орел.

Вид Орла. 1830-е

Формирование драгунских корпусов было его излюбленной идеей при проведении им последовательных армейских реформ. Восемь полков по десять эскадронов в каждом формировали драгунский корпус, два эскадрона в каждом полку были вооружены пиками с тем, чтобы служить защитой и сопровождать в конном строю восемь других спешившихся эскадронов, составлявших пехотный батальон для каждого такого полка. Смотр войск доказал, что намерения императора были правильно поняты и полностью исполнены. Парад в пешем и в конном строю превзошел все ожидания, пехота и кавалерия были превосходны. Корпусу была придана конная инженерная рота, четыре роты конной артиллерии и такая же резервная рота. Император был очень доволен прекрасным состоянием войск и забавлялся, ставя им задачи, как каждой дивизии в отдельности, так и всем им вместе с тем, чтобы показать, что он требует от них в бою.

Последним упражнением было форсирование реки, инженерная рота прибыла на место галопом и меньше, чем через пять минут был наведен первый мост, затем второй. Основная масса войск, построенных в колонны, прибыла к переправе уже, защищенной двумя артиллерийскими батареями. По мере того, как подходил их черед, полки приближались к мостам галопом, спешивались и скорым шагом с прижатыми штыками переходили реку, прикрываемые цепью егерей. За ними со всеми предосторожностями переводили лошадей, и менее, чем через полчаса весь корпус собрался на другом берегу реки. Я был поражен мыслью о том, какой моральный эффект должно произвести на неприятельского военачальника неожиданное появление подобного числа войск. С самого начала маневра я искал на другой стороне реки возвышенность, которая позволила бы вражескому генералу увидеть то, с чем ему придется сражаться. Я был поражен численностью и четкостью приближения войск. Спешившиеся батальоны представляли собой многочисленную пехоту, а ведомые одной третью драгун лошади казались огромной массой кавалерии, надо было иметь очень хорошую подзорную трубу, чтобы заметить, что там не хватает двух третей личного состава. Шестнадцать эскадрон драгун, вооруженных пиками, очень напоминали различные части улан, многочисленная артиллерия, удвоенная быстротой своих маневров, казалась частью целого армейского корпуса.

Чем больше я смотрел, тем больше обманывали меня мои глаза, даже самый опытный генерал должен был оценить появившиеся перед ним силы в 25–30 тыс. человек, и если под его командованием было от 15 до 20 тыс., то он должен был задуматься об отступлении. Подобный вывод порастил меня, он стал одним из самых примечательных в оценке организации и значения этих новых, отличных от прежних столетий

войск. Великий вопрос о возможности и пользе формирования подобных частей, обсуждавшийся во всех армиях, был решен с всевозможной очевидностью. Император был преисполнен радости оттого, что он уловил эту идею, развил ее и упорно претворял в жизнь, несмотря на все возражения русских и иностранных генералов.

Погода испортилась окончательно, дороги стали непроходимыми и мы поспешили вернуться в Москву, чтобы узнать там о состоянии дорог для предполагавшейся поездки. В Орле и в Туле императора встречали даже с большей радостью и воодушевлением, чем когда они имели счастье видеть его у себя в первый раз.

Гробница Кузьмы Минина в Нижегородском Кремле

По возвращении в Москву погода стала налаживаться, осень еще не закончилась, и после двух дней отдыха мы направились в Ярославль, который встретил нас дождем и ветром. Это не помешало Его Величеству осмотреть общественные заведения, новые постройки, набережную Волги,

большое заведение для солдатских детей, демидовский лицей, монастырь, собор и госпитали. Везде его сопровождала толпа народа, теснившаяся вокруг него. Через два дня мы сели в красивую лодку, которой лично правил император, и на виду у покрывшей берег огромной толпы, приветствовавшей своего государя, мы пересекли Волгу, на другом берегу которой нас ожидала коляска, ранее переправленная туда на большой барке. Весь остаток дня мы ехали по левому берегу этой прекрасной реки, которая давала жизнь почти всей европейской России. Мы видели только просторные равнины, покрытые многочисленными домашними животными и большими деревьями, что свидетельствовало о богатстве их жителей и об активной торговле, привлекавшей сюда многочисленное население.

К концу дня мы подъехали к Ипатьевскому монастырю, расположенному на том же берегу реки. Он знаменит в нашей истории тем, что во времена междуцарствия, Лжедмитриев, войн и грабежей послужил убежищем молодому Михаилу Романову, родоначальнику царствующего дома, мать укрывала его здесь от преследований поляков. Именно в этот монастырь приехали представители всей России с тем, чтобы сообщить матери и сыну о том, что после того, как под знаменами войск Пожарского и Минина была достигнута победа и преодолены внутренние разногласия, вся империя единодушно выбрала его и провозгласила своим государем. Этот в прошлом прекрасный, блестящий и славный престол со дня воцарения представителей этого рода и до нашего времени только в недавней памяти оставил примеры захвата власти, предательства, беспорядков и убийств.

Когда наша коляска ехала вдоль зубчатых стен монастыря, огромная толпа собралась и с интересом смотрела на нас. У входа в монастырь настоятель с крестом в руках

и в сопровождении всей братии встречал императора, которого не узнали ни монахи, ни народ. Он выскочил из коляски и приблизился к настоятелю с тем, чтобы поцеловать крест. Только теперь его узнали и все эти люди двинулись вперед для того, чтобы приблизиться к нему и рассмотреть его. Я прилагал неимоверные усилия для того, чтобы остаться на ногах и помешать окружавшей нас со всех сторон толпе навалиться на императора, который неспешно шел за монахами, с факелами в руках пролагавшими ему путь к входу в церковь. Этот портал, видимо, восходил к временам Михаила Романова.

Это уединенное место, бывшее началом пути венценосной семьи, волнение народа, эти факельные огни, продолжавшие закат солнца, во всем этом было нечто таинственное и пробуждавшее грандиозные воспоминания. Мы с трудом поднялись по ступеням, ведущим в церковь, с трудом остановили людей, которые столпились на них в таком количестве, что после молитвы было почти невозможно выйти из храма. В сопровождении настоятеля и предшествуемый монахами с факелами император пересек монастырский двор с тем, чтобы посетить помещения, в которых жил молодой Михаил с матерью, и куда в первый раз пришли представители русского народа, чтобы преклонить колени перед юным принцем, который появился тогда, как луч надежды для безутешной и утомленной несчастьями родины. Император с любопытством осмотрел все уголки этой небольшой кельи, из которой вышло то величайшее могущество, которое он собрал под своим славным скипетром. Никто не был допущен в это помещение, мне единственному была оказана честь сопровождать туда императора. Дорогу в слабо освещенной всего одной свечой комнате показывал сам архимандрит.

В этот монастырь приезжала только Екатерина II, императорская семья не сделала ничего ни для его благосостояния,

ни даже для сохранения его древних стен. Река Кострома, впадающая в этом месте в Волгу, ежегодно разъедает берег, на котором стоит монастырь. Церковь и кельи превратились почти в развалины. Император приказал восстановить их и построить прочную насыпь для предотвращения порчи стен от разливов реки. Мы снова сели в коляску и под приветственные возгласы пересекли по мосту реку Кострома с тем, чтобы попасть в приготовленные для императора помещения в одноименном городе. Была уже глубокая ночь, при свете иллюминации была видна огромная толпа, с трудом пробравшись сквозь которую, мы подъехали к охране рядом с домом, стоявшим на большой площади. Приветственные крики сопровождали императора до дверей и не смолкали еще примерно час, от них у нас буквально раскалывалась голова, и я неоднократно посылал передать собравшимся, что государь желает отдохнуть. Большую часть ночи люди толпились под нашими окнами в надежде увидеть в них своего императора.

На следующий день после молитвы в красивом и просторном соборе император посетил все общественные заведения, проехал по городу и отдал приказания по его благоустройству, особенно той его части, которая была расположена на высоком берегу Волги. Он принял представителей городских властей и дворянства, включая человека из рода Сусаниных, один из предков которого ценой своей жизни спас жизнь того же юного Михаила, предназначенного на российский престол. Поляки узнали, где он скрывался, и направили специальный отряд с тем, чтобы захватить его живым или мертвым. Тот Сусанин, крестьянин деревни, принадлежавшей семье Романовых, должен был показать им дорогу, но он тайно предупредил мать Михаила о грозящей опасности и указал неправильную дорогу с тем, чтобы выиграть время. Михаил был спасен, а обманувший поляков

Сусанин был безжалостно казнен, как это и было ему обещано. Михаил отблагодарил его родственников и всю семью тем, что освободил их и их потомков от всех повинностей и передал 14 членам этой семьи в полную собственность значительный участок земли. С того времени многие государи своими указами подтверждали данные привилегии, но не увеличивали земельный участок, так что эта семья, ставшая богатой после первоначального дара, за двести с лишним лет превратилась в бедную, в связи с увеличением числа ее членов. Они обрабатывали землю, были горды своим отличием и вели себя образцово. Никогда ни один из Сусаниных, а их было уже 123 человека, не был замечен ни в одной, даже малейшей провинности. Их славного имени никогда не касались ни кражи, ни пьянство, ни ссоры. Их благородство было забыто нашими государями, но они не забывали добродетелей основателей своей репутации и среди нищеты сохранили ее в полной неприкосновенности. Император долго говорил с представителями этой семьи, подробно выяснил положение дел, и приказал губернатору представить ему проект восстановления их прежнего благополучия, которым они были вознаграждены основателем его императорского рода. Кроме того, он приказал, чтобы все дети в семье Сусаниных, были обучены за казенный счет, если таково будет желание их родителей.

С тех пор как Романовы взошли на российский престол, никогда ни один из государей не был в Костроме, даже Петр Великий, который столько ездил по своей обширной империи. Только императрица Екатерина, как новая Клеопатра, спускалась по Волге на великолепном судне, она задержалась на один час в Ипатьевском монастыре, но в город не заезжала. Только императору Николаю было суждено восстановить этот древний монастырь, поднять из нищеты наследников семейства Сусанина и приехать в этот город,

который, благодаря своему великолепному местоположению, мог стать одним из замечательных городов империи.

Из Костромы мы направились в Нижний Новгород, погода наладилась, и мы приехали туда 10 октября при первых лучах солнца великолепного дня. Когда мы уже расположились на отдых в предназначенном императору доме, все там еще находилось в глубоком покое. Вначале мы посетили собор, который недавно был заново перестроен, и возвышался на значительно более просторной площади. При свете факелов мы спустились в подвальное помещение, где осмотрели старинные гробницы великих князей Нижнего Новгорода. В частности, мы увидели могилу знаменитого жителя этого города Минина, который благодаря своему богатству, красноречию и патриотическому усердию столь сильно способствовал борьбе России против ее ожесточенных угнетателей — поляков. Император поклонился гробу, вмещавшему почтенные останки Минина. На протяжении двух столетий он покоился в церкви без других знаков отличия, кроме воспоминаний о его добродетели. Император приказал поместить его рядом с гробницами коронованных особ в саркофаге, более достойном его выдающимся заслугам и способном противостоять разрушительному влиянию времени.

Особое внимание императора должны были привлечь построенные за казенный счет корпуса для размещения многочисленных товаров, которые свозились сюда на ежегодные ярмарки со всех концов империи, из Европы, Азии и даже из Китая. Они были задуманы еще при императоре Александре, когда ярмарка была перенесена из Макарьева в Нижний Новгород. Их проектирование и строительство было поручено генералу Бетанкуру. Корпуса стоили многие миллионы и всегда говорили, что место строительства было выбрано неудачно, так как существует угроза сноса построек при разливе реки Оки, которая в этом месте впадает в Волгу.

Проходившая с конца июля и почти весь август ярмарка уже давно закрылась, и этот огромный квартал, кишевший людьми только в ярмарочное время, был совершенно пуст. Таким образом, все наше внимание сосредоточилось на самих постройках и на земляных работах по укреплению их фундаментов и по строительству широких и глубоких каналов, призванных частично принять в себя воду двух рек в период их разлива.

Мы были поражены размахом и красотой планов и приятно удивлены хорошим состоянием сооружений. Все постройки стояли в форме глубокого каре, на одной стороне которого стоял губернаторский дом, почти дворец, предназначенный для губернатора в период проведения ярмарки, этот дворец был достоин принять самого государя. Напротив возвышалась прекрасная церковь, по обеим сторонам которой находились мусульманская мечеть и армянский храм. Между ними в форме квадратов располагались базары и лавки, отделенные параллельным образом друг от друга широкими улицами с тротуарами. Фонтаны, которые надо было только включить, омывали во всех смыслах эти широкие улицы и предохраняли товары от пыли. Полностью каменные лавки стояли на площади более 20 верст. Было удивительно, что столь большое количество лавок могло быть заполнено, но в период ярмарки здесь практически не оставалось свободных мест. Рассматривая эти гигантские сооружения, император был тем более удовлетворен, так как он ожидал увидеть их в негодном состоянии.

Он сразу же занялся поиском средств, предназначенных для обеспечения в будущем расходов по ремонту столь обширных сооружений. До сего момента специальных денег на эти цели не выделялось. Император лично указал, какие улучшения нужно сделать в остальной части города, расположение которого радовало глаз. В старинной части,

все еще окруженной высокой и зубчатой стеной, он приказал построить место для народных гуляний, выбрал место для строительства больших казарм и госпиталя, он обязал городские власти снести несколько домов и грязных бараков, которые загромождали берег реки, и построить на их месте набережную и улицу с домами и магазинами, предназначенными для торговли. Император объехал весь город, осмотрел общественные сооружения, ругал и благодарил чиновников за службу и окончил свое двухдневное пребывание в Нижнем Новгороде тем, что посетил бал, данный дворянством в его честь. После него мы снова сели в коляску и направились во Владимир.

Этот древний и некогда цветущий город, история которого восходит к наиболее древним временам, в котором правили русские великие князья, и который позднее стал соперником Москвы, теперь был центром одной из самых бедных и малонаселенных губерний. Как всегда, император начал здесь свое пребывание с молитвы в соборе, который был местом последнего успокоения большого количества князей и представителей известных родов, здесь был героический и трагический финал целой фамилии древних владимирских государей. Наводнившие этот край татары стали лагерем у городских стен, правивший тогда князь отправился защищать укрепления и пал от руки убийцы. Город был взят штурмом. Княгиня-мать с членами своей семьи и придворными дамами укрылась в этом соборе, ей сообщили о победе татар. Тогда, чтобы избежать плена, после молитвы она без колебаний подожгла собор.

Врагам достались только прах членов великокняжеской семьи и остатки их богатства. Их злость от этого только усилилась, и весь город был предан огню и разграблению. Владимир был полностью разрушен и так и не смог оправиться от этого великого разорения. Его место заняла Москва,

которая сохранила за собой преобладающее положение над всеми русскими землями. Архиепископ показал императору место в соборе, где княгиня принесла себя в жертву врожденной гордости, а также гробницы с прахом этих мучеников. Наше любопытное внимание было привлечено еще и другой церковью, гораздо меньших размеров, которая прилегалa к великокняжескому дворцу. Ее архитектура и резные украшения свидетельствовали о древности ее происхождения.

Затем император посетил тюрьму, где счел нужным сильно отругать представителей местного дворянства, добровольно взявших на себя обязательство патронировать заключенных и само здание. Они удовлетворились украшением стен картинами, совершенно не заботясь об элементарной чистоте, особо необходимой и предусмотренной правилами. Государь был менее недоволен местной школой, устроенной в старинном и красивом здании, но забота о которой могла бы быть более тщательной. Напротив, он был очень доволен положением дел с благотворительностью, в особенности состоянием дома для умалишенных. Как и в Нижнем Новгороде, во Владимире в первый раз встречали императора, все жители города и представители разных сословий выражали свою радость и преданность самым трогательным и бурным образом. Повсюду его встречали криками радости, люди бежали за его коляской с риском оказаться под ее колесами и упасть под ноги лошадям сопровождавших его экипажей. Мы находились в постоянном страхе, как бы не случилось какого-нибудь несчастья, мы сами с трудом могли выйти и вернуться в свои коляски, в том числе и для того, чтобы сопровождать императора. Несколько раз толпа разделяла нас с ним, и он прилагал огромные усилия для того, чтобы вернуться к нам и не быть раздавленным окружавшей его толпой. Как и везде, император запретил использовать

полицию для удержания и упорядочивания толпы, он даже гневался, если видел, что кого-то оттесняют, чтобы высвободить для него место.

С каждым днем погода и состояние дорог ухудшались, и мы поспешили возвратиться в Москву.

Император сделал наследнику приятный сюрприз, приказав ему приехать в нашу древнюю столицу, в город, где он родился. Наследника сопровождал мой шурин князь Ливен, которого отозвали с поста посла в Лондоне и назначили на почетную должность главного наставника будущего государя России. Москвичи с искренней радостью встречали этого принца, которого с удовольствием называли своим, теперь он был уже повзрослевшим молодым человеком, готовым после принятой присяги управлять ими. Его отец с удовлетворением видел, что любовь Москвы разделилась между ним и его сыном.

Он везде представлял его с тем удовольствием, с которым отец радуется успехам своего ребенка. Они вместе осматривали общественные заведения, вместе посещали собрания и балы, которые поспешили дать в их честь, они вместе разделяли жадные взгляды восхищения, так же как и оценивающие взгляды дам, всегда чувствительных к красоте. После совместного 8-дневного пребывания в Москве, они выехали из города в одном экипаже, я же занял место наследника в его коляске рядом с князем Ливеном. Через тридцать восемь часов мы прибыли в Царское Село, откуда на следующий день император вернулся в Петербург.

* * *

Супруга великого князя Михаила великая княгиня Елена произвела на свет девочку, 27 октября весь двор собрался на крестины новорожденной. Все знатные вельможи города были приглашены в Зимний Дворец на большой обед.

По окончании обеда император пригласил наследника в свой экипаж для возвращения в Аничков дворец, где они жили после возвращения. Затем Его Величество сообщил великому князю, что через час он должен быть готов ехать с ним в Берлин. Я был единственным посвященным в тайну этого путешествия и не осмеливался даже сделать лишнего шага, чтобы не выдать секрет, которым император из забавы пожелал окружить этот отъезд. Только утром я без объяснения цели послал к министру финансов не несколькими тысячами дукатов. Выйдя из-за стола, я быстро бросился домой за необходимыми деньгами и паспортом, которым должен был быть снабжен император. Он хотел вместе с сыном проехать через всю Пруссию под именем генерала Николаева с соблюдением самого строгого инкогнито, а великий князь должен был изображать его адъютанта Романова. Я считал, что очень спешил, и был весьма удивлен, подойдя к Аничковому дворцу, увидев здесь императора и наследника, полностью готовыми сесть в коляску. Но совершенно иначе обстояло дело с генералом Кавелиным, которому было поручено обучение великого князя. Он должен был вместе со мной немедленно выехать в коляске своего подопечного. Он не мог прийти в себя от той стремительности, с которой от него потребовали собрать вещи и попрощаться с семьей, его удивление превратилось в скверное расположение духа, которое очень позабавило императора, и которое скрасило полную растерянность прислуги и служителей дворца.

Никто в городе еще не подозревал о планах императора, а он уже ехал по дороге в Ригу. Я вернулся домой с тем, чтобы отдать необходимые распоряжения об экипажах, о выезде императорской свиты, о распределении денег и паспортов. Вскоре моя квартира наполнилась теми, кто должен был за нами следовать, и любопытными, кто прибежал ко мне за новостями и за новыми приказаниями. Я не смог

выехать раньше полуночи, мой товарищ по путешествию еще не привык к столь стремительным сборам. Мы ехали так быстро, как только было возможно, и совершенно не задерживались. Несмотря на всю нашу решимость догнать императора, мы приехали в Берлин только через целых 12 часов после него. Моя коляска прибыла только через сутки после меня. Император проехал огромное расстояние между Петербургом и Берлином менее, чем за пять дней. Его появление в королевской семье в то время, когда они только что встали из-за стола, вызвало крик радости, императрица была на вершине счастья, все бросились на шею императору. Король только что вышел из зала с тем, чтобы вернуться в свой небольшой замок, не успели ему доложить о приезде его знаменитого зятя, как этот последний оказался в его объятиях. Весь Берлин был в восторге от такой нечаянной радости, прусское самолюбие было очень польщено приездом государя России.

Общественное мнение Пруссии и особенно Берлина находилось под влиянием французских и союзных им газет, под влиянием заявлений поляков и ревности против могущества России до такой степени, что император потерял свою популярность. Ему предсказывали все неудачи, которые могли быть выдуманы и опубликованы против него злобой и гневом либералов. Двор и близкие к нему люди первыми снова признали сдержанность императора, его доброту и простоту в обращении, которые всегда вызывали в нем восхищение, его уважение и предупредительность с королем, его нежную дружбу со всеми членами королевской семьи, его любовь к императрице и к своему сыну. Все это вернуло ему всеобщую любовь и расположило к нему общество.

Король пожелал показать свои войска императору, несмотря на то, что последний пытался не допустить этого, опасаясь за здоровье короля в это уже холодное время года.

Тем не менее, парад состоялся. Огромная толпа заполнила улицы и переулки города, и все окна соседних домов. Императрица со всеми принцессами королевской фамилии стояла у одного из окон замка своего почтенного отца. Император со всеми принцами и генералами расположился под этим окном. Со шпагой в руке король прошел во главе своей гвардии и отдал воинские почести своему зятю, тот поспешил ему навстречу и поцеловал ему руку. Этот жест сыновнего уважения был замечен всеми собравшимися и восхитил всех. Когда подошел кирасирский полк, шефом которого был император, он галопом направился к нему, занял место во главе этих войск и отдал воинские почести своему тестю. Великий князь наследник престола также занял место впереди уланского полка, шефом которого он был только что назначен, он с почтительной благодарностью проехал перед своим дедом, у которого от полноты чувств на глазах выступили слезы. Он воспользовался моментом для того, чтобы попросить у императора разрешения произвести своего внука в полковники, до этого дня он был в звании младшего офицера. Чувствительность короля, уважение, которое выказали ему император и наследник российского престола, придали этому параду столь благородный и трогательный характер, что он оказал огромное влияние в пользу императора. Народ, войска и высшее общество находились под его сильным впечатлением.

После смотра великий князь лично отнес полковые штандарты во дворец. Император сопровождал знамена своего полка. На площади и во дворе дворца их сопровождала толпа, приветствовавшая их самым сердечным образом. Генералы умоляли императора подробно осмотреть еще несколько полков, он не смог отказать им в этой просьбе, и каждое утро он верхом выезжал за Бранденбургские ворота для того, чтобы присутствовать на учениях.

Он пожелал осмотреть полк, носивший его имя, он приказал совершить несколько маневров, которыми командовал сам, в кирасе и с апломбом прусского полковника, хорошо осведомленного в малейших деталях этого дела. Таким же образом великий князь командовал своим полком, при этом он выказал дотошность бывалого офицера. Эти двойные учения собрали вокруг площади всех офицеров гарнизона и огромную толпу людей. Отцом и сыном восхищались не только из-за их прекрасной выправки и умения управлять лошадьми, но и потому, что тщеславие пруссаков было полностью удовлетворено видом этих двух выдающихся людей, подчинявшихся положениям прусского воинского устава.

Потсдам. Вид на церковь Св. Николая

Утром император в одежде простого горожанина и в полном одиночестве пошел пешком погулять по улицам Берлина. Эта доверчивость и простота окончательно покорили сердца берлинцев, были полностью стерты все те неблагоприятные суждения, которые много лет недоброжелатели копили против него. С момента своего приезда он заявил, что хочет только повидать короля и членов его семьи, что он

не желает ни заниматься политическими делами, ни принимать министров и представителей знати с тем, чтобы избежать любых ложных истолкований своего появления здесь. Тем не менее, после многочисленных просьб нескольких высокопоставленных чиновников, он принял их в частном порядке в небольшом помещении, которое служило ему одновременно туалетной комнатой и рабочим кабинетом. Все те, кто был удостоен этой чести, выходили от него в полном восхищении его любезностью и его простой и железной логикой, с которыми он оценивал современную политическую позицию различных правительств.

Его главной целью в этих переговорах было доказать, что только твердость правительств, только полное и открытое согласие Пруссии с Австрией и Россией могут защитить эти три державы, защитить мир в Европе и послужить единственной сдерживающей плотиной от разрушительных революционных идей, от продвижения злобной пропаганды, которая продолжает подрывать престолы и моральные устои народов. За время нашего непродолжительного пребывания в Берлине мы успели получить новое доказательство полнейшей нестабильности представительских правительств. Прибывший из Парижа курьер сообщил, что правительство там полностью отстранено от дел. Новый курьер через три дня привез известие о том, что оно полностью восстановлено в своих полномочиях.

Эта постоянная нестабильность опрокидывала любые комбинации, оставляя их в неопределенном состоянии. Она не оставляла министрам времени для продвижения дел вперед, которые только и делали, что переходили из рук в руки. По этой же причине начали прозревать даже либералы, которые получили повод для серьезных размышлений о тех недостатках, которые свойственны представительской системе, в сравнении с теми правительствами, где власть государя

может стабилизировать исполнение ими своих обязанностей. Ведь там вместо того, чтобы тратить время и свои таланты на защиту от постоянных нападок парламента, министры целиком и полностью занимаются делами своих министерств.

Мы съездили в Потсдам, где король представил свой гарнизон. В тот же день мы вернулись в Берлин. Каждый день при дворе давали обеды, они проходили либо в помещениях, принадлежавших императрице, либо в больших залах дворца, либо помещениях, занимаемых королем или одним из принцев. Вечерами мы регулярно встречались в театре в главной королевской ложе или бывали приглашены на бал, издержки по которому несла только королевская семья с тем, чтобы избавить от них прусскую знать, недостаточно состоятельную для этого. Наш министр при берлинском дворе был единственным частным лицом, которое получило почетное право организовать красивый бал в честь своих государей. Король не отказывался ни от чего, что предупредительное внимание могло предложить для еще более приятного приема его знаменитых гостей. Он даже щедрой рукой приготовил хор певчих для греческой церкви, которые пели все наши молитвы на русском языке на ту же музыку и с той же интонацией, что и певчие при петербургском дворе.

После двенадцатидневного пребывания 13 ноября после полуночи император выехал из Берлина, императрица и наследник остались в городе еще на несколько дней и выехали вместе.

* * *

Я занял свое место в императорской коляске, и, не останавливаясь ни на минуту, мы направились через Бреслау в Лович в Царстве Польском, где императора ждал маршал Паскевич. Отдохнув там всего несколько часов, мы направились по дороге в Варшаву.

Именно здесь наша армия окончательно погасила революцию в Польше. Приближаясь к столице, мы с любопытством и удовлетворением осматривали укрепленные бунтовщиками позиции. Победоносно овладеть ими позволили только храбрость наших войск и правильные распоряжения князя Паскевича. В Воле, расположенной в двух верстах от центра города, мы вышли из коляски и тщательно осмотрели сооружения, окружавшие этот квартал, от которого осталась только разбитая ядрами церковь. Несмотря на то, что за четыре года укрепления разрушились, и на то, что снег скрывал глубину рвов, мы были удивлены мощностью укреплений. Только величайшей храбростью можно было преодолеть такие препятствия, несмотря на достойное сопротивление и вдохновлявшее присутствие всей вражеской армии. Этот вид Воли был самым прекрасным памятником славы для генерала и посланных им в бой солдат. Паскевич имел счастье лично представить государю это свидетельство своей победы. Император осмотрел укрепления на всем их протяжении, и сделал маршалу и нескольким присутствовавшим генералам, которые участвовали в этом военном сражении, очень любезные комплименты, ставшие более лестной наградой, чем те, которые украшали их мундиры. После этого мы прямоком направились в крепость. Народ приветствовал своего государя с воодушевленным видом, который полностью противоречил поведению этих же людей четыре года назад.

После того, как император тщательно осмотрел гигантские и прекрасные укрепления Александровской крепости, выразил свое удовлетворение быстротой и тщательностью проведенных работ, он направился к плацу. Там он сел на лошадь с тем, чтобы принять парад корпуса генерала Кюдингера, который почти полностью был построен в колонны в этом месте. Народ окружил весь центр площади и приветствовал императора криками радости. Выражение их лиц

было добрым, казалось они выражали удовлетворение, надежду и удивление от того, что их победитель так доверчиво появился среди них. Небольшой отряд казаков, который обычно сопровождал коляску маршала, получил приказ остаться позади. Народ миновал ограждения и толпился вокруг того места, где находился император, чтобы посмотреть на парад войск. Он остался удовлетворен их состоянием, несмотря на плохую погоду, на холод и грязь, испортившие красоту их мундиров и чистоту лошадей. После парада в открытой маленькой коляске в сопровождении только одного Паскевича император осмотрел несколько кварталов Варшавы и зашел во дворец с тем, чтобы нанести визит супруге маршала. Повсюду его окружала и сопровождала толпа людей, выражавших радость его видеть. Затем он сел в дорожную коляску и направился обедать в Новогоргиевск. Там в течение двух дней он осматривал строительные работы в этой огромной крепости и обсуждал с фельдмаршалом дела королевства, доверенного его командованию.

Сутки спустя мы уже были в Ковно, где генерал-губернатор Литвы князь Долгорукий ждал его с докладами о ходе дел во вверенных ему провинциях. Мы остались там на ночь, и я имел удовольствие встретиться с командиром дивизии легкой кавалерии генералом Оффенбергом, супругом моей старшей приемной дочери. Утром следующего дня он имел счастье представить несколько своих полковых эскадронов, собранных в его главной квартире. Император остался ими доволен, и после маневров под проливным дождем, мокрые насквозь, мы сели в нашу дорожную коляску, сойдя с лошадей там же, на месте маневров.

В Ковно мы съехали с мощеной дороги и углубились в местные проселки, и это в конце ноября месяца! Дорога была ужасной и несмотря на то, что в нашу легкую коляску

были впряжены восемь хороших лошадей, мы двигались очень медленно по глубокой и тяжелой грязи. Мы прибыли в Шавли только с наступлением ночи. В тот же день, возвращаясь из Берлина, сюда должна была приехать императрица. Ей был приготовлен ночлег в доме владельца города Шавли и его окрестностей графа Дмитрия Зубова. поприветствовав своих новых гостей, император вернулся в предоставленную ему комнату и занялся чтением бумаг и отправкой курьера, прибывшего из Петербурга. Как всегда во время его поездок по стране курьер приезжал два или три раза в неделю. Он привозил различные рапорты по управлению империей, журналы заседаний Комитета министров и Государственного Совета, а также подробные военные сводки, как это было заведено императором при его ежедневной работе в Петербурге. Пока он был в дороге, ни одно дело не приостанавливалось, присланные бумаги никогда не ожидали своей обратной отправки с собственноручными резолюциями и приказами императора более 3 часов. Несмотря на дорожную усталость, он частенько работал по ночам и никогда не ложился спать, не закончив все дела. Часто курьеры отправлялись назад уже через 12 часов после своего приезда.

К 9 часам вечера доложили о приезде кареты императрицы. Император галантно надел форму гвардейского кавалериста, шефом которых она была, и поспешил ей навстречу с тем, чтобы открыть дверцу кареты и заключить ее в свои объятия. Дороги были столь плохи, а экипажи свиты были столь тяжело нагружены, что ни один из них не смог поспеть за каретой императрицы. У нее с собой не было ни одной смены туалета, и она была вынуждена обратиться к владелице дома с тем, чтобы позаимствовать у нее все необходимое для ночлега. К ужину приступили в очень веселом расположении духа и не расходились до 11 часов

ночи в надежде, что приедут ее камеристки. Приехавшая в карете своей матери великая княжна Мария также была лишена своих придворных дам. Проведя ночь со всеми, наследник продолжил свой путь в Ригу.

*Фрейлины и чины роты Дворцовых гренадер
в Гербовом зале Зимнего дворца. 1830-е гг.*

К утру придворные дамы все еще не приехали, завтрак прошел в надежде все-таки их дожждаться, но потом пришлось принять решение уезжать. Император занял место рядом с императрицей, оставив меня со своей коляской для того, чтобы я дождался прибытия свиты и забрал с собой одну из дам вместе с самыми необходимыми вещами. Только через три или четыре часа я увидел, как эта тяжелая повозка въехала во двор дома. Не теряя времени, я схватил необходимые принадлежности и направился в дорогу вместе с одной из горничных, которую мне поручено было привезти. Мы двигались настолько быстро, насколько нам позволяла грязь, становившаяся от станции к станции все более глубокой.

В полной темноте мы приехали в Митаву, всего через час после того, как этот город покинул император. Все городские власти и большое количество благородных дам собрались в помещении дворянского собрания, где в честь императора, императрицы и всей их свиты был устроен обед.

Князь Волконский принял решение остаться там на ночь с тем, чтобы дождаться великую княжну Марию, которую я оставил далеко позади, а также потому, что ночью не было никакой возможности пересечь Двину, уже обильно покрытую льдами. Со своей сопровождающей я прибыл на место к 11 часам вечера. Государи переправились через реку на специально приготовленном для этого большом корабле, который тянули с противоположного берега несколькими канатами, намотанными на ворота. Но льды оказались настолько прочными, что даже этот корабль с трудом преодолел их, для того, чтобы избежать несчастных случаев, император запретил переправляться ночью на другой берег.

Между тем я понимал, насколько прибытие камеристки обрадует императрицу, я нашел привязанную к берегу шлюпку, взял на себя ответственность за нарушение приказа и, собрав несколько матросов, пригласил свою спутницу вместе со мной подняться на борт. Несмотря на свои страхи и жалобы, она смогла решиться на это. С большим трудом нам удалось избавиться ото льдов, скопившихся у бортов, но при сильном и попутном ветре я приказал поднять парус, и наша лодка прокладывала себе дорогу, разламывая или раздвигая лед. Темнота была полной, а туман мешать разглядеть огни Риги, тем не менее, через полчаса мы высадились на другом берегу и добрались до замка, где неожиданное появление камеристки очень развеселило императрицу, которая уже готовилась ложиться спать. Она любезно выразила мне благодарность со своей обычной приветливостью, после чего я поспешил вступить во владение своей комнатой.

На следующее утро с большими усилиями удалось отправить обратно корабль, на котором прибыл император. Он должен был переправить через реку госпожу великую княгиню. Льды стали, и река оказалась полностью ими покрыта. С большим трудом пришлось разламывать лед и увеличить число людей, крутивших ворота. Я руководил этой работой и с величайшим удовлетворением увидел красивое, спокойное и улыбающееся лицо великой княжны Марии, которое очень сильно контрастировало с видом князя Волконского, который успокоился только тогда, когда почувствовал под своими ногами землю, и сел в карету с тем, чтобы сопровождать великую княжну, а ведь ей тогда было всего 14 лет¹⁷.

Так как с момента встречи в Шавли количество экипажей увеличилось, появились трудности с лошадьми. Было решено, что наследник цесаревич и я, мы поедем вперед, а Их Величества поедут только на следующий день. Наследник сел в карету со своим наставником генералом Кавелиным, а я последовал за ними с императорским врачом. Великий князь был настолько любезен, что ожидал нас на обед, ужин и завтрак, и продлил остановки с тем, чтобы дать отдохнуть прислуге. Эта маленькая поездка предоставила мне случай восхититься очаровательной веселостью и доброжелательной добротой, столь притягательной в молодом принце, которые уже завоевали для него многие сердца. В нескольких станциях от Петербурга мы нашли посланные нам навстречу и готовые к дороге сани и заняли в них свои места. В них наша поездка стала более быстрой, что очень забавляло великого князя. Я следовал за ним вплоть до городских ворот, где он вежливо остановился, чтобы поблагодарить меня за сопровождение. Через два дня 26 ноября Их Величества прибыли в Петербург.

¹⁷ На полях помета «15».

Все занятия вернулись к своему обычному течению — заседания кабинета, Комитета министров, Государственного Совета, балы и театральные спектакли. Казалось, в Европе все успокоилось, за исключением Испании, где постоянно лилась кровь. В это время Европа была потрясена неожиданным событием, ставшим настоящим горем для императора. Знаменитый государь Австрии, старейший монарх мудрый Франц I скончался, он покинул своих подданных и больше не мог влиять на политические дела Европы. Эту потерю живо ощутили все правительства, тем более остро, что агитаторы во всех странах основывали свои чудовищные надежды на общеизвестную неспособность принца, который призван был поддерживать сложное царствование своей неумелой и неопытной рукой. Ему надо было запрячь в австрийскую телегу Италию, Венгрию, Богемию, Галицию и Иллирию, которые все стремились в разные стороны, желали своей национальной независимости и имели свои собственные интересы. На протяжении более 40 лет мудрой и опытной руке удавалось сохранить единство столь сложного объединения и провести его через все несчастья и потрясения. Исчезновение этой руки повергло в дрожь всех приверженцев порядка и спокойствия.

Вена заливалась слезами от огорчения и беспокойства, и все европейские правительства выразили ей свои искренние соболезнования. Со времени смерти императора Александра ни одно событие не было столь фатальным для дальнейшего поддержания стабильности. Общая заинтересованность связала вместе всех представителей более частных интересов вокруг могилы почившего государя с тем, чтобы использовать все имевшиеся в их распоряжении способы для поддержки императорского трона — единственного

выразителя австрийского могущества. Все крупнейшие государственные чиновники во главе с князем Меттернихом и архиепископами решительно и дружески помогали друг другу с тем, чтобы придать силы слабому Фердинанду I. У последнего хватило мудрости, чтобы почувствовать ситуацию и сохранить на своих постах чиновников своего отца, он выразил им полное доверие.

Император поспешил выразить ему, насколько он разделяет боль всей Австрии, и насколько искренне он намерен доказать сыну и всей нации тот интерес, который всегда к ним испытывал в соответствии с обещанием, данным им в ответ на доверие и дружбу Франца I. Без промедления он послал в Вену графа Орлова с тем, чтобы поддержать сторонников нового императора, укрепить их в их похвальных намерениях и убедить их в той действенной и искренней поддержке, которую он посчитал своим долгом оказать благополучию их страны.

Император обращал свое внимание на все вопросы, требовавшие какого-то улучшения. На протяжении нескольких лет по его повелению рассматривался вопрос о законодательном обеспечении политического и гражданского положения евреев. Этот труд поступил в Государственный Совет и был одобрен императором. Документ четко определил права, обязанности, подати и способы защиты евреев, тем самым им были даны новые возможности для развития своей промышленности и закреплены равные с другими подданными империи права на судебную защиту.

Вот уже несколько лет императрица не показывалась в Москве. Вместе с императором она поехала туда с тем, чтобы провести здесь начало весны. К 26 апреля погода наладилась, и мы с императором воспользовались этим. В 15 верстах от Царского Села, он посетил колпинские заводы, сооруженные

Петром Великим. Именно здесь этот гениальный человек приказал изготавливать все, что нужно из железа, меди, а также блоки и шкивы, необходимые для снаряжения флота. Здесь все еще следовали инструкциям, полученным от основателя нашего флота. Основные сооружения, такие как дамба, накопители воды, искусственные водоемы, пушки — все это относилось к петровскому времени. С тех времен их только поддерживали и восстанавливали по примитивным планам, сделанным еще его рукой. Император Николай приказал все это обновить и украсить. Он осмотрел все мастерские, жилища, больницы, интересовался малейшими деталями с тем пристальным вниманием, с которым он относился ко всему, и остался весьма довольным всем тем, что было ему показано. Вечером на второй почтовой станции император почувствовал сильное недомогание и был вынужден остановиться на несколько часов. Наутро он поехал в рядом расположенное военное поселение гренадерского полка, которое теперь служило казармой и лагерем для гвардейского полка гродненских улан, которые прошли перед ним парадным маршем.

Оттуда мы отправились в Новгород, где нас ожидали гвардейские драгуны и две батареи полевой артиллерии, которым также была оказана честь высочайшей инспекции на площади города. После этого вечером в 30 верстах от Новгорода император принял парад образцового полка карабинеров и принял участие в ужине кадетского корпуса Аракчеева. Это заведение было образовано на средства влиятельного министра императора Александра, который, не назначив себе наследника, еще при своей жизни оказал значительную поддержку этому корпусу. Первоначально он должен был располагаться в Новгороде, и был перенесен на место этого поселения только после ужасных и кровавых

событий, которые предрешили уничтожение отжившей свое системы военных поселений. Место, которое теперь занимал этот корпус, было замечательным, и это заведение, без сомнения, станет один из лучших в своем роде. Тем же вечером, после столь насыщенного дня, мы вновь отправились в дорогу и безостановочно добрались до Москвы.

Через несколько дней сюда приехала императрица и за ней — двое младших великих князей Николай и Михаил. Их появление в национальных костюмах доставило огромное удовольствие народу. Великий князь Константин, уже способный понимать то, что он видит, сопровождал императрицу. Он был поражен красотой Москвы и особенно преданностью и восторгами ее жителей.

Погода была прекрасной и обещала сделать наше пребывание особенно приятным. На замечательной прогулке за пределами города 1 мая собралась вся семья. В середине дня в поставленном по случаю выезда павильоне собрались тысячи экипажей и огромное количество пеших гуляющих. Еловый лес, бывший в течение года весьма печальным зрелищем, был со всех сторон украшен и оживлен палатками, красивыми павильонами, кафе и ресторанчиками, группами музыкантов и цветами. Прогулки группами и поодиночке продолжались до конца дня. Повсюду толпа окружала экипажи императорской семьи и в лесу раздавались радостные крики и возгласы. После прогулки двор покинул Кремль и перебрался на другую сторону Москвы-реки в имение, ранее принадлежавшее графине Орловой и выкупленное императором. Дом и прилегавшие территории были весьма обширны и были очень удобно распределены. Сад был прекрасен, а вид на течение реки, на поля на другом ее берегу и на город был одним из самых красивых и разнообразных из всех, которые только можно было увидеть.

Мы все расположились в этом радостном жилище, в котором пользовались всеми преимуществами деревенской жизни. Но та единственная вещь, которая была нам совершенно необходима — хорошая погода, — на следующий день испортилась. Холод, ветер, дождь и даже снег быстро заставили нас пожалеть о Кремле. И почти все оставшееся время мы были лишены радостей весны. Это восполнялось балами, спектаклями и более или менее многочисленными собраниями у императрицы.

*Посещение московской выставки царским семейством
2 ноября 1831*

Течение дел пошло обычным порядком, и каждое утро император направлялся в свои кремлевские покои для того, чтобы принять генерал-губернатора и других чиновников с их докладами, затем к часу дня он спускался на площадь перед дворцом для того, чтобы присутствовать на параде соединенных гвардейских частей. Он забавлялся тем,

что выстраивал троих своих младших сыновей на офицерских местах по линии равнения, что очень радовало и забавляло публику, которая в экипажах и пешком каждое утро толпой становилась там с тем, чтобы увидеть императора и его сыновей. Каждый день повторялась давка, сложно было пробиться сквозь эти массы людей, заполнивших улицы от самых дверей, через которые выходил император.

Каждый день возобновлялись радостные возгласы, которые обожаемый император собирал и получал в своем дворце. Императрица также везде была предметом восхищения. Она воспользовалась своим пребыванием в Москве для того, чтобы посетить и внимательно осмотреть крупнейшие приюты для брошенных детей и институты благородных девиц для дворянок и горожанок, которые по завещанию императрицы-матери перешли под ее благотворительное управление. Император отдельно занимался военными школами, университетом, городскими учреждениями и особенно войсками корпуса под командованием князя Хилкова. Его состояние было наихудшим по сравнению с тем, что от него требовалось, особенно плоха была пехота. Для этих частей, также как и для кавалерии, были организованы многочисленные разнообразные упражнения, за которыми мы наблюдали за пределами города на просторных полях перед Петровским дворцом.

Наступило время показа продукции национальной промышленности, выставка была заботливо и красиво устроена в большом помещении Благородного собрания, все фабриканты и ремесла соперничали между собой в желании оказаться лучшими. Со всех частей России стекались лучшие образцы всех отраслей торговли и производства. Изделия из шерсти и корабельные снасти были выставлены столь же заботливо, как самое драгоценное золотое шитье и шелка.

Каждый вид продукции выставлялся в отдельной комнате или на специальных столах. Парусное полотно, как и самая тонкая ткань, были разложены в порядке и красиво украшены на всем протяжении отведенного им пространства. На своих местах были механические модели от планетарной системы до плугов. Ювелирные изделия, бронза, фарфор, стекло, сукна, хлопчатобумажные ткани, кожи, вышивка, предметы из железа, изделия столярного ремесла и роскошное черное дерево — все это представляло для любопытных глаз бесконечно разнообразное и самое роскошное зрелище из всего того, что могло быть собрано в одном месте. Мы были изумлены всей этой разнообразной продукцией и тем невиданным размахом, которого достигла наша национальная промышленность.

Император и императрица неоднократно осматривали все это с самым большим вниманием. Они ободряли фабрикантов расспросами об организации производства и об изменениях в их доходах и их заведениях. Очень довольный всем увиденным император собрал у себя самых крупных владельцев предприятий и поблагодарил за улучшения в их производстве, которые столь мощно способствовали обогащению страны. Он добавил, что теперь, когда промышленность достигла своего размаха и движется только в сторону дальнейшего развития, осталось только привлечь внимание правительства и фабрикантов к предмету, без которого промышленность и производство станут скорее бедствием, чем благом. Это забота о рабочих, возрастающее из года в год число которых требует отеческого, действенного и душевного присмотра, без которого это множество людей неизбежным образом развратится, станет несчастным и плохо управляемым сословием, представляющим опасность даже для хозяев, которые используют их труд. Император закончил тем,

что назвал и привел в качестве примера двух присутствовавших на этом приеме владельцев фабрик, которые выделялись своей мудрой и отеческой заботой о своих рабочих. Он добавил, что приказал информировать себя о тех из них, кто последует этому примеру, и что он будет рад выразить им свою признательность.

Погода несколько улучшилась, и появилось желание увидеть некоторые загородные имения. Министру императорского двора князю Волконскому была оказана честь принимать у себя своих государей в прекрасном имении, расположенном в 20 верстах от Москвы. После изысканного обеда все прогуливались в саду дворца, содержание которого могло бы любого убедить в том, что в нем живут постоянно. Между тем, уже на протяжении более 40 лет служебные обязанности хозяина не позволяли ему проводить здесь более нескольких дней с перерывом не в один десяток лет.

Очень богатый и постоянно проживавший в Москве князь Сергей Голицын, который пользовался расположением императрицы-матери и которого особо отличал император, также имел счастье принимать Их Величества в своем имении, находившемся всего в нескольких верстах от столицы. Искусство и богатство вопреки природе сделали из него великолепное обиталище с большими водоемами, вырытыми с большими трудностями посреди лесов, с павильонами прекрасной архитектуры, с оранжереями, с изобилием растительности и цветов, все это представляло собой сад, столь же просторный, сколь и прекрасный. Все здесь свидетельствовало о роскоши и богатстве древнего и владетельного рода, все здесь также говорило о достатке и счастье крестьян.

Император также посетил имение графа Шереметева, огромное состояние которого относилось еще к допетровскому времени. На протяжении более 50 лет это имение, одно из тех, которыми владела эта семья в окрестностях

Москвы, оставалось необитаемым. Несмотря на это и на весьма малую заботу, с которой ныне граф Шереметев относился к его содержанию, оно все еще давало представление о роскоши и величии его прежних владельцев. Замок, по размерам напоминавший дворец, огромные залы, покрытые позолотой и украшенные прекрасными росписями, были сохранены в целости. На стенах комнат висело большое количество картин, а весьма многочисленная коллекция портретов князей и знаменитостей времен Петра I и правления императрицы Елизаветы делало ее уникальной в своем роде. Она привлекла любознательное внимание Императора, который приказал князю Волконскому попросить позволения у адъютанта его величества графа Шереметева сделать копии с целого ряда этих портретов, которых не было в императорской коллекции и изображенные на которых люди давно стали историческими знаменитостями.

После посещения нескольких частных имений император пожелал осмотреть свои собственные, и направился в Царицыно, находившееся в 18 верстах от Москвы. В этом месте, где с удовольствием проводили время многие наши цари, сохранились водоемы и прекрасная растительность. Запрет на рыбную ловлю, введенный более двух веков назад, и который возобновляли все государи, превратил эти озера в настолько богатые рыбой места, что были вынуждены разрешить рыболовство в течение двух лет. Уже Петр I перестал здесь жить, и некогда прекрасные и просторные сады больше не радовали глаз и перестали быть похожими на величественные и богатые пейзажи, почти повсеместно встречающиеся в окрестностях Москвы.

Тем не менее, императрица Екатерина пожелала основать здесь летнюю резиденцию государей и приказала выстроить прекрасный дворец, достойный древней столицы. Был подготовлен план, авторы которого хотели соединить

готическую архитектуру с характером древних сооружений Москвы. Это плохо продуманное сочетание превратилось в каменную громаду, которая поражала своими размерами, но отличалась дурным вкусом.

Императрица Екатерина приехала осмотреть свое новое сооружение и осталась им столь недовольна, что тотчас же отдала приказ сломать это огромное здание и выстроить новое. Из-за огромных затрат, которые были бы неизбежны при исполнении этого приказа, он был отменен, и стены здания были предоставлены разрушительному влиянию времени. Сад, однако, был частично завершен и служил местом прогулок жителей столицы. Император осмотрел развалины, определил, что они не заслуживают новых затрат и решил использовать сооружение в качестве казармы или образовательного учреждения.

Оттуда мы направились в большую и богатую деревню Коломенское, расположенную в 5 верстах от городских застав. Здесь у наших царей была летняя резиденция, и здесь появился на свет Петр I. От древних сооружений осталась только шатровая церковь, границы дворца в том виде, в котором он существовал еще в начале царствования Екатерины, были обозначены посадками акации. На месте древнего обиталища царей стояла только новая постройка в виде павильона. Мы поднялись по достаточно высокой лестнице и оказались на террасе этого павильона. Нас удивил величественный вид, открывшийся нашим глазам. У наших ног река Москва, словно блестящая лента, разворачивалась на огромной равнине, расположенной перед нами, справа она терялась за горизонтом, а слева она оканчивалась огромным городом Москвой.

Многочисленные стада заполняли противоположный берег реки, огромное пространство оживлялось деревнями, церквями и растительностью. Император воскликнул:

«Именно здесь я построю дворец. Жилище государей должно быть в этом месте, на это указывает рождение Петра Великого и вид на Москву». Закат солнца еще больше украсил эту картину. Сбежавшаяся посмотреть на императора толпа народа теснилась у лестницы и вокруг старинной церкви. В тот момент, когда император с императрицей вошли в нее, колокольный звон возвестил об обряде бракосочетания. Я получил приказ на следующий день пригласить молодоженов в Кремль, где императрица собственноручно одарила молодую жену подарками, а я дал мужу несколько сотен рублей.

Москва. Тверской бульвар. 1820-е

На въезде в город войска уже были приведены в боевую готовность и получили такую же похвалу. После вынесения благодарности командирам и обеда, присланного дворцовой кухней императрице, мы приготовились к отъезду, сели в коляску и без остановки доехали до Новгорода. Погода исправилась, и первые теплые летние дни сделали поездку весьма приятной.

На следующее утро мы поднялись на борт парохода, принадлежавшего военным поселениям, и прошли по красивой речке, которая своим весенним половодьем затопила окружающую равнину и превратила ее в подобие озера. Вода была спокойной, как зеркало и отражала древние стены Новгорода. Многочисленные монастыри и церкви со всех сторон демонстрировали свои золотые купола, как память о прошлом богатстве этого города. Они являли собой прекрасный вид и навевали глубокие воспоминания. Мы быстро прошли перед сооружениями, которые видели столько поколений, столько величия и разрушений. Наше судно двигалось к Юрьевому монастырю, митрополитом которого был монах Фотий, ставший известным, благодаря тому набожному почитанию, которое он сумел внушить добродетельной графине Орловой, уже много лет тратившей свои огромные богатства на украшение этого монастыря. Император сошел на берег у дверей этой пышной обители, внутри все было спокойно, никто не догадывался о его приезде.

Мы вошли в главный храм, не встретив ни одного человека, который мог бы нас узнать. Внутри молился один монах. После молитвы император стал рассматривать внутреннее убранство, которое украшало церковь. Затем мы вышли оттуда и только теперь императора узнали. Фотий вышел из своей кельи и направился ему навстречу. Он был потрясен этим неожиданным приездом, но пытался сохранить спокойный вид, который ему явно изменял. К нашему большому удивлению мы увидели графиню Орлову, которая подбежала к императору, исполненная радости от той чести, которую он оказал своим присутствием этой святой обители, для которой она стала благотворительницей и почти руководительницей. Появление женщины в мужском монастыре могло бы показаться скандальным, если бы не допускавшая никаких сомнений репутация графини. Она сопровождала

императора в кельи, в больницу и в различные церкви так, словно она служила в монастыре. Фотий настолько потерял голову, что он не вспомнил о тех почестях, которые в подобных случаях монастырское начальство обязано было оказать главе государства и церкви. Возвратившись в Петербург, император передал через Синод Фотию повеление направиться в Александро-Невскую лавру с тем, чтобы там выучить свои обязанности, что было выполнено им с монашеским смирением. Он был счастлив и польщен тем, что к нему приезжал его государь.

* * *

Проведя несколько дней в Елагине, двор расположился в Петергофе, и император возобновил свои обычные летние занятия — он часто ездил в Кронштадт и в гвардейский лагерь в Красном Селе. Он делал это чаще, чем обычно потому, что его младший брат великий князь Михаил был в отъезде и передал командование гвардией храброму генералу Бистрому, который страдал от ран и не мог осуществлять командование столь деятельно, как к этому приучил войска великий князь. Врачи направили его на воды Карлсбада, где он провел все лето. Таким образом, император возложил на себя наблюдение за учением войск и жизнью лагеря.

В Петергоф приехала сестра императрицы княгиня Нидерландов со своим супругом принцем Фредериком, сюда же приехал герцог Нассау, все они оставались здесь во время всего периода пребывания двора. Празднование 1 июля было еще более величественным, чем обычно. По роскоши и изяществу иллюминация превзошла все то, что можно было видеть в предыдущие годы. На день праздника в Петергоф приехала огромная толпа, но он прошел при полном порядке. Каждый раз праздник приятно удивлял своей грандиозностью, более ста тысяч человек наполнили дворцы и сады,

при этом не было ни одного несчастного случая, ни малейшего беспорядка. Это тем более удивляло иностранцев, что представитель даже самого низкого сословия проявлял такое уважение и почтительность, которые подчас невозможно встретить в многочисленных собраниях даже самого избранного общества. После этого замечательного праздника, когда несколько дней Петергоф был наполнен людьми, начались большие маневры, которые привели нас в Гатчину. По возвращении из красносельского лагеря меня жестоко лягнула лошадь. Моя лошадь понесла и бросила меня на лошадей трубачей, следовавших за императором. Из-за этого я был вынужден несколько дней провести в постели.

В то время, как в Петербурге наслаждались роскошью двора, устраивали гвардейские учения и проверяли флот, пока здесь предавались забавам и жили в полнейшем спокойствии, в Париже мечтали о цареубийстве и о смертных казнях. Фиески, корсиканец, и с ним многие французы хладнокровно и исподволь готовили ликвидацию Луи-Филиппа, его сыновей и ближайшего окружения. Адская машина была приготовлена в одном из домов на бульварах, перед которым король должен был пройти во главе парада войск гарнизона и национальной гвардии. Взрыв прогремел в назначенный момент, Луи-Филипп с сыновьями спасся, словно по волшебству, но капитан времен Французской Революции и боевой товарищ Наполеона, маршал Мортье остался лежать мертвым в луже собственной крови на парижской мостовой. Это покушение ужаснуло Францию, возмутило Европу и стало новым сигналом для всех правительств бороться против смелых предприятий этого подлого сброда, который поклялся уничтожить троны и будоражить нации. Более, чем когда либо было важно, чтобы великие северные державы показали всему миру насколько единые интересы и единые принципы

еще теснее скрепили их союз, тем более, что смерть императора Франца I внушила революционерам новые надежды и устрасила слабых принцев.

Встреча государей Австрии и Пруссии с императором, согласованная на их последнем свидании в Шведте и в Мюнхенгреце, стала совершенно необходимой. Она была подготовлена со всей пышностью, которую придали военные праздники и торжества этой акции, сколь политически важной, столь и соответствовавшей старым воспоминаниям о победах 1813 и 1814 годов, единственным венценосным участником которых остался король Пруссии.

Все гвардейские кавалерийские полки, представленные одним взводом каждый, и составившие три эскадрона, уже покинули территорию Польши. Полк кирасир принца Альберта вышел из южных военных поселений с тем, чтобы присоединиться к армейскому корпусу, расквартированному в королевстве. Местом сбора всех этих войск и местом встречи короля с императором был избран Калиш, наиболее близко расположенный к прусской границе.

Представленные одним взводом каждый все гвардейские пехотные полки составили целиком несколько батальонов¹⁸. Соединения гвардейской артиллерии были составлены из различных бригад этого рода оружия, входивших в гвардейский корпус. Полк grenадер, носивший имя короля, и батальоны армейского полка имени прусского принца¹⁹, также были присоединены к этим войскам и собрались в Ораниенбауме 14 июля с тем, чтобы их перевезли по морю в Данциг. Достаточное количество плавсредств было собрано на всем протяжении канала, на расстоянии примерно в версту, пароходы

¹⁸ Помета Николая I: «Первые взводы grenадер и первые роты карабинов».

¹⁹ Помета Николая I: «сформированные из grenадерских рот».

стояли на рейде для того, чтобы отбуксировать их в Кронштадт, где все эти различные воинские соединения ожидал стоявший на якоре императорский флот.

Ранним утром император появился перед ораниенбаумским дворцом, где все войска были построены фронтом к морю. После торжественной молитвы под открытым небом о благополучном плавании, знаменосцам было приказано стать во главе колонн, и под звуки музыки и барабанную дробь император лично провел их до конца мола, где его ожидала шлюпка. Тем временем войска поэтапно выстроились по всему протяжению канала, каждый напротив предназначенного ему плавсредства. Все эти действия и погрузка на шлюпки были выполнены с замечательной точностью. Эта длинная цепочка судов, заполненных блестящими штыками, по мере готовности выходила на рейд и двигалась к соответствующему пароходу, все это представляло собой великолепное зрелище, тем более прекрасное, что оружие сверкало на ярком солнце, позолотившем волны.

Со своей стороны прусский король отобрал отряды из всех гвардейских полков, приказал полку кирасир, носившему имя императора Николая покинуть свои квартиры, и собрал их в лагере, устроенном невдалеке от того, что был подготовлен в Калише. Это было сделано для того, чтобы получить возможность после небольшого перехода присоединить солдат Пруссии к солдатам России. 1 августа император, императрица, великая княгиня Ольга, нидерландский принц Фредерик со своей супругой, сестрой императрицы, царствующий герцог Нассау и молодой великий князь Константин в качестве адмирала поднялись в Петергофе на борт большого и красивого парохода императорского флота «Геркулес», чтобы прибыть в Данциг. Нам с графом Орловым была оказана честь находиться на том же пароходе, остальная

свита, мужчины и женщины, сели на пароход «Ижора», который поднял якорь в одно время с нами. Сопровождавший императрицу в ее поездке в Германию князь Волконский и все кареты должны были прибыть на место по суше раньше нас.

Кронпринц Прусский Фридрих Вильгельм

Морское путешествие стало очаровательной прогулкой, тем более, что погода была прекрасная, так же как и любезное состояние духа его Величества. Только герцог Нассау страдал от морской болезни, да так сильно, что почти не мог двигаться на протяжении всех пяти дней, которые длилось наше плавание. Время от времени нас встречали фрегаты или бриги, отделившиеся от нашего флота с тем, чтобы в случае необходимости принять приказания императора. В двадцати милях от германского берега нас встретил весь флот в полном составе, дал салют в честь императора и развернул борта,

чтобы сопровождать «Геркулес». Но ветер был слабый, и наш пароход быстро оставил позади весь флот. Из-за своей скорости пароход лишил нас того прекрасного зрелища, которым мы недавно любовались. К заходу солнца мы увидели колокольни Данцига, замедлили ход парохода с тем, чтобы войти в канал, находившейся в пяти или шести верстах от города. Оба берега были полны любопытных, а в том месте, где «Геркулес» должен был остановиться, нас ожидали городские и военные власти.

Рядом с красивым павильоном, установленном для приема Их Величеств, была выстроена почетная гвардия и экипажи, готовые их отвезти. Солнце зашло, и в темноте стали различимы вспышки пушечных выстрелов с крепостных укреплений Данцига. Их звук чудесным образом сливался с колокольным звоном и радостными криками народа, собравшегося на дороге. Но этот павильон был так неудачно поставлен, что существовала опасность зацепить его гребным колесом «Геркулеса», и спуститься на берег можно было только с большим трудом. Тогда император приказал подать свою шляпку и вышел на берег, на некотором расстоянии от павильона выше по течению со своей супругой, принцами и принцессами. После того, как он обнял наследного принца Пруссии, посланного королем приветствовать его, он сел в карету и поехал в заранее приготовленное для него место. Город был заботливо освещен, все его население толпилось на улицах, стояло у окон и приветствовало императора и дочь своего государя выражением самой живой радости. После Петра Великого первый раз монархи России входили в стены этого города, который столь часто осаждали наши войска, и который был взят нашими солдатами в 1806 году в борьбе с грандиозными легионами Наполеона.

На следующее утро за пределами крепости в сопровождении наследного принца император сел на лошадь с тем,

чтобы присутствовать на параде нескольких прусских батальонов и эскадронов, составлявших гарнизон Данцига. В тот же день после обеда император расстался с императрицей и направился в Калиш, а она со своими двумя детьми и своим братом наследным принцем двинулась в Берлин.

Мы ехали без остановок. Незадолго до проезда императора в Торне загорелся большой мост, мы даже видели нескольких солдат, охранявших его. Так и не удалось выяснить личность поджигателей, полиция во всей Пруссии работала плохо, но можно было небезосновательно заподозрить, что это были польские недоброжелатели, которые попытались воспользоваться переполохом во время проезда императора с тем, чтобы осуществить свои преступные и гнусные планы. Достигнув границ Царства Польского, император отослал приготовленные части сопровождения, и мы приехали в Калиш, проехав в одиночестве эту страну, еще дымящуюся от ненависти к России.

Маршал Паскевич встретил Его Величество перед дворцом во главе своих генералов на правом фланге почетного караула. Дворец был заботливо приготовлен для приема Их Величеств, короля Пруссии и сестер императрицы княгини Нидерландов и великой герцогини Мекленбургской. В возведенной перед дворцом большой зале и в приспособленном для этого городском театре был приготовлен обед на 300 человек. В прилегавших ко дворцу помещениях и в частных городских домах были приготовлены комнаты для князей и всех тех, кто был приглашен или обратился с просьбой присутствовать на маневрах в Калише. Польские жители города были очень удивлены, видя, как император в одиночку ходил пешком по улицам Калиша для того, чтобы осмотреть помещения, приготовленные для основных лиц свиты, больницы и все то, что заслуживало его внимания.

Он стремился к тому, чтобы все было устроено наилучшим образом, и чтобы каждый человек чувствовал себя удобно. Он посетил лагеря, устроенные в просторном и красивом помещении за пределами города, они были разделены на две части — для пехоты и для кавалерии. Первый был устроен на гребне огромного и пологого склона, возвышавшегося над окрестностями, за лагерем открывался вид на город, вокруг него далеко простиралась окружающая его местность. Большое место было оставлено для прусских войск, которые должны были стать его частью. Палатки императора, его свиты и прусского короля были расположены слева от этого места так, чтобы находиться между русскими и пруссаками. В центре перед лагерем был заботливо построен деревянный павильон, в котором была огромная обеденная зала, со вкусом украшенная оружием и военными трофеями. Наверху был балкон, откуда открывался вид на лагерь и его окрестности.

Император провел смотр войск и занимался с ними упражнениями вместе и по отдельности с тем, чтобы приготовить их к большому параду, который должен был пройти в присутствии прусского короля и всех иностранных принцев и генералов. Он был доволен выправкой и обученностью войск, и развлекался тем, что обучал казаков конвоя из состава полка горцев Закавказья численностью в 500 человек. Их разноцветная форма была богато украшена на персидский манер, что придавало им вид диких азиатских племен, столь необычных для европейского глаза, они создавали образ Востока и представляли наше могущество там. Составлявшие основу набранного там полка черкесы привлекли наше внимание изяществом и дерзостью, с которыми они владели своим оружием и лошадьми. Разделенные на две части, горцы бились друг с другом с изяществом и замечательной горячностью, которая привлекла внимание императора.

В это время основная их часть с каждой стороны находилась в резерве и разгорячилась до такой степени, что император приказал он остановиться и собраться вокруг своего знамени. Та часть, которая находилась с другой стороны, неверно поняла приказ и бросилась захватывать знамя у другой половины. Нападение было настолько стремительным, что получилась серьезная схватка, опрокинутому на землю знаменосцу со своими товарищами пришлось всерьез защищать доверенную им священную реликвию, с обеих сторон посыпались сабельные удары, полилась кровь. Бросившемуся в гущу сражения императору и нам с величайшим трудом удалось разъединить и успокоить обе стороны. Затем он проехал перед их строем с видом полнейшего удовлетворения, провожаемый приветственными криками²⁰. Затем черкесы и конвойные казаки продемонстрировали свою ловкость в обращении с лошадьми и с оружием. Они начинали атаковать, сидя в седле, затем нагибали голову почти до самой земли, лошади шли на отпущенных поводьях, они собирались вместе, вновь рассыпались с изяществом, на которое были неспособны никакие другие войска в мире.

Окончив все эти инспекции, император покинул Калиш, где его сопровождал принц Нидерландов Фредерик и герцог Нассау, и направился в Лигниц, где его ожидала императрица, король Пруссии, принцы королевской семьи, австрийский эрцгерцог Франц со своим дядей, наследный герцог Мекленбург-Шверина со своей супругой, сестрой императрицы, и другие принцы. Все они собрались с тем, чтобы приветствовать российского государя и присутствовать

²⁰ Помета Николая I: «Это поэтическое преувеличение, дело не было настолько серьезно. К счастью не было ни сабельных ударов, ни крови. Но цена была заплачена дорогая, и только с большим трудом мне удалось их успокоить».

на сборе прусских войск. Находившийся ранее по состоянию здоровья в Германии, великий князь Михаил также приехал туда.

Прусский лагерь был в нескольких верстах от города, весь корпус, состоявший из примерно 20 тыс. человек, прошел парадным маршем на следующий же день после нашего приезда. С тем неправильным комплектованием, которое существовало в прусской армии, войска были хороши. Армия была выдумана и подсказана революционными идеями, распространившимися в Пруссии во время ее порабощения под властью Наполеона, и была призвана освободить ее под победоносными знаменами России. Весь народ должен был служить, но не более трех лет. Армия стала реальной властью, в руках правителя больше не было ничего, что можно было бы противопоставить этой национальной силе. Армия состояла из молодых людей, слабых физически и морально. Старые офицеры, которым довелось воевать, и которые помнили прежний порядок вещей, еще поддерживали дисциплину и обучение военному делу, но по мере того, как они исчезали или слабели с возрастом, их наследники все более разделяли суждения молодых солдат, гражданских лиц, о том, что они призваны скорее только командовать. Толпа любопытных, собравшихся на парадной площади в экипажах, верхом и пешком, обращали мало внимания даже на приказания, исходившие от короля. Они настолько усложнили прохождение войск, что кавалерия даже была вынуждена нарушить слева ряды своих взводов, и парад стал немного напоминать базар.

Помимо съехавшихся ото всюду иностранцев, в Лигнице находился австрийский генерал принц Ваза. Он получил это разрешение благодаря письму, написанному его женой императрице, которое император оставил без ответа.

После этого он обратился к князю Меттерниху, сообщив ему, что он рассматривает это молчание, как согласие, и он выезжает в Лигниц. На что последний ему ответил: «Вы действуете по пословице. Но я Вам не советую играть в слова с императором Николаем». Прусский кабинет, столь же связанный с королем Карлом-Юханом, как и наш, был поражен приездом принца Вазы. Так же как и император. Находившийся в Лигнице и уже получивший приглашение приехать в лагерь под Калишем адъютант шведского короля известил всех, что он будет, к несчастью, вынужден отказаться от этой чести, если князь Ваза получит разрешение туда приехать. Более того, в соответствии с официальным приказом своего государя всем шведским подданным избегать встречи с претендентом на престол Швеции, он будет вынужден покинуть Лигниц. Император поручил мне довести до сведения эрцгерцога Фердинанда, насколько он огорчен, что не может принять вельможу, носящего австрийскую форму и находящегося в сложном положении, но политические обстоятельства и тесный союз с королем Карлом-Юханом вынуждают его поступить именно так. В любом случае не может принять принца Вазу в Калише. В то же время император приказал мне передать адъютанту шведского короля, что он просит его остаться в Лигнице, что он берет на себя ответственность перед его государем. Мне было поручено объяснить королю Швеции суть происходящих событий в письме на имя нашего посла в Стокгольме графа Сухтелена. Шведский полковник был весьма польщен столь любезными и искренними действиями императора, и остался в Лигнице. Принц Ваза был несколько напуган своими поспешными и непродуманными шагами, он вернулся в Вену и начал жаловаться дамам высшего света, одним из героев которого он стал.

Каждый день для всех принцев, принцесс и всех иностранных генералов устраивался большой обед, а вечерами был прием у короля. Городские власти устроили бал, который, впрочем, был плохо освещен и недостаточно хорош. Войска порадовали нас заранее приготовленными учениями, после которых они направились в окрестности Доманцы в Силезии, где стоял лагерем другой прусский корпус. Туда же по отдельности направились король, принцы и все иностранцы. Император и императрица жили в замке Доманцы, принадлежавшем графу Бранденбургскому. Это было старинное жилище, расположенное в красивой долине, окруженное вдали высокими горами, деревьями, замками и заботливо выращенной растительностью, что делало окрестности столь же богатыми, сколь и живописными. Король жил в княжеском замке, находившемся в пяти верстах от Доманцы и в двух верстах от лагеря. Замок был приведен в порядок и заботливо украшен, он был центром красивой и густо населенной равнины. Для прусских принцев, эрцгерцогов, немецких принцев, иностранных генералов и офицеров были определены жилища у окрестных жителей, что придало и так украшенной своим городом местности особую живость. Рядом с обиталищем короля была построена большая и художественно украшенная галерея, служившая обеденным залом для многочисленного общества, которому была оказана честь быть приглашенным к королевскому столу. Помимо иностранцев, прусских генералов и полковников в него входили офицеры армейского корпуса, окрестные дамы и дворяне. В лагере было построено просторное помещение, полностью меблированное и драпированное изнутри, в котором офицерский корпус устроил изысканный бал всем именитым гостям этого военного лагеря. Король также устроил обед в Доманце у императора,

куда было приглашено столько людей, сколько позволило помещение. Вечерами здесь собиралось значительно меньше людей, почти исключительно члены семьи императрицы и некоторые люди из ее свиты и из свиты императора.

Лигниц в Силезии

По утрам мы садились на лошадей и ехали на парады или военные учения, которые были похожи на утренний показ в Лигнитце, конец нашего пребывания был ознаменован двумя маневрами между двумя объединенными корпусами. Корпус, прибывший из Лигнитца, атаковал корпус, расположенный в Доманце. Войска, и особенно генералы, показали свою малую обученность к большим военным передвижениям. Действия были медленными и плохо скоординированными, а под конец началось такое столпотворение, что король не нашел другого способа восстановить порядок, как прекратить маневры. В пехоте много солдат ушли из рядов с тем, чтобы отдохнуть, так как они уже устали после нескольких часов марша с полной выкладкой. Этот маленький

пример мог служить доказательством того, что однажды эта прусская армия, молодые солдаты и старые офицеры которой ослабеют от тягот и лишений реальной войны, предоставит неприятелю хороший шанс.

* * *

После маневров император сошел с лошади и сел в коляску, мы поехали по дороге в Бреслау, где императрица задержалась с тем, чтобы присутствовать на балу, устроенном в ее честь городскими старшинами. Мы же продолжили свой путь в Калиш, куда приехали 28 августа в 2 часа пополудни. Императрица прибыла в тот же день в 8 часов вечера. На следующий день в приготовленные им резиденции прибыли эрцгерцоги Франц и Иоганн, а также прусские принцы.

В день тезоименитства наследника 30 августа состоялся церковный праздник с участием взводов лейб-гвардии Павловского и Атаманского полков, у атамана также были именины. В три часа пополудни все собрались в русской церкви, устроенной в большом зале, расположенном по соседству с дворцом. Император выехал к польской границе, находившейся в 5 верстах от Калиша, с тем, чтобы встретить короля Пруссии, своего царственного тестя. Через два часа они вместе прибыли во дворцовый двор, где был выстроен почетный караул гренадерского полка, носившего имя прусского короля. Справа государей ожидали великий князь Михаил, маршал Паскевич, военная свита императора и все генералы. Король прошел перед линией войск и вошел во дворец, где на лестнице его встретила императрица, его царственная дочь, проводившая его в приготовленные для него апартаменты, те же, которые он занимал в 1813 году, когда отступавшие от нашей границы и преследуемые нашей

победоносной армией французы явили Пруссии и всей Европе надежду на свое освобождение и возвращение прежнего величия. Именно в этих помещениях 22 года назад его принял император Александр и протянул ему свою спасительную руку. Он предал забвению союз Пруссии с Наполеоном против России и подписал с Пруссией союз против своего врага.

Погруженный в столь давние и важные для истории двух монархий воспоминания король был вдвойне поражен уважительным отношением и ласковой заботой, которыми его окружили его любимая дочь и его могущественный зять, а также видом русских солдат, живо напомнившим ему об опасностях и победах 1813 и 1814 годов, тем более, что он не имел повода их вновь увидеть со времени взятия Парижа. Вечером перед заходом солнца на площади перед дворцом в парадной форме собрались все генералы и офицеры, находившиеся в Калише и в военных лагерях. За ними плотными колоннами были выстроены музыканты — барабанщики, трубачи и горнисты общим числом свыше полутора тысяч. В тот момент, когда король появился на балконе, его встретили общим криком «Ура!», и все музыканты исполнили марш, сочиненный королем еще в то время, когда он был наследным принцем. Затем для императора был исполнен национальный гимн и, наконец, все барабанщики пробили вечернюю зорю. В этой сцене было нечто величественное, что почувствовали все ее участники, а именно — волнение почтенного товарища и друга императора Александра.

Ранним утром следующего дня прусские войска, уже несколько дней стоявшие лагерем около нашей границы, отправились в путь и выстроились смешанной колонной пехоты и кавалерии у Калиша за дорогой, напротив левого крыла нашего лагеря. В 11 часов прибыл король Пруссии, он

сел на лошадь на правом фланге своих войск с тем, чтобы торжественно принять императора и императрицу, которые тоже были верхом. Я имел честь сопровождать ее величество в этой кавалькаде, также как и на других маневрах и парадах в Калише. Пруссаки встретили своего короля криками «Ура!», которые они переняли у русских во время кампаний 1813 и 1814 гг. Их выправка была отработана, но было видно, каких усилий им стоило желание показать себя с наилучшей стороны, находясь рядом со своими старыми товарищами по дням войны и дням побед.

Один за другим в Калиш приехали: наследный принц Пруссии, принцы Вильгельм, Карл, Август, Альберт, эрцгерцоги Франц и Иоганн, наследный принц Мекленбург-Шверинга с супругой, принц Фредерик Нидерландский с супругой, супруга короля княгиня Лигниц, правящий герцог Нассау, герцог Кумберландский, наследные принцы Гессен-Дармштадта и Гессен-Касселя, принц Фридрих Вюртембергский, принц Карл Мекленбург-Стрелицкий, принцы Карл и Фридрих Шлезвинг-Голштинские и большое количество сопровождавших их генералов и офицеров. Все они были верхом и увеличили и без того многочисленную военную свиту императора, состоявшую из генерал-адъютантов, адъютантов и генералов нашей армии, приглашенных участвовать во встрече в Калише. В то время как все это блестящее и многочисленное общество следовало за двумя государями вдоль линии прусских войск, наши солдаты в строгом порядке покинули свои палатки и выстроились следующим образом.

Пехота побатальонно выстроилась в колонну перед лагерьем, с другой стороны артиллеристы выстроили орудия спиной к лагерю таким образом, что между ними и пехотой образовалась широкая свободная полоса. Кавалерия была

построена по центру лагеря в одну линию с орудиями. Император со своим Главным штабом расположился на левом фланге пехоты, а я сопровождал императрицу к правому взводу конных гвардейцев из полка, носившего ее имя. Они стояли напротив палаток императора и прусского короля. Ставо главе пруссаков со шпагой в руке, король повзводно повел свои войска к центру лагеря, маневрируя между этими рядами пехоты, кавалерии и артиллерии. По мере того, как он продвигался вперед, знамена и штандарты взвивались к небу, начинала играть музыка, барабаны выбивали походную дробь, батальоны брали оружие на караул, солдаты кричали «Ура!», а артиллерийские орудия сопровождали своей канонадой это триумфальное шествие, которое объединило в одном праздничном построении воинов России и Пруссии, после того, как 22 года назад на берегах покоренной Сены наступление мира разъединило их. Когда пруссаки подошли к приготовленным для них высотам лагеря, они в свою очередь выстроились в две линии, одна напротив другой, российская гвардия прошла между ними перед королем, получив от прусских войск крики «Ура!» и воинские почести, которыми сама только что приветствовала их появление. В этой встрече и в этом приеме было нечто возвышенное, что крепко объединило все сердца. Солдаты обнимались, словно братья, офицеры сердечно пожимали друг другу руки в знак искреннего и прочного союза. Оба государя заключили друг друга в объятия, как бы скрепляя священный союз дружбы и взаимного интереса, который восстанавливал связи между двумя народами, укреплял мир на земле, и который заставил дрожать наших врагов. Император проехал перед своим тестем во главе взвода своей гвардейцев, императрица с правой стороны — во главе взвода конногвардейцев, а король, в свою очередь, продефилировал перед ними во главе своих войск, которые представляли всю его армию.

Организация питания прусских солдат и офицеров была заботливо продумана²¹. Часть прусских офицеров обедала в большом зале, построенном посреди лагеря, сюда же в знак почета были приглашены офицеры российской гвардии. Остальные, не принадлежавшие к этим войскам прусские офицеры, которые имели разрешение присутствовать на парадах и маневрах, были поручены заботам адъютанта императора. Те из них, кто входили в свиту короля или принцев, вместе с другими иностранцами обедали за пышно приготовленным столом гофмаршала двора в специально построенном помещении рядом с дворцом. Вечером всем были бесплатно розданы билеты в немецкий театр, который специально привезли из Берлина с тем, чтобы не лишать короля ежедневного развлечения, к которому он привык в своей столице.

На 1 сентября выпало воскресенье, поэтому для участия в богослужении в лагерь прибыли государи, великая княгиня Ольга, великий князь Михаил, молодой великий князь Константин, князья, княгини и вся их многочисленная свита. В центре лагеря гвардейские части, и другие войска выстроились в виде широкого каре, внутри которого находилась походная церковь, где велась служба. После нее все прошли несколько сот шагов в то место, где прусские войска, выстроенные подобным же образом, присутствовали на службе лютеранского священника и пели немецкие псалмы. Это соединение двух религий и двух богослужений в одном лагере в присутствии двух государей, являвшихся главами различных вероисповеданий, было живым свидетельством терпимости этих двух церквей, тем более бросающимся в глаза, что все это происходило на территории католической страны, столь нетерпимой и столь фанатичной в своей вере.

²¹ Помета Николая I: «Обед и угощение».

Этот контраст и союз двух народов, освященный еще и религией, глубоко порастил всех. Суровое и благочестивое молчание огромного числа людей, собравшихся под открытым небом, позволяло четко различать молитвенный распев и мелодичное пение как русских священников и хора, так и прусских церковнослужителей. Во всем этом было нечто торжественное и священное, даже более возвышенное и величественное, чем церковные службы в самых просторных и богато украшенных храмах. Эта церемония, одушевленная самой прекрасной погодой, и самым ярким солнцем, была окончена барабанным боем и звуками всех собранных здесь музыкальных инструментов, под которые оба войска выстроились каждое перед своими палатками.

*Черкесы из лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона
Собственного Е. И. В. Конвоя*

Тем временем полк мусульман народов предгорий Ара-
рата, части кирасирского полка и казачьего полка кавказской

линии собрались на равнине в окрестностях лагеря. Солдаты обоих государств выстроились огромным кругом в форме амфитеатра, оставив внутри широкое пространство для участников нового действия. Иностранные офицеры, конные и пешие, желавшие увидеть представление, столпились вокруг солдат и образовали для него пеструю окантовку, состоявшую из разноцветных военных мундиров различных стран Европы. На самом высоком месте, рядом с артиллерийской батареей расположились император, прусский король, императрица, принцы и принцессы. Своим звучным голосом император дал команду к началу турнира. Иноверцы кирасиры и казаки, соревнуясь друг с другом, прищипоривали коней, атаковали, уклонялись от ударов с изумительным проворством, благодаря резвости своих скакунов, привыкших к таким действиям, столь же стремительным, сколь и изящным. По команде своих офицеров они стреляли из ружей и пистолетов, наступали, отступали, разворачивались на месте, скакали, стоя на лошадях, разбивались поодиночке, вновь собирались вместе с такой слаженностью, которая устрасила бы любую вражескую регулярную кавалерию. Эти воины были выучены непрекращающимися сражениями, они обращались со своим оружием с неповторимой быстротой и скакали на лошадях столь же изящных и сильных, как и их атлетически сложенные всадники.

Это представление очень заинтересовало всех присутствовавших иностранцев и позабавило дам богатством и разнообразием представленных мундиров. Это был праздник, напомнивший времена Крестовых походов, объединивших Европу и Азию. В тот же день состоялся большой обед на 320 персон. Зала была соединена с дворцом специально украшенной галереей, через которую государи и дамы пришли на подготовленный со столичной пышностью банкет. Адъютанты императора делали все возможное для того,

чтобы оказать требуемые почести иностранным генералам и офицерам, и пока император обедал с прусским королем в семейном кругу, мне было поручено председательствовать на этом обильном пиру.

Следующий день был ознаменован большим парадом всех войск, на обширной равнине в 5 верстах от Калиша войска были построены в колонны в 4 ряда. В двух первых стоят 60 батальонов пехоты, третий состоит из 68 эскадронов кавалерии, четвертый — 136 артиллерийских орудий. Император командует лично и принимает своего августейшего тестя с воинскими почестями и криками «Ура!», которые сопровождают государей по мере того, как они приближаются к войскам и двигаются вдоль линий полков. Наследный принц Пруссии командует гвардейскими частями, великий князь Михаил — всей гвардейской пехотой, принц Вильгельм Прусский — всей гвардейской кавалерией. Императрица с принцессами следует за государями вдоль всех четырех линий, после чего вместе с королем они занимают место принимающего парад. В сопровождении своего Генерального штаба император приветствует короля, первой поротно проходит пехота, разделенная взводами пешей артиллерии. Кавалерия проходит поэскадронно в ускоренном темпе, затем конная артиллерия на той же скорости. Затем прошли маршем полковые колонны четырех батальонов первой линии, причем в таком сложном построении, которое удивило всех иностранцев замечательной четкостью своего исполнения. В тот момент, когда гренадерский полк, носивший имя короля, приблизился к нему, он встал во главе полка и приветствовал императора. Эти действия повторил император при прохождении прусского кирасирского полка, носившего его имя. По окончании парада король выразил свое полное одобрение маршалу Паскевичу и свое удовлетворение всему его сопровождению. Все генералы и офицеры различных

национальностей были удивлены прекрасным состоянием наших войск, особенно их поразили превосходство артиллерии и красота лошадей.

Следующий день был посвящен отдыху, император продемонстрировал королю 100 прекрасных лошадей, привезенных из внутренних районов России, которых он подарил прусскому гренадерскому полку, носившему его имя. Прошедший парад открыл череду военных учений и маневров. Первой выступила объединенная гвардия под командованием наследного принца Пруссии. Сев на лошадь, я сопровождал карету, в которой императрица и ее сестры следили за войсковыми учениями. Вдруг среди артиллерийского огня наше внимание привлек особо громкий взрыв. Императрица спросила у меня, что это было, и я ответил, что он был следствием разрыва зарядного ящика. Она была тем более испугана, что в предыдущий момент мы заметили в той же стороне императора со всей свитой.

Я послал узнать что случилось, и вскоре нам сообщили, что, кроме двух пушкарей, никто не пострадал. Один из них сидел на лошади зарядного ящика, а второй в тот момент открыл его, чтобы достать оттуда боеприпасы, оба несчастных были убиты на месте. Вероятно, причиной взрыва стала искра, принесенная сильным порывом ветра с казенной части стрелявшего орудия. Последствия взрыва могли быть куда более тяжелыми, так как в ящике находились боевые заряды²². С этого дня было приказано, чтобы на учениях в зарядные ящики не укладывали боевые снаряды. После этого злосчастного случая императрица и принцессы больше не просили меня приближаться к стреляющим батареям, что до последнего времени было одним из их развлечений во время маневров.

²² Помета Николая I: «К счастью, взорвавшийся ящик принадлежал полевому орудью, а не единорогу, поэтому в нем не было гранат».

На следующий день все войска были собраны в 6 верстах от Калиша, и император принял командование ими. Императрица прибыла верхом и пожелала объехать головные части всех воинских колонн, она скакала с такой смелостью, что заставляла меня обливаться кровавым потом. Наконец, я ей заметил, что ее лошадь устала, она спешила и пересела в коляску. Без заранее составленной диспозиции, не предупредив генералов о том, что он собирается делать, император повел эту массу войск в 68 тыс. человек так четко, слаженно и легко, что глубоко удивил всех присутствовавших на этих маневрах военных. Только что сформированный авангард двинулся вперед с тем, чтобы начать сражение. Он отступал, вновь выстраивался, менял направление движения, его заменили линейные войска, которые выстраивались, опираясь друг на друга, пока легкая кавалерия атаковала и успешно отвлекала внимание неприятеля то на одном, то на другом фланге. В это время более 100 пушек своим густым поддерживающим огнем создали благоприятную обстановку для масс кавалерии с тем, чтобы опрокинуть неприятеля и ворваться в Калиш. Завершить сражение было предоставлено пехоте, которая под барабанный бой и звуки музыки штыковой атакой через различные входы ворвалась в предместья города. Здесь император приказал войскам взять оружие на караул, склонить знамена и приветствовать своего тестя криками «Ура!» тем более громкими, что они были подхвачены всеми другими батальонами. Русские и пруссаки стались превзойти друг друга в быстроте и правильности выполнения команд, которые император отдавал своим сильным и громким голосом, или которые он отправлял генералам через своих адъютантов.

В тот же день состоялся праздник Кавалергардского полка, находившийся в Калише взвод этого полка был приглашен на обед во дворцовый сад, вместе с ним пригласили

взвод прусских гвардейцев, все было сделано таким образом, чтобы рядом с русским обязательно находился пруссак. В качестве главы кавалергардов императрица находилась рядом с этим столом с тем, чтобы оказать им почет. Было любопытно наблюдать, с какой любезностью наши простые солдаты обращались с пруссаками, как они старались, чтобы те их слышали и поняли. Император поднял тост за здоровье короля и его гвардейского корпуса, король ответил тостом за здоровье императора, императрицы и кавалергардов.

*Императрица Александровна Федоровна
на маневрах в Калише в 1835 году*

На следующий день в лагере был устроен великолепный праздник в честь государей. В 7 часов вечера все общество прибыло в экипажах и собралось в павильоне, выстроенном в середине лагеря, на специальной платформе была поставлена палатка для короля с тем, чтобы он не страдал от ветра. Более 2 тысяч музыкантов встретили его звуками марша, сочиненного им еще когда он был наследным принцем. Затем

600 хористов пропели в честь короля стихи, сочиненные одним солдатом, для которых мой адъютант Львов сочинил музыку. Пение сопровождалось залпами 18 артиллерийских орудий, произведенных с поразительным тактом и точностью. Это было сигналом к началу салюта, украшенные разноцветными огнями различные декорации сменяли друг друга, и как только зажглась платформа, украшенная королевским вензелем, все музыканты и хористы исполнили национальный гимн «Боже, царя храни!», который сопровождался ружейными залпами всех пехотных батальонов, выстроенных перед своим палатками, и орудийным огнем. В этот момент в тылу лагеря была дана команда к началу обстрела города с высокими минаретами, который был подожжен гранатами, последовательно взлетающими в воздух из заранее приготовленных зарядов. Один из них состоял

*Трубоч и унтер-офицер Кавалергардского полка
в 1837 году*

из 40 тысяч ракет. Казалось, началось извержение вулкана, везде блесело и грохотало, земля содрогнулась, воздух был полон огня. Это было настоящее военное торжество, вполне достойное воинов, организовавших его для самых могущественных государей на земле.

После этого весь лагерь осветился иллюминацией, и все вернулись в город, освещенный сосудами с подожженной смолой.

На следующий день с большим успехом состоялись большие маневры всех войск. В последующие дни под личным командованием императора батальоны, составленные из взводов наших гвардейских полков, провели учения перед палаткой короля, а пруссаки, в свою очередь, показали свою выучку перед императором. Вечером накануне своего отъезда, король пожелал попрощаться с русским генералами и офицерами и выразить им удовлетворение от своего пребывания, которое они сделали для него столь приятным. Наши военные были выстроены перед окнами короля, который вышел на балкон и несколько раз с большим чувством поприветствовал всех собравшихся здесь с тем, чтобы пожелать ему счастливого пути. Небольшие размеры помещения позволили войти в него только генералам, и король со слезами на глазах попрощался с ними и с большим чувством засвидетельствовал им свое удовлетворение и удовольствие, которые он получил, находясь среди столь прекрасных войск, с которыми более двадцати лет назад он разделил тяготы войны и славу победы.

Все были очень тронуты тем, что король проявил душевность и выразил свое огорчение во время этой аудиенции, которая завершила его пребывание в лагере Калиша, откуда он на следующий день 10 сентября уехал в Бреслау. Император проводил его до границы и вернулся в лагерь. Прусские войска и прибывшие из Петербурга наши части были собраны

каждые вокруг своих палаток, и были отслужены молебны всевышнему ниспослать всем счастливое возвращение домой. После этого русские отдали воинские почести пруссакам, получили взаимные приветствия в виде последних криков «Ура!», после чего обе части войск прошли парадом перед императором и императрицей и направились домой. Прежде чем расстаться с войсками, император выразил им сою признательность, особенно он поблагодарил офицеров, которых собрал вокруг себя. После того, как он кончил говорить, все со слезами на глазах бросились целовать его руки и колени так, что его лошадь с трудом устояла на ногах.

Пехота возвратилась в Данциг с тем, чтобы там сеть на корабли, конница возвращалась по суши тем же путем, что и пришла сюда. Прусские и австрийские принцы вместе с другими иностранными генералами попрощались с Их Величествами, которые верхом вернулись во дворец Калиша. Императрица там сошла с лошади, а император в сопровождении маршала князя Паскевича направился к месту его расположения, где была собрана рота полка Орловских егерей. Император приказал ей принять имя маршала и приветствовать своего нового шефа князя Варшавского, который в 1810 году, будучи полковником, сформировал этот полк. Эта любезность тем более тронула сердце маршала, что он, так же как и все мы, не знал о ней. На следующий день императрица покинула Калиш и уехала в Теплиц, а император последовал за ней на день позже и ужинал в Бреслау с королевской семьей.

* * *

На австрийской границе Его Величество встретил князь Лихтенштейнский, а в Нейшольце ему представился великий

бургграф Богемии граф Хотек. Смена лошадей на почтовых станциях была так плохо организована, что для императорской коляски с трудом нашли хороших коней. Для остальных были спешно собраны крестьянские лошади, снабженные плохой упряжью и еще хуже управляемые. В этих горных местах они представляли для экипажей постоянную угрозу быть опрокинутыми. Коляска с личной прислугой императора была отправлена вперед, и мы были очень рады вновь ее увидеть в небольшом городке до наступления ночи. Император принял решение заночевать здесь в очень скверной гостинице, а мы с князем Лихтенштейнским и графом Хотekom устроились на ночь в плохеньком трактире, где с трудом достали кое-что поесть, в чем мы очень нуждались. Из-за плохих лошадей вся свита императора отстала и догнала нас только на следующий день.

В двух почтовых станциях от Теплица нас ждали экипажи австрийского двора, и Хотек упросил меня убедить императора ненадолго задержаться с тем, чтобы он мог предупредить своего господина, который хотел выехать нам навстречу. Это стало лишним поводом для того, чтобы не отказать в данной просьбе, император тщательно занялся своим туалетом, надел форму полковника венгерских гусар и сел в свою коляску вместе с князем Лихтенштейнским. Меня он оставил в коляске графа Хотека, запряженной крестьянскими лошадьми, нам было приказано отправиться вперед, но очень скоро императорская коляска нас обогнала, и мы потеряли ее из виду. Хотек был вне себя, постоянно выкрикивал ругательства, я от души смеялся над его преувеличенным отчаянием. Чтобы его утешить я его уверил, что его августейший государь легко простит ему это запоздание, единственной причиной которого был император Николай.

— Даже если император и простит меня, — вскричал он, — то князь Меттерних будет непременно ругать!

Наконец, мы приехали более чем на полчаса позже того, как оба государя встретились на улицах Теплица и направились во дворец князя де Клари, где они все расположились — император Австрии с супругой на первом этаже, а император Николай с императрицей наверху, как если бы они были гостями этих мест и должны были бы разместить тех, кто имел бестактность занять наилучшие помещения. Вскоре один за другим в Теплиц приехали принцы и принцессы, которые до этого были в Лигнице, Доманце и Калише. Последним приехал король Пруссии. За обедом у императора Австрии мы собрались все вместе, и я не смог удержаться и сказал великой герцогине Мекленбургской о том, что мы немного похожи на труппу странствующих актеров, которые в каждом городе вновь надевают свои костюмы и играют свои роли. Новые высокие гости увеличили наше общество, кроме государей Австрии в Теплиц приехали эрцгерцог Карл, князь Меттерних, наш посол при венском дворе Татищев, граф Коловрат, многочисленные немецкие принцы, генералы и офицеры их свит. Этот небольшой городок был переполнен.

Жители Вены смотрели на эту встречу двух императоров с некоторой долей неудовольствия и опасения. Они опасались сравнения. Действительно, контраст был ошеломляющим: рядом с одним из самых красивых мужчин, рядом с монархом, прекрасным телом и душой, находилось тщедушное существо, хилое телом и разумом, тень государя, даже манера держать себя и речь которого очень напоминали самого обычного человека. Потребовалась вся любезность и вежливая деликатность Николая для того, чтобы скрыть свое удивление и спрятать его от ревнивых глаз австрийцев. Его всегда предупредительное, дружеское и даже уважительное поведение с Фердинандом быстро завоевали ему восхищение и похвалы австрийских придворных и, особенно, супруги императора. Она с благодарностью оценила столь

деликатное поведение нашего императора. Можно смело сказать, что его австрийский коллега был очень плохо принят в обществе. Он с трудом запоминал имена тех, кто был ему представлен, отвечал односложно и, часто невпопад, на все то, что старались ему сказать, чтобы сделать вид, что не заметили его полную неспособность. Но австрийский народ и министры правительства разыграли перед всем миром благородный и великий спектакль: все поклонялись трону, который почти не был занят, все объединились вокруг государя, который был всего лишь его подобием. Все чиновники исполняли свои обязанности в полном порядке и с усердием, которые были им привиты императором Францем, высокая память о котором создавала как бы благотворную тень, с которой согласовывали все решения члены правительства. Обладавший полным его доверием князь Меттерних еще поддерживал лучи славы монархии. Ему помогал руководивший финансами Коловрат и военный министр граф Клам, который был генерал-адъютантом нового государя. Этот триумvirат составлял славу империи, все об этом знали, но тщательно скрывали и делали вид, что подчинялись только императору. Такое положение дел, такой общий настрой увеличивали уважение и доверие к трону. Он объединил многочисленных членов правящей семьи, чиновников, знать, военных, горожан и крестьян. Можно было сказать, что этих людей было слышно, было видно их воодушевление, они желали, чтобы ими управлял человек, достойный их прекрасной страны.

Но сколь бы благородным не было это положение, насквозь пронизанное монархическими чувствами, оно не могло дать необходимой уверенности и готовило несчастья в будущем. Меттерних, эрцгерцоги Иоганн и Карл, молодая императрица искали в благородстве и в твердости императора Николая гарантию защиты, они искренне и целиком

доверились ему. Николай свято помнил свое обещание, данное им почтенному императору Францу в Мюнхенгрее, о том, что он станет опекуном для его сына и щитом для его империи. Своей усердной деятельностью он завоевал расположение и доверие австрийских министров, он искренне помогал им советами. Ни один из них больше не имел секретов от него, и они все поздравляли себя с такой сильной и счастливой протекцией.

Обычно обедали у императора Австрии, который имел вид скорее предмета мебели, чем хозяина приема. Вечерами несколько раз ходили в театр, и каждый день заканчивали в водном салоне, где собиралось все общество: государи, принцы, императрицы и принцессы, все танцевали или слушали музыку. Однажды вечером, когда император Николай разговаривал у окна, я уже не помню с кем, в залу, куда он обычно не входил, зашел император Фердинанд. Я предупредил императора Николая о его появлении, он сразу пошел ему навстречу и приветствовал глубоким поклоном. Ответом ему был легкий кивок головы, затем этот бедный Фердинанд, не имевший привычки бывать в обществе и испытывавший трудности в манере поведения, повернулся к нему спиной. Со своей стороны наша императрица постаралась оказать ему внимание, но также не смогла добиться никакой взаимности.

В Теплице было собрано несколько батальонов, немного артиллерии, уланский и гусарский полки, носившие имя императора Николая. В прекрасной долине, расположенной в окрестностях города, эти войска прошли парадным маршем, после чего в специально поставленной палатке была отслужена католическая месса. Фердинанда посадили в седло с такими предосторожностями, словно речь шла о боязливой женщине. Он двинулся вперед шагом, больше не обращая внимания на государя России. После чего войска

продефилировали перед ним, а обе императрицы в это время сидели в красивой коляске. Встав во главе полка, носившего его имя, Николай, как простой полковник, поприветствовал австрийского государя, одновременно приблизившись к коляске австрийской императрицы с тем, чтобы отдать ей рапорт о состоянии полка. Через несколько дней в двух лье от Теплица для Николая были устроены военные маневры, на которых Фердинанд не присутствовал. По их итогам у нас создалось впечатление об очень скромных способностях генералов и о слабой полевой выучке войск. Следившему вместе с нами за учениями эрцгерцогу Карлу, который был хорошим судьей, стало стыдно за этот скверный пример, который был продемонстрирован императору России.

*Император Николай I, австрийский император Фердинанд I
и прусский король Фридрих Вильгельм III во время церемонии закладки
памятника в честь сражения под Кульмом
17 августа 1835*

В другой день гусарский полк ожидал своего августейшего шефа на равнине со стороны Кульма, где за 21 год до этого гвардейцы его брата императора Александра остановили победоносное продвижение Наполеона и заложили первый камень в будущие победы союзных армий Австрии, Пруссии и России. В своей красивой венгерской форме император сел на хорошую лошадь и в сопровождении трех гусарских генералов в блестящих мундирах, которые служили ему адъютантами, принял на себя командование этим полком, с радостью подчинявшегося его голосу. Он командовал по-немецки, четко, со знанием дела, что очень удивило всех присутствовавших, и что заставило гусар действовать стремительно и организованно, к чему они не были приучены. То же относилось к австрийским генералам и офицерам, бывшим на этом любопытном и поучительном для них действии. Императрица Александра прибыла со своими сестрами в открытом экипаже уже после того, как полк был построен в линии в ожидании прибытия австрийского императора. За это время Николай провел свою августейшую супругу перед фронтом, он представил ее солдатам своего полка, переговариваясь и шутя с рядовыми гусарами, что их очень обрадовало. Императрица Австрии и король Пруссии прибыли один за другой и после получасового ожидания было объявлено о прибытии Фердинанда, который, наконец, появился в коляске. Его окружение с трудом убедило его выйти из нее и пересест на лошадь с тем, чтобы проехать перед полком и принять приветствия его командира императора. Наконец, он сделал это, даже не подумав взять на караул перед тем, кто так любезно исполнил роль австрийского полковника. Но когда гусары стали перестраиваться повзводно с тем, чтобы пройти перед ним, он исчез и никакие просьбы его свиты не смогли вернуть его назад. Таким образом,

Николай прошел парадным маршем перед австрийской императрицей, рядом с которой находились король Пруссии и наша императрица. Этот отъезд Фердинанда, его непростительное колебание перед тем, как сесть в седло, и его уход в тот момент, когда его присутствие было наиболее необходимо, повергли в отчаяние всех этих блестящих австрийцев, которые страдали от его неспособности тем больше, что они были в восхищении от фигуры, манеры поведения и любезной вежливости императора Николая.

Покойный император Франц после побед 1813 года приказал соорудить памятник в честь победы, одержанной под Кульмом. Однако исполнение его воли откладывалось, и князь Меттерних подготовил прошение, которое должно было исполнить этот приказ, так как это был самый подходящий для этого момент. Полноразмерная модель памятника была поставлена именно там, где памятник должен был быть установлен, и где для него уже был готов фундамент. Все собранные в окрестностях войска были выстроены вокруг этого места. Там же собрались католические и лютеранские священнослужители и один греческий священник²³. Из Петербурга прибыли дворцовые гренадеры, которые сражались и были ранены в битве при Кульме. Здесь же собралось любопытством все население Теплица.

В назначенный час в парадных мундирах и костюмах сюда же прибыли три государя, императрицы, принцы и принцессы, для приема которых был выстроен специальный павильон. Прекрасная погода способствовала этому памяtnому торжеству в самом живописном и светлом месте, которое только можно было себе представить. Король Пруссии был

²³ Помета Николая I: «Это неправда».

единственным живым свидетелем прекрасного союза трех монархий, который спас Европу от невыносимого деспотизма Наполеона. Именно на это место 21 год назад он лично явился для того, чтобы посмотреть и приободрить наших храбрых солдат, которые в заметном меньшинстве боролись с врагом, воодушевленном достигнутыми успехами. Наша гвардия под командованием графа Остермана и генерала Ермолова покрыла себя славой ценой огромных людских потерь, но этим она выиграла время для других русских и австрийских войск, которые прибыли сюда и полностью уничтожили корпус генерала Вандама, попавшего в плен. Эти воспоминания живо взволновали короля, который видел себя представителем императоров Александра и Франца, и произвел большое впечатление на всех присутствовавших. По павшим в этот памятный день военнослужащим была отслужена заупокойная месса, их память почтили артиллерийскими залпами, произведенными с долгими паузами²⁴. Наши пожилые дворцовые гренадеры, передав оружие в руки своих товарищей, плакали горячими слезами, все были очень взволнованы. После молитвы был заложен первый камень в памятник, который должен был передать будущим поколениям славу сражения под Кульмом, союз трех государей 1813 года и союз тех, кто в настоящий момент восстанавливал его между этими же тремя державами. Троекратный залп из мушкетов и артиллерийских орудий заполнил равнину и многократно повторился в окрестных горах и лесах.

²⁴ Помета Николая I: «Это неверно. Была служба по католическому обряду после закладки первого камня будущего памятника».

В тот же день император пожелал отметить услуги, оказанные России и своему августейшему брату Александру. Он послал ленту Ордена Святого Андрея Первозванного графу Остерману и генералу Ермолову. И тот и другой уже давно были не у дел, и даже подумать не могли, что в уголке Богемии их государь вспомнил о них.

Во время нашего пребывания там князь Меттерних искал случая еще больше сблизиться со мной и всячески демонстрировал мне свое доверие. Он попросил у меня одного из моих служащих, с которым недавно познакомился. По его мнению, этот человек был вполне достоин возложенной мною на него миссии, как благодаря своему бойкому перу, так и манерой вести беседу. Примерно год назад я послал его в Германию с тем, чтобы брать на заметку журналистов, печатающих грубый вымысел о России и о ее государе, и вообще для того, чтобы при помощи хороших статей в различных печатных органах бороться против революционного духа, исходившего из журналистики. Эта последняя задача тронула сердце князя Меттерниха, он уверил меня, что у него нет никого, кому бы он смог ее доверить, и в этой связи он попросил меня послать моего человека в Вену, чтобы тот под руководством князя работал на пользу России и Австрии и вообще стремился распространять правильные мысли и подходы.

Я согласился тем охотнее, что опасался, как бы не подумали, что наше правительство, которое таким образом вмешалось в эти дела, было слишком высокомерно для того, чтобы налаживать связи с журналистами. Таким образом, мой служащий, который находился в Германии как простой путешественник, в этом же качестве обосновался в Вене. Одним из направлений, которым князь Меттерних занимался с особым рвением, была высшая полиция или секретная служба. С чувством гордости он рассказывал мне о ней, посвящая

в малейшие детали ее организации и функционирования. Так как я нашел в его рассказах много полезного, а некоторые детали даже хотел позаимствовать, в той степени, в какой это позволяли различные обстоятельства, князь мне предложил направить к нему в Вену одного из моих жандармских офицеров, которому он обещал все показать и даже ввести в службу как одного из самых близких к нему представителей. Его целью было бы координировать наши польские расследования с теми, которые по тому же поводу вели австрияки. С удовольствием приняв это предложение, сразу же по возвращении в Петербург я направил в Вену подполковника Озерецковского. Там ему был оказан тот прием, который был обещан мне князем.

После восьмидневного пребывания императрица со своим августейшим супругом покинули Теплиц, я сопровождал их в императорской коляске. На ночь мы остановились в Терезиенштадте, богемской крепости, построенной в качестве центра обороны этого края. Городские здания, почти все принадлежавшие различным гарнизонным службам, были празднично иллюминированы. Командир инженерной части эрцгерцог Иоганн встретил императора и представил ему планы всей крепости и внешних укреплений. Ранним утром следующего дня гарнизон был побатальонно выстроен за пределами крепостных стен на очаровательной равнине, там он выполнил несколько упражнений по стрельбе. В то же время были открыты шлюзы с тем, чтобы наполнить водой крепостные рвы. Вслед за эрцгерцогом и в сопровождении генералов и офицеров император объехал укрепления, изучив их во всех подробностях. Он остался очень доволен замыслом и устройством сооружений, которые были воплощены как в строительстве укреплений, так и в многочисленных арсеналах, госпиталях, казармах, помещениях для штаба, коменданта и других служащих.

После легкого завтрака мы вновь отправились в путь и прибыли в Прагу в разгар прекрасного дня. Этот старинный и красивый город открылся перед нашими взорами с высоты холма и показался нам очень похожим на Москву. В центре его, у подножия холма, на котором возвышался старинный и просторный замок, изогнутой чертой протекала река, также как Москва-река течет у подножия Кремля. Большое количество церквей, башен, старинные стены и сады придавали этому городу такое сходство с Москвой, которое поразило нас всех.

Меттерних

В карету императрицы, в которой также находился император, были запряжены лошади из дворцовой конюшни, я следовал непосредственно за ними, но мои лошади на секунду замешкались, и, поднимаясь на холм, я остался

позади в тот момент, когда они въехали под своды замка. У подножия большой лестницы стояла огромная толпа народа, наверху я увидел императора Австрии со своей супругой, эрцгерцогов и весь двор, чуть ниже расположился князь Меттерних и наш посол. Глубоко встревоженный я выскочил из коляски и спросил, где император Николай. Меттерних задал мне тот же вопрос, оказалось, что их карета въехала через другие ворота. Весь австрийский двор поднялся по лестнице и принялся искать высоких гостей, которых они ждали. Ничуть не менее встревоженный, я смешался с толпой с тем, чтобы найти предназначенное мне помещение, расположенное неподалеку от императорской резиденции. Нашел я его в доме священника, расположенном между очень высокой стеной, полностью скрывавшей улицу, и развалинами старинного собора замка. Все это напомнило о том недостатке порядка, который царил при дворе в связи со слабостью государя.

Помимо всего прочего, здесь забыли приготовить помещение для приема императора России, которого ожидали на праздник в самый просторный замок Европы. Только за несколько часов до его приезда князь Меттерних, пожелав лично убедиться, что все готово, был в ужасе от столь не соответствующего положению дел упущению, в гневе явился к императрице и попросил ее срочно отдать требуемые распоряжения. Она со своим супругом поспешила занять другое помещение, а прежнее было передано в распоряжение высоких гостей, которым, если бы они приехали на пару часов раньше, негде было бы разместиться. Прибывшие вскоре один за другим принцы и принцессы, которые везде сопровождали нас еще от Лигница, все, так или иначе, испытали трудности и неприятности с размещением. Прусский король не приехал в Прагу, он находился в Силезии, где ожидал приезда наших государей.

Вечером весь город сверкал праздничной иллюминацией, утром несколько батальонов пражского гарнизона устроили учения и военный парад. Артиллерия показала свои искусство в стрельбе, император Фердинанд проехал перед торжественным строем пехоты, ничуть не показав вида, что сделал это в честь императора Николая, который по собственной инициативе со всей приветливостью, которую только можно себе представить, уступил ему ведущую роль. Это продолжалось вплоть до начала парада, во время которого австрийский император не смог скрыть свою слабую натуру. В связи со всеми этими обстоятельствами сюда съехалось множество людей, которые желали увидеть российского императора. Он в форме венгерского гусара вызывал всеобщее восхищение. Было устроено большое театральное представление, оба императора в сопровождении императриц зашли в одну ложу, но император Николай расположился в глубине таким образом, чтобы аплодисменты публики, которые были предназначены ему, получил император Фердинанд, ответивший на это довольно неловким движением головы. При дворе был дан большой бал, величественные залы дворца были украшены старинными картинами, которые только и остались от обширной и драгоценной обстановки замка до императора Иосифа II, который по непонятным причинам продал ее по бросовым ценам. Бал был очень многочисленным, здесь собрались все светские дамы Праги и пригородов, которые демонстрировали алмазы и другие богатства Богемии. Наша молодая великая княгиня Ольга, которой было всего 13 лет, тоже появилась там, сияя красотой и изяществом. Именно здесь в первый раз она появилась в свете. Это очень оживляло ее и придавало ее очаровательной фигуре еще больше элегантности. Ее сопровождала дочь эрцгерцога Карла, которая вскоре стала супругой Неаполитанского короля. В ее

лице и манерах было что-то соблазнительное и оживленное, и это прекрасно гармонировало с нашей очаровательной великой княгиней.

Наше пребывание в Праге продолжалось не более 4 дней, здесь мы расстались с принцами и принцессами и приготовились выехать в Силезию. Утром, когда экипажи были уже поданы, император подошел к Фердинанду и сказал ему: «У меня есть просьба к Вам. Позвольте мне съездить в Вену с тем, чтобы засвидетельствовать мое уважение вдовствующей императрице, вдове друга моего брата Александра и моего друга». Это неожиданное обращение очень тронуло императора Фердинанда, в ответ он выразил свою радость и благодарность²⁵. Государь попросил князя Меттерниха написать письмо к его жене, затем мы немедленно сели в коляску и направились по дороге в Вену.

Императрица в это время направилась в Фишбах, в замок принца Вильгельма, брата короля, ее августейшего отца. Никто не был посвящен в тайну поездки в Вену, только я знал об этом и накануне вечером направил фельдъегеря заказать от моего имени почтовых лошадей. На следующее утро в курс дела был поставлен наш посол, он передал мне ключ от своего кабинета в Вене с тем, чтобы устроить там Государя, который пожелал остановиться в посольском доме. Генерал князь Лихтенштейн, который был уже готов сесть в коляску, чтобы ехать с нами в Силезию, к своему большому удивлению узнал эту новость только в момент отъезда. Все были в восторге от этой любезной внимательности Государя.

²⁵ Помета Николая I «Это неправда. Мы возвращались в коляске с артиллерийских стрельб, когда я спросил его, что от его имени передать в Вену, он ответил мне, как о чем-то само собой разумеющимся, что просит засвидетельствовать свое почтение императрице-матери, и только после того, как царствующая императрица выразила свое удивление, он понял, что произошло нечто, не совсем обыкновенное».

Благодаря большим чаевым, которые я давал почтальонам, и усердию князя Лихтенштейна, всеми силами пытавшегося стряхнуть обычное хладнокровие с владельцев почтовых станций, которые никогда не видели столь спешащих путешественников, мы двигались с нашей обычной быстротой. Государь ехал инкогнито, под видом моего адъютанта, и это нас очень развлекало в дороге. Я принимал серьезный вид и был несколько раз недоволен взрывами хохота и шумом, производимыми молодыми офицерами из моей свиты. Мы ужинали на почтовой станции у ее владельца, пригласили его с нами за стол и очень забавлялись его нелюбезным видом.

Нам потребовались лишь сутки для того, чтобы добраться до Вены. Для этой страны, где почтальоны, лошади и путешественники никогда не торопятся, скорость была небывалой.

* * *

На подъезде к Вене император взял в свою коляску князя Лихтенштейна, а я занял место в его экипаже вместе с его молодым адъютантом. Наша коляска двигалась впереди, и мы добрались до посольского дома, совершенно не привлекая внимания прохожих. Исключение составили несколько человек, которые знали меня в лицо и казались удивленными, увидев меня. Дверь посольства была закрыта, и я первым выскочил из коляски. Появился швейцар и, увидев русского генерала, за которым следовал еще один экипаж, принялся с таким усердием звонить в свой колокольчик, что служащие и сотрудники посольства сбежались из всех помещений, как по звуку набата. Один из слуг посла Татищева узнал меня и повел нас по парадной лестнице, так и не признав того, кто следовал за мной. Я спросил у него, где кабинет посла,

и когда я показал ему ключ, то он и его товарищи посмотрели на меня с удивлением. Потом император спросил у другого, русского по происхождению лакея, не приходилось ли ему видеть на улицах Петербурга его фигуру, этот вопрос произвел действие электрического удара. Я еле успел приказать закрыть ворота и никого не впускать, как вся улица перед посольством заполнилась народом. Императору был приготовлен экипаж и после часового приведения себя в порядок он поехал в Шенбрунн, где жила императрица-мать. Новость о прибытии русского монарха распространилась с быстротой молнии. Едва я успел спешно одеться, как получил записку от княгини Меттерних, в которой она умоляла меня приехать к ней, а мои комнаты наполнились сотрудниками посольства, посыльными коменданта и всех властей столицы, которые хотели убедиться в правдивости столь неожиданного и любезного визита. На улицах царило оживление, люди встречались, поздравляли друг друга, Вена была полна слухов. Австрийский посол в Англии князь Эстергази два дня назад видел императора в Праге и был уверен в его отъезде в Силезию, он прибыл в Вену через три часа после нас и был поражен оживлением, царившем на улицах и в собственном его доме. Он не мог поверить данным ему по этому поводу объяснениям и без промедления приехал ко мне с тем, чтобы самому убедиться в их правдивости. Мы оба посмеялись над его удивлением. Княгиня Меттерних бросилась мне на шею и была сама не своя от радости, когда я сообщил ей о том, что во второй половине дня после визита к императрице-матери Император прямиком приедет к ней с тем, чтобы вручить письмо от мужа. То любезное внимание, которое император оказал вдове и памяти Франца I, драгоценная память о котором была жива среди венцев, расположила к нему все слои населения, от членов императорской

фамилии до представителей низших классов. Светские дамы толпились на лестнице и в вестибюле посольства с тем, чтобы мельком увидеть проходящего Николая. На улицах люди бежали за его коляской, и с энтузиазмом приветствовали сотрудников посольства. Ранним утром следующего дня император вышел во фраке с князем Лихтенштейна²⁶, чтобы осмотреть город. Он зашел в несколько лавок и накупил подарков своей супруге, вернувшись, он нанял фиакр, в котором вместе с князем Лихтенштейном, поехал в монастырь, где был похоронен император Франц. Один из монахов открыл склеп и стал свидетелем того уважения и волнения, с которыми Николай приблизился к гробнице с останками этого великого государя. Это посещение захоронения еще увеличило восторги жителей Вены, нанятый им фиакр стал предметом всеобщего любопытства, с этих пор его стали изображать на гравюрах, заполнивших все лавки.

Испытав счастье принимать у себя Государя, княгиня Меттерних умоляла меня устроить повторный визит вечером. Император пожелал, чтобы я сопровождал его, может быть, из опасения потерять голову в обществе привлекательной женщины, которая самым очаровательным образом предавалась своей радости. Со своей стороны, также не доверяя себе при беседе с красивейшим мужчиной Европы, она пригласила двух своих родственниц²⁷. Таким образом, нас было четверо. Я тогда уже лег спать, чтобы немного отдохнуть, но пришлось вставать, приводить себя в порядок и отправиться на эту встречу, которая прошла очень любезно с обеих сторон, но несколько напряженно.

²⁶ Помета на полях Николая I: «Нет, один».

²⁷ В рукописи зачеркнуто «одна была замужем за богемским дворянином».

Вдовствующая австрийская императрица Каролина Августа

Сразу по приезде был отправлен курьер к Венгерскому палатину, который на следующий день приехал представиться своему августейшему шурина, которого он только раз видел в двухлетнем возрасте в Петербурге во время свадьбы с великой княгиней Александрой²⁸.

Многие высокопоставленные чиновники стремились быть представленными императору России, войска также хотели показаться ему, но у меня был приказ ответить на все эти предложения, что император приехал в Вену только для того, чтобы приветствовать императрицу-мать, что он не может принять никого и уедет на следующий день. Между теми, он устроил прием для сотрудников посольства

²⁸ Помета Николая I: «И мельком в Гейдельберге в штаб-квартире императора Александра в 1815 г».

и других русских, живших в Вене. Государь был с визитом у княгини Лихтенштейн-матери и у графини Чернышевой, супруги нашего военного министра, от которой он направил курьера сообщить ее мужу и всей России о своем пребывании в столице Австрии.

После обеда мы отправились в путь, обратно в Прагу. Хозяева почтовых станций и почтальоны, на этот раз знавшие, кого они обслуживают, принимали нас тем радушнее, что осознали, в какое заблуждение с нашей помощью они впали. Повсюду мы встречали радостные и приветливые лица.

На следующий день после обеда мы прибыли в Прагу, и остановились во дворе, где молодой государь и его супруга не могли найти подходящих слов для того, чтобы выразить императору свою признательность за только что предпринятую им поездку. Она в очень высокой степени польстила чувствам и самолюбию австрийцев. Император привез князю Меттерниху письмо от его жены, а я отправился к себе с тем, чтобы подготовить все для отъезда вечером этого же дня и что-нибудь перекусить.

Наш посол Татищев явился ко мне с тем, чтобы выслушать рассказ о нашем пребывании в Вене и сообщить мне о той радости, которую оно вызвало при австрийском дворе. Через несколько минут пришел князь Меттерних, очень тронутый приемом, оказанным ему императором, и, особенно, тем, что за последние сутки тот трижды соблаговолил навестить его супругу. Он прочел мне исполненное восторга письмо своей жены, а также письмо от эрцгерцога Людвига, написанное в том же духе. Князь оставил мне на память отчет генерал-губернатора Оттенфельса, в котором говорилось:

— Князь! Со времени моего последнего донесения, которое я имел честь направить Вашему сиятельству 7 октября,

мы стали свидетелями события столь необычайного и неожиданного, что, только увидев все собственными глазами, мы поверили в его правдивость. Когда вчера в два часа пополудни меня известили, что в Вену прибыл российский император и что он остановился в своем посольском доме, я посчитал человека, принесшего мне эту новость, ненормальным. Но к величайшему изумлению, почти повсеместное недоверие вскоре уступило место чувству восхищения и умиления, при виде того, как этот августейший государь направился в Шенбрунн с тем, чтобы выразить Ее Величеству императрице-матери свое глубокое уважение. Не возьмусь передать Вашему сиятельству все подробности кратковременного пребывания императора Николая в нашей столице. Вы найдете их в приложенном письме княгини, которая имела честь несколько раз принимать у себя этого государя. Но о чем я не могу умолчать, так это о том чрезвычайно благоприятном впечатлении на общественное мнение, которое явилось результатом благородного решения, исполненного Его Величеством, и того, как именно он его претворил в жизнь. Это событие гораздо более красноречиво и самым благоприятным образом утверждает самый тесный союз, существующий между двумя августейшими фамилиями, чем это смогли бы сделать дипломатические акты. Я не могу доложить Вашему сиятельству, ни о каком другом хоть сколько-нибудь интересном событии, ни направить какой-либо другой отчет о наших иностранных делах. Примите и прочее.

Затем князь Меттерних прочитал мне все новости, которые он получил за последнее время, а также приказы и инструкции, которые он направил со своей стороны, наконец, он с такой прямоотой и горячностью говорил со мной о делах австрийского правительства, что они сделали бы

честь даже графу Нессельроде, если бы он рассказывал мне для передачи государю о положении петербургского кабинета.

В полночь мы простились с австрийским двором, сели в коляску и уехали из Праги. Без остановок мы направились через Траутенау в Фишбах, куда прибыли во второй половине дня. Мы остановились в красивом готическом замке принца Вильгельма, где уже находился прусский король и члены его семьи. Сюда же были приглашены окрестные владельцы, так что за обедом собралось многочисленное общество. По этому случаю столы были поставлены в изящной галерее, примыкавшей к замку и специально для этого построенной в саду. Здесь император простился со своей супругой, поехавшей прямо в Царское Село. Оба они простились с прусским королем, преклонный возраст которого внушал опасения, что это могло быть их последнее прощание.

* * *

В ночь с 1 на 2 октября мы направились в Царство Польское, а императрица с великой княгиней Ольгой должны были покинуть Фишбах утром 2 октября. Ночью через двое суток мы прибыли в Калиш, где ненадолго остановились в том самом дворце, который за несколько недель до этого был столь наполнен посетителями. Теперь же мы нашли в нем лишь несколько слуг и дворцовых поваров, которые были столь любезны, что приготовили нам великолепный ужин. После скверной прусской и австрийской кухни, эта пища несколько утолила мой аппетит. В замке Лович нас встретил маршал Паскевич, мы пообедали с ним и провели там ночь. Вечером следующего дня, 4 октября, мы прибыли в Варшаву. Остановились в Лазенском дворце, который был иллюминирован так же, как это было на балах в 1830 году

в еще верной нам Польше. Маршал попросил разрешения на следующий день представить депутацию городских властей, которые приготовили речь, исполненную уважения и преданности. Император согласился ее принять, но указал, что это не делегация будет обращаться к нему, а, напротив, он будет говорить с ней. Рано утром следующего дня делегация была введена в зал, а я позаботился о том, чтобы в нем не было никого, кроме князя Паскевича и военного губернатора Варшавы генерала Панкратьева. Появился император и произнес столь сильную и ясную речь, что уже один вид членов делегации говорил о том впечатлении, которое произвели на них слова их Государя. Я сразу же попросил генерала Панкратьева вернуться к себе и положить на бумагу слова императора, которые, как я полагал, будут иметь огромный отклик во всех газетах Европы. Тем самым я хотел получить возможность дословно воспроизвести речь императора с тем, чтобы парировать всю ложь и преувеличения, которые она должна будет неизбежно вызвать. Вот эта речь:

«Вы хотели меня видеть, и вот вы здесь. Вы хотели обратиться ко мне с речью, но для того, чтобы избавить вас ото лжи, этого не желаю я. Да, господа, именно для того, чтобы избавить вас ото лжи. Потому, что я знаю, что ваши чувства отличаются от того, в чем вы хотели бы меня уверить, и что большинство из вас, будучи поставлена в иные обстоятельства, были бы готовы продолжать то, что вы делали во время революции. Не вы ли сами 5 лет назад, 8 лет назад говорили мне о верности, о преданности, не вы ли давали мне самые прекрасные заверения о верноподданности? А через несколько дней вы нарушили свои клятвы и совершили величайшие злодеяния? Императору Александру, который сделал для вас больше, чем следовало бы делать императору России, — я так говорю, потому что так думаю, — который осыпал вас благодеяниями, который заботился о вас больше, чем о своих

собственных подданных, и сделал вас самой счастливой и процветающей нацией, императору Александру вы ответили самой черной неблагодарностью. Вы никогда не удовлетворялись самым благоприятным положением вещей и закончили тем, что собственными руками разрушили свое счастье, отвергнув и растоптав ваши государственные институты. Я говорю вам здесь правду для того, чтобы раз и навсегда уяснить наше взаимное положение и чтобы вы хорошо знали, какого поведения следует держаться. Нужны действия, а не слова. Нужно, чтобы раскаяние шло отсюда (показывает на сердце). Вы видите, что я говорю с вами, не горячась, что я спокоен, что я не злопамятен, так как уже долгое время прощаю выпады против себя и своей семьи. Мое единственное стремление — делать вам добро даже вопреки вам самим, в чем я поклялся именем господа нашего. Я не нарушу свою клятву. Присутствующий здесь маршал исполняет мои повеления, содействует исполнению моих намерений и также заботится о вашем благосостоянии (при этих словах все члены делегации поклонились маршалу). Итак, господа, о чем свидетельствуют эти поклоны? Прежде всего, кроме всего прочего нужно исполнять свои обязанности и вести себя, как подобает честным людям. Вы, господа, должны сделать выбор между двумя путями: или упорствовать в своих иллюзиях о независимой Польше, или жить спокойно в качестве верных подданных под моим правлением. Если вы будете настаивать на сохранении вашей утопической мечты об отдельной национальности, о независимой Польше и обо всех этих химерах, то вы только накликаете на себя большие несчастья. Я приказал построить здесь крепость в честь Александра, и я вам заявляю, что при малейшем возмущении я прикажу бомбардировать город, я разрушу Варшаву и, конечно же, не я стану ее восстанавливать. Мне тяжело говорить это вам, как тяжело государю обращаться так со своими

подданными, но я делаю это ради вашего собственного блага. От вас, господа, зависит, будет ли заслужено забвение прошлого. Вы сможете добиться этого только вашим поведением, вашей преданностью правительству. В мире не создано еще полиции, которая смогла бы воспрепятствовать тайным сношениям с иностранными государствами, но вы сами должны заменить полицию с тем, чтобы избежать несчастий. Только правильное воспитание детей в духе принципов религиозности и преданности своему государю поможет вам двигаться в верном направлении. Среди всех смут, сотрясающих Европу, среди всех учений, колеблющих общественный порядок, вы имеете счастье пребывать в спокойствии, находясь под управлением России, которая остается сильной, неколебимой и заботящейся о вас. Поверьте мне, господа, это истинное счастье принадлежать России и пользоваться ее защитой.

Дворец наместника в Варшаве

Если вы будете вести себя хорошо и исполнять все свои обязанности, то я стану заботиться обо всех вас. Несмотря на все произошедшее, мое правительство будет всегда думать о вашем благосостоянии и о вашем счастье. Хорошо запомните все то, что я вам сказал».

Эта речь произвела огромное впечатление на поляков, которые нашли ее суровой, но правдивой. Они надеялись, что она станет предвестником окончания полностью заслуженной ими опалы. Но наши недруги за рубежом, либералы всех стран расценили ее, как доказательство враждебного настроения поляков против их императора, и особенно как свидетельство его собственного гнева и мстительности к польской нации. Разумные и непредубежденные люди увидели в ней только выражение благородной искренности и силы характера императора, который, не прибегая к обычным формулам милости и обещаний, предпочел заменить их словами правды и наставлений родителя к своим подданным.

После этого император и князь Паскевич сели в открытую коляску и направились по варшавским улицам в Александровскую крепость, строительство которой было уже почти полностью и замечательным образом окончено. Он самым внимательным образом осмотрел ее и там же принял парад войск варшавского гарнизона. Сторона крепостных укреплений, обращенная к городу, уже была оснащена артиллерийскими орудиями, грозно глядевшими на Варшаву, и являвшихся подтверждением слов императора о том наказании, которое постигло бы жителей города в случае их неподчинения могуществу своего суверена. Многие были удивлены той скоростью, с которой были возведены эти укрепления, и восторгались внимательным их изучением, а также тем, с каким тщанием были завершены все работы. В центре укреплений и казарм, рассчитанных более чем

на 5 тыс. человек, возвышался памятник императору Александру, решение о строительстве которого было принято национальным представительством в 1830 году, за несколько месяцев до того, как этим же собранием было провозглашено свержение с престола наследника этого благородного восставителя Польши. После осмотра строительства православного собора в Варшаве, а также нескольких школ и больниц, император переехал по мосту на другой берег Вислы с тем, чтобы увидеть предмостные укрепления, расположенные напротив крепости на правом берегу реки.

Везде, где он проезжал, народ узнавал его с радостью, бежал за его коляской, удивленный доверием, с которым он один появлялся в толпе людей.

До окончания этого дня мы приехали в Новогеоргиевск, где и заночевали. Ранним утром следующего дня, император принял парад расквартированного там батальона, затем пешком, верхом и в экипаже осмотрел со всех сторон эту огромную крепость, сооружение которой также продвинулось вперед с быстротой и тщательностью выше всяких ожиданий: периметр укреплений был почти замкнут. Церковь уже стояла под крышей, двухъярусная оборонительная казарма, возвышавшаяся по берегу реки и с этой стороны защищавшая оба фланга Новогеоргиевска, была почти окончена. С высоты одного из укреплений крепости мы присутствовали на испытаниях новых ракетных снарядов, которые, пролетая низко над землей, менее чем в полчаса разрушили широкие апроши с осадными орудиями. Вернувшись к себе и пообедав, мы направились в Брест-Литовск, который также становился первоклассной крепостью. Там был расположен 2 корпус генерала Крейца, который прошел парадом перед императором, к своему большому удовольствию убедившемуся в его отличном состоянии. После большого парада на следующий день, состоялись маневры, а затем

военные учения кавалерийской дивизии, которую император осмотрел во всех подробностях. Потратив на это три дня, и отдав новые распоряжения по возведению крепостных укреплений, мы направились в Киев. Я заранее отправил туда приказ о том, чтобы власти города не ожидали императора после 9 часов вечера. Поэтому, приехав в Киев около полуночи, мы увидели, что иллюминация в городе потухает, что площадь перед Печерской лаврой безлюдна, а храмы закрыты. Эта религиозная обитель, колыбель русского православия, которую мы всегда видели заполненную людьми, находилась в сонном молчании. Я нашел монаха, который принес ключ, отпер часовню монастыря и со скрипом открыл древние двери. Пока он зажигал несколько свечей, только одна лампада, теплившаяся перед иконами, освещала нам путь. Император запретил извещать братию и архиепископа о своем присутствии, в одиночестве он погрузился в молитву о членах своей семьи и о своем верном народе. Более четверти часа он находился в самом глубоком сосредоточении. Мы были только втроем в этом высокопочитаемом месте, где на протяжении многих веков столько поколений обращали свою благодарность всевышнему, я не помню, чтобы где-то молился с таким умилением. Я с огорчением покинул это место, которому ночь и тишина придали больше торжественности, чем торжественная служба и стечение верующих. Садясь в коляску, мы оба находились под глубоким впечатлением пережитого.

Император остановился у генерал-губернатора графа Гурьева, который был моим товарищем по пансиону, и долгое время мы вместе путешествовали. Утром мы осмотрели общественные заведения города, больницы, недавно созданный университет Св. Владимира, в который уже начала стекаться молодежь из западных провинций, на сознание которых оказали влияние их предки и события бунта в духе

враждебности к России и к ее государю. Со времени нашего последнего посещения сооружение укреплений вокруг Киева заметно продвинулось вперед со всех сторон. Красивая и вместительная оборонительная казарма, уже стоявшая под крышей, первой привлекла внимание императора своим фундаментом из камня столь красивого, как гранит, он даже напоминал лабрадор. Считалось, что в этих местах нет залежей камня, но император приказал искать тщательнее и даже указал место, где он предполагал его наличие. И действительно, там нашли камень в довольно большом количестве.

Обильно выпавший снег затруднял наше передвижение с обычной для императора быстротой пешком по безлюдным местам с тем, чтобы осмотреть все, касавшееся инженерных работ. Из-за плохой погоды очень неприятным был смотр нескольких батальонов и 3 эскадронов жандармерии моего полка, который мы вынуждены были провести на плацу: по дороге домой мы дрожали от холода. В ожидании нашего возвращения в помещениях занимаемого нами дома были собраны студенты университета и ученики школ, император пожелал всех их видеть для того, чтобы по-отечески посоветовать им хорошо себя вести, старательно учиться, особенно по русскому языку, который из-за глупого польского патриотизма был почти выведен из употребления в шляхетских семьях.

Среди толпы этих молодых людей появился и зашел в кабинет императора посол Великобритании лорд Дергэм, который, направляясь в Петербург, проехал через Константинополь и Одессу с тем, чтобы лично убедиться в наших отношениях с Оттоманской Портой и осмотреть наши приготовления в Черном море, в которых английское правительство изо всех сил старалось найти нечто, направленное

против Турции. Дергэм, напротив, убедился в благожелательности наших дипломатических отношений с Султаном, который попросил лорда во время данной ему аудиенции приветствовать от его имени своего благородного союзника и защитника императора Николая. Что до наших вооружений на Черном море, которые столь устрасали Сент-Джеймский кабинет, то император предложил лорду Дергэму направить в наши крымские порты английского военно-морского офицера, входившего в его свиту, а двух других приехавших с ним офицеров пригласил принять участие в военных парадах, которые еще предстояли императору в ходе его поездки. Оба предложения были поспешно приняты Дергэмом, который был поражен тем, что уже увидел в России, в особенности, превосходством наших высших чиновников на местах по сравнению с теми, кому его правительство доверяло управление внутри стране и в колониях. Все, что он видел, благоприятным для нас образом противоречило бытовавшим в Англии взглядам о нашей администрации. В тех местах, где он ожидал увидеть произвол и нищету, его встречали порядок, безопасность и процветание, и он продолжил путь в нашу столицу, исполненный восхищения благородным характером императора и огромными ресурсами его обширных владений.

После прекрасного обеда, данного нам генералом Гурьевым, мы направились к графине Браницкой в Белую Церковь в 80 км от Киева, где собирались заночевать. Там я встретил моего старинного друга графа Михаила Воронцова и наследника его фамилии, с которыми я был теснейшим образом связан с самого начала моей карьеры.

В районе Белой Церкви был расквартирован 4 армейский корпус генерала Кайсарова, а также 1600 солдат, уже отслуживших 20 лет в кавалерии, пехоте или артиллерии, которые

жили в бессрочных отпусках в соседних губерниях, наслаждаясь отдыхом в течение 5 последних лет своей воинской службы. Это нововведение целиком принадлежало императору, который активно его поддерживал, несмотря на сильное противодействие многих лиц, включая и меня. Я видел в нем только возможную опасность для армии, которая теряла лучших и самых опытных своих воинов, поседевших на воинской службе и исполненных дисциплиной, и для государства, в котором появлялась новая категория жителей, полностью находившихся на его содержании, которые могли в смутные времена стать важной принудительной силой против слабого или неудачливого правительства. Император, напротив, видел в них резерв для укомплектования армии на случай войны опытными военнослужащими, а в мирное время они давали бы надежных и образованных служащих как частным лицам, так и для использования во внутренних делах, таких, например, как надзиратели или сторожа в больницах, лавках и других общественных местах. Кроме того, он считал нужным принять во внимание, что эти солдаты, утомленные 20-летней службой, должны были получить возможность вернуться в родные места и служить в составе городских ополчений в случае беспорядков или бунтов. Эти люди не получали ни жалования, ни пайков, они только сохранили мундиры и шинели, которые им должны были заменить на новые в случае призыва их вновь на активную военную службу. В бессрочные отпуска могли быть отпущены только солдаты безукоризненного поведения. В этот раз в Белой Церкви впервые была призвана часть этих отпускников, общее число которых в империи достигло примерно 60 тыс. солдат. Из 1600 человек не прибыли только трое по неизвестным мне причинам. Все солдаты имели бодрый вид и явились по первому зову. В это же время для командования этими солдатами были призваны офицеры,

находившиеся в годовых отпусках в соседних губерниях. Из получивших оружие и всю прочую необходимую амуницию солдат было сформировано 2 батальона, 3 эскадрона и одна артиллерийская полурота. Лошади были предоставлены строевыми полками и эти войска появились во всем блеске и в строгом порядке, какие только можно было требовать от солдат, только что явившихся из мест расположения. Они с видимой радостью приветствовали императора, который был весьма доволен зримыми плодами осуществления одной из самых своих любимых затей, направленной на повышение благосостояния старослужащих солдат и, одновременно, подразумевавшую увеличение численности его армии. Весьма довольный император щедро наградил этих солдат и распустил всех по домам.

Ф. В. Остен-Сакен

Корпус Кайсарова показал себя менее удовлетворительно, чем корпус Ридигера в Калише и Крейца в Брест-Литовске. Император лишь частично одобрил его состояние и рекомендовал маршалу Паскевичу обратить особое внимание на эти войска, которые уже скоро должны были поступить под его командование непосредственно в Царстве Польском, придя на замену корпусу Ридигера, возвращавшемуся во внутренние губернии.

Графине Браницкой пришлось принимать у себя большое количество генералов, не считая свиты императора, которая еще увеличилась за счет прусского генерала Цитена. Ей с трудом удалось обеспечить всех жилищем и питанием, причем она настояла, чтобы все расходы по последнему были отнесены на ее счет, без всякого участия дворцовой кухни. Четыре дня мы провели в ее летней резиденции Александрии в нескольких верстах от Белой Церкви. Оттуда император направился в Новую Прагу, штаб квартиру кирасирского полка, носившего имя принца Альберта Прусского, который еще не вернулся из лагеря под Калишем. Здесь командир всех кавалерийских поселений граф Витт показал нам школы, госпитали и общественные места в расположении этого полка, а также табун лошадей, стадо быков для пахоты и все сельскохозяйственные орудия. Все это было в полном порядке и в таком изобилии, которое удивило прусского генерала и английских офицеров. Солдатские дети в составе пехотного эскадрона исполняли упражнения с такой точностью и быстротой, которая не оставляла желать ничего лучшего. Затем знаменосцы кирасирской и уланской дивизий, собранных в этих местах, верхом продефилировали перед императором.

После этого мы продолжили наш путь через Полтаву и Харьков в Чугуев, повсюду перед императором собиралась

толпа людей, которые приветствовали его искренними криками радости. В обоих этих губернских городах мы, как обычно, осмотрели все общественные заведения, в особенности благотворительные. В Харькове особое внимание императора, всегда столь заботящегося обо всем, что касалось воспитания молодежи, привлек университет и пансион благородных девиц.

В Чутуеве в штаб квартире 1-го корпуса поселенной кавалерии под командованием генерала Никитина, были собраны дивизия кирасир, дивизия улан и эскадроны резервной роты регулярного кавалерийского полка, которая была сформирована из солдат с выслугой от 15 до 20 лет, набранных из соответствующих полков и сохранивших форму одежды вплоть до масти лошадей именно этих полков. Построенные в три линии для парада эти войска выглядели очень элегантно. Их выучка и снаряжение, как нам показалось, стали еще красивее со времени, когда мы видели их в последний раз. Император был полностью доволен ими, также как и выучкой солдатских детей и всеми хозяйственными заведениями в этом поселении. Император высказал свое августейшее удовлетворение графу Витту, всем генералам, офицерам и солдатам и сожалел о том, что не может провести больше времени со столь хорошо выученными и прекрасными войсками. Но осенняя непогода усиливалась, а мы были еще далеки от окончания нашей поездки.

После двухдневного пребывания мы направились в Курск, куда прибыли 21 октября, здесь нас ожидала драгунская дивизия. В этой губернии уже несколько лет было плохо с управлением. Последний губернатор богатч Демидов тратил, сколько мог из своих средств на нужды управления, но он не имел способностей заставить себе подчиняться и прекратить произвол и злоупотребления. Преемником его

был господин Муравьев, человек деятельный и суровый, но его ненавидели за жестокое обращение и поспешность, с которой он пытался восстановить порядок. Дела в губернии пошли лучше, но нигде не были довольны его управлением. По его представлениям были уволены многие чиновники, и в Курске, как ни в одной другой из посещенных нами губерний, меня засыпали просьбами на имя императора и частными жалобами. Они сократили и без того малое время, имевшееся для отдыха.

Из Курска мы поехали в Орел, где нас ожидала 2-я дивизия драгунского корпуса. Здесь уже выпал снег и стояли морозы. Однажды, когда я галопом следовал за государем, объезжавшем выстроившиеся на параде войска, моя лошадь поскользнулась и упала со всего размаха. Не успел я толком подняться, как попал под копыта всадников из свиты, которые на полном скаку следовали за мной. Я чувствовал себя настолько разбитым, что принужден был сесть в коляску и вернуться на квартиру. К счастью, дело обошлось несколькими шишками и синяками на ногах. На следующий день после смотра войск в ужасную погоду мы пустились в путь и к следующей ночи по отвратительной дороге прибыли в Тулу²⁹.

За три года до этого город почти полностью выгорел, правительство оказало ему помощь в виде значительных денежных сумм и различных льгот. Во многом он уже поднялся из пепла, много домов было отстроено, на полную мощность работа фабрика по производству ружей, но печальные следы пожарищ можно было видеть почти на всех улицах. Император объехал город по всем направлениям, отдал приказания по его дальнейшему благоустройству и установил новые

²⁹ Помета Николая I: «Во время смотра так разыгралась метель, что два заблудившихся волка оказались между рядами строя».

формы помощи с целью полного восстановления. Народ везде сопровождал императора с любовью и любопытством, благословляя своего царственного благодетеля.

По мере приближения окончания нашего путешествия император с все возрастающим нетерпением желал увидеться с императрицей. Посчитав, что мы движемся недостаточно быстро, он приказал мне приготовить ему небольшие почтовые сани. Я следовал за ним на других точно таких же, и они составляли весь дорожный экипаж государя всероссийского. Восторженные крики толпы, собравшейся перед императором, испугали лошадей и внезапно они понесли. В этом месте на улице был довольно крутой спуск, и меня бросило в дрожь от надвигавшейся опасности, и меня бросило в дрожь от надвигавшейся опасности. Но император встал в саних во весь рост, перехватил вожжи и вскоре, благодаря своей физической силе, ему удалось сдержать безумный бег почтовых лошадей. От испуга и восхищения люди словно приросли к месту, восторженные крики возобновились и издали сопровождали быструю езду их государя. Проехав несколько станций, мы нашли высланные из Москвы нам навстречу императорские сани. Государь не хотел в них пересаживаться, но из хорошего отношения ко мне, видя, как я устал, он все же согласился.

Мы продолжили наш путь с большим комфортом и по прекрасному первому снегу проехали всю дорогу от Тулы до Москвы в 140 верст за 7 часов. Утром к нашему пробуждению императорский штандарт, развевавшийся над дворцом, возвестил столице о прибытии государя. Вскоре площадь уже была полна народом, и император, как всегда пешком, прошел к собору, сопровождаемый криками радости и любви. Во время нашего трехдневного пребывания в Москве император нашел время посетить все важнейшие общественные

заведения и принять участие в парадах, безо всякого ущерба государственным делам. Каждый день из Петербурга прибывали курьеры, которых обычно отправляли обратно в тот же день, в крайнем случае, на следующий. Император никогда не ложился спать, не закончив со всеми бумагами, и его рабочий стол во время поездок был так же чист, как это обычно бывало, когда он находился в Петербурге. Никогда и ничто не могло заставить его не исполнить эту взятую им на себя святую обязанность в тот же день рассмотреть дела, присланные на его решение, или прочитать бумаги.

Для переезда из Москвы в Царское Село нам хватило 38 часов, несмотря на то, что дорога еще не устоялась, и два раза нам пришлось пересаживаться из саней в коляску. Императрица и члены императорской семьи оставались там еще больше недели, прежде чем возвратиться в Петербург.

* * *

Принц Ольденбургский, сын великой княгини Екатерины, несколько лет назад обосновался в Петербурге и, несмотря на свою крайнюю молодость, с упорством и при больших способностях посвятил себя государственным делам. Он страстно любил Россию, не упускал случая быть ей полезным и доказать, что он достоин принадлежать к семье, которая ей управляет. Став членом Сената и тщательно изучив все законы и юридические механизмы империи, он почувствовал потребность создать в государстве учебное заведение для молодых людей, где их готовили бы для исполнения важнейшей юридической функции. С этой целью на свои средства, не считаясь с расходами, он основал школу, и посвятил всего себя выбору учителей и инспекторов, которые должны были ею руководить и вести там занятия. Для этого он приобрел обширный дом на Фонтанке напротив Летнего

сада. В декабре месяце в присутствии императора, великих князей и всех высших руководителей империи это новое заведение, насчитывающее уже больше сотни учеников, было торжественно открыто. С этих пор принц Ольденбургский продолжал относиться к нему с отеческой заботой.

Принц П. Г. Ольденбургский

Польские эмигранты постоянно продолжали свою гнусную деятельность с тем большими ухищрениями и энергией, что их предосудительное поведение за границей последовательно лишало их того интереса и симпатий, которые их борьба в столь большой степени привлекала к ним во время и в конце революционных событий. Краков стал центром их опасных надежд и отправной точкой их преступных планов против России, Австрии и Пруссии.

Один поляк, которого я использовал, выполнял мое задание по наблюдению за одним тайным обществом, он, с моего ведома, стал активным его членом. Этот человек вызвал подозрение своих товарищей и был убит под Краковом. Начались открытые враждебные демонстрации против трех правительств-покровителей маленькой и смешной Краковской республики, они спровоцировали возмутительные случаи, не замедлившие зародиться в Царстве Польском и на соседних территориях надежды на новое вооруженное сопротивление. Правительства Петербурга, Вены и Берлина решили совместными усилиями положить конец этим беспорядкам. В назначенный день русские, австрийские и прусские отряды вошли на территорию республики и под командованием одного австрийского генерала заняли Краков. Несколько зачинщиков возмущения были арестованы, другим удалось скрыться, добраться до Парижа и Лондона и начать там крикливую компанию против этого нарушения человеческих прав и против покушения трех союзных правительств на положения Венских договоров и установлений. Между тем, три кабинета были в своем праве, даже сами статьи договора давали им возможность вмешаться с целью восстановления порядка в Кракове, если местные средства и меры оказывались недостаточными или не достигали цели.

По этому поводу в Париже и в Лондоне было много криков, газеты были полны ругательств по поводу того, что они называли тиранией деспотических правительств. Произошел обмен несколькими нотами, на том дело и кончилось. После нескольких дней пребывания войска были выведены с территории республики, оставив там для поддержания должного порядка австрийский отряд, который, возможно, оттуда уже не уйдет. Создание Краковской республики было несчастливym и непродуманным решением Венского конгресса, оно словно нарочно сохраняло очаг национализма или, вернее сказать, центр сопротивления и беспорядков в сердце польских владений трех держав, разделивших Польшу. Все вышеизложенное вместе с конституцией и образованием Царства Польского заставляет видеть в этом планы врагов России. Хотя, между тем, и нам остается только сожалеть об этом, рождение и существование республики было обязано тогда исключительно могущественной воле императора Александра. Это стремление к либерализму у самодержавного государя, вопреки мнению ближайших советников и интересам государства, будет величайшей загадкой нашего столетия.

С наступлением зимы петербургское общество было увлечено балами и прочими удовольствиями, наступила последняя неделя карнавала, по обычаю на площади перед Зимним дворцом были сооружены временные постройки. В воскресенье 2 февраля в час пополудни все маленькие театры наполнились людьми. В самом просторном из них господин Леман представлял комические пантомимы, имевшие большой успех, в зале помещалось более 500 человек, и этот импровизированный театр был всегда полон. Однажды, когда пришло время садиться за стол, из моих окон были замечены клубы густого дыма со стороны площади, на которую народные гуляния привлекли много прохожих и карет. Я поспешил

туда и увидел перед театром Лемана уже находившегося там пешего императора. Его лицо отражало сильные переживания и, переведя взгляд на охваченный огнем театр, я с ужасом понял его причину — часть постройки была только что обрушена ударами топоров и взгляду предстала масса искалеченных и наполовину сторевавших тел, в беспорядке лежащих друг на друге. Это зрелище, которого я никак не ожидал, заставило меня содрогнуться. Люди лезли сквозь огонь с тем, чтобы спасти тех из этих несчастных, кто еще дышал. Их положили на снег, пока не появились сани, чтобы отвезти их в помещения рядом расположенного Адмиралтейства, сразу же им была оказана вся возможная помощь. Крики этих несчастных, причитания тех, кому посчастливилось спастись из огня в начале пожара, ужас толпы, окружавшей это страшное место, все это составило картину такого горя, которую невозможно описать. Император находился совсем рядом с постройкой, рискуя быть заваленным падающими со всех сторон балками и досками, и отдавал приказания с заботливостью отца, который спасает своих детей. Его поведение и его скорбь были столь искренни, что тронули всех находившихся на площади в полном молчании. Он пошел ускорить прибытие помощи тем, кто еще был жив, и утешить тех, кто плакал рядом с ним. Матери искали своих детей, которых потеряли в страхе или в беспорядке, муж звал свою жену, а полиция трудилась с таким усердием и мужеством, которые, казалось, превосходили человеческие возможности. Из огня пожара было вытащено более ста трупов, остальные стореали в пламени, 46 человек, более или менее пострадавших, было спасено. Вскоре, несмотря на свою значительную величину, все помещение было разрушено, от него осталась лишь куча пылающих углей, которая впоследствии образовала на снегу черное пятно. Еще долго для многих семей оно служило напоминанием об этом страшном несчастии.

Охвативший театр пожар начался за кулисами, а пропитанные красками шторы способствовали его быстрому распространению. Занавес был опущен, но когда Леманн понял, что огонь не удастся потушить, он приказал поднять его и крикнул в зал, чтобы люди спасались. Сначала все подумали, что таким образом началось представление, но уже через мгновение всех зрителей охватил ужас. Тем, кто сидел на первых рядах, удалось довольно легко спастись, но большая часть зрителей находилась в амфитеатре, чтобы добраться до выхода им пришлось спускаться по лестнице, а двери были недостаточно широкими. Люди толкали друг друга, лишь первым из них удалось выйти, оставив за собой толпу всех тех, для кого толчея сделала недоступными лестницы и выходы.

Несчастные раненные, получив всю возможную первую помощь в Адмиралтействе, затем обеспеченные люди были заботливо развезены по домам, а бедных доставили в городские больницы. Император оставался на площади до тех пор, пока все его приказания не были исполнены. Он также приказал докладывать ему дважды в день о состоянии здоровья каждого, кто был отправлен на лечение.

Через час он послал за мной, я нашел его в слезах. Страшное зрелище, свидетелем которого он стал, живейшим образом затронуло его отзывчивое сердце, он приказал мне немедленно создать комитет, в который кроме меня вошли предводитель дворянства князь Василий Долгоруков и генерал-адъютант Дьяков, с целью найти всех пострадавших от пожара людей, узнать о положении их дел и о размерах состояния с тем, чтобы оказать им помощь, выплатить денежные пособия бедным и позаботиться об их детях. В распоряжение этого комитета была передана сумма денег, которая, благодаря частным пожертвованиям, достигла более 30 тыс. руб. В этом благотворительном деле участвовали

все члены императорской фамилии. На следующий день мы принялись за работу, вдовы и дети получали средства к существованию или деньги на образование. Остальные, в качестве печального утешения о понесенных утратах, получали денежные суммы, но это единственное, что было в человеческих силах.

Вскоре представился новый случай предоставить Турции и всему миру лишнее доказательство умеренности и сдержанности, которыми руководствовался император в своих отношениях к султану. По условиям Адрианопольского мира мы должны были получить с Турции в качестве контрибуции еще значительную сумму. Видя затруднения, с которыми столкнулась Порта, вследствие внутренних войн с Египетским папой, а также в связи с уступкой многих территорий, император аннулировал остаток этих справедливых требований, и таким благородным образом окончательно предал забвению все последствия той войны, к которой нас принудило в 1828 году враждебное поведение султана. Крепость Силистрия, оставленная за нами в качестве гарантии выплаты этого долга, была возвращена туркам вместе с той артиллерией, которую мы поставили на ее укреплениях. Это неожиданное решение не было вызвано никакими шагами европейских держав, напротив, в этот момент они считали, что Россия никогда не откажется от претензий на Силистрию. Султан был полон признательности, а кабинеты Вены, Лондона и Парижа, которые столь ревниво относились к нашему могуществу и всегда готовы были заподозрить захватнические намерения с нашей стороны, были приятно удивлены. Этот поступок не оставлял места для злословия, и те газеты, которые были к нам особенно враждебны, принуждены были как минимум замолчать.

Император постоянно стремился к улучшению всех органов управления. Этой зимой он реорганизовал военное

министерство, в котором стали принимать коллегиальные решения по всем вопросам, связанным со снабжением войск и действиями там полицейских органов. Должность начальника Генерального Штаба армии была ликвидирована, и эти обязанности были вновь возложены на военного министра. Это расширило его полномочия, сделало более согласованным и простым принятие решение по широкому кругу вопросов, которые раньше разделялись между министром и начальником Генерального Штаба, не возлагая окончательно ни на одного из них необходимой ответственности. В морском министерстве были произведены схожие изменения, и в обоих ведомствах посчитали это за благо. Бывший начальник Генерального Штаба военного министерства граф Чернышев стал министром, а его коллега в морском ведомстве князь Ментиков был назначен морским министром.

В Царстве Польском император расширил привилегии дворянства, которое по кодексу Наполеона потеряло все свои права.

Расположенный недалеко от Петербурга по дороге в Царское Село Чесменский дворец, построенный императрицей Екатериной в честь блестящей победы графа Орлова над всем объединенным турецким флотом, был восстановлен и значительно расширен. Он был предназначен для проживания престарелых военных инвалидов, которые вследствие старости и полученных ими ран не могли добыть себе средства к существованию. Это заведение было освящено 30 июня по всем правилам религиозных обрядов. На церемонии открытия присутствовали император, императрица, члены императорской фамилии и высшие чиновники. Всем этим старым воинам, которые были отобраны с тем, чтобы окончить свою славную жизнь в этом заведении, приготовленном императором для их обеспеченного существования, был дан обед.

Анна Александровна Бенкендорф

Тем временем конституционная Франция преподнесла еще один случай цареубийства. Один неизвестный мужчина, движимый только острой ненавистью к королевской власти, выстрелил из пистолета в короля Луи-Филиппа, выезжавшего в карете из своего дворца и направлявшегося на открытие парламента. Это покушение, лишённое какого-либо смысла, в случае своего успеха, поставило бы под вопрос судьбу Франции и спокойствие Европы.

Я воспользовался этим теплым временем года для того, чтобы провести отпуск в Фалле и повидать мою жену и детей, которые приехали туда в начале лета.

Гвардейские части отбыли в военные лагеря и начали маневры между Колпино, Царским селом и до Красного села. Двор приятно проводил время в Александрии в Петергофе. Император направился в лагеря, а затем в Кронштадт.

После десяти лет трудов ему удалось привести свой флот в такое состояние, которого он добивался, он желал видеть его целиком на рейде и в готовности к плаваниям. Никогда еще на Балтике не собиралось столь значительной и столь заботливо снабженной всем необходимым морской силы. Император пожелал придать блеска этой великолепной армаде, его первой мыслью было почтить память первого августейшего создателя флота империи. Для этого он приказал вывести со своей стоянки в крепости первое голландское судно, которое служило Петру Великому для забавы и для первых морских упражнений на озере в окрестностях Москвы. От него ведут свою историю созданные 30 лет спустя военно-морской флот и укрепления Кронштадта, император на рейде крепости почтил память своего предшественника, проведя это суденышко, украшенное императорскими флагами, сквозь свои корабли, которые были покрыты лавровыми венками в знак многочисленных побед над шведами. Это судно стало называться прародителем флота, и вскоре со всеми предосторожностями было водворено в небольшое каменное помещение, срочно выстроенное специально для этой цели. Петропавловская крепость салютовала ему всеми своими пушками, затем с величайшими почестями судно было переведено в Кронштадтский порт. 3 июля в строгом порядке корабли были выстроены в три линии: в первой стояли 26 линкоров, во второй — 16 фрегатов, в третьей — двадцатка легких судов. Они почтительно ждали прибытия этого первого и слабого ростка флота, который с тех пор сражался и столь часто побеждал в Архипелаге, на Черном море и на Балтике.

В Петергофе император, императрица, члены императорской фамилии, а также приглашенные придворные, военная свита и дамы света поднялись на борт пароходов «Ижора», «Александрия» и других и направились в Кронштадт.

Там была собрана весельная флотилия, а еще дальше стояли фрегаты, бриги и яхты, построенные морскими кадетами. Всего на рейде можно было видеть 92 военно-морских вымпела. Пароход «Ижора» стал на якорь посреди военных судов, затем появился пароход «Геркулес», который вез ботик Петра Великого, поставленный на специальное возвышение, украшенное красной материей с тем, чтобы его было видно всем собравшимся. Вокруг ботика выстроились дворцовые гренадеры, по сторонам стояли адмиралы и офицеры, а наверху развевался императорский штандарт.

Эта первая драгоценная попытка судостроения, принадлежавшая тому, кто был создателем всего, тому великому человеку, которому Россия была обязана своим могуществом, а флот — своим рождением, была встречена приветственным залпом всех кронштадских батарей, фортов и флотилий, а затем залпом из 2 тыс. орудий флота. Этот запоминающийся момент был исполнен величия и уважения. Все присутствовавшие были полны восхищения. Все напоминало религиозный обряд, внушавший размышления, и было самой красноречивой поминальной речью, которая только могла быть произнесена над досточтимым прахом грандиозной фигуры Петра Великого. После этого весь флот был украшен праздничными вымпелами, и все вернулись в Петергоф, полные впечатлений от только что увиденного зрелища. Благодаря предприимчивости Николая, это небольшое судно было восстановлено, так же, как недавно был воссоздан флот. Через два дня весь флот снялся с якоря и вышел в море. Император поднялся на борт парохода «Геркулес» и вскоре догнал его. Император пригласил английского посла лорда Дергэма сопровождать его, а одному капитану британского королевского флота было предложено подняться на корвет с тем, чтобы в одиночестве внимательнее оценить наш флот, изучить его состав и произошедшие в нем

изменения. Это внимательное снисхождение к самым горячим желаниям этих господ, столь остро жаждавших познакомиться с нашим флотом и столь опасавшихся роста его могущества, произвело на одного и на второго самое благоприятное впечатление относительно открытого и прямого характера императора. Прохладная погода и сильный ветер не помешали императору целый день провести на специальной площадке, построенной выше гребных колес, откуда он наблюдал за маневрами кораблей и отдавал им приказания.

К вечеру мы были у острова Гогланд, и приблизились к нему с тем, чтобы бросить якорь под защитой его высоких берегов в небольшой гавани, на берегу которой весьма живописно были разбросаны дома жителей этой небольшой территории. Фрегат, на борту которого находился адмирал великий князь Константин, получил приказ подойти к «Геркулесу», и император сел в шлюпку с тем, чтобы обнять своего юного сына, который готовился в один прекрасный день стать душой флота. Остальной флот всю ночь курсировал в окрестностях острова, несмотря на еще усилившийся к утру ветер. Так как погода была слишком плохой для продолжения маневров и скорых ее улучшений не предполагалось, утром мы подняли якорь и присоединились к остальному флоту, получившему приказ направиться в Кронштадт. Паруса наполнились ветром, насколько позволяла его сила, сквозь тучи то проглядывало солнце, то все покрывалось тенью. Все это являло собой великолепное зрелище, увеличивавшее грандиозное впечатление от простиравшейся вокруг нас картины. Более 50 военных судов различных размеров двигались в три линии, поворачивались разными бортами и выстраивались в колонны с замечательной точностью, которая заставила нас полностью забыть о плохой погоде. Солнце стало чуть чаще проглядывать сквозь густые тучи, ветер понемногу стал ослабевать и император приказал кораблям

разделиться на две части, построиться в боевые порядки, а затем по приказу своих двух командиров атаковать друг друга. Разделение на две линии произошло в полном порядке, и началась орудийная канонада. Наш пароход продвигался между двумя линиями, и мы имели возможность следить за маневрами почти каждого корабля. Император хвалил, выражал свое недовольство и вообще руководил действиями большинства капитанов кораблей. К большому удовлетворению императора и к великой радости всех нас, имевших честь его сопровождать, эти представительные маневры продолжались несколько часов без малейшего инцидента. Затем был дан сигнал к прекращению сражения, и корабли продолжили свой путь в Кронштадт, во время которого они одинаковым образом выстроились, как по ниточке.

После такой инспекции флота, пришло время осмотреть сухопутные войска. Прибывший с мест своей дислокации в Новгороде гренадерский корпус присоединился к гвардейским частям, и начались маневры двух группировок более, чем в 30 тыс. человек каждая. Вместе с войсками, которые то располагались в лагерь, то сражались друг с другом, мы добрались до Гатчины, Скворицы и Кипени. Император был неутомим, проводя верхом на лошади большую часть дня при самой отвратительной погоде, вечерами у бивуачного костра он развлекался с молодыми офицерами своей свиты, он прогуливался между рядами батальонов, которые окружали его небольшую палатку. По ночам он работал с тем, чтобы государственные дела не страдали оттого, что он позволил себе развлечься со своими войсками, по его собственному признанию, для него именно это было единственным настоящим развлечением. Именно во время этих военных учений им был переработан и издан новый закон о рекрутских наборах, которые были тяжелым испытанием для империи. Они несли за собой многочисленные злоупотребления

и суждения о скорой войне, которые лихорадили торговлю и производили нечто вроде нездорового оживления в обществе и в дипломатических кругах. Эта обременительная для собственников и крестьян ноша была реформирована таким образом, что полностью исключалась политическая неуверенность, которая всегда сопровождала такие наборы. Рекрутский набор стал обычной повинностью, ежегодно исполняемый только на половине территории империи, и в отношении ограниченного количества рекрутов. Это заранее объявленное действие более не настораживало иностранные правительства и не нарушало внутреннюю торговлю. Оно позволяло местным властям, собственникам и тем слоям населения, которые давали рекрутов, заранее подготовиться к этому, из года в год высчитывать, сколько потребуется людей, и даже конкретные подданные знали, что им определена военная служба. Адьютанты императора и жандармские офицеры, направлявшиеся на места с целью наблюдать за наборами, предотвращать и искоренять связанные с ними злоупотребления, получали в то же время отпечатанные и опубликованные инструкции, которые давали им возможность пунктуально исполнять справедливые и благожелательные намерения, которые правительство всегда стремилось проводить в жизнь.

* * *

В полночь 8 августа император покинул Петергоф, и мы пустились в путь с такой скоростью, что утром 9 августа оказались в виду Новгорода. Император глубоко спал всю дорогу, в чем я ему помогал изо всех сил. На площади перед предназначенным для него домом он устроил смотр собранным здесь резервной бригаде 3 пехотной дивизии, 2 и 3 резервным батареям и колонне рекрутов. Затем император отправился осмотреть строительство новых казарм и тюрьмы.

Посетив общественные заведения города, он направился в Софийский собор, где его ожидал митрополит Серафим, который встретил его у входа в храм словами, исполненными красноречия, которое отличало этого славного пастыря. Император преклонил колени перед собранными в этой древней церкви реликвиями, получил благословение митрополита и продолжил свой путь, остановившись в новом кадетском корпусе имени графа Аракчеева, который он внимательно осмотрел с поистине отеческой заботой, с которой он делал все, что касалось молодых людей, доверенных благосклонным заботам правительства.

Мария Александровна Бенкендорф

В 57 верстах от Москвы у почтовой станции Подсолнечная была готова к смотру 16 пехотная дивизия, состоянием которой император остался полностью удовлетворен. Мы вышли из коляски у Кремлевского дворца 10 августа в 11 часов вечера. Холодное и дождливое лето приближало осень, уже много

дней она заявляла о себе туманами и дождями с ветром, что предвещало нам неприятную поездку. Но, проснувшись на следующее утро в Кремле, мы были приятно удивлены чистым воздухом и ослепительным солнцем, позолотившем тысячи московских колоколен, что еще увеличило толпу людей, направлявшихся к дворцу, как только поднятый императорский штандарт возвестил им о прибытии сюда государя. Появление императора в 11 часов было ознаменовано приветственными криками и колокольным перезвоном, он направился в собор, на пороге которого его встретил митрополит Филарет с крестом и святой водой. Его ввели в святую, где находились реликвии, которым поклонялась Москва и вся Россия. Уже установившиеся за его прежние приезды традиции ни в чем не были нарушены: на выходе из собора император медленными шагами прошел через толпившихся вокруг него людей, поднялся по большой Красной лестнице, остановился на верхней площадке, чтобы поприветствовать народ, вошел в Грановитую палату и пересек весь дворец. Он приказал восстановить Теремной дворец — древнее место жительства царей, куда вела золоченая решетка, начинавшаяся с Боярского места. Этот дворец, ставший нежилым со времен Петра I, относился к эпохе еще до Дмитрия Донского, он еще нес на себе печать византийского архитектурного стиля. Император приказал сохранить его во всей чистоте и со всеми разнообразными украшениями. Интерьеры дворца должны были быть украшены и меблированы в том же стиле, и быть максимально похоже на то, как это было в предыдущие века, насколько это позволят осуществить традиции и сохранившиеся от разрушения остатки. Затем император принял парад 2 карабинерского полка, выстроенного на большой площади перед колокольной Ивана Великого, вокруг которой, по обыкновению, теснилось множество людей.

Через эту толпу сложно было пройти, а когда император возвращался к себе, она еще больше увеличилась.

Не собираясь задерживаться в Москве больше, чем на 3 дня, император торопился посетить основные общественные заведения города, которым он уделил много заботливого внимания. В тот же день он посетил кадетский корпус, Екатерининский и Александровский институты и Мариинскую больницу. Затем он отобедал у графа Петра Толстого, который в отсутствие князя Дмитрия Голицына исполнял обязанности московского генерал-губернатора. На следующий день за городом на обширной равнине перед Петровским дворцом был проведен смотр части собранных в Москве войск 6 пехотного корпуса, куда вошла целая дивизия легкой кавалерии. С целью присутствовать на этом параде и посмотреть на императора туда прибыло много людей в экипажах и пешком, что придавало зрелищу вид настоящего праздника. Император был почти удовлетворен состоянием этих войск и в последующие дни забавлялся тем, что командовал упражнениями кавалерии. Он руководил всеми объединенными войсками с той воинственной живостью, которая так нравилась нашим солдатам и которая так хорошо готовила его к дерзости и к координации, необходимым в сражении. Вечером он прогуливался в недавно разбитом парке Петровского дворца, здесь за два года со всех сторон были построены красивые загородные дома, театр, рестораны, так что это место у столичной публики стало модным. За обеденным столом у императора собрались генералы, высшие чиновники и старые служаки, которых возраст или слабое здоровье заставили оставить государственную службу и которые в Москве спокойно заканчивали свою славную карьеру.

В полночь 13 августа мы покинули Кремль и отправились в Нижний Новгород через Владимир, Ковров, Вязники

и Горбатов, где проинспектировали строительство дороги, ведущей из Владимира в Нижний Новгород. По дороге мы устроили смотр дивизии резерва 6 корпуса, который прошел весьма скверно на неровной площадке и под проливным дождем. Мы проезжали по прекрасной, хорошо обработанной местности, где жило многочисленное и богатое население, видели большие и добротно построенные деревни, в большинстве своем принадлежавшие местным помещикам. Мы продвигались вдоль прекрасной и широкой Волги, которая по мере нашего приближения к Нижнему Новгороду заполнялась судами под большими парусами, приближавшимися к этому центру торговли. Берег, по которому мы ехали, был очень высоким и позволял нам далеко видеть течение реки и огромную плоскую местность на правом берегу Волги. Дорога была наполнена проезжими и телегами, которые все направлялись на ярмарку. Императора здесь не ожидали раньше ночи, а когда мы въехали в город, был всего час пополудни. Никем не узнанные мы проехали через весь город и даже спустились с высокой горы, которая вела к берегу Волги и к мосту, через который надо было проехать, чтобы попасть на остров, где была ярмарка. Здесь императора узнали, раздался крик, подобный электрическому разряду, мост заполнился народом, со всех сторон люди бежали, чтобы увидеть и приветствовать императора. По мере продвижения коляски вперед толпа росла и, наконец, мы с большим трудом добрались до большого дома, в котором обычно во время ярмарки располагались губернатор и местные власти, и где пожелал остановиться император с тем, чтобы быть поближе к происходящей торговле. Здесь была видна только масса голов, которые постоянно двигались, как волны в море, оконные стекла задрожали от приветственных криков, и в воздух взлетели шапки и колпаки. Даже татары, забыв о своих религиозных традициях, обнажили головы в приветствии своего

государя. Это было какое-то всеобщее опьянение, превосходившее все то, чему я был свидетелем до этих пор. На сей раз это было выражение чувств всей империи, всех проживающих в ней различных народов.

Ярмарка собрала у себя торговцев, извозчиков, мастеров и подмастерьев из всех губерний, сюда приехало более 200 тыс. человек из всех уголков нашей обширной родины. Густые толпы людей, которые не переставали кричать и двигаться с тем, чтобы увидеть и приветствовать императора, заполняли площадь перед домом, расположенные на первом этаже сводчатые арки и прилегающие улицы. Министр финансов граф Канкрин и глава министерства дорог и мостов граф Толь получили приказание находиться в Нижнем Новгороде, который играл столь важную роль в работе этих ведомств. Ранним утром следующего дня император пожелал начать свою поездку с посещения церковной службы в церкви, находившейся при ярмарке. Мне была оказана честь отправиться туда вместе с ним в небольшой коляске. С большим трудом нам удалось туда добраться, несмотря на все усилия толпы дать нам место для проезда, и это притом, что ширина улицы, заставленной различными лавками, была сравнима с Невским проспектом в Петербурге. Вернувшись к себе, император принял представителей губернского дворянства и депутацию торговцев из различных губерний, с которыми он долго беседовал о торговле и о тех убытках, которые причиняются ей плохим состоянием дорог. Затем с графом Толем он занялся вопросами их исправления, особенно тем, чтобы убрать огромное количество грязи, которая при малейшем дожде заполняет все подъезды к ярмарке так, что добраться туда пешком становится так же трудно, как и на телегах.

Император проехал по всем торговым рядам, разделенным по видам продукции, часто товары были самыми

удивительными, но это становилось понятным, стоило лишь подумать о том, что эта ярмарка обеспечивает большую часть годового потребления всей России. Здесь было все, начиная от китайского чая, сибирского железа и пушнины до сырья и изделий со всех концов России и Европы, включая колониальные товары из Индии, Америки, Персии и Египта. Практически не было видно заботливо устроенных лавок, скорее это были склады. Так в одних лавках до самого потолка были неровно свалены коробки с чаем, в других — тюки сукна, затем ткани, отруби, изделия из стали, столовое серебро. Но все это, начиная от самых ценных предметов до вещей каждодневного крестьянского обихода, продавалось в 20 и более находившихся поблизости лавках. Далее в огромных сараях располагались склады хлопка, шерсти, конопли, дегтя, железа, наконец, все то, что благодаря торговле доставлялось со всей России и из-за границы.

Глаза разбегались в попытке рассмотреть на протяжении более чем 40 верст поворотов и лавок все богатство и разнообразие товаров, повсюду были покупатели и посыльные. Воды Волги и Оки, окружавшие эту обширную ярмарочную площадь, были покрыты судами, на которых находились большеразмерные товары, продававшиеся без перевозки на сушу, это была вторая ярмарка на воде. В толпе людей можно было видеть одежду народов Азии и костюмы представителей различных племен, населявших Россию, которые соседствовали с изысканными европейскими фраками, действительно, этот праздник собрал все народы.

Император отправился осмотреть большие работы, которые он приказал осуществить во время своего последнего пребывания в Нижнем Новгороде. Это были два спуска от города к реке, где пологие и удобные склоны должны были заменить крутую линию берега, которая раньше была единственным способом сообщения с рекой. Масштабные

земляные работы на этих берегах, которые из опасной пропасти сделали плавный скат, украсили половину города. Работы по благоустройству включали: ремонт и регулярную застройку площади внутри стен Кремля, которую мы оставили полную лачугами и всю в пробоинах, засаженный деревьями бульвар вокруг кремлевских стен, выходящий на смотровую площадку, отделявшую их от остального города, казармы 4 карабинерского полка, фундамент здания губернской управы, набережные Волги, которые раньше представляли собой лишь грязную клоаку с убогими хижинами. Все эти улучшения были предписаны императором, и он с радостью видел, что они почти готовы к завершению.

На следующий год император планировал поездку в свои кавказские провинции, и он пожелал видеть торговцев из Астрахани, Тифлиса, Кизляра, Армении, Дербента и Ширвана. Затем он принял представителей бухарцев, мордвы, черемисов и чувашей, со всеми он говорил очень благосклонно, что еще усилило чувства радости, вызванные его приездом. Старые отставные солдаты также хотели быть представлены императору, их набралось более ста человек, и каждому из них по высочайшему приказу было выдано денежное вознаграждение. Из близлежащих провинций были отозваны из отпусков 392 младших офицера и 2200 солдат, из которых был сформирован и вооружен батальон. За городом император устроим смотр этим войскам, и был полностью удовлетворен их состоянием. Каким удовольствием было любоваться здоровым видом этих ветеранов и той радостью, с которой они маршировали перед своим государем. После парада они поставили свои ружья в козлы и радостью окружили императора, который позвал их, чтобы поблагодарить за их службу и призвать их служить также хорошо, как они это делали до того момента.

Они напоминали детей, окруживших своего родителя, старые вояки подчинялись голосу их начальника.

Софья Александровна Бенкендорф

Толпа людей собравшихся посмотреть на этот парад была столь многочисленна, что я стал опасаться, как бы не произошло какого-нибудь несчастья. В любую минуту экипажи могли перевернуться, не лошади угрожали затоптать людей, а наоборот, люди старались не задавить лошадей. Я призвал на помощь жандармов, чтобы сдерживать толпу, но когда парад был окончен, наши усилия оказались напрасными, все стремились поближе подойти к императору. Я не знаю, каким образом его коляска смогла подъехать к нему и как он смог в нее сесть, но я знаю, что сам я и все остальные искали экипажи до конца дней своих. Шум и напор людей был столь силен, что самые необузданные лошади становились тихими, как бараны.

Погода была дождливой, и ярмарочная грязь заставляла нас опасаться ухудшения состояния дорог. Было принято решение о том, что мы спустимся по Волге до Казани на пароходе одного астраханского купца. Так как все было условлено только накануне нашего отъезда, у меня едва осталось времени на то, чтобы спешно приготовить все необходимое для поездки. Судно было вычищено сверху до низу, на верхней палубе была устроена кухня, наполненный товарами трюм был освобожден и переделан в жилое помещение с несколькими комнатами для свиты императора и графа Толя, который должен был сопровождать его до Казани. Небольшая каюта была элегантно украшена для императора и рядом еще одна для его камердинера. На борт была доставлена провизия на дорогу и, наконец, перенесли личные вещи.

Утром 18 августа император еще успел осмотреть общественные заведения города и устроил смотр батальону из состава гарнизона, затем он направился прямо на мост, откуда и поднялся на борт парохода, где мы его уже ждали. Все участники ярмарки наблюдали за отъездом императора с моста, с обоих берегов реки, с крыш домов, с речных судов и шлюпок. Наш отъезд стал поистине величественным зрелищем благодаря массе людей, собравшихся на суше и на воде. Лес мачт, покрывший реку, и окрестные колокола содрогнулись от приветственных криков народа. Только приняв все мыслимые предосторожности и замедлив ход, мы смогли избежать столкновения с барками и не потопили мелкие суденышки, которые, переполненные людьми, шныряли вокруг нашего парохода. Еще долго мы с восхищением наблюдали картину, открывавшуюся на здания ярмарки, на течение реки и на древние стены города с куполами церквей.

Из-за плохой погоды мы только временами могли наслаждаться разнообразными видами волжских берегов, которые то удалялись и понижались, то поднимались

и приближались к фарватеру плавания. Виды больших деревень, маленьких городов, лесов, загородных домов сменяли друг друга и быстро проплывали перед нашими глазами, так как скорость течения прибавлялась к силе пара, увлекавшего нас вперед. Ловцы рыбы ловко приближались к нашему судну и бросали нам свой улов, представители городов и деревень в своих небольших шлюпках преподносили нам хлеб-соль. Мужчины и женщины заходили в воду по пояс, чтобы как можно ближе увидеть обожаемого государя, появление которого в этих местах было полной неожиданностью.

Утром 20 августа мы увидели берега Казани и замедлили ход с тем, чтобы не прибыть туда слишком рано. На берегу нас встретил казанский генерал-губернатор, он приготовил экипажи с тем, чтобы привести нас в Казань, отстоящую от Волги на 6 верст. Болотистый и наполовину песчаный берег каждую весну затоплялся разливавшимися водами Волги.

* * *

Наши двигавшиеся по суше коляски, уже прибыли в Казань. Погода утром была хорошая, и вскоре мы увидели Казань, над которой возвышался старинный Кремль, резиденция бывших татарских ханов. Находясь на широкой равнине, он доминировал над городом и его окрестностями. Все русское и татарское население было уже на ногах и заполнило улицы города. Крики радости, встретившие нас у границ города, возвестили его жителям о приезде императора, и сопровождали нас до приезда в предназначенный для его размещения губернаторский дом. Нас поразила красота города, царившая в нем чистота, его прекрасные здания и церкви, стоявшие на улицах, и его богатый вид, подтверждавшийся экипажами, одеждой жителей и лавками. Вот уже 34 года я не был в Казани, и для меня это был новый город, я не узнавал здесь ничего. Мы быстро переоделись,

чтобы сопровождать императора в городской собор, толпа была столь велика, что мы с трудом следовали за ним и проложили себе дорогу, чтобы войти в церковь. Все население как будто опьянело от радости, нас приятно поразило то, что мусульмане не отставали в этом чувстве от истинных москвичей. Выйдя из храма, мы пешком обошли старинные кремлевские стены, которые так долго были опорой власти ханов и выдерживали длительные осады наших царей.

Император пожелал восстановить дворец татарских государей, только одна невредимая башня которого еще указывала его место. Он приказал представить ему соответствующие планы, которые должны были тщательно сохранить стиль и архитектуру тех давно ушедших времен, когда покорила народы России. Затем он осмотрел уже начавшееся строительство огромных казарм, предназначенных для военных поселенцев, находящихся напротив архиепископского дворца. Это сооружение придаст должный вид внутреннему пространству Кремля и позволит стереть печать опустошения и разрухи, оставшееся здесь еще с тех пор, когда Иван Грозный завоевал его.

Мы осмотрели город и все его общественные заведения — больницы, тюрьмы, школы и арсеналы. Мы детально осмотрели университет, здание которого было достойно украсить любую крупную столицу. Благодаря изяществу конструкций и удачным пропорциям, наше особое внимание привлекла обсерватория, откуда открывался вид на весь город и его окрестности, а также зал отдыха и здание библиотеки. Это, безусловно, было самое красивое сооружение такого рода, какие я когда-либо видел. На следующий день император принял мужчин и женщин различных народностей, живших в Казанской губернии — татар, вотяков, чувашей, черемисов и мордвы, в их праздничных национальных костюмах. Замечательно, что только одна губерния включает в себя столько

совершенно непохожих костюмов, обычаев и наречий, и что столетия вхождения в состав русского государства совершенно не привели к смешению или к сближению их между собой. Женщины, никогда не показывавшие своего лица чужеземцу, на сей раз посчитали совершенно естественным открыть его своему государю. Казалось, они очень польщены тем, что их выбрали в качестве примера женщин своей национальности. Император рассмотрел их костюмы, любезно говорил с ними и поручил мне раздать всем им подарки, украшения и драгоценности, что доставило им огромное удовольствие.

За городом были сформированы отряды из отпускников казанской губернии, а также были собраны два батальона гарнизона города. Первые, под командованием храброго генерала Скобелева, были покрыты ранами, однорукие, у некоторых отсутствовали 3 пальца на другой руке, явились на смотр с прекрасной выправкой и с благородной уверенностью в себе, что было следствием 20 летней беспорочной службы. Сам Скобелев 38 лет назад был младшим офицером, который в рядах армейского полка на этой самой площади в Казани прошел парадом перед императором Павлом.

Сын крестьянина Скобелев был взят в рекруты и вскоре, благодаря своему безупречному поведению, он был замечен. Император Павел, имея потребность скрыться от внимательных глаз публики, пришедшей на него посмотреть, укрылся за рядами войск и оказался вблизи от Скобелева. Этот молодой младший офицер понравился ему, и он приказал великому князю Александру пожаловать ему 200 рублей. Этот столь дорогой для бедного младшего офицера подарок породил в нем желание и предоставил возможность покупать книги и начать свое образование. Он настолько преуспел в этом, его служба была столь отлична, а храбрость

проявлялась во всех сражениях в различные кампании, что он стал быстро продвигаться по службе и дослужился до чина генерал-лейтенанта, командующего всей армейской резервной пехотой. Вспоминая о начале своей карьеры в Казани, он со слезами на глазах преклонил саблю, отдавая рапорт императору Николаю, третьему государю, которому он с честью служил. В этот момент он находился во главе ветеранов армии, срок службы самого старого из которых был как минимум на 10 лет меньше, чем у него самого.

Будучи столицей могущественных татарских ханов, в Казани и в одноименной губернии до сих пор многочисленную часть населения составляют их наследники. Император пожелал почтить безупречную покорность и преданность этой части своих подданных, и для этого отправился в главную татарскую мечеть. Принимая его, муфтий неожиданно произнес речь, в которой были выражены чувства преданности и благодарности, рожденные в сердцах всех татар его неожиданным благоволением. Их радость отразилась во всем их облике и выразилась в оглушительных приветственных криках, а также в том, что они бежали за коляской императора, пока это было возможно. Выехав за пределы городских окраин, император посетил пирамидальный памятник, внутри которого располагалась часовня, возведенная на том самом месте, где при Иване Васильевиче Грозном были захоронены русские воины, павшие при осаде и штурме Казани. Число их было весьма значительно, так как татары противопоставили их мужеству усилия тем более отчаянные, что они бились за последний оплот своей независимости и могилы своих славных предков.

Император был очень доволен тем порядком, который он нашел во всех городских общественных заведениях, и в городе вообще. Он пригласил к своему столу всех первых чиновников, наградил генерал-губернатора генерал-адъютанта

Стрекалова³⁰, куратора университета своими орденами и поблагодарил многих других. Он принял приглашение и вечером отправился на бал, который местная знать организовала в честь его приезда в очаровательном месте, и оформленного со вкусом.

«В трактире». Рисунок императора Николая I

На балу присутствовало многочисленное и богато разодетое общество, были дамы, собрание это ни в чем не уступало столичным балам. Покинув этот бал в полночь, мы сели в коляску посреди огромной толпы, которую столь поздний час отнюдь не сделал меньше ни перед домом, ни на прилегающих улицах. В том месте, где мы высадились на берег, нас ждала лодка министерства дорог и мостов, на которой мы пересекли реку в полной темноте, но спокойно и приятно. На другом берегу нас ждала наша дорожная коляска, которая была доставлена туда заранее. Вокруг нее толпились жители

³⁰ Эта фамилия в рукописи написана другим почерком, возможно, рукой Николая I.

деревень, которые во множестве расположены на берегу реки. В этом месте правый берег Волги становится гористым и вновь понижается только в окрестностях Астрахани. Нам потребовалось только 12 часов, чтобы оказаться в Симбирске, расположенном на одном из самых возвышенных мест этого берега. Все население этого губернского города собралось на большой площади, где стоял дом, предназначенный для императора. Люди горячо приветствовали его, тем более что со времен Петра I российские государи не приезжали в Симбирск. Императору были представлены губернские власти, представители дворянства, военные и торговцы. Затем Его Величество направился в собор, куда за ним последовала толпа народа. Рано утром на следующий день, взяв с собой только меня одного, император присутствовал на службе в Никольской церкви. Затем он был на смотре гарнизонного батальона и последовательно осмотрел богоугодные заведения, учреждения, основанные на средства и заботах императрицы Елизаветы. Он был особенно доволен состоянием этих последних и пожертвовал им 10 тыс. рублей. Потом он посетил гимназию, батальон, набранный из солдатских детей, строительство нового кафедрального собора и тюрьмы. Затем он спустился по высокому берегу Волги, крутой склон которого почти полностью изолирует город Симбирск от реки. Было непостижимо, почему горожане лишали себя возможности пользоваться преимуществами, которые могли бы предоставить им воды реки для торговли, и особенно непонятно как правительство и городские власти в течение стольких лет ничего не предприняли с тем, чтобы ликвидировать это препятствие. По этому высокому и крутому откосу мы спустились в тарантасе, это разновидность дрожек на длинных оглоблях и без рессор, которыми жители привыкли пользоваться в этих местах с тем, чтобы ехать медленно и, не опасаясь перевернуться. Спустившись по склону,

протянувшись более чем на версту, мы увидели протянувшееся вдоль берега Волги поселение, пользующееся всеми преимуществами близости реки, чего был полностью лишен Симбирск. Обратно поднялись мы по другой еще более крутой стороне холма, которую лошади преодолели лишь с большим трудом. Продвигаясь по гребню холма, на котором лежал Симбирск, император нашел и указал место, где он приказал немедленно приступить к строительству пологого съезда, который мог бы дать городу легкую возможность сноситься с берегом Волги. Это строительство, которое принесет пользу и придаст новый вид городу, станет свидетельством пребывания императора в его стенах.

После обеда, на который были приглашены гражданские и военные власти города, мы сели в коляску и направились в Пензу, куда приехали на следующий день к вечеру. Место расположения этого города и его окрестности были богаты растительностью и густо заселены, что придавало виду особую приятность. Пенза стоит на откосе и вокруг широкого круглого холма, гребень которого украшен садом из высоких деревьев, что придает городу вид более приятный и внушительный, чем есть на самом деле. Толпа людей ожидала нас на главной площади, где были выстроены просторные губернаторские покои. Мы остановились около этого дома под аккомпанемент восторженных восклицаний, вызванных радостью в первый раз видеть своего государя, который впервые с допетровских времен приехал сюда. Даже Петр, несмотря на свою поразительную деятельность, никогда не добирался до этого отдаленного уголка своей обширной империи. Крики народа и его желание видеть своего государя только усилились, когда через несколько минут после приезда, он снова появился, и вместе, с губернатором, направился в величественно возвышавшийся на этой же площади собор. С раннего утра следующего дня мы начали осматривать этот

красивый город, посетили больницы, учебные заведения и тюрьму, в которой император даровал прощение многим крестьянам, арестованным за участие в бунте, имевшем место в деревнях симбирской губернии, принадлежавших короне. Затем мы поехали в расположенный в нескольких верстах от города образцовый сад, разбитый по приказу императора Александра. Здесь на обширной и красиво расположенной территории были высажены самые различные сорта кустарников, шпалеры фруктовых деревьев, цветы и растения, они служили питомником для соседних губерний и образцом для садовников. Прекрасное состояние и богатство этого сада удивили нас тем больше, что мы даже не подозревали о его существовании. Вся заслуга создания этого новшества и его прекрасного использования принадлежала немецкому садовнику, который его создал и украсил. Император приказал мне наградить этого человека орденом Св. Владимира 4-й степени, об этой награде он даже и не помышлял. Вечером того же дня мы продолжили нашу поездку в Тамбов, на выезде из Пензы мы были в восторге от ее прекрасного расположения, которое открывало на выезде из города вид столь же оживленный, сколь и протяженный.

Император постоянно торопил наше продвижение вперед, и мы уже выиграли несколько дней. Ему нужно было осмотреть войска в Чугуеве и Ковно, посетить Варшаву. С ужасающей быстротой мы ехали по отличной дороге, влекомые прекрасными лошадьми. Глубокая ночная темнота не замедлила наше продвижение, мы мирно спали, когда в час пополудни 26 августа были разбужены криками почтальонов и нашего кучера. Лошади понесли, и в тот же момент наша коляска перевернулась, как от удара пушечного ядра. Император сказал: «Это пустяки». Я не помню, как оказался на ногах рядом с коляской, в которой я увидел кучера Артамонова и камердинера Малашева, находившихся без чувств.

Стремительный бег лошадей был быстро остановлен падением и чем-то вроде кочки на дороге, за которую они зацепились, коляска была разбита. Я крикнул императору, чтобы он выходил, но, так как он мне не ответил, я ухватил его за отвороты шинели и вытащил наружу. Тогда я увидел, что ему плохо, и усадил его на обочине дороги в нескольких шагах оттуда³¹.

Его первыми словами были: «У меня сломано плечо, я чувствую это. Это хорошо, господь предупреждает меня, что не следует строить планов, не испросив его поддержки, это урок мне»³². Увидев прохожего, который оказался старым солдатом-отпускником, увешанным медалями, я дал ему поддержать факел, принесенный конюшим, ехавшим впереди нас на почтовой телеге. Солдат остался рядом с императором, тогда как я с конюшим попытался оказать помощь кучеру и камердинеру. Последний стонал, и весь был покрыт кровью, второй не подавал признаков жизни. Тогда я послал конюшего в маленький городок Чембар, который был всего в пяти верстах от места, где мы находились, с тем, чтобы как можно скорее привезти врача и коляску для перевозки императора. Тем временем император разговаривал с солдатом-отпускником, который держал перед ним факел. Он поднялся, чтобы помочь нам позаботиться о своем камердинере, и заметил мне, что у меня появился убитый на том фронте, которого я даже не заметил. К месту событий подъехал следовавший за нами фельдъегерь, и я сразу отправил его обратно за врачом Арендтом, который ехал в одной коляске

³¹ Приписка Николая I: «в придорожной канаве».

³² Помета Николая I: «Это не точно. Когда Бенкендорф встал на ноги, он мне сказал "Выходите быстро". Я ему ответил "Легко сказать, выходите, но я не могу подняться. Я чувствую, что мое плечо сломано". Превозмогая сильную боль, я выбрался из коляски. Едва оказавшись снаружи, я почувствовал себя плохо, о чем и сказал Бенкендорфу».

с генерал-адъютантом Адлербергом, с тем, чтобы поторопить его приезд. В одном из карманов коляски я нашел бутылку воды³³ и омыл ею окровавленное лицо камердинера, а также дал напиток императору, который чувствовал сильную жажду³⁴.

Вид сидящего на земле со сломанным плечом суверена одной шестой части земного шара, освещенного лишь жалким инвалидом, и не имеющего других слуг, кроме меня, эта простая сцена навеяла мне мысль о бренности всего земного величия. У императора было то же впечатление, и мы поговорили об этом с тем религиозным чувством, которое внушил нам этот случай. Добрый час прошел, пока кучер не начал дышать, и пока из города не приехал врач. Император приказал ему оказать всю необходимую помощь Малашеву и Артамонову³⁵ которые пострадали больше него, и положить их в повозку, которая только что прибыла за нами из Чембара.

С помощью прибывших людей наша коляска была поставлена на колеса. Император сел в повозку, чтобы направиться в город, не позволив врачу осмотреть себя. Однако от тряски в грубой повозке испытываемая им боль резко усилилась, и дальше он продолжил путь пешком. Вскоре нас нагнали взволнованные Арендт и Адлерберг, и я поспешил опередить их с тем, чтобы приготовить квартиру императору. Кроме городничего, встречавшего нас у городской заставы, в Чембаре все спали. Я взял его с собой, и мы направились по городским улицам к зданию уездного

³³ Последнее слово зачеркнуто и рукой Николая I написано «хереса».

³⁴ Слова «сильную жажду» зачеркнуты и рукой Николая I сверху написано «я плохо себя чувствовал».

³⁵ Последнее слово зачеркнуто, рукой Николая I написано «кучеру Колчину».

училища, которое, по его словам, только и могло быть подготовлено для приема императора.

* * *

Я приказал наскоро помыть и добавить света в это здание и отправился встречать императора, который уже был в городе. Он был усталым, но, войдя в свою новую резиденцию, принялся шутить и спрашивать, о чем бы написать, он приказал, чтобы фельдъегерь немедленно был готов отправиться в Петербург. На четырех страницах он написал письмо императрице, которое и прочитал нам. Оно было написано столь живо, что заставило нас рассмеяться. Отправив его, он приказал мне отменить свою дальнейшую поездку, особенно там, где ждали в дальнейшем. Занимавшийся военными делами генерал Адлерберг получил его приказания по поводу генералов, собравших свои войска, а также относительно польского наместника князя Паскевича и военного министра

Н. Ф. Арндт

Чернышева. Окончив все это, он сказал своему врачу: «Хорошо, теперь Ваша очередь. Вот моя рука, займитесь ею». Во время всей процедуры он шутил с нами и любезно познакомился с врачом Чембара, который был очень удивлен, что его позвали на помощь лекарю своего государя. Затем я принял все необходимые меры для размещения свиты императора и для возврата коляски с его камердинерами, которая опередила нас и уже была в Тамбове.

Этот маленький городок, один из самых захудалых в империи, где мы были вынуждены остановиться, не мог предоставить нам никаких припасов. Надо было немедленно позаботиться о ежедневной провизии для нашего стола, найти какие-то предметы мебели, привезти из Москвы вина, создать что-то вроде полиции на случай пожара в этом полностью деревянном домишке, почти целиком покрытом соломой. Надо было организовать прием и отправку курьеров и сообщить всем о новом местопребывании императора. Все это было успешно сделано, со всех сторон губернии прибывали гвардейские и армейские отпускники, первых использовали в качестве императорской прислуги, из вторых сформировали отряды городских полицейских, пожарных и мусорщиков. Все хотели быть полезными, жители Чембара в гробовом молчании от огорчения целыми днями толпились вокруг скромного жилища их государя, как будто охраняли его и оберегали от малейшего шума, говорили они между собой на ухо, как если бы находились в его спальне. Окрестные помещики присылали фрукты и самую разную провизию, и вскоре на нашей походной кухне, руководимой поваром Мюллером, всего было с избытком. Для украшения окон дома нам присылали охапки разноцветных цветов, богатые и бедные женщины приезжали за сотни верст, как на паломничество, с тем, чтобы узнать о здоровье императора и в надежде его увидеть. По мере того, как новость

о несчастном случае достигала соседних губерний, начали приезжать посыльные с тем, чтобы узнать хорошие новости о состоянии здоровья обожаемого государя. Ежедневно врач государя и городской доктор, который был очень сведущим молодым человеком, составляли бюллетень о состоянии его здоровья. Его каждый день направляли в Москву, Петербург и во все те регионы, куда вели дороги из Чембара. У меня не хватало времени ответить на все письма, которые срочно ко мне пришли. Вся империя жила в страхе, Чембар стал главным центром опасений и надежд. В Петербурге императрица со свойственным ей во все грозные дни душевным равновесием старалась успокоить все опасения. Она часто появлялась в Елагином парке и сообщала всем, кто к ней подходил, успокоительные новости, которые она сама получала в ежедневных многостраничных письмах, написанных императором собственноручно, исполненных веселья и радости.

Но на самом деле император сильно страдал, в первые дни нашего пребывания в Чембаре стояла страшная жара, казалось, что лето специально пришло туда с тем, чтобы встретить нас и уберечь от непогоды, которая сопровождала нас всю поездку. Ставший Всероссийским дворцом хилый дом не спасал от жары, и врачи не сразу заметили, что кроме ключицы было сломано верхнее ребро, что усиливало боли. Император жаловался, но, проявлял ту силу характера, которая выделяла его во всех случаях жизни, даже при телесных страданиях. Он продолжал заниматься делами, как если бы он был совершенно здоров в своем кабинете в Зимнем Дворце. Курьеры, которые привозили от всех министров обычную работу, отсылались назад в тот же день или ночью без малейшей задержки. В минуты отдыха он читал газеты и даже романы, но они часто заставляли его скучать, тогда он с беспокойством думал о своей семье, о своем народе

и о тех изменениях, к которым привел в дороге этот несчастный случай. Он опасался, как бы императрица не решила отправиться в Чембар, что могло привести к самым печальным последствиям для ее здоровья, и довести до предела беспокойство всех подданных. В первом же письме он категорически запретил ей это, об этом же он писал и князю Волконскому, но, зная нежную привязанность, которую испытывает к нему его супруга, он опасался, как бы она не приняла решение приехать. На этот случай для размещения ее со свитой я приготовил здание судебной палаты.

Врач заявил, что в Чембаре надо остаться на три недели, и потом продолжить поездку маленькими переходами. Все это сильно противоречило характерному для императора нетерпению и вредило его выздоровлению. Первое сделанное для него фиксирующее приспособление было снято через три дня, так как оно столь сильно сжимало его живот, что у него начались колики, боль от которых была непереносимой. Несчастный Арендт не знал, какое еще средство посоветовать, тем более, что больной отказался от большинства из них, а неспособность других унять боль приводила его в ярость.

В одну из ночей он почувствовал себя настолько плохо, что позвал священника с тем, чтобы подготовиться к смерти. По его приказу этот факт был скрыт от императрицы и от страны в целом. Эта тайна, в которую я был посвящен, еще больше увеличила чувство моего уважения, а также усилила мои огорчения и беспокойство. Перед императором я всегда старался быть спокойным и держаться в хорошем настроении, но мое сердце разрывалось, а разум говорил о чрезвычайной сложности моего положения перед государством, императрицей и наследником. На заре поделиться своими печалью ко мне пришли мои товарищи по поездке Адлерберг, прусский полковник Раух (?) и павший

духом Арендт, и мне пришлось успокаивать и их, а также приободрить растерянного врача.

Утром, в до и после обеденное время я целыми часами оставался подле императора. Как обычно Адлерберг принес ему портфель с бумагами из военного министерства и вечером прочел вслух некоторые из них. Командующий черноморским флотом адмирал Лазарев и граф Витт, начальник военных поселений кавалерии, которые император должен был осмотреть в Чугуеве, получили приказание явиться в Чембар, они неоднократно встречались с императором по различным порученным им вопросам. Также из многих мест прибыли другие генерал-адъютанты императора, что с каждым днем увеличивало наше общество за столом и развеивало скуку от пребывания в городе. Несколько раз император прогуливался по двору своего дома, наслаждаясь возможностью подышать свежим воздухом, словно заключенный, покинувший свою темницу. Здесь он с удовольствием встречался с нами, и мы вместе смеялись. Но повторявшиеся каждый день приступы боли в животе начали его беспокоить и пребывание в Чембаре с каждым днем становил все более невыносимо. Настроение его портилось, а стремление уехать возрастало со всей очевидностью. Срок в три недели при его нетерпении казался ему бесконечным. Арендта все больше тревожило состояние его здоровья и упадок настроения, он не мог не видеть, что император теряет доверие, которое всегда испытывал к его способностям. Он пришел ко мне со слезами на глазах, сказал, что для улучшения морального состояния императора отъезд необходим, но переломанная кость может пострадать от сотрясения коляски. Я посчитал, что из двух зол опасность для состояния руки является наименьшей, и мы решили через 4 дня со всеми предосторожностями отправиться в путь. Эта новость обрадовала императора, и я поспешил сделать все требуемые

приготовления. Однажды вечером, когда нам оставалось еще три дня до отъезда, император послал за мной. Он лежал в постели, глаза его сверкали, вся фигура выражала недовольство. Не терпящим возражений тоном он сказал мне: «Я уезжаю завтра в 9 часов утра, если Вы не сможете подготовиться к отъезду, то я пойду пешком». Никогда еще он не обращался ко мне таким тоном и с таким видом повелителя. Видя, что он столь решительно настроен, я спросил только, предупредил ли он врача, на что он мне ответил, что врача это совершенно не касается. Тогда я сказал, что все приготовлю, несмотря на то, что это будет нелегко в 12 часов ночи. Едва я успел отдать требуемые распоряжения и началась подготовка к столь поспешному отъезду, как он снова послал за мной. Войдя к нему доложить, что все будет готово, я увидел, что его лицо спокойно, а голос успокоился. Он повеселел и приказал мне наградить всех тех, кто служил ему во время пребывания в Чембаре. Он пожертвовал значительные суммы денег церкви, школе и неимущим. На следующее утро в 7 часов он был уже готов и потребовал отправиться в путь. Перед отъездом он поблагодарил городничего, уездного предводителя дворянства, жандармского полковника и солдат-отпускников, прислуживавших ему в доме. Он пешком направился в церковь, заполненную и окруженную всем населением Чембара, затем сел в длинную и низкую карету, которую я срочно приказал доставить из Пензы, как более для него удобную. Мы все сели в нее вместе с ним. Наш отъезд произошел при великолепной погоде и сопровождался благословениями людей, сбежавшихся посмотреть на императора.

* * *

Мы провели в Чембаре две недели с 26 августа по 9 сентября. Эти 15 дней показались мне 15 месяцами, и я был

столь же счастлив, как и император, уехать отсюда. На протяжении первых 20 верст он весь светился от радости, шутил со своим врачом по поводу его незнания и общей неопределенности его профессии. Но потом возобновились его желудочные боли и с тем, чтобы скрыться от наших взоров, он один перебрался в свою коляску и добрался до места ночлега весь измученный и в плохом настроении. Мы заночевали в небольшом городке Кирсанове, где для него смогли найти только весьма скверный домишко, и откуда мы уехали ранним утром следующего дня обеспокоенные больше, чем накануне, и при отвратительной погоде. Вторая ночевка у нас была в Тамбове, куда мы приехали в два часа пополудни. Стечение простых людей и светского общества пешком и в экипажах было столь значительно, что мы с трудом добрались до губернаторского дома, где остановился император. Во время поездок по России и, особенно в губернских городах, везде государя сопровождали бурные проявления радости и восторженные крики встречающих. Здесь же нас ожидало совершенно другое зрелище — гробовое молчание огромной массы народа, которая толпилась вокруг кареты императора с выражением самого трогательного сочувствия и с деликатным опасением потревожить его выздоровление любым шумом. Эта сдержанность и религиозная робость показалась нам более красноречивой и более заботливой, чем все те восторженные крики, к которым за 10 лет любовь русского народа приучила своего молодого государя. Целый день толпа не покидала площадь перед домом, глаза людей были прикованы к окнам, все молились о выздоровлении государя, и не было слышно ничего, кроме вздохов.

В Тамбове мы встретили графа Михаила Воронцова, который уже оставил должность новороссийского губернатора и приехал на доклад к государю и за его дальнейшими приказаниями. Я был счастлив встретить старого друга, и мы

провели вместе остаток дня. На следующее утро мы покинули Тамбов в окружении все той же толпы, жаждавшей увидеть своего государя. Улицы были полны людей, дамы в экипажах следовали за нами и даже опережали коляску императора в надежде мельком его увидеть. Но на выезде из города на широкой проезжей дороге эти экипажи увеличили скорость, рискуя столкнуться между собой, и так продолжалось несколько верст, пока могли скакать их лошади. Это были настоящие и устрашающие гонки, которые, впрочем, несколько развлекли императора видом счастливых и красивых лиц, следовавших за ним по обеим сторонам коляски, друг напротив друга.

Константин Константинович и Мария Константиновна Бенкендорф

В следующий раз мы заночевали в Козлове, затем в Рязске, Рязани и в Коломне. Везде люди нас встречали с тем же интересом и священным молчанием, можно было бы сказать,

что людскими массами и каждым человеком управлял один и тот же электрический провод. Между тем, здоровье императора было далеко от улучшения. Врач беспокоился все больше, что только усиливало нашу тревогу. Почти весь путь до Москвы он проехал один, только после Коломны пригласив к себе Орлова. Мы с Арендтом ехали с отставанием примерно в четверть часа. Выйдя из кареты, мы зашли к нему, и были очень удивлены, найдя его в страшном гневе. Он заранее приказал, чтобы никто из городских властей не ожидал его приезда, но невозможно было предугадать, что перед всеми многочисленными церквями, где он должен был проехать, стояли священники с крестами и святой водой. Он постоянно был вынужден обнажать голову и целовать крест, а между тем, для того, чтобы обеспечить покой его руке, он был весь обложен мягкими валиками, наскоро сооруженными вокруг него. Он приказал мне пригласить графа Толстого и хорошенько прочистить им мозги. После обеда я зашел к нему и сказал, что не смог выполнить его приказание, так как граф Толстой не был виноват, т. к. предупредил духовенство не делать ничего, что противоречило бы принятым обычаям, за единственным исключением, когда государь приехал в столицу для коронации. Но митрополит решительно приказал всем священникам встать у дверей церквей, посчитав, что болезнь государя дает ему право на этот знак внимания, направленный на его выздоровление. «Тогда, — сказал император, — пригласите митрополита и отчитайте его». Он пообещал нам несколько дней отдохнуть в Москве, а потом, не спеша, продолжить путь, но нетерпение взяло верх, и он начал готовиться к отъезду уже утром следующего дня.

Перед выездом он отстоял службу в домашней церкви, принял графа Толстого и князя Сергея Голицына и сказал мне, что будет обедать на второй почтовой станции. Но там он потребовал лошадей и продолжил путь так быстро,

что мы не смогли его догнать вплоть до Царского села, куда я приехал на час позже него. Его неожиданное появление было приятной неожиданностью для императрицы и членов его семьи, которые поздравили его с возвращением домой и с избавлением от Чембара. Когда я приехал, он уже обедал со своей семьей. Он был столь любезен, что пригласил меня войти и с чувством поблагодарил за ту заботу, которой я его окружил. Со своей стороны императрица со свойственной ей ангельской кротостью поблагодарила меня за то, что я привез ей ее супруга. У меня отлегло от сердца, как будто страшная тяжесть упала с моих плеч, когда я увидел императора в кругу семьи, я за него больше не нес ответственности. Он оставался в Царском селе в течение 20 дней, выехав в Петербург только 8 октября всего на двое суток. Он прожил в Царском селе до 7 ноября, постепенно избавляясь от страданий, причиненных ему несчастным случаем у Чембара.

Зимний сезон был менее оживлен, чем обычно; балы и праздники несколько укрепили здоровье императора, который еще чувствовал себя слабым, и упрочили руководившее им стремление к благополучию всех людей, которые еще очень тревожились за него. Также частично развеялись ужасные опасения потерять того, кто являлся источником спасения для России и страха для революций.

* * *

В начале марта я работал в Кабинете Министров, когда неожиданно почувствовал себя настолько плохо, что едва успел схватить шапку, сесть в сани, добраться до дома и лечь в постель, как почувствовал себя совершенно заболевшим. Жена и дети в тот момент отсутствовали, и, вернувшись, застали меня совершенно обессиленным. Я послал за своим доктором, но он сам оказался болен, тогда я оповестил врача императора. Он посчитал возможным мне пообещать, что через пару дней я встану на ноги, но я возразил ему, что он ошибается, так как я чувствовал себя очень плохо, но не мог пояснить, в чем это конкретно выражалось. На следующий день, я пригласил к себе графа Орлова и поручил ему заниматься всеми важными делами, которые могли возникнуть в моем министерстве, и о которых требовалось бы доложить императору. Я также приказал начальнику моей канцелярии генералу Дубельту государственному секретарю Мордвинову согласовывать свои действия с графом Орловым, на следующий день я уже находился между жизнью и смертью. Император появился у моей постели сразу же, как узнал о той опасности, в которой я находился. Но, опасаясь своим присутствием усилить мое беспокойство, он сделал вид, что говорил со мной о делах и даже пытался рассказать мне

о только что полученных им новостях, а сам в другой комнате строжайше запретил начальнику моей канцелярии докладывать мне дела и вообще заходить ко мне. Он также отправил моего зятя князя Белосельского за другим доктором. Мой врач, несмотря на свою болезнь, приехал ко мне, кроме того, Арендт прислал еще двоих докторов, таким образом, моим выздоровлением занимались сразу 5 врачей. Как только я увидел такое высокое собрание и все то, что делалось вокруг меня, я тотчас понял, в каком плачевном состоянии нахожусь. Но самообладание меня не покидало почти ни на минуту, и я не впал в отчаяние умирающего человека. Я был до слез тронут теми заботами, которыми окружила меня моя супруга, моя падчерица Белосельская, мой племянник, мой двоюродный брат Шиллинг и все вокруг. Все стремились проявить себя, как самые близкие мои родственники.

Тем временем состояние моего здоровья только ухудшалось, несколько раз за день в мой дом возвращались врачи и проводили консилиум, каждый из них щупал мне пульс, и каждому я должен был показать свой язык, также они прощупывали мой живот. А затем еще в течение часа я слышал, как они в третьей от меня комнате полатыни обсуждали положение. Император терпеливо выслушал их дискуссию и умножил свои заботы, которыми меня окружил.

Мне ставили горчичники, прикладывали шпанских мушек, постоянно заставляли глотать сильнодействующие вещества, я принимал все, что мне давали, и с величайшей благодарностью позволял совершать над собой все, что им было угодно. Такое состояние на волосок от смерти продолжалось более 10 дней. Наконец, опасность признали миновавшей, но новый приступ болезни сделал ее более серьезной, чем раньше. Этот приступ был вызван оживлением тех, кто меня окружал, и кто толпой входили в мою комнату

с тем, чтобы меня проведать, поцеловать мне руки и с желанием меня развеселить. Император, который всегда приходил по утрам и частенько по вечерам, строжайше запретил, чтобы кто-нибудь входил ко мне. Он присаживался рядом со мной и старался толковать о таких политических и других новостях, которые могли меня позабавить, но не сильно занимали мои мысли. Он с удовольствием рассказывал мне о том общем сочувствии, которое вызвала моя болезнь в обществе и во всех классах населения, о письмах на эту тему, присланных из различных городов со всей империи, которые он читал. Этот интерес превзошел самые смелые мои мечтания, в моем доме встречались богатые и бедные, крупные чиновники и частные лица, самым непосредственным образом зависевшие от службы, на лестницах постоянно толпились люди, перед домом весь день менялись лица, интересовавшиеся состоянием моего здоровья. Сам император, выходя от меня, сообщал им о положении дел.

О моем здоровье спрашивали и самые блестящие светские дамы, и женщины буржуазного сословия. В церквях священников просили молиться за меня, татары и евреи молились в кругу своих единоверцев, также как это делали в католических и армяно-грегорианских соборах. По мере того, как известие о моей болезни достигло Москвы и внутренних провинций империи, там начиналось то же самое. В Берлине, Вене и Стокгольме государи и представители общества выказывали мне самый живой интерес, после своего выздоровления я имел счастье узнать, что обо мне скажут после моей смерти. Это было самым большим и прекрасным признанием заслуг, которое человек может получить в этом мире. Этим посмертным некрологом мне стали слезы и надежды бедных, повсеместное сожаление и особенно огорчение моего государя, который своими заботами и своей

печалью дал мне самое убедительное доказательство своего расположения и признания моих заслуг.

Применительно к занимаемой мною должности, это было мое полное управление на протяжении 11 лет. И я стал первым примером руководителя высшей полиции, чьей смерти опасались, и в тот момент, когда ожидали, что я предстану перед высшим Небесным Судьей, ни одна рука не поднялась восторженно размахивать цветком. Эта болезнь стала для меня настоящим триумфом, таким, которого не был удостоен еще ни один высший чиновник. Двое из моих высокопоставленных товарищей, которые не скрывали своей ненависти к моей должности, и, быть может, к доверию государя по отношению ко мне, они оба пришли к изголовью моей кровати и сказали: «Я складываю оружие, интерес и всеобщее сочувствие, проявившиеся по отношению к вам, столь прекрасны и единодушны, что добавить к ним нечего». С этого времени оба этих человека выражали мне только высокие проявления дружеских чувств. Император был рад моему триумфу, это было одобрение всей нации сделанного им выбора и его поддержки, оказанной мне и моей должности, против всех обвинений, которые пытались возвести против меня.

По истечении трех недель мою постель перенесли в большую залу, эта возможность покинуть спальню, где я так страдал, и которая стала для меня непереносимой, оказалась моей первой радостью. Императрица оказала мне великую честь и посетила меня, когда я еще лежал на кушетке в домашнем платье, ее визит доставил мне огромное удовольствие и исполнил меня благодарностью за столь высокое расположение. Наследник навещал меня несколько раз, ему было разрешено войти в мою спальню на несколько мгновений. Тем не менее, врачи не были еще ни в чем уверены,

*Е. П. Белосельская-Белозерская (урожденная Бибикова),
падчерица А. Х. Бенкендорфа*

они не пришли к единому мнению о путях моего дальнейшего лечения. Впрочем, они единодушно заявили, что я должен буду лечиться все лето, притом за границей. Это решение консилиума осторожно сообщила мне моя жена, но я решительно ответил, что скорее умру, чем покину Россию, и что я поеду только в свой загородный дом в Фалле. Император знал, какое удовольствие доставляет мне пребывание в этом месте, с самого начала моей болезни он поддерживал во мне эту надежду. Он принял решение о том, что, как только мне позволят силы и установится хорошая погода, я отправлюсь в Ревель на пароходе «Ижора». Эта мысль понравилась мне больше всего, и я мечтал только о том, как вернуться в Фалль.

Я считал дни и часы, мое нетерпение росло с каждой минутой, которая приближала меня к отъезду. Я был настолько слаб, что врачи старались выиграть время, но мое желание было настолько сильным, что из опасения навредить мне более долгими спорами они разрешили мне сесть на корабль как можно быстрее.

В конце лета император собирался совершить длительное путешествие в южные провинции своей империи и в Закавказье, он хотел бы, так же как и я, чтобы я смог сопровождать его. Он велел мне все лето соблюдать всяческие предосторожности с тем, чтобы мое здоровье укрепилось с целью позволить мне поехать с ним в конце июля. Так как Фальль находился довольно высоко к северу, врачи опасались, что тамошний воздух будет слишком свеж для меня. Император проявил чрезвычайную доброту и приказал, чтобы в его дворце Екатеринентале были готовы встретить меня на несколько дней перед тем, как я поеду в Фальль. Каждый день он приходил ко мне и выказывал знаки величайшей дружбы. Наконец, 12 мая он дал мне отпуск, меня усадили в карету и вместе с супругой мы прибыли на Английскую набережную, где нас ожидал корабль «Александрия». Мне с трудом удалось подняться на него без помощи двух людей, которые должны были меня поддерживать. Вся набережная была полна зрителей, которые специально пришли посмотреть на меня и пожелать мне счастливого пути. На борту судна меня одели в шубу и посадили на скамью, теперь подошли ожидавшие меня близкие знакомые и обняли меня: женщины и мужчины, вельможи и торговцы — все они выразили свои наилучшие пожелания и дружеские чувства. Эта сцена очень тронула меня и забрала те немногие силы, которые мне удалось собрать. В Кронштадте нам предстояла пересадка с «Александрии» на «Ижору», которая на рейде ожидала нас, чтобы поднять якорь. Из последних сил я спустился в шлюпку

и поднялся на борт другого судна. Многие люди, которые выразили желание сопроводить меня до Кронштадта, здесь простились со мной. К полудню при благоприятной погоде мы уже плыли к берегам Лифляндии. Я был так доволен оказаться на борту корабля, что мое настроение сильно улучшилось, и в первый раз я прекрасно провел ночь. Очень густой туман замедлил скорость нашего продвижения, и только к вечеру следующего дня мы увидели колокольни Ревеля и вошли в его порт. Я заранее написал губернатору о том, чтобы военные и гражданские власти не собирались по случаю моего прибытия, но был приятно удивлен, увидев, что по всему берегу стояли люди. Мой кузен губернатор Бенкендорф подошел на веслах, поднялся на борт и сказал мне, что было невозможно запретить людям собраться меня встретить и что все они ожидают меня с утра. Я вышел на берег, но в связи с тем, что нужно было преодолеть по молу довольно большое расстояние, чтобы подойти к карете, а моя слабость не давала мне возможности идти пешком, два матроса перенесли меня на раскладном стуле. Комендант порта храбрый адмирал Гейден приблизился ко мне и со слезами на глазах поцеловал мне руку, которую я не успел отдернуть, не сомневаясь в его намерениях. Все остальные пожелали последовать его примеру, все обнажили головы, дамы приветствовали меня, как некую реликвию, которую проносили мимо в торжественной процессии. Толпа сопровождала меня до кареты, в которую я поднялся с чувством полного удовлетворения от приема в родном городе моего отца.

Добравшись до дворца Екатериненталь, я нашел там присланного императором фельдъегеря, который без промедления должен был доставить ему сведения о том, как путешествие сказалось на моем здоровье. Я тут же взялся за перо, чрезвычайно тронутый этим новым свидетельством его нежной заботы. Сопровождавший меня от Санкт-Петербурга

врач был крайне удивлен, увидев, что у меня остались силы написать письмо в четыре страницы, и тем улучшением моего состояния, которое произошло меньше, чем за 36 часов.

На следующий день была замечательная по-настоящему летняя погода, которой я воспользовался для того, чтобы сделать несколько шагов по саду и с балкона насладиться прекрасным видом и великолепным воздухом. Кроме моей супруги и детей со мной был князь Григорий Волконский, сын министра императорского двора и нареченный моей дочери Марии, а также мой кузен Шиллинг, кроме того несколько других людей, пожелавших меня сопровождать. Все они были очень хорошо устроены во дворце, поэтому весь день и обед прошли весьма оживленно. На следующий день утром прибыли кареты, и мы направились в Фалль, предмет всех моих вожделений. Меня восхищало все — и распутившаяся зелень, и находившиеся в полном порядке дома. Сначала я зашел в православную церковь, которая была здесь построена по моему приказу для моей супруги, здесь я возблагодарил Всевышнего за то, что он так чудесно спас меня для моей семьи и для службы моему благородному государю, который удостоил меня своей дружбой. Но еще несколько дней я не мог наслаждаться прогулками по причине слабости и не очень хорошей погоды. Мне пришлось удовлетвориться наслаждением смотреть на мой сад через окна или приказать перенести меня туда на совсем небольшое время.

День ото дня мои силы увеличивались, и через несколько недель я был в состоянии, хотя и с большими предосторожностями, каждое утро гулять по моим чудесным владениям. В первый раз за 38 лет активной службы я наслаждался полным отдыхом. Император также приказал, чтобы мне не посылали никаких бумаг, однако, постепенно я почувствовал необходимость в них и начал заниматься делами. Меня навещали мои добрые знакомые: мой лучший друг

граф Михаил Воронцов, который приехал в Петербург всего на несколько дней, заехал ко мне с генералом Левашовым и Балабиным, затем герцог де Бутера, генерал Киселев, молодой князь Кочубей, господин Лазарев, князь Стурдза, госпожа Раух с дочерью, граф Хрептович со своей супругой и с молодой графиней Нессельроде и много других людей. Не считая жителей Ревеля и его окрестностей, приехал граф Сиверс со своей женой, старинной подругой моей супруги. Был мой шурин Захаржевский, все они оставались в Фалле по несколько дней.

Я хотел вернуться в Петергоф ко дню ангела императора, к 26 июня. Но он решительно запретил мне это, приказав вернуться не ранее конца июля месяца, с тем, чтобы сопровождать его в длительной и интересной поездке, которую он собирался начать 1 августа. Этого желал и я самым горячим образом. Практически каждую неделю государь присылал мне со специальными курьерами письма, которые хранятся в Фалле, как самые ценные свидетельства его высочайшего расположения ко мне.

В первые дни мая месяца наследник престола великий князь Александр покинул Петербург, выехав в свою поездку по империи, которую он начал с посещения Нижнего Новгорода, он побывал в Казани и доехал до Тобольска, где еще никогда не был ни один член императорской фамилии. Повсюду его встречали с самым нежным интересом. Любопытство и любовь народа в нем вызывало все — его очаровательная внешность и любезность, его стремление осмотреть все во всех губерниях, его изящная и улыбчивая манера держаться, его религиозное уважение к верованиям своих предков и то великое предназначение, ради которого он был рожден. Люди видели в нем будущего государя своих детей. Толпы людей встречали его и благословляли его путь. Были приложены все усилия для того, чтобы эта поездка стала

для наследника максимально полезной. По особому приказу в каждой губернии были приготовлены самые точные статистические данные по всем отраслям управления. Также были приготовлены образчики всех товаров, как в необработанном виде, так и являвшиеся результатом процесса производства, которые представляли собой естественные богатства или промышленную гордость в каждой губернии. Находясь на отдыхе, я получал отчеты жандармских полковников об этой поездке, они были полны восторга, который внушил им ход поездки наследника и его похвальное поведение. Все это делало его Августейших и любящих родителей чрезвычайно счастливыми.

Я выехал из своих владений 13 июля, и с тем, чтобы испытать свои силы, ехал днем и ночью без остановки до самого Петергофа. Членов императорской фамилии там не было, они уехали на маневры в Красное Село. Но прислуга дворца и конюшни сбежалась посмотреть на меня с тем воодушевлением и радостью, которые весьма редки в этой прослойке населения, столь пресыщенной лицезрением разных лиц, привычно появлявшихся и исчезающих из толпы высокопоставленных сановников. Я направился в Красное Село, где меня ожидал тот же прием: генералы и генерал-адъютанты императорского дома, иностранные посланники и дворцовая прислуга пришли ко мне еще до того, как я успел снять дорожную одежду. Я торопился повидать императора, императрица первой увидела меня с балкона и пригласила к себе со свойственной ей природной и любезной добротой, которая заслужила ей всеобщую любовь. Император зашел к ней и сжал меня в своих объятиях. Затем он увел меня к себе в кабинет, заставил присесть и начал задавать вопросы по поводу моего здоровья. Он ожидал, что я ему скажу о предстоящем путешествии, и был огорчен услышать, что мои силы еще не позволяют мне пуститься в столь долгий

и утомительный путь. Вместо того, чтобы быть ему полезным, я мог вполне оказаться обузой, рисковал остаться где-то в дороге, не будучи в состоянии сопровождать его. Он позвал Арендта, который заявил ему, что путешествие меня погубит, и что мне нужен отдых еще в течение нескольких месяцев. Император поверил и ему, но сказал мне, что огорчен и обеспокоен таким положением вещей.

Он решил, что меня заменит граф Орлов. Граф находился в Лондоне, куда был направлен к молодой королеве Виктории с соболезнованиями по поводу кончины короля Вильгельма IV и с поздравлениями по случаю ее вступления на трон Великобритании, но его скорое прибытие не заставило себя ждать. Для меня было очень тяжело оказаться не в состоянии сопровождать моего государя, особенно в этой поездке, путь которой лежал через Грузию, где я начинал свою службу, и через Дон, где еще были живы храбрецы, с которыми на полях сражений я одержал немало побед. Я направился в Петербург, чтобы войти немного в курс служебных

Смотр кавалерии в Вознесенске в 1837 году

дел, которые я порядком запустил во время моего пятимесячного отсутствия, и чтобы возобновить свои обычные дела до дня отъезда императора.

Императрица уехала из Царского Села 31 июля и направилась в Москву, где ожидала возвращения из Сибири своего сына — наследника престола. В тот же день император выехал в Псков, Динабург и Ковно, где ему был представлен армейский корпус генерала Гейсмара, затем через Вильну, Бобруйск и Киев он направился в Вознесенск, где встретился с императрицей, наследником и великим князем Михаилом. Я же с грустью направился обратно в Фаль. Моя жена приехала в Петербург из опасения, что я не смогу удержаться и отправлюсь в путь вместе с императором. Она даже привезла с собой нашу дочь Аннету. Снова на Английской набережной мы поднялись на борт «Александрии», но сделали это в более спокойной обстановке, чем в прошлый раз. В Кронштадте мы пересели на «Ижору», и совершили прекрасную прогулку при самой лучшей погоде в году. Вернувшись в Фаль, я с новыми силами принялся за работы в саду. Я прикупил новые земли, прилегавшие к моему парку, на них изрезанные берега реки были еще более богаты растительностью, чем в Фалле. Здесь трудились более 200 рабочих, и вскоре появились дорожки, каналы и водопады, сделанные с такой тщательностью, которая весьма удивила моих соседей, не привыкших к такой форме работы. За все эти недели бумаги из Петербурга мне привозили всего два раза, и эта работа, не занимавшая более нескольких часов в день, только увеличила для меня прелесть пребывания здесь, внеся разнообразие служебных обязанностей в мирные деревенские развлечения.

Во время своей поездки императрица посетила Воронеж, где находились мощи святого Митрофана, привлекавшие сотни паломников со всех концов России. Она зашла в собор,

где находилась его могила и его святые останки, но вечером лишь в сопровождении великой княгини Марии и бывшего с ними князя Петра Волконского она в 9 часов вернулась в церковь и целый час провела там в молитве. Туда же она вернулась и на следующий день в момент отъезда. Этот поступок, доказывавший религиозное уважение к мощам недавно канонизированного святого, во всей империи произвел самое живое и уважительное впечатление. Эта новость передавалась из города в город и из уст в уста, и наполнила радостью всех русских, увидевших в этом поступке искреннюю трогательность, с которой их государыня отвергла протестантское вероисповедание и приняла русскую веру, став супругой великого князя Николая. Пребывание в Воронеже привлекло к ней еще больше уважения, чем до этого она получила от своих многочисленных благодеяний и ангельской доброты.

В конце сентября я вернулся в Петербург с тем, чтобы подготовить поездку в Москву великих княгинь Ольги и Александры, а также молодых великих князей Константина, Николая и Михаила. Все они должны были встретиться там со своей Августейшей матерью, а позднее и с императором. Находясь в Царском Селе, они встретили меня с радостью, которую в силу своего возраста они видели в каждой поездке. Все меры, которые я им предлагал для организации путешествия, заставляли их прыгать от восторга и от предвкушения скорого свидания с Августейшими родителями, все это заставляло их молодые сердца биться сильнее.

Мы выехали в октябре из Царского Села и через 6 спокойных дней приехали в пункт назначения. Для меня это было в новинку, так как еще никогда в жизни, путешествуя, я каждый день не обедал и не ложился спать. Дети были со мной так веселы, счастливы и любезны, что поездка оказалась не только комфортной, но и приятной. Когда мы приехали,

то я почти огорчился. Через три дня императрица прибыла в Кремль, дети бросились встречать ее на лестницу такими радостными криками, какими можно встречать только самую нежную мать.

Целыми днями мы находились в самом сильном беспокойстве, зная, что император находился в Закавказье, что он должен был проехать по этим горам, полным воинственными племенами. Я был единственным, кто, зная характер этих горцев, их почтительное отношение к имени государя, утверждал, что они никогда не допустят недоброжелательства или жестокости по отношению к его представителям. Только под его властью у них была надежда на лучшее будущее. Я говорил, что в окружении этих, еще вчера варварских народов, его жизнь была в большей безопасности, чем, если бы он находился в так называемых цивилизованных странах Европы. Именно там на протяжении последних пятидесяти лет враждебная пропаганда подорвала уважение к королям и пыталась сделать жертвами тех, кто держал в своих могущественных руках защиту престолов и спокойствие народов.

Наконец, к вечеру 29 октября к величайшей радости членов своей семьи и всех своих преданных и старинных слуг император со своим сыном, который ожидал его в Черкасске, прибыл в Кремль. Я кинулся в кабинет императора, где уже находилась императрица, и обнял его со всем своим сердечным пылом. Я прижимал его к груди с той любовью, которую к нему испытывал. Он был рад меня видеть и сказал мне, что ему постоянно меня не хватало, несмотря на все те заботы, которыми окружил его граф Орлов. Особенно это сказалоь в Грузии, где он увидел все то, что я ему заранее предсказывал. Затем он приказал мне, графу Чернышеву и наследнику прийти к нему вечером с тем, чтобы услышать его рассказ о поездке, день за днем, начиная с отъезда из Царского Села, и, кончая прибытием в Москву. Он вел

свой рассказ в течение 3 часов, затем вечером с 7 до 9 часов, на следующее утро с 8 до 11 часов. Он рассказывал так ясно и подробно, что, вернувшись к себе, я поспешил записать все то, что услышал, не имея возможности, тем не менее, сохранить ту удивительную точность, с которой он вел свой рассказ на протяжении 9 часов.

Император сказал: «Я остановился в двух верстах от Пскова с тем, чтобы осмотреть строительство военного госпиталя³⁶, который находился рядом с дорогой. Это прекрасное здание, строительство которого должно быть вскоре закончено. В Пскове я осмотрел городской госпиталь, полубатальон солдатских детей, гимназию с находящимся при ней пансионом и провел смотр 4-го батальона первой пехотной дивизии.

После этого я направился в Динабург, куда прибыл 2 августа в 6 часов вечера. Без промедления я осмотрел вновь построенный арсенал, пороховые склады и часть крепостных сооружений. На следующий день провел смотр 2-й пехотной дивизии, состоянием которой остался доволен. После этого я во всех подробностях осмотрел крепость. Все сооружения были выполнены с большой тщательностью. Строительство предмостного укрепления сильно продвинулось, на нем работали изо всех сил, но им сильно вредили весенние паводки, песчаная почва укреплений осыпалась то здесь, то там, вызывая дополнительные расходы и длительные работы. Выходящая из предмостного укрепления дорога была прекрасна и сооружена действительно замечательным образом. Подводя итоги, я был очень доволен. Временные летние войсковые госпитали и военный лагерь были хороши. 4 августа я провел учения 2-й дивизии и саперного батальона гренадер, а затем направился в Ковно, куда прибыл в два часа ночи.

³⁶ В тексте последние два слова зачеркнуты и рукой Николая I написано «штаба 2 полка».

Там я провел смотр 1-го корпуса. Я остался полностью доволен пехотой, во многом — артиллерией, а особенно — 1-й кавалерийской дивизией, которую три года назад мы нашли в Динабурге в столь плачевном состоянии. На завтра в день тезоименитства в лагере отслужили молебен, после которого я присутствовал на несении караула в полку новой Ингрии. Затем я осмотрел полковые госпитали и пансион благородных девиц, в котором убедился, что эти молодые девушки, рожденные и воспитанные в польских семьях, сильно продвинулись в изучении русского языка. Ковно является замечательным местом для корпусных парадов и учений. Прекрасное место для парадов, очень сухое, для больших учений туда нужно еще собрать войска, но местность очень разнообразна, здесь есть, где проводить маневры в течение целого дня. Сначала я захотел посмотреть, как войска проводят обычные учения, и так как все было хорошо, то на следующий день я приказал устроить маневры, разделив их на два корпуса. Наибольшей частью пехоты и полком кавалерии командовал Гейсмар, под командованием Оффенберга были отданы меньшая часть пехоты и три полка дивизионной кавалерии. И тот и другой были излишне осторожны, но в целом все было хорошо, мне понравилось точное исполнение приказов войсками и порядок при перестроениях. В Ковно случилось нечто, что меня сильно огорчило, но что, тем не менее, было прекрасно. Учения закончились взятием города штыковой атакой, авангард колонны под командованием командира дивизии Мандерштерна остановился прямо на берегу Немана, откуда для большей имитации боевых действий паромы были переведены на другой берег реки. Все было кончено, я проехал перед этими войсками и в шутку сказал: «И что же? Чего вы тут ждете?» При этих словах храбрый Мандерштерн без малейшего колебания прищпорил лошадь и бросился в воду. Вся первая рота тут же последовала его

примеру, нам потребовалось немало труда, чтобы вернуть их на сушу. К счастью, никто не утонул, но бедняга Мандерштерн, и так страдавший от старых ран, заработал себе жестокую лихорадку. На следующий день я зашел его проведать с тем, чтобы убедиться в состоянии его здоровья и немного побранить за то, что он столь проворно повиновался моим словам. Этот поступок раскрыл человека — он сумеет повести свои войска на врага. Полученные мною через несколько дней сведения, благодаря Богу, полностью успокоили меня в отношении состояния его здоровья. Ожидавший меня в Ковно маршал Паскевич также был удовлетворен состоянием, в котором он нашел войска 1-го корпуса. Я должен сказать, что население Ковно и его окрестностей очень хорошо принимало меня, все встреченные мною люди были рады меня видеть.

Пожар Зимнего дворца

Уехав из Ковно 9-го числа, я остановился с тем, чтобы осмотреть красивую Почаевскую лавру, которая еще недавно

была католической, а теперь стала православным храмом. В 10 часов вечера я приехал в Вильну. Городские улицы были полны людей, которые встретили меня выражениями бурной радости. Такие чувства нельзя было выразить по приказу, и это было хорошо. Тем не менее, я не дал этим крикам убедить себя, так как опасаясь, что эти молодцы в глубине души меня не слишком любят. Но, в конце концов, мы только в начале пути. Город стал много лучше, он был чистым и производил приятное впечатление видом достатка и порядка, что было заслугой его генерал-губернатора князя Долгорукого. После ночного сна ранним утром я пошел помолиться в собор, а затем зашел в католический храм, где меня ожидали его священнослужители со святой водой и крестом в руках. На площади перед этой церковью, где теперь все очень хорошо устроено, я провел смотр двух батальонов егерей маршала Кутузова, которыми остался доволен. Во время осмотра крепости я выразил свое неудовольствие устройством пушечных ложементов. Крепость действительно господствует над городом, и, если вдруг горожанам вздумается устроить бунт, то город будет полностью во власти крепостной артиллерии. Мы приняли здесь совершенно правильное решение, которое будет держать город в повиновении. Затем я осмотрел военные госпитали, которые содержатся в полнейшем порядке. К полудню я вернулся в замок с тем, чтобы принять военные и гражданские власти города, а также представителей знати и священства. В начале я принял католического епископа, которому суровым тоном сказал о его священнических обязанностях и о том спасительном влиянии, которое он должен оказывать на своих прихожан, давая им пример добрых нравов и преданности правительству ради благополучия и спокойствия этих краев. С дворянством я говорил о прошлом и о том будущем, которое находится в их руках. Оно достижимо только покорным поведением и забвением

глупых надежд, которые политические крикуны пытались заронить в них по поводу национального вопроса и которые могли привести только к потерям и к несчастьям для их страны. Хорошо знаю, что эти люди думают в глубине души, но важно, чтобы они оставались спокойными, остальное, возможно, придет со следующими поколениями. Я поехал в расположенный неподалеку университет, который теперь преобразован в медико-хирургическую академию. Все осмотрев там, я говорил с молодыми студентами, которые имели надлежащий вид и быстро учились русскому языку. Я был доволен их поведением, директор правильно ведет свое дело. Также я осмотрел гимназию, женское учебное заведение при католическом монастыре, больницу сестер милосердия, основанную для бедных и инвалидов, католическую церковную академию и благородный пансион, все хорошо работало и находилось в полном порядке. Затем я проехал по богоугодным заведениям — в монастыре святого Исаака и греческом униатском монастыре святого Василия. В мою честь был приготовлен красивый бал, на котором многие желали меня видеть. Мой приход хотели бы истолковать как некое примирение с моей стороны, но я отказался. После всех тех глупостей, которые они наделали, было еще слишком рано. Мой отказ сильно огорчил здешних дам, которые лелеяли большие надежды меня соблазнить. Между тем, должен сказать, что я видел вокруг себя только улыбающиеся лица, повсюду люди толпились вокруг меня. В конце концов, я остался доволен.

После обеда я выехал в Бобруйск, в Минске я остановился только для того, чтобы помолиться в соборе. Город ничуть не стал лучше, он выглядел бедным и грустным. В Бобруйск я приехал глубокой ночью. Утром 12-го числа я провел смотр 5-й пехотной дивизии, которая была в хорошем состоянии. Я осмотрел крепостные сооружения и отдельно стоящие

форты, я всегда с большим удовольствием приезжаю в это огромное сооружение, строительство которого, наконец, завершается, и которое должно стать одним из самых красивых в Европе³⁷.

В госпитале я разозлился, представьте, что его сотрудники забрали себе наилучшую часть здания, в тех помещениях, где должны были лежать больные, располагались салоны господ инспектора и госпитального врача, я сразу же восстановил там надлежащий порядок вещей. Коменданта крепости, который должен был следить за такими вещами, был посажен мною на гауптвахту, снял с должности директора и обругал всех в свойственной мне манере. Вот такие глупости вызывают мой гнев!

На следующий день я устроил смотр двум саперным батальонам, которые очень хорошо себя показали. Затем я присутствовал на молебне в лагере и там же осмотрел временный госпиталь. Затем мы снова пустились в путь. В Чернигове я зашел в собор, и 14 числа в 9 часов вечера остановился в Печерском монастыре в Киеве. Я отчитал генерал-губернатора полковника Гурьева за то, что, вместо того, чтобы встретить меня в этом месте, он ожидал меня в моей резиденции на правом фланге почетного караула. Этот выговор был ему весьма неприятен, но он заслужил его. Наутро был произведен смотр 3-го корпуса, результатами которого я остался удовлетворен,, войска были хороши, личный состав выглядел прекрасно, маршировали они вполне удовлетворительно. Так как это был день моих именин, то я отправился на молебен в монастырь, затем пошел в Софийский собор, который был восстановлен и выглядел прекрасно. Также я

³⁷ На полях рукой Николая I сделана вставка: «В Бобруйске, также как в Динабурге по моему приказанию было высажено огромное количество саженцев, теперь это уже красивые деревья, в частности, — итальянские тополя».

был в Михайловском Златоверховском монастыре. Затем я проехал по городу: с каждым годом он становится все лучше, город прекрасно расположен, я должен по справедливости признать заслуги генерала Левашова, при управлении которого произошло множество полезных изменений. Был в арсенале, который содержится в прекрасном состоянии и в изобилии снабжен всем необходимым, без сомнения, что это одно из прекраснейших в своем роде сооружений. 16-го числа я руководил учениями 3-го армейского корпуса, войска разумно исполнили все маневры. Местность была мало приспособлена к такого рода действиям. Затем я изучил крепостные сооружения, которые должны включать в себя весь Киев и обеспечить защиту огромным военным запасам, которые мы там уже имеем, и которые должны будут еще увеличиться. Эти работы продвинулись вперед, хотя и медленно, местные трудности возникали на каждом шагу. Строят здесь хорошо, используемый на стройке камень, запасы которого были найдены благодаря проявленной мною настойчивости, действительно превосходен, он лучше мрамора, а нашли его здесь в изобилии. Передовые укрепления вызывают огромные трудности и будут стоить немалых средств, но надо через это пройти, так как это чрезвычайно важно. Госпитали находятся в прекрасном состоянии, я осмотрел учебные заведения, университет развивается, число студентов возрастает, обучение русскому языку идет успешно. Тем не менее постоянно встречаются отрывки польских глупостей, у молодых людей были найдены возмутительные сочинения. Их высекли, не придав этому ребяческому поступку большей важности, чем он заслуживал, но нужна постоянная бдительность. Местный куратор славный человек, но ему не хватает энергии, я послал Уварову, министру народного просвещения, мой приказ лично прибыть сюда, посмотреть, что можно сделать, и придать событиям

надлежащее направление. В остальном молодые люди выглядели прекрасно, смотрели на меня с удовольствием, многие из них все и больше и больше становятся русскими, что не может радовать некоторых неискоренимо патриотично настроенных родителей. После обеда по неизменной традиции я отправился поклониться святым мощам в Печорской лавре, и поспешил направиться в Вознесенск, где мне не терпелось оказаться. Прибыл туда 17-го в 11 часов ночи к большому удивлению всех тамошних жителей, которые не ждали меня раньше, чем через 5 дней. Таким образом, я приехал первым, что было мне крайне выгодно, так как осталось больше свободного времени».

На огромной равнине, окружающей Вознесенск и орошаемой водами Буга, император пожелал собрать огромные массы кавалерии. Для этого в район Вознесенска были направлены и стали лагерем:

- 1-й, 2-й и 3-й кавалерийские корпуса;
- корпус кавалерии, собранный из двух дивизий, принадлежавших армейским корпусам;
- дивизия из 40 эскадронов, сформированных из отпусковиков восьми соседних губерний;
- резервные эскадроны всей кавалерии.

Эти войска явились со всей своей артиллерией. Дополнительно к этим массам кавалерии были присоединены:

- 12 резервных батальонов 5-го корпуса;
- 16 батальонов отпусковиков этих же губерний совместно с тремя ротами артиллерии.

Местечко Вознесенск, в котором всего лишь стоял один кирасирский полк, благодаря неустанным заботам графа Витта всего за один год, стало городом, в котором был построен дворец для членов императорской семьи, разбит обширный сад с пересаженными туда уже большими деревьями, с театром, с 20 красивыми домами для высоких персон

и со 140 домами поменьше для устройства свиты, генералов и офицеров, приглашенных на это грандиозное зрелище. Там было собрано все, что можно было пожелать для роскоши и комфорта, обстановка во дворце была самого лучшего качества, специально из Одессы и Киева сюда были приглашены торговцы и рестораторы, всего было припасено в изобилии. В домах стояли 200 экипажей и 400 верховых лошадей. Все постройки были сооружены из камня, тщательно и прочно. Это была настоящая сказка.

Кроме императрицы, наследника, великого князя Михаила с супругой и великой княжны Марии сюда были приглашены генерал-аншефы, корпусные и дивизионные командиры остальных армейских частей, многие гвардейские генералы и почти все генерал-адъютанты императора. Среди иностранных приглашенных были: эрцгерцог Иоганн Австрийский, принцы Август и Адалберг Прусские, принц Фредерик Вюртембергский, герцог Бернгард Саксен-Веймарский со своим сыном, герцог Лейхтенбергский и Баварский, австрийский посол граф Фикельмон, австрийские генералы, принц Виндишгрец Гаммерштейн с 24 офицерами, прусские генералы Нацмар и Бармер с 8 офицерами, английский генерал Арбетнот, шведский генерал Мернер со своим адъютантом, два датских офицера, султана представлял ферик-паша Ахмед с 6 офицерами. Мало-помалу разными путями все это общество прибыло в Вознесенск, где было удобно устроено, снабжено экипажами и лошадьми.

Подобное соединение и развертывание военных сил не осталось без внимания большого количества иностранных газет и сильно обеспокоило парижский и лондонский кабинеты, которые были всегда настороженными, они поспешили обвинить российского государя в воинственных намерениях. Даже более правильно информированные о намерениях нашего правительства Австрия и Пруссия, тем не менее,

были неприятно удивлены этим гигантским сбором военных сил, которые из ревности они стремились преуменьшить количественно и уличить в отсутствии должной организованности. Турция была единственной страной, которая была уверена в благорасположении Николая, ее благодетеля и спасителя, она не выказала никакого недоверия при получении известия о развертывании столь огромного количества войск в непосредственной близости от ее границ. Турецкий посол со своей многочисленной свитой рассматривал наше военное могущество скорее как защиту, чем опасность для Османской Порты.

...«На следующий же день я захотел осмотреть войска. Уже в 9 часов утра они были на месте. Казалось, что эта бескрайняя равнина была специально создана для соединения такого большого количества войск. Приблизившись к ним, я испытал невыразимые чувства при виде 350 эскадронов и 144 орудий конной артиллерии, построенных в пять линий. Зрелище было столь величественно и необычно, что моим первым желанием было возблагодарить за него бога. Было потрясающе видеть этих всадников, этих храбрых воинов, которые с непокрытыми головами вместе со мной возносили молитву всевышнему. Я был горд быть среди них и командовать ими. После окончания молитвы войска прошли передо мной, все было прекрасно: люди, лошади, выправка, форма и сбруи. Казалось, что все они были вылеплены по единому образцу, и нужен был очень острый глаз для того, чтобы различить малейшие отличия и найти лучшие полки. Как и во всех наших войсках, артиллерия была верхом совершенства. Я был очень доволен, все, что я видел, превзошло все мои ожидания. Дух этих войск был превосходен, так как подобно-го великолепия можно было достигнуть только совместными усердными усилиями командиров и солдат. Меня встретили с восторгом, который отразился на всех лицах. Эскадроны

отпускников были столь же хороши, как только могут быть хороши войска, только что вышедшие из казарм. Видеть все это было величайшей радостью. Больше я не беспокоился о том впечатлении, которое эти съоры в Вознесенске произведут на иностранцев. По окончании торжественного марша я построил из них одну линию из двух дивизий драгун и приказал им двигаться по-пластунски, затем велел спешиться, сформировать пехотный батальон и в таком виде промаршировать по равнине. Упражнение было выполнено с точностью и проворством, которые мне так по душе, эти войска явно понимали свое предназначение. Тот воинственный пыл, который обуревал каждого человека, делал из них устрашающую силу, они были готовы ко всему. 19-го я осмотрел пехоту, которая была хороша, а собранные из отпускников батальоны были прекрасны. На следующий день я решил вывести на маневры всю кавалерию, численность которой, казалось, должна была помешать моим намерениям. Но воины были так хорошо выучены и опытны, а командиры были столь внимательны, что учения совершились так, будто бы я руководил ими в двадцатый раз. Вы понимаете, что все закончилось наступлением кирасир и пешей атакой драгун с целью захвата города. После обеда я осматривал госпитали, которые были приготовлены для такого огромного скопления людей, собранных в одном месте. Порядок и необходимые приготовления не оставляли желать ничего лучшего. Позже появилось большое количество больных на глаза, что было неизбежным следствием пыли и жары в этом месте, лишенном тени и укрытий. 21-го я внимательно осмотрел полигон для стрельбы в цель двух драгунских дивизий и роты артиллерии, было видно, что здесь хорошо поработали — все мишени были поражены. В день коронации, 22-го августа, я побывал на церковной службе в пехотном лагере, а после обеда мне показали конские заводы полков военных

поселений. Там было несколько замечательных жеребцов и кобылы были хороши. Только кирасирская порода лошадей оставляла желать лучшего.

Па следующий день в 8 часов утра, когда я находился у эрцгерцога Иоганна, я приказал объявить общую тревогу, и уже менее чем через полчаса построенные в батальоны войска стояли под ружьем. Воспользовавшись случаем, я в течение нескольких часов провел учения. Рано утром 24-го я отправился встречать императрицу, которую встретил на четвертой от города почтовой станции и проводил в ее резиденцию. Все генералы и старшие офицеры лагеря и из числа прибывших верхом прискакали из города на встречу государыни. Они составили огромный столь же блестящий, сколь и многочисленный кортеж, вполне достойный событиям, происходящим в Вознесенске. Той же ночью из Сибири приехал мой сын, Вы можете представить себе ту радость, с которой я заключил его в свои объятия. Поездка принесла ему большую пользу, он стал мужчиной. Моя супруга приняла участие в большом параде, который стал более великолепным, чем тот первый, устроенный мною в качестве репетиции. Погода была прекрасной, а небольшой дождь только прибил пыль к земле. Иностранные гости были удивлены выправкой и красотой этих войск, которые могли поспорить с тем, что мы привыкли видеть в Петербурге в исполнении гвардии. Я бы даже сказал, что в мастерстве выезда и в подборе лошадей эти стояли выше. Затем были организованы учения и манеры двух корпусов (император нам рассказал о них во всех подробностях, которые не сохранились в моей памяти). Наконец, — сказал он, — пришло время покинуть Вознесенск. В течение проведенных здесь двух недель я получил огромное удовольствие. С большим трудом я расстался с этими замечательными и прекрасно обученными войсками.

После того, как я попрощался со всем обществом и поблагодарил графа Витта, оказавшегося настоящим волшебником, 4-го сентября в полдень я направился вместе со своим сыном, в Николаев. Императрица с нашей дочерью Марией поехала в Одессу. 5-го числа я устроил смотр пехотному полку в Минске, и остался им очень недоволен. Благодарение богу, уже давно мне не приходилось видеть ничего столь же ужасного.

Николаев стал гораздо лучше, и построенные в нем здания были весьма хороши. Я осмотрел госпиталь, казармы, гидрологические сооружения, штурманскую школу, в адмиралтействе мне показали музей моделей морских судов. Склады, мастерские, строящиеся на верфях два линейных корабля, один 120-ти пушечный, другой 84-х пушечный, были великолепны. В моем присутствии спустили на воду три транспортных корабля, на которые, как я видел позже, поднялись две сотни азовских казаков, которых должны были доставить на кавказский берег. Морская и артиллерийская школы были прекрасно устроены, в целом, я был очень доволен тем, что касалось морского дела. После осмотра всего мы направились в Одессу. Утром 6-го числа мы с наследником и моим братом Михаилом пришли в собор, где нас ожидала и радостно встретила огромная толпа людей. Императрица побывала здесь накануне. На главной площади я устроил смотр двум батальонам полка польских егерей, которыми остался столь же недоволен, как и тем полком, который ранее видел в Николаеве. Они были непростительно скверны, им я об этом строго сказал командиру корпуса Муравьеву. Затем мы осмотрели город, который невероятно похорошел за тот десяток лет, что я здесь не был. Одесса стала красивым городом, я был поражен тем, что на каждой улице появились прекрасно построенные дома. Биржа была великолепным зданием, я должен был отдать полную справедливость

графу Воронцову, то, что он сделал, было грандиозно. Единственно, чем я остался недоволен, была полиция, и я не стал скрывать это от него. Полиции практически не было, видно было, что полицейские не научились добиваться подчинения. Вечером городские власти дали в нашу честь изысканный бал, ничуть не уступавший балам в Петербурге. На следующий день мы внимательно осмотрели карантин, устройство и порядок которого удивили иностранцев. Поистине, это одно из самых лучших заведений такого рода в Европе. Эрцгерцог Иоганн был потрясен увиденным. Я поблагодарил и наградил карантинных чиновников³⁸.

Далее императрица меня ожидала в институте благородных девиц, который находился под ее покровительством и был в прекрасном состоянии. Выйдя оттуда, мы осмотрели госпитали, тюрьму, карантинный батальон и арестантскую роту, все было в хорошем состоянии. Утром 8-го числа мы осмотрели Ришельевский лицей, который был в прекрасном состоянии, на молодых людей приятно было смотреть, было впечатление, что занятия идут очень успешно. Затем нам показали школы для еврейских девочек и мальчиков, которые были хорошо устроены и прекрасно выглядели. В 11 часов утра 9-го числа мы с императрицей, моей дочерью Марией, наследником и всей свитой взойшли на борт парохода "Полярная звезда", который направился к Севастополю. В 25 милях от порта нас встретил весь Черноморский флот, это было великолепное зрелище. Я приказал флоту исполнить несколько маневров, что и было сделано в точности. Затем все суда приветствовали императорский штандарт, который по моему приказу был поднят на нашем пароходе. Позже нас приветствовали пушки Севастополя, в бухте которого мы

³⁸ Помета Николая I: «И совершенно напрасно, через неделю в городе появилась чума, а оттуда распространилась по всей империи».

бросили якорь. 10 сентября мы ездили в Георгиевский собор, построенный на отвесной скале над морем, после этого я осмотрел часть пехоты 5-го корпуса, которая каждое лето приходит в Севастополь на сооружение оборонительных укреплений. Я нашел ее в том же плачевном состоянии, как и те части, которые я видел ранее в Николаеве и в Одессе. Это поистине непростительно, я и не предполагал, что в армии еще существуют подобные войска. С трудом продвигающееся вперед строительство сделает по своему окончанию из Севастополя один из самых красивых портов мира, но остается еще очень большая работа. Сейчас идет работа по разрушению целой каменной горы, на месте которой будет построено адмиралтейство, казармы и красивая церковь. Когда все будет закончено, это место приобретет чудесный вид. Сооружение водопровода для наполнения корабельных доков тоже является огромной работой. В полдень я проводил супругу в северную часть порта, откуда она отправилась в Бахчисарай. Мы с наследником осмотрели Инкерманскую бухту, это часть огромного залива, представляющего собой порт, в котором могли бы укрыться все европейские флоты. Мы осмотрели береговые укрепления, что же, господа англичане, милости просим сюда, если вы хотите сломать себе нос. 12-го числа мы осмотрели госпитали для сухопутных и морских сил, склады и прочие заведения адмиралтейства. Все это находится в таком хорошем состоянии, в котором им это позволяют устаревшие здания. Утро 13-го числа я посвятил подробному осмотру флота, который я нашел в самом прекрасном состоянии в том, что касалось его порядка, опрятности и выправки матросов. Но его материальная часть еще отстает от Балтийского флота, есть устаревшие суда. Но экипажи превосходны. Вечером я нагнал свою супругу в Бахчисарае, где дворец бывших татарских ханов был тщательно восстановлен в том же мавританском стиле его первых

владельцев. Мебель, ткани и все, что было нужно для придания ему восточного облика, было специально привезено из Константинополя. Это было необычно и чудесно, казалось, что ты там переносился в мир восточных сказок. Все здесь дышало азиатской изысканностью и томностью: фонтаны, маленькие садики, балконы, красивые диваны и даже надгробия. Пребывание здесь делало еще более сказочным красивый город, затерянный в окружавших его скалах. Зрелище сильно отличалось от всего того, что я видел до этого, ему еще добавляли театральности нарядные одежды татар и евреев, а также оригинальная форма их жилищ. 14-го числа мы все вместе поехали на южный берег Крыма, и, частично на лошадях, объехали этот край, отличающийся разнообразием видов и богатой растительностью. Недавно оконченная нами здесь дорога просто чудесна, все пропасти были засыпаны, а опасные спуски превратились в удобный путь, по которому можно проехать в экипаже. По сторонам этой дороги стоят загородные резиденции, а сама дорога петляет между возвышенным и живописным морским побережьем и гранитными горами, отделяющими как богатыми занавесями этот берег от остального равнинного Крымского полуострова. Пейзаж украшен богатыми замками, мы проехали через Артек, Массандру, Ореанду и Ялту и оказались в прекрасных владениях графа Воронцова в Алушке. Строительство его замка еще не завершено, но он станет одним из самых прекрасных сооружений, которые только можно видеть — стены выстроены из мрамора, а огромных размеров обеденный зал уже обставлен и отличается оригинальностью формы. Здесь у Воронцовых я оставил императрицу, которая к тому же нуждалась в небольшом отдыхе после своего долгого путешествия. А мы с сыном в Ялте поднялись на борт “Полярной звезды” и направились к берегам Азии. Ветер, уже и так довольно свежий, превратился в настоящую бурю, и нас изрядно

качало. В 9 часов утра 21-го числа мы бросили якорь в Геленджике. Крепостные пушки и артиллерия лагеря генерала Вельяминова салютовала императорскому штандарту, сообщив о моем прибытии горам Кавказа, которые в первый раз видели государя России. Ветер был столь силен, а море настолько беспокойно, что нам с трудом удалось спуститься в шлюпку и высадиться на берег, а вторая лодка с нашей свитой была вынуждена вернуться к пароходу³⁹. Прямым ходом мы направились в лагерь, где войска нас ожидали в боевой готовности.

Усиливавшаяся непогода так разыгралась, что линия взводов была вынуждена отступить на несколько шагов, знамена держали по два, а то и по три человека, я сам, будучи довольно сильным человеком, с трудом мог держаться на ногах и двигаться вперед. Невозможно было и думать о торжественном прохождении войск. Несмотря на это, войска были представлены прекрасно, это были настоящие бойцы с воинственным и внушающим доверие видом, на которых было приятно смотреть. Никогда еще войска не принимали меня с таким восторгом, было видно, что они рады видеть своего императора. Казалось, что все стихии ополчились против нас: вода готова была поглотить нас, ветер дул самым свирепым образом, а тут еще над Геленджиком появилось пламя. Вельяминов бросился к источнику огня, мы последовали вслед за ним. Горели провиантские склады, за ними занялись собранные рядом снопы сена в несколько миллионов пудов. Усилившиеся из-за этого огонь и дым накрыли артиллерийский парк, наполненный порохом и заряженными гранатами. Мы находились посреди этой опасности, пока солдаты с величайшим хладнокровием выносили в своих шинелях взрывчатые боеприпасы из окружавшего нас огня. Вечером

³⁹ Последние слова фразы подчеркнуты и на полях помета Николая I: «Это неверно».

мне захотелось вернуться на борт парохода, но это оказалось невозможно, ветер не давал спустить на воду шлюпки. Нам захотелось есть, но ветер опрокинул на землю кухню вместе с обедом. Пришлось остаться голодными и страдающими от холода в плохом домишке, в ожидании ослабления ветра.

Я поехал осмотреть госпиталь и навестить генерала Штейбе, который в одной из последних схваток с горцами был опасно ранен. Я опасался, как бы мы его не потеряли, это храбрый офицер⁴⁰.

Только на следующий день в 5 часов мы смогли вернуться на наш корабль, который тоже подвергался опасности быть сорванным с якорей и унесенным в открытое море. Я был рад, что все это видел и мой сын, которым я был весьма доволен в данных обстоятельствах. В 11 часов ночи мы бросили якорь у Анапы. Утром 24-го мы поехали в крепость, я устроил смотр гарнизону, посетил госпиталь и осмотрел оставшуюся часть этих ужасных трущоб. Здесь надо будет основать поселения, которые станут активно использовать окрестные места и, тем самым, уменьшат опасность нападения горцев, которые всегда готовы напасть на гарнизон на выходе из укреплений. Так как в Анапе больше делать было решительно нечего, мы снова поднялись на борт корабля, и в 4 часа были уже в Керчи. Этот город получил значительную выгоду от прибрежного судоходства, он неизбежно стал гораздо больше. Недавно построенная набережная очень красива, непрерывно проводимые раскопки приносят большое количество древних находок, ими полон местный музей и много любопытно будут направлены в Петербург, в частности, массивная золотая маска, найденная в одном из захоронений. Она изображает лицо женщины между 30 и 40 годами и является

⁴⁰ Помета Николая I: «Полагаю, что он ошибся, и я видел генерала Штейбе в Анапе».

законченным художественным произведением. Здесь мы расстались с наследником, который поехал в Алупку, где все еще находилась императрица, с тем, чтобы оттуда продолжить свою поездку по внутренним губерниям империи.

Я же на “Полярной звезде” направился в Редут-Кале, куда прибыл 21-го числа после обеда. Здесь меня встретил главноуправляющий кавказскими провинциями генерал Розен. Это жуткое место расположено посреди болот, которые делают воздух болезнетворным. В нескольких верстах оттуда мы встретили мингрельского властителя князя Дадяна, который со своей многочисленными сопровождающими верхом приехал меня встретить и составить почетный эскорт. Его наряд, как и все его обличье, были весьма необычными, свой национальный костюм он нашел нужным дополнить нашим генеральским головным убором, что оказалось очень забавно. Сопровождали его богато одетые, хорошо вооруженные и очень красивые мужчины. По мере нашего продвижения вперед мы встречали все больше красивых деревьев и кустарников, о подобной растительности в Европе не имели ни малейшего представления. На ночлег мы остановились в селение Зутдиди, сначала я зашел в церковь, а затем во дворец князя, где в большом зале для меня были приготовлены апартаменты. Зала была разделена прекрасными занавесями на спальню и рабочий кабинет. В своих помещениях меня встретила супруга местного суверена княгиня Дадяна. Эта огромных размеров женщина была полной противоположностью своему щуплому и низкорослому супругу. Стоило только посмотреть на эту супружескую пару, чтобы убедиться в том, что именно она играет здесь главную роль. Впрочем, это очень достойная женщина, в качестве правительницы она оказала нам большие услуги во время последней войны против Турции. Возможно, что без нее была бы

поколеблена верность ее мужа к России, который испытывал давление Оттоманской Порты и коварство некоторых своих приближенных⁴¹.

Мингрельская знать приготовила для меня почетный караул, который был совершенно особенным, благодаря национальной одежде и редкой красоте мужчин. Это один из самых красивых народов в мире. Все они выказали мне усердие и преданность, которые в этих краях не могут быть наигранными, и встретили меня нашим добрым русским “Ура!”. На следующий день при моем отъезде меня сопровождали до границ Имеретии князь Дадияни и его вельможи. Там при полном параде меня ожидал государь этого небольшого княжества со своими князьями и дворянством. В Кутаиси перед предназначенным для меня домом был выстроен такой же почетный караул. Все их наряды и доспехи придавали моей поездке сказочный флер, подобный “Тысяче и одной ночи”. Рано утром 29-го числа мне был представлен имеретинский архиепископ Софроний, митрополит Давид, государь сванов князь Михаил и некоторые князья, недавно принятые в российское подданство. Затем я осмотрел госпиталь, школу и казармы 10-го линейного Черноморского батальона, и в 10 часов снова пустился в путь, сопровождаемый до границ Грузии этими князьями и представителями знати. На приграничной почтовой станции, где мы заночевали, нас встретили губернатор, предводитель дворянства с местными князьями и знатью, а также представители осетинского дворянства.

Вся дорога от Редут-Кале до станции Мелита, которую я бы назвал непроходимой для верхового всадника, пересекала глубокие овраги и непроходимые пропасти, стала стараниями барона Розена вполне проезжей для повозок, и, таким

⁴¹ Помета Николая I: «Неверно. Это выдумки».

образом, связала и приблизила эти края, с которыми не было никакого другого сообщения. Сооружение этой дороги делает большую честь тем инженерным офицерам, которым она была поручена. Она станет источником богатства и цивилизации для всех этих земель, столь диких и суровых, и, в то же время, столь изобильных и благоприятствующих торговле. 30-го сентября мы прибыли в Сурам, и 1 октября в 1 часов вечера приехали в Ахалцих. Именно здесь покрыл себя славой маршал Паскевич, который с горсткой храбрых солдат в течение трех недель защищал это место против всей турецкой армии. Эти два военных подвига, сначала штурм, потом защита, становятся еще более славными, когда видишь эту затерянную среди высоких скал позицию. На бастионе, прозванном “Страшным”, я принял местную знать и приведенных из Эрзерума армянских старейшин, которые все верхом проводили меня до Ахалциха.

2-го числа я отправился осмотреть госпиталь, школу, вновь построенные в городе дома, мечеть, которую превращают в православный собор, и крепость, высокие стены которой все же меньше, чем они были в древности. Отсюда мы отправились ночевать в Ахалкалаки. 3-го числа я осмотрел крепость и в сопровождении местного дворянства приехал в Гумры, где выехавшие из Карса армянские старейшины приняли меня в соответствии со своими древними обычаями. На следующий день я был поражен гигантскими укреплениями этой новой крепости, поистине это линия обороны для Грузии и плацдарм для нападения на Турцию и Персию. Крепость ставила под сомнение обе границы, которые в этом месте почти соприкасались. Каменные работы были окончены с тем усердием, которое мы привыкли видеть в наших самых прекрасных крепостях. Расположение крепости было уникальным, она стояла на высокой скале, которая господствовала на большое расстояние вглубь турецкой территории.

Надо отдать полную справедливость барону Розену и его офицеру по инженерной части, руководившему этими работами. Это огромное строительство было завершено быстро, весьма искусно отделено от селения Гимры, также оно проведено с невиданной бережливостью. В это почти невозможно было поверить! Его я также щедро вознаградил. Я заложил первый камень в православный собор, который должен быть возведен в честь святой мученицы царицы Александры, и переименовал Гимры в Александрополь⁴².

Именно здесь, в самой приближенной к турецким землям точке Российской империи, я принял Эрзерумского сераскира Магомеда-Аседа-пашу. Его прислал султан по случаю моего приезда с приветствиями. Его инструкции предусматривали самое любезное и дружественное поведение. Он сказал мне, что его государь прислал его, как главу соседних с нами турецких провинций, за моими приказаниями и с целью предоставить себя в мое полное распоряжение. Я принял его с той сердечностью, на которую только был способен. Он привез богатые дары в виде лошадей, восточных шалей и оружия. Выехав из Александрополя, я заехал в селение Мастери на территории Армении. Там меня ожидали представители армянского народа, местные беки и мелики, а также курдские старейшины, которые составили мой почетный эскорт до Сардарабада, куда мы приехали на ночь. Здесь местность стала еще более величественной, Арарат возвышался во всей своей красе, он являл собой задний план этой картины, которая возрождала в памяти колыбель человечества на земле. Невольно все ощущали величественность этого зрелища, восходившего еще ко временам великого потопа. Спустившись в долину, я увидел построенную в батальоны прекрасную конницу Кенгерли, всадники были собраны в полки,

⁴² В тексте рукой Николая I исправлено на «АлександрАполь».

выстроены в линию, единообразно обмундированы и сидели на великолепных лошадях. Командовавший ими полковник подъехал ко мне с саблей наголо и отдал рапорт на русском языке, как это сделал бы офицер наших регулярных войск. Белая форма полка делала этих обладавших особой красотой мужчин еще элегантнее. Эти замечательные войска принимали меня с выражениями живейшей радости, на них было приятно смотреть. Сопровождаемый таким образом, я верхом приблизился к знаменитому и древнему армянскому монастырю Эчмиадзин, у которого меня встретил патриарх, тоже верхом. Мы как будто перенеслись во времена апостолов, в легендарные сказания самых отдаленных веков. Сойдя с лошади, патриарх Иоанес произнес речь, затем он провел меня за ограду монастыря, этого сосредоточения армянской нации и религии. Епископы и архимандриты присоединились к нашему столь необычайному и зрелищному верховому кортежу. Два похожих на скороходов служителя вели под уздцы лошадь патриарха, за ним следовала свита, порядка 50 человек, вся одетая в полумонашеские одеяния, здесь же находились двое важных монастырских служителей, один из которых нес его апостольский посох, а другой — жезл командующего, в качестве символов его небесного, земного и военного могущества. Впереди всего кортежа двигался конюший, который вел двух лошадей под богато украшенными попонами.

При нашем приближении к Эчмиадзину перезвон со всех монастырских колоколен и окрестных церквей слился с пением церковных служителей и с приветственными криками отовсюду сбежавшегося народа. У входа в монастырь выстроились монахи, предводительствуемые двумя архиепископами в праздничном облачении, один из них протянул мне для поцелуя чудотворную икону, а другой преподнес хлеб и соль. Затем они повели меня в главный собор. Патриарх оставил

меня у северного входа в собор с тем, чтобы войти в него с юга, он встретил меня перед алтарем в полном облачении, соответствующем его высокому достоинству, с крестом в руке и в окружении всего блеска своего сана. Пол был застлан богатыми коврами. После того, как мне перед иконостасом поднесли святой воды, патриарх Иоанес произнес клятву, а затем все присутствовавшие погрузились в молитву об обретении государя, которую эти древние своды не слышали уже семьсот лет. Я преклонил колени перед священными мощами, сохраняемыми в этом храме на протяжении более тысячи лет, затем в сопровождении той же многочисленной свиты я осмотрел ризницу, Священный Синод, семинарию, типографию и трапезную. Потом я вошел в апартаменты патриарха, который вручил мне в дар часть креста господня, сказав при этом: “Пусть этот символ нашего искупления навсегда защитит на троне тебя и твоих наследников от скрытых и явных врагов”. По выходу из монастыря, который был не настолько богат, как я того ожидал, и который не порастил меня ничем, кроме своей древности, я провел смотр полка Кенгерли, который сопровождал меня галопом вплоть до Эриваня. После молитвы в соборе^{43,44}, я зашел в приготовленный для меня дом, будучи в восторге от возможности отдохнуть.

⁴³ *Покровский собор* — первый русский православный собор в Восточной Армении после присоединения к России был учрежден на территории Эриванской крепости. Есть предание, что храм первоначально был построен православными греками, затем он был обращен в мечеть. 1-го октября 1827 года (в день праздника Покрова Божией Матери), Эривань была взята российскими войсками и мечеть была вновь обращена в православный храм и освящена в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Проект реконструкции осуществлен в 1839 г. По данным 1913 года в соборе богослужение уже не совершалось по причине крайней ветхости здания.

⁴⁴ Помета Николая I: «Который был построен по моему приказанию».

6-го числа я принял посла персидского шаха, который сопровождал 1-летнего наследника шахского престола. Я посадил этого милого ребенка к себе на колени и в его присутствии сурово сказал послу, что все его заверения замечательны, но я не вижу в них искренности, так как в Персии призывают моих солдат к дезертирству, и создают из них особые войска. Я требую, чтобы в самое ближайшее время эти люди были мне возвращены, иначе я буду рассматривать Персию, как государство отчасти мне враждебное. Я буду тщательно соблюдать мир и подписанные договоры, но сумею и других заставить делать то же самое. В остальном же мы расстались с ним добрыми друзьями, он подарил мне от имени шаха добрых лошадей, жемчуга и большое количество шалей.

Эривань был местом столь нездоровым, что за стенами крепости почти никого не осталось. Жители перебрались на другую сторону реки, и гарнизон был вынужден направлять туда требуемое для их защиты количество войск. Выехав в тот же день, я заночевал в Чухлы, 7-го числа — в Кади, в 3 часа пополудни 8 октября я приехал в Тифлис. Так как это была столица всего этого края, то меня здесь приняли как государя, артиллерийские залпы и колокольный звон возвестили о моем приезде. Все улицы и плоские крыши домов были заполнены людьми, это было прекрасное зрелище, разноцветные и богатые национальные костюмы и белые покрывала женщин придавали этому виду новизну. Меня встретили с той же радостью и воодушевлением, как это происходит и здесь, в Москве, не могу найти должных выражений, чтобы описать вам тот восторг и громкие крики, с которыми простые люди меня принимали. Вероятно, запасы преданности и привязанности к монарху здесь достаточно большие, иначе они были бы давно стерты тем плохим управлением, которое, как я должен признать к моему стыду, уже много лет

довлеет над этими землями. Тифлис — это большой и красивый город, его центральные кварталы еще совсем азиатские, но предместья уже построены в столичном стиле, здесь есть некоторое количество красивых домов, которые вполне могли бы украсить даже перспективу Невского проспекта в Петербурге. Город прекрасно расположен, он разделен рекой Кура, которая в пределах города заключена с обеих сторон в скалистые берега, далее она течет в менее скалистой местности. Ее быстрые воды петляют в плодородных долинах, которые вдали заканчиваются высокими горами. Старинная крепость, как говорят еще римского происхождения, являет собой живописные развалины, которые с высоких скал господствуют над Тифлисом и его окрестностями. С другой стороны реки прекрасное впечатление производит Авлабар, старинный дворец грузинских князей, перестроенный ныне в отличные казармы.

На следующее утро я отправился в храм Богородицы, со всех сторон сбегались люди, чтобы посмотреть на меня. Затем присутствовал на разводе Эриванского гренадерского полка, которым остался в целом доволен. Вообще, все те войска, которые я видел после высадки на сушу, имели достойный вид и были вполне боеспособны. У меня были к ним большие претензии по их выправке и маршировке, но это легко могло быть исправлено. В полдень я принял ханов и представителей знати различных горских народов, которые специально приехали в Тифлис с тем, чтобы иметь случай мне представиться. Я говорил с ними обо всем, казалось, они остались мною довольны. Затем я осмотрел корпусной штаб, госпиталь, арсенал, казармы, саперный батальон и созданную при нем школу для молодых грузинских дворян. Все было в прекрасном состоянии. Затем я осмотрел замок, где располагалась тюрьма. 10-го числа я слушал обедню в храме Св. Георгия, и провел смотр городского гарнизона. Войска

были хороши, в особенности артиллерия. На следующий день я присутствовал на разводе учебного батальона, которым остался весьма доволен, затем осмотрел военный госпиталь, интендантские склады и шелкопрядильную фабрику. В 2 часа пополудни мне продемонстрировали свое искусство выездки и владения оружием грузинские князья и знатное дворянство, те, кто ранее составляли мой эскорт, а теперь несли караул у моих дверей. Они были в своих лучших нарядах, сидели на превосходных жеребцах и соперничали друг с другом в ловкости и изяществе. Было невозможно себе представить зрелище еще более замечательное и прекрасное. Гарцуя на лошадях в своих национальных костюмах, они были великолепны и действительно привлекательны. Некоторые из них словно сошли с картин, они легко могли бы вскружить голову нашим дамам: проворство их лошадей было столь же восхитительно, как и ловкость их наездников. Вечером я присутствовал на весьма многочисленном балу, большинство дам пришли туда в национальных костюмах, которые, к сожалению, скрывали их талии и не давали возможности насладиться редкой красотой и правильностью черт их лиц, некоторые из них действительно были головокружительно прекрасны. В целом, эта нация очень щедро одарена природой по части изящества фигур и тонкости талии. Не могу сказать того же об их уме.

Подытоживая, я был в достаточной степени удовлетворен тем, что увидел в Грузии, здесь достигнуты большие успехи. Состояние дорог и крепости в Гимры свидетельствуют, что генерал Розен весьма заботился о них. Но в системе управления есть ряд закоренелых злоупотреблений, которые выше всякого понимания. Уже несколько месяцев проводящий ревизию этого края сенатор Ган выявил ужасные вещи — злоупотребления и расточительство властей, которые начались здесь задолго до генерала Розена, должны были

вывести из терпения даже эти привыкшие к слепому подчинению народы. Войска, которым я отдаю полную справедливость за их высокий боевой дух, храбрость и терпение превозмогать все трудности и лишения, с другой стороны стали источником неслыханных притеснений. Полковники позволяют себе злоупотребления еще более позорные тем, что они ложатся тяжелым грузом не только на местное население, но даже и на их собственных солдат. Я узнал, что зять генерала Розена князь Дадриан, мой флигель-адъютант и командир полка, расположенного всего в 16 верстах от Тифлиса, использует своих солдат и даже рекрутов в порубке лесов и покосах трав, зачастую принадлежащих другим владельцам, с целью организовать выгодную продажу в Тифлисе, прямо под носом у властей, что он заставляет работать на себя солдатских жен, что руками солдат он из казармы построил мельницу, присвоив при этом изрядную сумму денег и даже не заплатив несчастным солдатам, что более 200 рекрутов, вместо того, чтобы заниматься военным делом, были вынуждены пасти овец, быков и верблюдов господина полковника, а он даже не дал им ни одежды и обуви. Это было уже слишком серьезно. С целью убедиться в правдивости этих сведений я в ту же минуту ночью отправил моего флигель-адъютанта Васильчикова с тем, чтобы на месте произвести следствие. Все, что было мною рассказано, нашло свое подтверждение. Надо было примерно наказать столь вопиющие и наглые безобразия. Во время смотра войск я приказал коменданту крепости сорвать с плеч князя Дадриана, как недостойного быть моим флигель-адъютантом, аксельбант и мои инициалы, и тут же отправил его в крепость Бобруйск для придания военному суду. Подробное следствие по делу я поручил одному из своих флигель-адъютантов. Не могу Вам передать, как это жестокое действие меня огорчило и поразило, я был просто потрясен. Но я рассудил, что наказав

самого виновного, моего собственного флигель-адъютанта и зятя главноуправляющего краем, я, возможно, спасу большинство других полковников, которые все, так или иначе, были причастны к такого рода злоупотреблениям. Я посчитал, что этим исполнил свой долг. Здесь это решение было бы воспринято как самовластное, бесполезное и вредное, но в Азии, находящейся на огромном расстоянии от моего надзора, при первом моем появлении в Закавказских войсках нужен был устрашающий удар грома, который доказал бы моим солдатам, что я знаю, как защитить их от злоупотреблений их собственных командиров. Сцена была ужасна. С тем, чтобы несколько смягчить ее для генерала Розена, и чтобы укрепить его авторитет в глазах подчиненных, я тут же приказал его сыну, поручику Преображенского полка, храброму офицеру, кавалеру Георгиевского креста за взятие Варшавы, подойти ко мне, и я тут же назначил его своим флигель-адъютантом, вместо его недостойного этой чести родственника.

Ранним утром 12 октября я уехал из Тифлиса. Из-за царившего там беспорядка мне дали кучера, который или не знал своих лошадей или не умел править ими. Этот дурень начал погонять лошадей на изрядном спуске, на котором нас ожидали два крутых поворота, а сбоку дорога обрывалась в бездонную пропасть. Внезапно лошади понесли, уверяю вас, что в тот момент нам было не до смеха. Открывшийся перед нашими глазами вид неминуемой опасности произвел гнетущее впечатление, не было видно ни малейшего спасения. Я встал на ноги в коляске с тем, чтобы помочь управлять лошадьми, но напрасно. У меня появилась неудачная мысль выпрыгнуть из коляски на землю, но у Орлова хватило здравомыслия удержать меня. Смерть смотрела нам прямо в глаза, когда сильный толчок опрокинул коляску на землю, а нас выбросила на изрядное от него расстояние.

Я перекувырнулся через себя несколько раз и этим благополучно отделался, Орлов же сильно расшибся. Опрокинувшаяся коляска остановилась в дюйме от пропасти, в которую мы неминуемо бы свалились, если бы, на наше счастье, экипаж не перевернулся. Пропасть была так близка, что обе обезумевшие лошади повисли над ней только на своей сбруе, от дальнейшего падения их удерживала только тяжесть перевернувшейся коляски. Мы поднялись на ноги, несколько потрясенные произошедшим, и возблагодарили бога за наше чудесное спасение.

Между тем, весь передок коляски был сломан, но так как в Тифлисе у меня был запасной экипаж, то Орлов остался на месте, чтобы позаботиться обо всем, а я на казачьей лошади продолжил свой путь и таким образом добрался до Квишеда, расположенного у подножия Кавказского хребта. Селение находилось в долине с богатой и разнообразной растительностью.

13 октября я снова сел на лошадь с тем, чтобы подняться на перевал и пересечь этот огромный горный хребет, отделяющий Европу от Азии. Мы покинули теплый климат Грузии, ее полные зелени леса и оказались среди снегов и измороси. Здесь стояла прекрасная осень, а там нас встретил 6 градусный мороз, наши лошади скользили при каждом шаге, горные вершины были белыми от снега, дорога покрылась льдом. Всех тех, кто уезжает из Грузии, сильно огорчают огромные изменения, которые происходят вокруг всего за один час пути. Мы спустились с Кавказских гор вместе с истоками Терека, следовали за ними через ущелья Казбека, где река то уменьшается, то расширяется, иногда вплоть до Владикавказа, расположенного по другую сторону гор, у выхода на равнину. Дорога, проложенная через эти горы, скалы и стремнины, представляет собой одно из самых

замечательных достижений человека. Теперь повсюду можно проехать в карете, запряженной четверкой лошадей в ряд, осталось пугаться только вида расположенной с одной стороны дороги пропасти, на дне которой неистово клокочет Терек, а с другой возносится над вашей головой гранитная стена. Это величественное и впечатляющее зрелище.

На ночь мы остановились во Владикавказе, где нас ожидал вернувшийся из Петербурга эскорт, составленный из черкесов и линейных казаков. Также здесь находились представители некоторых горских племен. Надо было видеть, какими бдительными взглядами провожали мои храбрые казаки любое движение горцев, некоторые из которых, надо признать, больше напоминали настоящих разбойников. Я им объяснил, чего требую от их соплеменников, не для увеличения могущества России, а для их собственного благополучия и спокойствия их семей. Я им сказал, что они могут расспросить находившегося здесь муллу, который по моему приказу несколько лет прожил в Петербурге с целью учить мусульманским законам их единоверцев и их детей, присланных мне для обучения. Я требую от них только того, чтобы они жили спокойно и счастливо, пользовались благами того прекрасного края, где они были рождены Небом, и даже не помышляли о сопротивлении неодолимой для них силе русского оружия. Казалось, что они меня поняли, и мы расстались добрыми друзьями, и они все выразили желание сопровождать меня до Екатеринограда. В моем эскорте было вчетверо больше противников, чем защитников, все пытались меня окружить и защитить от них же самих, это было весьма забавно. Некоторые из отцов просили меня взять их детей для обучения и воспитания. Надо сказать, что до сегодняшнего дня местная власть понимает задачу управления совершенно неправильно. Вместо того, чтобы защищать, она

притесняла и раздражала, словом, мы сами породили черкесов такими, какие они есть, часто мы разбойничали не хуже их самих. Мы долго беседовали на эту тему с генералом Вельяминовым, я объяснял ему, что мне нужны не сражения, а умиротворение, что его слава и интересы России заключаются в том, чтобы успокоить кавказское население и сделать его полностью зависимым от российского трона, а не в том, чтобы сражаться с ними, что нужно доказать им все преимущества цивилизованной жизни по твердым законам, а не по законам мести. Насилие только отдалит их от нас и ожесточит этих людей, и без того склонных от природы к кровопролитию, опасностям и жестокости. Тут же собственноручно я написал Вельяминову новые инструкции, в которых приказал построить в различных местах школы для детей горской знати и простых людей, как самое лучшее средство привлечь их симпатии к России и смягчить местные жестокие нравы. Надеюсь, что он меня понял, и дела теперь пойдут гораздо лучше.

Розен сделал много полезных вещей, но его слабость породила здесь большие злоупотребления и беспорядки. С учетом того, что зло победило добро, я указал через Орлова, чтобы Розен попросился в отставку. Следовало немедленно задуматься о его преемнике, я уже написал маршалу Паскевичу и попросил у него генерала Головина (губернатора Варшавы). После осмотра военного госпиталя я направился в Пятигорск. 16 октября мы осмотрели все заведения минеральных вод, офицерский госпиталь, арсенал, церковь, прогулочную набережную и отправились на ночевку в Георгиевск, в котором я успел еще посетить госпиталь и арсенал. Следующую ночь мы провели уже в Ставрополе. Там я принял депутацию закубанских казаков, им я повторил то же самое, что сказал представителям, которых я принял во Владикавказе. Также я принял представителей местных военных

и гражданских властей, торговцев и нескольких кабардинских князей. Устроив смотр находившимся в Ставрополе войскам, я осмотрел военный госпиталь, который был расквартирован по частным домам. Нужно немедленно отдать приказание построить для госпиталя отдельное большое здание. Ставрополь является важнейшим местом с точки зрения того, что через него постоянно проезжает большое количество людей, направляющихся к границе или в Грузию. Сопровождавшие меня черкесы и казаки не собирались никому уступать право обеспечивать мою безопасность, они собирались ехать со мной и дальше. Но я не допустил этого и поблагодарил их за проявленную трогательную заботу.

В 4 часа я выехал на Дон и 19 октября в 3 часа пополудни приехал в Аксайскую станицу, где в качестве атамана казачьих войск меня ожидал мой сын. Весь день и ночь я чувствовал себя очень скверно, даже был вынужден принять лекарство и лечь в постель, так я провел все 20 число в Аксае. На следующий день мы направились в Новочеркасск, куда въехали верхом на лошадях. У городской заставы нас встретил войсковой атаман старик Власов, который состарился на военной службе и страдал от старых ран. Его сопровождали генералы, члены генерального штаба, большое количество офицеров и толпа любопытных, которые привели нас к собору, перед которым я сошел с лошади. Здесь был собран войсковой круг, вместе с казачьими войсковыми регалиями. В центре круга в сопровождении церковнослужителей меня ожидал архиепископ с крестом в руках и со святой водой. Выйдя из церкви, я вошел в круг казачьих старейшин, стоявших с иконами в руках, здесь я принял из рук храброго Власова атаманскую булаву, которую передал наследнику, как знак верховного главнокомандования всеми казачьими войсками. В тот же момент стрельба из городских пушек возвестила вступление его в новую должность. Затем мы

направились в предназначенный для нас дом, где нам были представлены все казачьи генералы Дона. Мой сын отправился осмотреть и принять командование над всеми войсковыми установлениями и заведениями. Утром 22 октября новый атаман представил мне все войска, собранные под Новочеркасском. Окружавшая город равнина могла вместить в двадцать раз больше войск. Кавалерия была представлена четырьмя гвардейскими эскадронами, двумя эскадронами Атаманского полка, учебным полком, 20 полками четырех военных округов, одной конной батареей и двумя сотнями калмыков. Всего было собрано 18 тыс. кавалеристов. За исключением первых трех частей и артиллерии, остальные войска были в плачевном состоянии: негодные лошади, плохо одетые солдаты, даже не умевшие править лошадьми офицеры и т. д. К великому моему сожалению, я видел перед собой не боеспособные войска, а скорее толпу крестьян. Долгий мир и изобильная жизнь избаловали их, они из солдат превратились в земледельцев. Это должно было произойти вследствие удаленности их от границ и отсутствия опасности. Их предки имели дело со стоявшими у их дверей врагами, что сделало из них храбрых казаков, а отдаленность границ и мирная жизнь, которой они пользуются сейчас, неизбежно должны были уничтожить их боевой дух вплоть до изменения формы деятельности. Надо будет подумать о преобразовании их устройства или, во всяком случае, готовить их к военной службе на полковых сборах. За обедом, на который мною были приглашены все казачьи генералы и полковники, я им сказал все, как есть. Этим старым усачам самим было стыдно того состояния, в котором они вывели передо мной свое войско. Я был рад случаю перед всеми собравшимися похвалить и поблагодарить одного полковника, который несколько месяцев назад отличился самым блестящим образом в схватке с черкесами, и который был достоин лучших

традиций казачества. Вечером я был на балу, не могу сказать, что дамы поразили меня своей красотой или изяществом, в целом, их манеры оставляли желать лучшего. Но богатство и блеск праздника доказали мне, что казаки променяли прежнюю суровость своих нравов на наслаждения мирной жизни. К сожалению, для того, чтобы их исправить, понадобилась бы долгая война. Этот последний эпизод моего путешествия не принес мне удовлетворения. Мы уехали утром 23 октября и уже 25-го числа в 7 часов утра приехали в Воронеж. В церкви, где находились мощи святого Митрофана, мы возблагодарили господ за благополучное окончание долгого и трудного путешествия, после чего без остановок приехали в Москву».

* * *

Императрица очень устала от своей поездки, в особенности, от плохих дорог на обратном пути, ей требовался отдых. Это значительно уменьшило количество балов и праздников. К большому огорчению московских дам, которые готовились к ним долгие месяцы, она крайне мало их посещала. Полученное тревожное известие еще больше уменьшило праздничные настроения — из-за крайнего небрежения служащих карантина своими обязанностями и недостаточной бдительности губернатора города, в Одессе появилась чума. Находившийся в Крыму граф Воронцов спешно вернулся в Одессу, и его стремительное появление уменьшило отчаяние горожан, уже готовых к открытому неповиновению властям. Доверие, которым он пользовался, его мудрые распоряжения невероятная активность смогли побороть несчастье, и вскоре все опасения были преодолены. Через несколько недель карантина в городе возобновилась торговая деятельность, и осталось только сожалеть о гибели нескольких сотен человек.

К удовольствию жителей древней столицы России император решил провести в Москве свой день рождения 6 декабря. Никогда еще перед дворцом не было такого огромного стечения народа, казалось, что каждый горожанин пришел поздравить своего государя. Вечером по дороге на бал на празднично освещенных улицах и площадях его ожидали толпы людей, кричавших «Ура!» в его честь. Этот возглас был тысячекратно повторен людьми, провожавшими его от Кремля до Зала дворянского собрания. Празднество отличалось неповторимой величественностью и изысканностью.

На следующее утро я был направлен в Петербург, сопровождая трех великих князей: Константина, Николая и Михаила, император считал, что я еще недостаточно окреп, чтобы ехать вместе с ним. По дороге он нас обогнал, а на следующий день туда же выехали императрица и великие княжны. 12 октября все члены императорской фамилии собрались в Царском селе, и на следующий день к большому удовольствию жителей столицы, они приехали в Петербург.

Только все наладилось, как 17 октября в 8 часов вечера мне доложили, что над зимним дворцом появился дым. Я бросился туда, не предполагая, впрочем, никакой серьезной опасности, так как знал, что еще с незапамятных времен были приняты все возможные меры предосторожности. Поднявшись по императорской лестнице, я ощутил запах дыма, который указал мне дальнейшее направление. Я зашел в Маршальский зал, где уже находились начальник полиции и дворцовые служащие, пытавшиеся найти источник с каждой минутой усиливавшегося дыма. Приехал князь Волконский, вскоре за ним прибыл император, который вместе с супругой был в театре. Послали людей на чердак, но дым был столь густым, что там невозможно было находиться и определить очаг возгорания. Начали ломать потолок зала, где был дым,

и вскоре под карнизами показался огонь. Тогда я сказал императору, что дело плохо и что, возможно,двигающийся сверху пожар не удастся погасить. Он сразу же пошел к своим уже лежащим в постелях детям с тем, чтобы приказать их поднять и отправить в Аничков дворец. Также он велел явиться сюда расположенному неподалеку от дворца Преображенскому полку и приготовиться явиться во дворец Павловскому полку. Затем он послал в театр сказать императрице, чтобы она не возвращалась более в Зимний дворец, а сразу ехала в Аничков, где уже находились ее дети. После этого он возвратился к нам в зал...⁴⁵

⁴⁵ На этих словах рукопись обрывается.

Оглавление

1826	3
1827	24
1828	44
1829	103
1830	168
1831	206
1832	266
1833	295
1834	342
1835	383
1836	459
1837	500

Александр Христофорович Бенкендорф

Воспоминания

Том II
1826–1837

16+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *А. Тельная*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Отпечатано в ООО «ПАК ХАУС»
142172, г. Москва, г. Щербинка,
ул. Космонавтов, д. 166